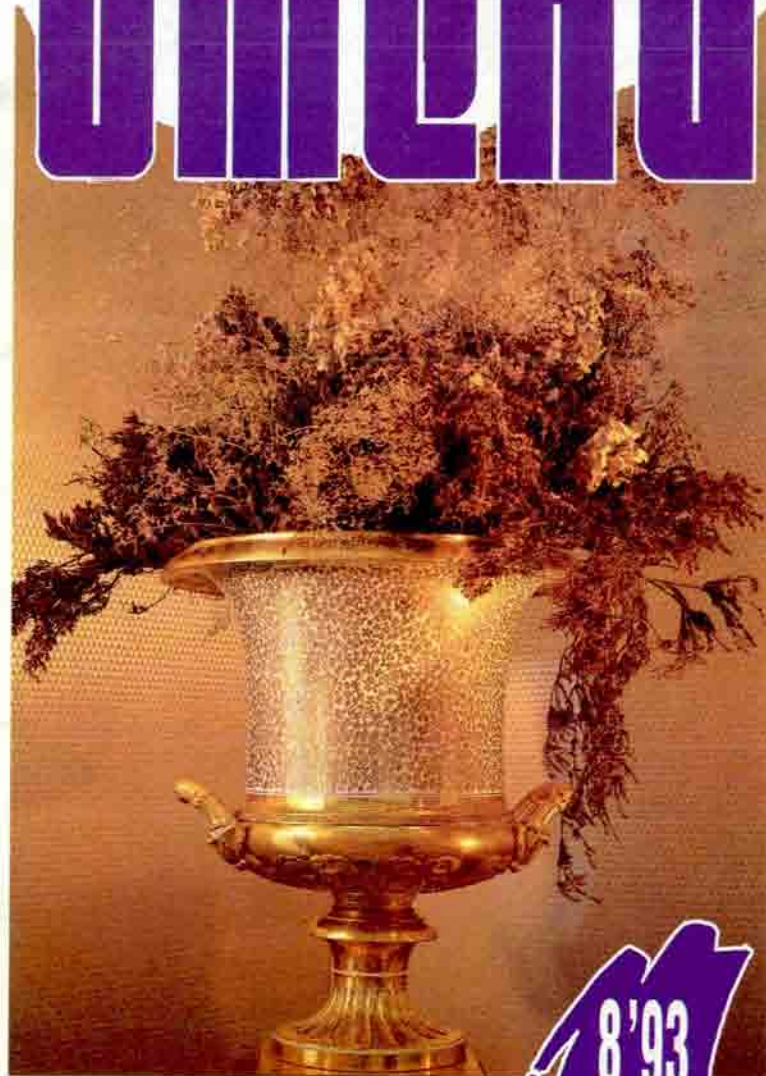

ISSN 0131-6656

СМЕРЬ

ВИКТОР ЛИХОНОСОВ • ПАМЯТИ БЕЛОГО ОФИЦЕРА

ЛЕОН ДЕ ЛА БРИЕР • ОКЛЕВАННЫЙ ИМПЕРАТОР
ЮРИЙ ПОЛЯКОВ • ДЕМГОРОДОК

АГАТА КРИСТИ • СМЕРТЬ МИССИС МАГИНТИ

8'93

(Читайте стр. 120.)

Живая нить

8'93

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года.**

**Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ**

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВИДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 24.05.93.
Подписано к печати 30.06.93.
Формат 84×108½.

Бумага «Газетная».

Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. л. 23,10.

Тираж 270 967 экз.

Заказ № 469

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

257-30-55 — отдел рекламы

и реализации.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве печати

и массовой информации

Российской Федерации. Рег. № 166.

250-49-98 — отдел писем.

Факс (095) 250-59-28.

Учредитель —

коллектив редакции

журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

В (1546) АВГУСТ

© Издательство «Пресса».

© «Смена», 1993

Проза

8

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ. ДЕМГОРОДОК
Повесть-памфлет

162

АГАТА КРИСТИ. СМЕРТЬ МИССИС МАГИНТИ
Детектив*Поэзия*

4

АНЖЕЛА ПОЛОНСКАЯ

160

ЛАДА ОДИНЦОВА*Человек и общество*

78

ВИТАЛИЙ СВЕТОВ. РУКА ДАЮЩЕГО...

83

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ. БРЕМЯ «БЕЛЫХ ВОРОТНИЧКОВ»

92

ВИКТОР ЛИХОНОСОВ. ПАМЯТИ БЕЛОГО ОФИЦЕРА

108

ЛЕОН ДЕ ЛА БРИЕР. ОКЛЕВЕТАННЫЙ ИМПЕРАТОР
Исторический очерк

120

СЕРГЕЙ СМОРОДКИН. ЖИВАЯ НИТЬ

140

БОРИС КАЛАШНИКОВ. ТРЕПЕТНЫЙ ЗОВ СИНЕВЫ
Беседа с летчиком-испытателем МАРИНОЙ ПОПОВИЧ*Культура, музыка, искусство*

102

ЛЕВ ЛЕЩЕНКО: «ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ, ПРИХОДИТСЯ КРУТИТЬСЯ»

157

АЛЛА ТРИСТАН. ИЗЯЩНЫЕ ДОСУГИ

280

КРОССВОРДЫ, ШАХМАТЫ

На нашей
обложке: работа
художников
ТАТЬЯНЫ
БАХАРЕВОЙ
и ЛИДИИ
ДОРМАШЕВОЙ.
(Читайте
стр. 157.)

Дорогие друзья!

Вы, конечно, уже привыкли к тому, что два раза в год перед очередной подписной кампанией, проводимой с недавних пор на полугодие, — редакция вынуждена обращаться к вам с этим жалобным посланием, смысл которого сводится всякий раз к тому, чтобы объяснить потенциальным нашим подписчикам очередное удорожание журнала и наше при этом самочувствие.

О самочувствии лучше, конечно, не говорить. Да и может ли оно быть хорошим, если мы в редакции с недавних пор вынуждены заниматься не только творчеством, но и еще массой самых разных дел, к процессу творчества не имеющих никакого отношения.

В частности, приходится предпринимать невероятные усилия, чтобы подписчики в странах СНГ все-таки получали журнал, за который они платят своими карбованцами, литами и рублителями, манатами и соматами. Представляете, как это все выглядит при пересчете на наши «деревянные»?

А вот российский подписчик нас радует. Ни инфляция, галопирующая резвее арабского скакуна, ни конкуренция других «крутых» изданий не смогли поколебать веру в любимый журнал «Смена» почти 240 тысяч читателей!

Очередная подписная кампания стартует 1 сентября. И вновь, как это ни тяжело, мы вынуждены поднимать цену на журнал — а причины все те же: бумага сегодня стоит как золото, типографские расходы баснословны, почтовики за свои услуги берут больше, чем стоит сам журнал. Вот откуда эта цифра — 990 рублей за номер начиная с января 1994 года.

А в остальном, дорогие читатели, все остается по-прежнему: мы будем стараться делать журнал, который вы будете читать от корки до корки.

Индекс наш прежний — 70820. Подписка на 1 месяц — 990 рублей, на 3 месяца — 2970 рублей, на полгода — 5940 рублей.

УЕЗЖАЯ

*Не прочь Россию, прочь — времена и нравы —
Кошмар грядущего униженного дня,
Прочь фараонов мимолетной славы,
Настанет час — вы вспомните меня.*

*Не над равнинами, над белыми церквами,
Над золотом щемящим куполов
Летают ангелы с подбитыми крылами
Без стонов, без надежды и без снов.*

*Они не умерли, они поднялись выше,
Туда, где горло не сожмет рука,
А нам остались, точно крышка гроба, крыши
Да рот гнилой пустого чердака...*

≡

*Снег однажды покроет землю,
Ты войдешь в холодные сени,
И в глазах твоих будут слезы
От предчувствий и мерзлой ночи.
Ты захочешь меня увидеть,
Но меня уж больше не станет.
Я уйду — частью сизого дыма
Растворюсь в февральских метелях,
Унесусь я с собачьим лаем
К небу лунному, к птичьим далям.
Ты немного позже поплачешь
Умереть от тоски не сможешь.
Возвратишься обратно к людям.
Я тебе это все прощаю...*

≡

*Когда изменишь мне и ты,
Я выйду к морю ночью грешной,
Я лягу на валун прибрежный
Вдали от рабской суеты.*

*В мою неверующую грудь
Проникнет волн оцепененье,
И я безликой, тусклой тенью
Отправлюсь в долгожданный путь.*

*И, вскинув руки к небесам,
Я с ними обручусь союзом.
Пусть камни век коснутся грузом
К моим измученным глазам.*

*Что жизнь? Продажна и скучна,
Лизать терпенье вышло рану,
Мне эта жизнь не по карману,
Как метр дешевого сукна.*

*Когда изменишь мне и ты
(А ты изменишь не однажды),
Да будет славен дождь бумажный
Под свист и хохот наготы.*

НЕИЗВЕСТНОМУ ХУДОЖНИКУ

*Размытый мир оранжевой сирени,
Осколки губ, звенящих на ветру,
И силуэт, упавший на колени,
На лезвия осоки поутру.*

*С небес письмо, и к ним же тянет руки
Цветов неназванных больная бирюза.
В кустах запутались и шепоты, и звуки,
И блеклые раскосые глаза.*

*И эта, странная, что в бежевом хитоне
И что молилась из последних сил
Позолоченной сохшейся иконе —
Ее мужчина так и не любил.*

*Она молилась, да не вышло дела
Чудной и диковатой красоте,
Она на крыльях прозрачных летела,
Упала — и застыла на холсте...*

*В аляповатой, пьяной неге сада
Знобит сирень — оранжевый вампир.
И больше ничего сказать не надо,
Художник кисть сломал об этот мир.*

ДУМЫ О М. ЦВЕТАЕВОЙ

*Снег с крыши стаял,
Мокры заборы.
Ввысь птичья стая —
Я на затворы.
Что тебе нужно,
Злорадный кречет?
Шепчите дружно:
«Черт шельму мечет».
Черт шельму метит
Капелью-кровью,
Отстань навеки
С такой любовью.
Оставьте гнезда — не разоряйте
И жилы в косы не заплетайте.
Кричите громче —*

*Вас не услышат,
Рыданья пейте
Ручьями с крыши...
Перила лестниц вот-вот прогнутся —
Не поскользнуться бы,
Не поскользнуться.*

ОСЕНЬ

*Камыши на занавесках от невидимого ветра
Стебли тонкие склоняют.
Есть какая-то тревожность
В нарисованных растениях
И еще надрыв какой-то
В этих желтых занавесках —
Осень чувствую, наверно.
Там за окнами пустыня,
Там обыденно и скучно,
Там прохожие такие,
Что посмотришь и завоешь,
Словно ты щенок пропащий.
Это осень-горемыка.
Как же хочется все бросить
И вернуться в дом печальный
Да в сосновую трущобу,
И забиться в темный угол,
И наплакаться в бессильи.
Я-то знаю, это — осень.*

НЕСКЛАДНЫЙ СТИХ

*Хочется шелка синего,
Хочется бархата черного,
И чтоб была красивою,
И чтоб рука не дрогнула.*

*И жизнь чтоб сложилась богатою,
И чтобы любили бережно,
Не хочется быть распятою
И тело членить на два берега.*

*А хочется стихов да музыки,
Да чашкой об пол иногда —
Глаза-то совсем узеньки,
Как у слепого кота...*

*Загнана, загнана, загнана
Плети да петли вокруг
И невозможно заново
Мой понимающий друг.*

*Загнана и перемолота
На тысячи мелких костей
Серпом ненавистным и молотом
В мясорубке прожитых дней.*

*Как теперь волку дикому
Прощать с перебитым хребтом
Кланяться миру великому
С незащитившим Христом?*

*Поросли, всходы, полесочки
Примял по земле град,
И я, не оставив весточки,
Восхожу во вселенский ад.*

ЖУРНАЛИСТУ

*Плюнуть, на то и лужа,
Ругнуться, на то и хмарь,
И, не любив, но мужа,
Позабыть, как зовет глухарь.
Подставить тарелки да плошки
Под общих в раздаче суп,
Брызжа соком окрошки,
Чавкнуть: «А мир не глуп!»
Не глуп, но болезненно-тленны
Руки, что бьют фарфор,
Целую благословенно,
Иду за них на костер.*

*Я не люблю дождливую погоду,
Тоску вдвоем, веселье в одиночку,
Я не люблю кого-то ждать по году,
И не люблю знак препинанья «точку».
Я не люблю, когда сгорают свечи,
Когда меня на что-нибудь меняют,
Я не терплю, когда все время лечат,
И не терплю, когда не замечают.
Я не хочу ломаться на копейку,
Гримироваться под соседку справа,
Я не хочу равняться под линейку,
Я не хочу, и я имею право.
Я презираю колкости убогих,
Советы глупых, дерзость малодушных,
И, презирая, я заставляю многих
Глазеть из окон этих комнат душных.*

На третьем контрольно-пропускном пункте «дерьмовоз» проверили в третий раз. Шофера ассенизационной машины Мишку Курьлева поставили лицом к стене и обшарили как последнюю подпольную сволочь из банды каких-нибудь там «молодых львов демократии». А сержант спецназгвардейцев Ренат Хузин даже на всякий случай пошерудил у Мишки промеж ног автоматным стволом, чего раньше никогда не делал.

— Ну, ты достал! — тихо возмутился Курьлев.

— Согласно приказу коменданта! — дружелюбно объяснил сержант Хузин.

Никогда еще Мишке не приходилось слышать, чтобы военный человек говорил «согласно приказу». Абсолютно все, включая коменданта Демгородка генерал-лейтенанта Калманова и даже самого Избавителя Отечества адмирала Рыка, обязательно говорили «согласно приказа».

Не снимая пальца со спускового крючка АКМа, Ренат ловко вскочил на «дерьмовоз», откинул крышку люка и фонариком осветил в смердящую утробу цистерны.

— Никого нет? — простодушно изумился Курьлев.

— Если бы там кто-нибудь был, тебя уже не было бы! — мгновенно отреагировал Ренат и улыбнулся с каким-то чисто восточным пренебрежением.

— Из-за письма дергаются? — участливо спросил Мишка.

— Не дергаемся, Казанова, а служим Возрожденному Отечеству!..

Сколько раз Курьлев пытался перешутить или хотя бы удачно поддеть сержанта, даже домашние заготовки придумывал, но безрезультатно... Оно и понятно: Хузин попал в спецназдивизию «Россомон» со второго курса филологического факультета МГУ по добровольному набору в честь первой годовщины исторического рейда подводной лодки «Золотая рыбка» к берегам Японии. Он и здесь в свободное время Сен Жон Перса читает!

Спрыгнув на землю, Ренат брезгливо осмотрел свой пятнистый комбинезон, поправил казаковатую папаху и достал из кармана пачку «Шипки». Сразу забыв обиды, Курьлев с удовольствием принял редкостную сигаретку.

ГОРГОРОДОК

— Ну и вонючее же дерьмо у демократов! — молвил сержант, закуривая.

— Это добро у всех одинаковое... — с рассудительностью профессионала отозвался Мишка, втягивая в себя заморский никотинчик, которым в Демгородке баловались только спецназгвардейцы. Остальные же довольствовались отечественным табачком, произрастающим в Абхазской губернии и продающимся на вес в сельмаге с хамским названием «Товары первой необходимости». Курьлев хотел было похвастаться, как подполковник Юртин угощал его потрясающими сигаретами под названием «Царьградские», выпущенными специально к подписанию Варненской Унии, но, подумав, делать этого не стал.

— Смелый ты парень, Мишкоатль! — неожиданно сказал Ренат и хитро поглядел на Мишку.

— Почему?

— Потому что любовь и смерть всегда вдвоем...

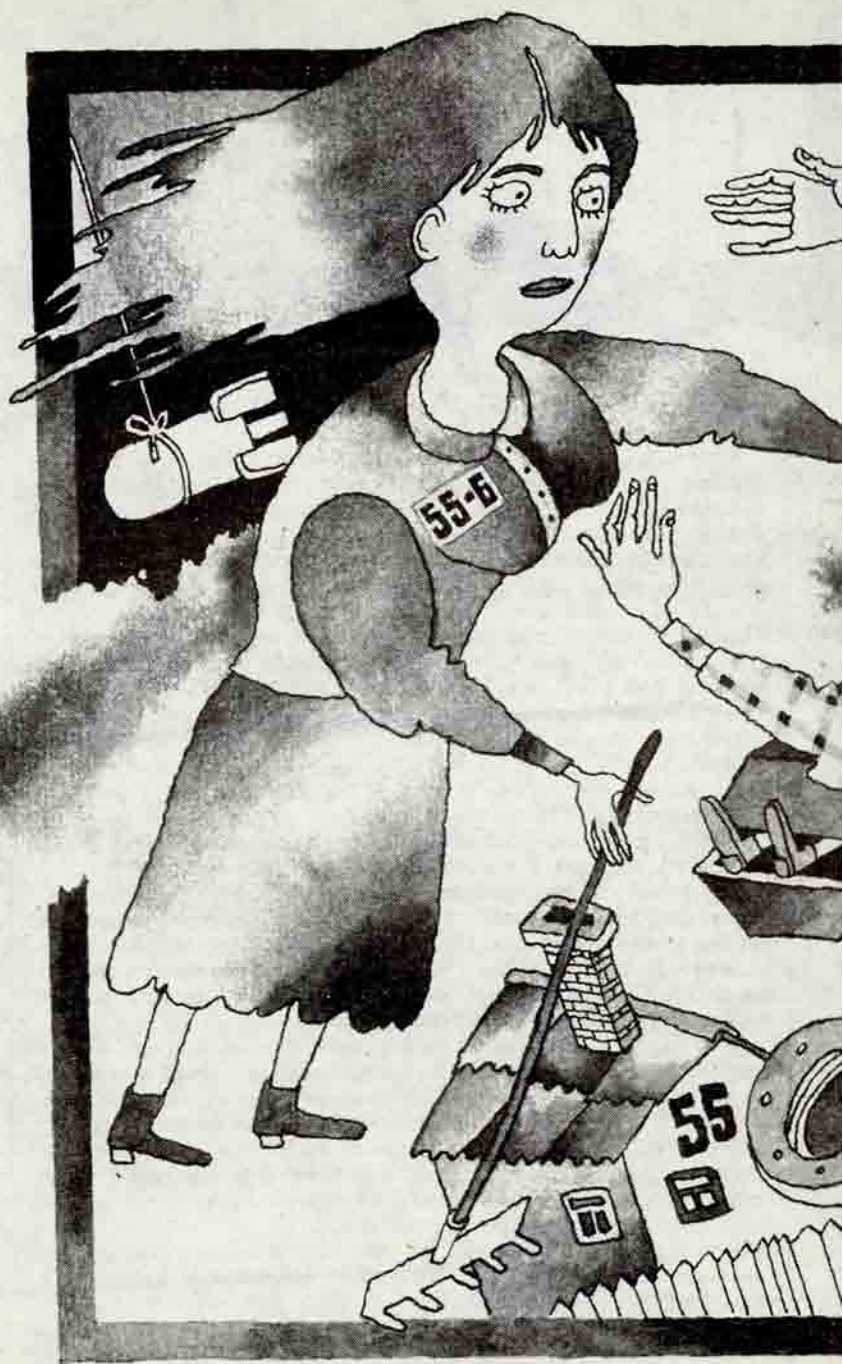
— Это откуда? Из песни?..

— Из устава караульной службы, — засмеялся Хузин, бросил окурок на асфальт и растер его кованой подошвой.

Наверное, это был условный знак, потому что бронированные ворота медленно раскрылись — и через минуту Курьлев уже въезжал на территорию Демгородка. Для тех, кто не видел замечательный телесериал «Всплытие», получивший «Золотую субмарину» на международном московском фестивале, я в общих чертах опишу место действия.

Демгородок очень похож на обычный садово-огородный поселок, но с одной особенностью: по периметру он окружен высоким бетонным забором, колючей проволокой и контрольно-следовой полосой, а по углам установлены сторожевые вышки, стилизованные под дачные теремки. На каждых шести сотках стоит типовое строение с верандочкой. Все домики выкрашены в веселенький желтый цвет и отличаются друг от друга лишь крупно наклеенными черными номерами.

Строго посередине Демгородка проходит довольно широкая асфальтированная дорога, которую сами изолянты с ностальгическим юмором именуют Бродвеем. Она упирается в длинное блочное здание, украшенное большим транспарантом «Земля и не таких исправляла! Адмирал Рык». В правом крыле расположен почти всегда закрытый зубоорачебный кабинет, в левом —

валютный магазинчик, а посредине — кинозал с хорошей клубной сценой.

Достопримечательность Демгородка — искусственный пруд с пляжиком, присыпанным красноватым песком. За прудом — кладбище, пока еще небольшое, могил в тридцать, а за кладбищем обширное общественное картофельное поле, упирающееся, разумеется, в забор. От широкого Бродвея ответвляются дорожки поуже, но не асфальтированные, а просто укатанные щебенкой. По ним можно подъехать к любому из 984 домиков — хотя бы для того, чтобы вычистить выгребные ямы...

Мишка сердито посигналил — жердеобразный изолянт, понуро тащившийся по Бродвею, испуганно встрепенулся и сошел на обочину. Это был поселенец № 236, знаменитый эстражник, угодивший сюда за чудовищную эпиграмму на Избавителя Отечества:

*Какой-то пьяный адмирал
Подол Россиюшке задрал...*

Кстати, поначалу никаких «удобств», а значит, и выгребных ям в Демгородке не было: просто-напросто в левом дальнем углу каждого участка торчала банальная дощатая будка. Один веселый вертолетчик сказал даже, что сверху поселок похож на парад дам с собачками. Но после того, как один за другим сразу шесть изолянтов (два из команды ЭКС-президента, три из команды экс-ПРЕЗИДЕНТА и один нераскаявшийся народный депутат) повесились почему-то именно в этих непотребных скворечниках, из Москвы пришло распоряжение: будки переоборудовали под летние душевые.

Поначалу Демгородок был задуман как своего рода заповедник, где государственные преступники, изолированные от возмущенного народа, должны были один на один остаться с невозмутимой природой. Но в первую же зиму несколько человек замерзло, а прочие истощились до неузнаваемости, хотя всем и каждому еще по весне были выданы семена, а осенью — дрова! Узнав об этом, адмирал Рык раздраженно поиграл своей знаменитой подозрительной трубкой и произнес: «А еще страной хотели руководить, косорукие! Обиходить!..» С тех пор в Демгородке появились центральная котельная, медпункт, продовольственный склад, а позже и валютный магазинчик «Осинка».

Сверившись с путевой-нарядом, Мишка свернул к домику № 186. На крыльце сидел пожилой лысый изолянт и с государственной сосредоточенностью чистил морковь. В прошлом он руководил телевидением, и в Демгородок его посадили по личному указанию Избавителя Отечества «за злостную сионизацию эфира». Как и все обитатели поселка, лысый одет был в джинсовую форму, пошитую специально для Первых Российских Олимпийских игр. Но адмирал Рык забраковал эту форму, сказав, что такие «балдахоны» можно шить только врагам. Его поняли буквально и всю неудавшуюся спортивную одежку распихали по демгородкам, предварительно спорив олимпийские эмблемы — гербового орла, держащего в когтях пять колец. От прежнего, устаревшего, новый орел отличался тем, что головы его

смотрели не в разные стороны, а друг на друга и с явной симпатией. Вместо эмблем изолянты носили на груди номера своих домиков.

— Здравствуйте, дорогой! — вкрадчиво поприветствовал лысый и помахал морковкой.

— Здравствуйте, № 186, — хмуро отозвался Курылев, засовывая толстую гармошчатую кишку в отверстие выгребной ямы.

По инструкции охрана и персонал Демгородка обращались к изолянтам исключительно по номерам. Причем если осужденный — крайне редко! — проживал вместе с родственниками, то инструкция предусматривала прибавление к номеру соответствующей литеры. Ну, к примеру: жена — № 186-А, дочь — № 186-Б, сын — № 186-В и так далее.

— Хорошая сегодня погодка, не так ли? — не обращая внимания на Мишкин тон, с неестественной задушевностью продолжил лысый.

— Хорошая, — буркнул Курылев, потянул на себя рычаг, кишка дернулась — и процесс пошел.

— А верно, что Стратонова застрелили в Нью-Йорке? — спросил приставучий изолянт.

— Передавали, что погиб при невыясненных обстоятельствах... — уклонился от ответа Курылев, хотя доподлинно знал: бывшего президента телекомпании «Останкино» искрошили автоматными очередями прямо в супермаркете, в рыбной секции, несмотря на его фальшивый паспорт и накладную бороду.

До прихода к власти адмирала Рыка лысый заведовал у Стратонова популярной программой «Результаты» и, частенько появляясь на экране, врал до изнеможения.

— А ведь я его предупреждал! — почти удовлетворенно заметил изолянт. — Не достанут, не достанут! Достали... Хотите морковку?

— Нет, № 186, не хочу! — резко отказался Мишка: инструкция строго-настрого запрещала любые виды неформальных контактов с поселенцами.

— Извините... — смутился, поняв свою бестактность, лысый. — Я просто хотел спросить вас, что вы думаете об амнистии? Ходят слухи...

— О чем? — обалдел Курылев.

— Об ам... Об амнистии. Ведь И. О. — великодушная личность...

— Не понял? — нахмурился Мишка.

— Простите, пожалуйста, я хотел сказать: ведь Избавитель Отечества — великодушный человек, и к свадьбе, надо полагать...

— Еще какой великодушный! А то бы вы уже давно червей сионизировали! — лихо сказанул Мишка и пожалел, что Ренат его не слышит.

— Ну, зачем же вы так... — выронив морковку, пробормотал лысый.

Тем временем гармошчатая кишка зачмокала, как если бы великан попытался через соломинку добрать из гигантского стакана остатки коктейля с вишенками. Курылев выключил

насос, глянул на часы, показывавшие 15.37, но в путевке-наряде почему-то записал 16.07. Потом, даже не попрощавшись с поникшим 186-м, он вырвался на Бродвей и медленно двинулся вдоль сетчатых заборов с металлическими калитками. При этом Мишка внимательно осматривал улицу, совершенно безлюдную, если не считать попавшегося навстречу изолянта, похожего на выросшего до необъяснимых размеров крота. Он с трудом волок две туго набитые полиэтиленовые сумки с надписью «Osinka», да еще под мышками нес длинную коробку спагетти и пивную упаковку о шести банках.

Поравнявшись с домиком № 55, Мишка сердито остановил машину, вылез из кабины, поднял капот и озабоченно уставился в прокопченные кишки «дерьмовоза». Разглядывал он их до тех пор, пока перегруженный человек-крот не скрылся на своем участке.

— Вот зараза! — воскликнул Курылев и повернул кепку козырьком к затылку.

Копавшаяся в грядах темноволосая девушка, одетая во все тот же олимпийский комплект бросила тяпку, встала с колен и подошла к ограде. У нее была странная, запечатленная улыбка, какую иногда можно видеть на лице человека, старающегося по возможности весело рассказать о своем горе.

— Извините, № 55-Б, — произнес Мишка зло и отчетливо. — Можно я наберу воды? Мотор перегрелся...

— Пожалуйста, — пожав худенькими плечами, ответила она.

Курылев достал из кабины грязное помятое ведро и, толкнув калитку, ступил на дорожку, ведущую прямо к крыльцу. Но сначала он снова внимательно огляделся — кругом не было ни души. «Мемуары строчат!» — подумал Мишка, имея в виду ЭКС-президента и экс-ПРЕЗИДЕНТА, живущих в соседних домиках.

Эту часть Демгородка изолянты между собой именовали Кунцевым — и действительно, самые крупные злодеи периода Демократической Смуты проживали именно здесь. Курылев посмотрел на возводимую возле президентских домов будку, похожую на те, что обычно стоят возле посольств: там тоже никого не было — строители уже ушли. Будку назначили сюда совсем недавно, после того, как неделю назад в окно ЭКС-президента влетел булыжник, по-гастрономному завернутый в письмо следующего содержания:

**ГОТОВЬСЯ, ГАД, К СМЕРТИ!
МОЛОДЫЕ ЛЬВЫ ДЕМОКРАТИИ**

— На кухню проходите! — громко подсказала девушка и сама пошла вперед.

На маленькой веранде стоял застеленный старой клеенкой стол, а на нем — трехлитровая стеклянная банка с темно-алыми пионами. Опущенные в воду стебли были густо обметаны крошечными пузырьками воздуха. Упавшие на клеенку лепестки напоминали густые, чуть подсохшие капли крови. Курылев прошел в кухоньку, поставил ведро в раковину и включил воду.

— Ржавая, — предупредила девушка.

— Мне без разницы.

Она покачала головой и подошла к плите, где на маленьком огоньке кипела, чуть подрагивая крышкой, кастрюлька, зачем-то приподняла пальцами крышку и тут же со звоном ее уронила.

— Обожглась? — спросил он.

— Чуть-чуть. Но так даже лучше...

— Почему?

— Не знаю. Боль успокаивает.

— Выдумщица ты, Ленка! Где отец-то?

— На пруду, — ответила она, подходя к нему, — рыбу ловит...

— А он не вернется?

— Нет...

— Послушай, а он знает про меня?

— Конечно.

— Ну, и что он говорит?

— Не переживай! Совсем не то, что Озия — Юдифи... — засмеялась Лена и обняла Курылева.

Ведро в раковине наполнилось, и вода полилась через край.

— Пахну я, наверное, черт те чем, — вздохнул Мишка.

— Дурачок ты! — снова засмеялась она и сильно потерлась щекой о его спецовку.

Мишка поцеловал ее в смеющиеся губы, поцеловал так, как целуют только близких, уже изведанных женщин. При этом он ухитрился глянуть в окно — между занавесками виднелись калитка и часть посыпанной красноватым песком дорожки.

— Тебе сегодня можно? — шепотом спросил он.

— Конечно! — тоже шепотом ответила она и поцеловала его в шею. — Конечно, можно! Не думай об этом... Боже мой, Мишка!..

— Тише! — Не отводя глаз от окна, Мишка закрыл ей рот ладонью. — Только тише!..

...Потом, уже сев в машину и положив еще не успокоившиеся руки на «баранку», Курылев заметил возле большого пальца два красных, вдавленных в кожу полукружия, похожих на две скобочки, — следы от ее зубов. И он почему-то вспомнил, как по правилам школьной математики сначала нужно выполнить действия с числами, заключенными в скобки, а потом уже все остальное...

2

...Через неделю после того, как адмирал Рык объявил по телевидению, что все, имевшие отношение к низвергнутому режиму врагоугодников и отчизнопродавцев, понесут неотвратимое наказание, на Змеином болоте приземлился вертолет. Пригибаясь и придерживая руками головные уборы, из него вылезли человек в штатском, генерал и куча суетливых полковников.

— Сколько отсюда до ближайшего населенного пункта? — спросил штатский, внимательно ковыряя мыском ботинка торфяную почву, похожую на отработанный «экспрессом» кофейный жмых.

— Четыре километра, господарищ первый заместитель! — от-

чеканил совсем еще молоденький полковничек. В синих петлицах его шинели золотились маленькие двуглавые орлы, держащие в лапках щит и меч.

— Близковато, — покачал головой штатский. — А до станции?

— Тридцать один километр, господарищ первый заместитель! — доложил другой полковник.

— Далековато... А как называется это место?

— Змеиное болото, Петр Петрович, — усмехнувшись, сообщил генерал.

— Да ты, Калманов, смеешься надо мной!

— Ей-Богу, Петр Петрович!

— Ну, если и вправду Змеиное болото, тогда подойдет! — захохотал штатский. — Доложу И. О. — не поверит!..

...Вертолет поднялся в воздух и, чуть заваливаясь на бок, скрылся из виду. А через два дня целая колонна выкрашенных в защитный цвет КраЗов привезла на торфяник военных строителей. Они разбили большие, похожие на шатры, походные палатки и приступили к работе. Гадюк убивали саперными лопатками и подвешивали к ветвям большой березы, которая в конце концов стала походить на некое культовое дерево каких-нибудь там друидов.

На следующий день по деревне поползли слухи, будто строят на болоте не что иное, как будущую тайную ставку Избавителя Отечества адмирала Рыка. Эта версия вызвала прилив гордой радости, так как жить вблизи столь важного места почетно да и бесполезно. Во всяком случае, снабжение сельмага со свинским названием «Товары первой необходимости» улучшится непременно! Ведь адмирал Рык — человек справедливый и на верняка захочет узнать, как тут в непосредственной близости от тайной ставки обитают простые русские люди. Рассказывали, что недавно он приказал остановить свой бронированный лимузин возле Елисеевского магазина на улице Солженицына и, обнаружив в витринах никакого сыра, пожелал посетить подсобные помещения, где вышеупомянутый продукт лежал чуть ли не штабелями. «Сыр любишь?» — ласково спросил адмирал очугувшего в ужасе директора и заставил его есть «голландский» вперемежку со степным, пока торговый ворюга не упал замертво. Теперь, говорят, в московских магазинах сыр дают чуть ли не в нагрузку.

Наверное, на этих счастливых догадках сельчане и успокоились бы, не ввязись в дело кинемеханик Второв, единственный, но шумный и неотвязный аleshкинский демократ, собственноручно в свое время расколотивший молотком гипсовый бюст Ильича в клубе и разметавший ленинский уголок в сельсовете. Но особенно он злоупотребил односельчанами во время августовских событий 1991 года, которые, между прочим, адмирал Рык в одной из своих речей назвал «генеральной репетицией великого избавления». Пока конечные результаты «генеральной репетиции» были еще неочевидны, Второв, забаррикадировавшись, отсиживался в своей кинобудке, изредка через проекторные окошечки посылая проклятия в адрес командно-административной системы. Но как только исход московских игр стал ясен,

он разбаррикадировался и стал бегать по деревне, составляя списки тех, кто не протестовал против ГКЧП. Тогда ему просто-напросто набили морду и отобрали бумажку, куда он успел вцарапать, почитай, всю деревню, включая младенцев, не способных еще выговорить «ГКЧП».

И вот теперь перед показом очередного американского боевика он вышел на сцену и объявил «господам зрителям», будто бы «спецобъект» на самом-то деле — строительство Алешкинской атомной электростанции! Следовательно, через несколько месяцев все жители деревни превратятся в мутантов с непредсказуемым количеством конечностей, а мужчины вдобавок лишатся всех своих потенциальных возможностей!

Наутро человек двадцать алешкинцев, в основном кормящие матери, пенсионеры и мужики, давно утратившие все мыслимые возможности в результате беспробудного пьянства, заступили дорогу военным строителям. Над головами они держали несколько торопливо и орфографически небезукоризненно сработанных плакатов: **НЕ ХОТИМ БЫТЬ МУТАНАМИ! АЛЕШКИНО — БЕЗЪЯДЕРНАЯ ЗОНА! НА КОЙ БЕС НАМ АЭС?!**

Строители поколебались и на всякий случай вызвали по рации начальство — генерала Калманова. Он примчался часа через полтора на своем бронетранспортере, который был настолько обляпан грязью, что напоминал куриную ножку в соусе «сапиви». Вместе с ним приехали два здоровенных спецнагвардейца из дивизии «Россомон», вооруженные укороченными десантными автоматами.

— Значит, демонстрируете? — строго осведомился генерал.

— Да! И ляжем здесь под ваши проклятые экскаваторы! — задыхаясь от свободолюбия, крикнул Второв и махнул рукой. — АЭС не пройдет!

Поупражнявшиеся вечер в клубе, алешкинцы довольно слаженно подхватили:

— АЭС не прой-дет! АЭС не прой-дет!

— У вас тут не то что АЭС, даже вездеход не пройдет, — хмуро отозвался генерал. — А при чем тут АЭС?

И тогда деревенские, перебивая и отталкивая друг друга, заголосили про мутантов с конечностями, про утрату самого заветного, про рентгены, реакторы, радиацию и многое другое, имеющее непосредственное отношение к атомной энергетике. Генерал поначалу слушал, играя желваками, потом посветлел лицом и, наконец, просто расхохотался:

— Да ведь мы у вас не АЭС строим!

— А что же в таком случае? — ядовито полюбопытствовал Второв.

— Демгородок. —

— Что-о? — изумились демонстранты.

— Дем-го-ро-док.

— А сам-то ты кто будешь?

— Я генерал Калманов, комендант...

Толпа, заступившая путь атомной угрозе, колебнулась и чуть припустила плакаты.

— Так бы сразу и объявили! Что ж людей зря заблуждать! —

крикнула одна очень уважаемая деревенская старушка, вдова незапамятного колхозного председателя, скончавшегося в начале шестидесятых прямо на заседании бюро райкома партии.

— А у меня сестра замужем возле академгородка живет! — подхватила иная старушка. — Люди там аккуратные и снабжение хорошее!

— Господа, господа, не верьте — он нагло лжет... — вскричал Второв, но пал, сраженный оплеухой крепкого еще пенсионера, у которого он некогда всех внучат записал в гэкачепистов.

— В общем, расходитесь! — молвил комендант и еле заметно дернул щекой.

Но приехавшие с ним спецнацгвардейцы поняли эту мимическую судорогу как вполне конкретный приказ. Они схватили Второва, только и успевшего пискнуть «Про...», и, словно мешок с картошкой, метнули его вовнутрь бронетранспортера.

Весь оставшийся день сельчане гадали, что же имел в виду изъятый киномеханик: «Про...тестую!» или «Про-курора!» Но этот вопрос остался открытым, ибо Второв исчез надолго — и алешкинцы в течение трех месяцев, покуда не объявился новый кинокрут, обходились без фильмов. Оставался еще, конечно, верный друг долгих сельских вечеров — телевизор. Однако, придя к власти, адмирал Рык строго-настрого запретил пускать в эфир всякую там западную и отечественную непотребщину. Но в конце месяца, если сводки Статистического управления внушали оптимизм, по ящику показывали какой-нибудь достойный развлекательный фильм, чаще индийский или мексиканский.

18 А каждую субботу, вечером, перед народом выступал сам адмирал Рык, он делился мыслями о текущей политике и экономике, рассказывал поучительные истории из своей морской жизни, а в заключение непременно сообщал об очередном понижении цен. Прежде чем принять какое-либо важное решение, он всегда советовался с людьми. Так и говорил, глядя с экрана в душу: «Давайте-ка, соотечественники, посоветуемся!» Однажды адмирал Рык сказал, что у капитализма и социализма есть свои сильные и слабые стороны, поэтому слабые стороны разумнее всего отбросить, а сильные, напротив, объединить и взять на вооружение. В связи с этим для начала Избавитель Отечества предложил отказаться в быту от слов «товарищ» и «господин», а вместо этого обращаться друг к другу по-новому — «господарищ», что как-то больше соответствует тому особому пути, которым двинулась возрожденная Россия. «Вот, понимаете, хочу с вами посоветоваться! Согласны?» А рано утром воскресные газеты уже сообщали о новой обязательной форме обращения граждан друг к другу.

Появляясь на экране, адмирал был неизменно одет в глухой темно-синий китель с единственным украшением — значком в форме крошечной подводной лодки, а в руках обязательно держал маленькую серебряную подзорную трубу, каковую складывал и раздвигал в государственной задумчивости. Но особенно простым людям нравилось его волевое обветренное лицо со следами житейских невзгод и некоторых излишеств. Частная жизнь Избавителя Отечества давно уже обросла мифами и легендами.

В очередях можно было услышать рассказы о том, что адмирал способен не моргнув выпить литр «шила» — так на флоте называют спирт; о том, что у него сейчас крепкий романец с популярной исполнительницей народных песен Ксенией Кокошниковой, но жену свою Галину и сына-нахимовца он никогда не оставит, как и подобает настоящему мужчине!

...А к Демгородку все шли и шли груженые КамАЗы. Теперь их кузова были плотно набиты яблонями-трехлетками, и машины издали напоминали огромных ежей.

— Сажать будут! — догадались аleshкинцы и как в воду глядели...

На следующий день к Демгородку подъехали две зарешеченные машины под охраной взвода спецназгвардейцев. Из машин вылезли два экс-президента с супругами. Бывшие лидеры старательно, лишь бы не встретиться взглядами, озирались по сторонам, точно рассматривая одним им видимые фрески. После обоюдного рукоприкладства, случившегося во время очной ставки и показанного по распоряжению И. О. — простите, Избавителя Отечества! — по телевизору всему народу, они прекратили между собой всякое сообщение.

3

Мишка Курьлев объявился в родной деревне после почти восьмилетнего отсутствия. Впрочем, нет — пять лет назад, будучи еще курсантом Таллиннского (ныне Ревельского) военного училища, он приезжал в Аleshкино на похороны матери, крепко запил с горя, но даже в таком беспросветном состоянии наотрез отказался продать отчий дом молодому зоотехнику, присланному из города. Правда, «отчим» этот дом называть не совсем правильно, так как сызмальства о своем отце Мишка не имел никакой информации, кроме, естественно, генетической.

Воротился же на родину Курьлев потому, что из армии его выгнали. По деревне витали слухи, что он крайне неуважительно спутался с дочкой какого-то генерала и был за это сурово наказан. Косвенно такая гипотеза подтверждалась довольно таки странным поведением воротившегося Мишки. Понятное дело, как беспособного мужчину, его сразу же захотели женить — и несколько заневестившихся односельчанок завязали с Курьевым целенаправленную дружбу. А одна, самая опытная, даже напросилась к нему на чай и дала себя попробовать, как на рынке дают попробовать тонко отрезанный кусочек соленого огурчика. Однако или Мишка не распробовал, или после своей служебной драмы вообще потерял охоту к соленому, но жениться он не стал ни на опытной, ни на какой другой.

Более того, к изумлению односельчан, Мишка решил продать дом и перебраться в город, даже нашел покупателя — богатящего банкира-биллионщика, который, напротив, решил пересидеть трудные времена в деревне. А времена для вчерашних хозяев жизни и в самом деле настали крутенькие: Особый комитет по расследованию экономических преступлений (ОКРЭП) работал, как хороший снегоуборочный комбайн. Мишка и потайной бил-

лионщик вроде бы уже обо всем договорились, ударили по рукам и даже распили бутылочку «адмираловки», но тут покупатель внезапно исчез.

В итоге Мишка остался жить в Алешкине и даже подремонтировал родовую избушку, но не особенно, а ровно настолько, чтобы спать, не опасаясь быть разбуженным рухнувшей кровлей. К счастью, Курылев умел обращаться с проекционной аппаратурой и потому смог устроиться киномехаником в алешкинский клуб вместо без вести пропавшего Второва. Получал Мишка пятнадцать «субмаринок» в месяц, но этих смешных по прошлым временам средств — теперь, после реформы адмирала Рыка, сделавшего рубль самой твердой валютой в мире, — хватало, чтобы скромно кормиться и даже позволять себе необременительные удовольствия. Однако Курылеву этих денег показалось мало, и, когда в Демгородке завели выгребные ямы, он пошел на ассенизационную машину шофером-оператором сдельно: рупь — за езду!

Не успел Мишка отработать и двух недель, как его вызвал к себе новый начальник отдела культуры и физкультуры подполковник Юртин и предложил ему должность киномеханика в демгородковском клубе. «Не ожидал?» — спросил он, пристально глядя Курылеву в глаза. «Не ожидал», — честно признался ошенившийся Мишка. «Думаю, справишься», — сказал подполковник.

20
Поначалу изолянтам показывали только киножурнал «Российские новости», чтобы бывшие злодеи имели хоть какое-нибудь представление о том, как славно зажила страна, сбросив их со своего истрадававшегося тела. Других ведь источников информации они не имели: любые виды радиоприборов были строжайше запрещены. Но ситуация резко изменилась, когда закончила свою работу Государственная комиссия по изучению преступлений против народа и положила стовосьмидесятисемитомный отчет на стол адмиралу Рыку. Особенно Избавителя Отечества потряс тот факт, что за годы господства антинародной клики количество проституток в стране возросло в 8 раз, гомосексуалистов — в 17 раз, а скотоложцев — в 114! «Я всегда подозревал, что демократия — это всего лишь разновидность полового извращения!» — заметил адмирал по этому поводу.

Через неделю Мишке, кроме обычных жестяных круглых коробок с новостями, привезли еще железный бочонок — яуф с полнометражным фильмом. Бросилась в глаза и еще одна странность: если до этого изолянты могли посещать киносеансы по своему усмотрению, то в тот памятный вечер поднятые по тревоге спецназгвардейцы согнали в клуб всех до единого, включая ходячих больных.

Сперва, как обычно, показали новости, посвященные третьей годовщине Дня Национального Избавления. Собственно, это были и не новости, а одна большая речь, произнесенная адмиралом Рыком на Красной площади перед несметными толпами ликующих людей, которых особенно воодушевило, что Избавитель Отечества впервые стоял не на каком-нибудь мавзолее, а на капитанском мостике исторической субмарины «Золотая рыбка».

Мавзолей же был демонтирован и перенесен в Центральный парк культуры и отдыха имени Александра Проханова.

Ильичева усыпальница теперь стоит чуть правее популярного среди детворы аттракциона «В пещере вампира», и каждый желающий, бросив в турникет пять копеек, может зайти вовнутрь и осмотреть остатки вождя. Но детишки почему-то предпочитают вампирские кошмары этому тихо лежащему под стеклянным колпаком человеку с остренькой бородкой. Правда, одно время вокруг мавзолея закрутился ажиотаж, так как поползли слухи, будто, нуждаясь в деньгах, адмирал Рык продал мумию Ленина одному греческому миллиардеру-марксисту в обмен на два танкера красного вина, которое бесплатно раздавалось общественности в День второй годовщины Национального Избавления. Но лживость этих домыслов довольно скоро разъяснилась — и общественность снова потеряла к историческому телу всякий интерес. А для тех, кто изредка все-таки забредал в мавзолей, к стеклянному колпаку прикрепили две таблички:

Не целовать!

Не плевать!

...После новостей Мишка запустил фильм, а сам поставил чайничек и занялся перемоткой. Сначала он даже не обратил внимания на странный ропот, послышавшийся из зрительного зала. Потом глянул и обомлел: на экране происходило самое бесстыдное совокупление, какое только можно вообразить себе, между огромным негром и белотелой нимфоманкой.

— Прекратите! Позор! Дайте свет! — заголосили в зале.

Кое-кто даже рванулся к выходу, но был довольно грубо остановлен и возвращен на место спецназгвардейцами. И тут Мишка увидел, как на сцену, трясая своим явно неуставным животом, выбежал подполковник Юртин. На фоне безумствовавшей во весь экран парочки он был похож на лилипута, залезшего в постель к великанам.

— Курылев, свет! — махнув рукой, крикнул Юртин.

Мишка выполнил приказ — негр тут же исчез, и только полу-видимая нимфоманка продолжала одиноко извиваться на экране. ЭКС-президент вскочил на откидное кресло и, нелепо балансируя руками, закричал:

— Требую пресс-конференции с участием зарубежных корреспондентов!

— Не топчите мебель: она казенная, — довольно грубо перебил его начальник отдела культуры и физкультуры.

Экс-ПРЕЗИДЕНТ, с тупым сарказмом наблюдавший нелепое поведение своего кровного врага, удовлетворенно захохотал и что-то шепнул на ухо своему любимому пресс-секретарю. Тот картинно откинул голову, похлопал себя ладонями по ляжкам и протяжно заржал. ЭКС-президент, неумело слезая с кресла, куда взлетел стгоряча, залился краской и глянул на обидчиков с беспомощным презрением. Зато его жена доверительно обернулась к своей соседке, бывшему министру социального призрения, и громко сказала:

— Боже мой, и этот тип управлял нашей страной!

Наметившуюся и ставшую уже привычной перепалку между

сторонниками двух бывших президентов в зародыше пресек подполковник Юртин. Он объявил, что теперь каждую субботу изолянты должны в обязательном порядке смотреть подобную кинопродукцию, чтобы на собственной шкуре ощутить тот непростительный разврат, в который они в годы своего самоуправства пытались ввергнуть Россию. Освобождение от воспитующего сеанса может дать только главврач Демгородка по согласованию с ним — начальником отдела культуры и физкультуры. Вопросы есть? Ответом ему было возмущенное молчание...

Мишка свел знакомство с Леной тоже благодаря этим киносеансам. Как-то раз запустив ленту про двух братьев-некроманов, промышлявших на одном из центральных нью-йоркских кладбищ, он решил выкурить полученную от Рената заветную «шипку» на свежем воздухе, спустился вниз по шаткой металлической лестнице и присел на ступеньку. Было лето. Курылев наслаждался теплым вечером и направленными струйками дыма отгонял настырных комаров. Услышав всхлипывания, он сначала решил, что это просто отзвук разворачивавшейся на экране некроманской жуты, но потом, оглядевшись, заметил девушку — она стояла у стены и плакала.

— Вы что ж, № 55-Б, по «коллективке» соскучились? — пригрозил Мишка, имея в виду принудительную работу на общественном картофельном поле.

— Нет... Я пойду... — испугалась девушка.

— Идите! И чтоб в последний раз! — вошел во вкус Курылев. Она медленно, держась рукой за стену, дошла до двери и пропала в сладострастно чмокающей темноте кинозала.

— Послушай, Курылев, ты действительно такой верноподданный или придуриваешься? — вдруг услышал Мишка ехидный голос за спиной.

Это был сержант Хузин.

— Я вольнонаемный, — отрезал Мишка, давая понять, что, если ему придется выбирать между жалостью и жалованьем, он колебаться не станет.

— Ладно, Кнут Гамсун, давай заказ! — поморщился Ренат.

Курылев протянул ему конвертик, а взамен получил довольно внушительный сверток. Это был бизнес: Мишка незаметно вырезал из фильмов самые забористые кадры и через сержанта Хузина переправлял их изнывающим от бездеятельности спецназгвардейцам, а взамен получал сигареты и прочие достопримечательности боевого пайка.

— Придешь в воскресенье? — спросил Ренат, пряча конвертик в карман пятнистой куртки.

— Ну, конечно! А ты меня опять на полполочки кинешь!

— Я буду только левой кидать...

— Я подумаю.

— А ты еще и думать умеешь? — засмеялся Ренат.

Каждое воскресенье проводились соревнования по «демгородкам». Эту игру Избавитель Отечества в одной из своих речей назвал «блестящей народной насмешкой над утеснителями», но придумал ее на самом деле советник адмирала по творческим вопросам Николай Шорохов. От классических городков «демго-

родки» отличались лишь тем, что вместо обычных чурок фигуры складывались из деревянных болванчиков, изображающих всех главных злодеев смутного антинародного режима, и назывались «Президентский совет», «Парламент», «Конституционный суд» и так далее...

Ренат был абсолютным чемпионом среди спецназгвардейцев, а иногда играл и на деньги.

4

Сегодня во всем мире существует обширная литература, посвященная историческому перевороту адмирала Рыка. Исследователям был даже предложен новый термин «благоворот» — государственный переворот, совершенный во благо народа. Но, поскольку этот термин в науке пока еще не прижился, я им пользоваться тоже не стану.

В напумевшей книжке французского журналиста М. Бавардера «Субмарины истории» мы видим, конечно, несколько беллетризованную, но в целом довольно правдивую картину тех судьбоносных дней: «...Россия сброшена к подножию геополитической пирамиды. Унижена и оскорблена. В обществе, терзаемом комплексом исторической неполноценности, зреет взрыв. Нужен лишь детонатор. И вот подводная лодка адмирала Рыка, этот троянский конь конца второго тысячелетия, появляется у берегов Японии. Появляется как раз в тот момент, когда очередной российский президент ведет там переговоры о продаже острова Сахалин. О, как быстро повернулся флюгер истории! Ультиматум... Тщетные попытки запеленговать сумасшедшую субмарину... Мир, затаивший дыхание в предчувствии атомной катастрофы... И, наконец, компьютерная мудрость хозяина Белого дома: «Российский президент мне друг, но Япония дороже!»

Однако, на наш взгляд, самую точную и по-восточному образную оценку случившемуся дал знаменитый китайский поэт и публицист Ван Дзе Вей в своем замечательном романе о бабушке великого Ду Фу. Он написал: «Лучший способ вылечить больного медведя — это попытаться снять с него шкуру».

...Иван Петрович Рык появился на свет в подмосковном городе Люберцы в семье простого токаря-расточника. А своеобразная фамилия — Рык вот откуда... Когда в 1933 году был осужден и расстрелян бывший предсовнаркома Рыков, сотни и тысячи встревоженных его однофамильцев метнулись в загсы: кто-то стал Ивановым, кто-то — Петровым, кто-то — вообще Осовиахиновым... И лишь дед адмирала, в душе хохоча над тиранами, попросил вычеркнуть только две последние буквы своей чреватой фамилии. Видный исследователь Фромма и Кафки Григорий Самоедов писал по этому поводу: «Прояви хотя бы каждый третий, каждый пятый, каждый десятый такое же несуетное мужество, какое проявил в то лихое время Кузьма Филиппович Рыков, — и сталинизм рухнул бы сам собой...»

Важнейшая проблема сегодняшней научной рыкианы — строгое отделение зерен подлинных фактов от бесчисленных плевел вымысла и откровенных фальсификаций. Так, например, заре-

гистрировано более 800 человек, деливших якобы кубрик со старшиной второй статьи Иваном Рыком. Что же касается людей, служивших вместе с будущим адмиралом сначала в Севастополе, а потом в поселке Тихоокеанском (в просторечии — Техас), то они просто-напросто не поддаются учету... Подписав указ о немедленном роспуске Всероссийского союза соратников Избавителя Отечества (ВССИО), Иван Петрович заметил в кругу близких: «Если бы у меня на самом деле было столько друзей и товарищей, я бы спился насмерть уже в Техасе, а может быть, еще и в Севастополе».

Но вернемся к работам западных исследователей. Итальянский профессор из Милана Б. Кьяккерони в своей монографии «Разум истории, или История безумия» пишет: «Без сомнений, на обостренное восприятие адмиралом Рыком происходящих внутри страны процессов серьезное влияние оказали два субъективных момента: личная драма и знакомство с идеями прогрессивного русского зарубежья».

Нужно откровенно признаться, что накануне той всемирно-исторической «автономки» Иван Петрович поссорился и разехался со своей многолетней и любимой женой Галиной, которая вместе с сыном отбыла к родителям в Севастополь. Супруга будущего Избавителя Отечества, урожденная Тищенко, имела в паспорте трезубец и запись, удостоверяющую ее безукоризненное украинство, а посему могла воротиться на жительство в город славы украинского оружия и даже поселиться в родительской квартире на бульваре Степана Бандеры. А вот капитану первого ранга Рыку, чистому русаку как по крови, так и по паспорту, никакой визы не дали, и он, бросившийся вслед жене, был грубо задержан на границе. Иван Петрович даже не мог как следует объяснить пограничникам в шелковых шароварах свои супружеские намерения, так как испытывал с украинской мовой определенные трудности. Пограничники же понимать русский язык решительно отказывались, а английского, на котором шли переговоры, вообще никто не знал.

Очевидцы донесли до нас фразу, сказанную огорченным Иваном Петровичем возле шлагбаума: «Ну, вы, хлопцы, пожалуйте!» Как всегда, свое слово адмирал сдержал. Оба бывших президента Украины ныне проживают в Демгородке, и каждый раз, чтобы выйти за границу своих шести соток, например, в магазин, они обращаются с письменным прошением в МИД и, как правило, в течение месяца получают визы.

Конечно, потом супруги помирились и целостность семьи была восстановлена. Телеграмма-«молния» от жены первой легла на рабочий стол адмирала в Кремле: ПРОСТИ ВАНЯ Я БЫЛА ДУРА ГАЛЯ.

Но это случилось позже, а тогда, буквально за день до выхода в море, будущий Избавитель Отечества узнал от верного человека в генштабе, что, воротившись из похода, подводная лодка «Золотая рыбка» будет ритуально уничтожена. Хоть сами моряки иногда в шутку и называют свои субмарины «железом», но мысль о том, что твой родной боевой корабль во исполнение какого-то гнусного параграфа некоего безумного договора разре-

жут на «иголки», была непереносима! Более того, лишившись своего подводного корабля, каперанг Рык, известный несгибаемостью перед начальством, наверняка был бы уволен в перво-бытное состояние и превращен в одного из бесчисленных безработных офицеров. О масштабах этой безработицы гласит красноречивый факт: в городе Кимры в то время на одно место капитана речного трамвайчика насчитывалось до 76 соискателей!

Наконец, для понимания героического поступка адмирала Рыка очень важен тот факт, что он не понаслышке был знаком с трудами нашего великого изгнанника-мыслителя Тимофея Сობольчанинова, который в юности на Воробьевых горах дал торжественную клятву писать не менее десяти страниц в день, и если ему, допустим, приходилось отрываться от стола, например, для получения Гонкуровской премии, то, воротясь, он увеличивал суточную норму и наверстывал упущенное. Переезд в Россию из изгнания по его прикидкам грозил невозполнимыми и ненастижимыми перерывами в работе. Но даже не это было главной причиной промедления: в глубине души он страшился, что, едва лишь его нога ступит на родную землю, ему настойчиво предложат сделаться чем-то вроде президента или регента, а это в ближайшие творческие планы не входило. Остается добавить, что, придя к власти, адмирал Рык убедительно попросил великого изгнанника вернуться на Родину и поселил его в Горках Сობольчаниновских.

Но и это произошло позже, а тогда, ощущая сыновний долг перед изнывающей страной, мыслитель вместо себя прислал в Россию книжку под названием «Что же нам все-таки надо бы сделать?». Ее-то и дал почитать своему другу и командиру заместитель по работе с личным составом Петр Петрович Чуланов, который нынче, как все знают, является первым заместителем Избавителя Отечества по работе с народонаселением. Содержание этой книжки, изучаемой ныне в школе, тоже общеизвестно, поэтому напомним лишь моменты, имеющие касательство к нашему повествованию. Тимофей Сობольчанинов писал о том, что в России к тому времени имелись все предпосылки для возрождения и «вся искнутованная и оплётенная держава с занозливой болью в сердце ждала своего избавителя». А последняя глава так и называлась — «Мининым и Пожарским может стать каждый!». Особенно, как позже выяснилось, в душу командира субмарины «Золотая рыбка» запали такие слова прозорливца: «Россию недруги обьярлычили «империей зла». Оставим эту лжу на совести вековых ее недобролюбцев. Но пробовал ли кто-нибудь постичь внутридушевно иное словосочленение — Империя Добра?!»

Избавитель Отечества никогда не писал никаких мемуаров. Более того, однажды он заметил: политический деятель, строчащий книги, напоминает сомнительного мужчину, который, отобладав женщиной, тут же, не вылезая из-под одеяла, начинает ей же рассказывать обо всем, с ними только что приключившемся... Но, выступая в узком кругу боевых однокашников, Иван Петрович припомнил, как на третий день исторической «авто-

номки» ему приснился вещий сон — будто бы шагает он по Красной площади и останавливается у подножия памятника Минину и Пожарскому. Точнее, даже не у подножия, а возле какого-то торговца русофобской национальности, разложившего свой убогий товар: штампованные часы, зажигалки, брелоки, аляповатую бижутерию, колоды карт с голыми девицами, именуемыми в образованном обществе «нюшками». Собственно, одна из таких колод (во сне!) и заинтересовала будущего Избавителя Отечества, так как на время «автономки» выпадал день рождения друга и заместителя П. П. Чуланова. И вот, когда Иван Петрович внимательно разглядывал подарочных «нюшек», ему вдруг послышался глухой, точно из неизъяснимой глубины идущий голос: «Ры-ы-ы-ык!»

Будущий адмирал огляделся, предполагая, естественно, что его окликнул знакомый, какового непременно встретишь, забредя на Красную площадь. Ан нет — ни одного привычного лица вокруг не наблюдалось, и лишь тогда он догадался глянуть вверх: позеленевшие от времени губы князя Пожарского медленно шевелились: «Ры-ы-ык, ты не туда смотришь, Ры-ык!» «А куда?» — от неожиданности выронив карты, прошептал потрясенный Иван Петрович. «Туда-а-а!» — отвечивал князь и, тяжело повернувшись всем своим античным телом, указал десницей на Кремль. А Косьма Минин медленно кивнул, подтверждая сказанное...»

Каково же было потрясение будущего Избавителя Отечества, когда шифровальщик положил ему на стол политинформацию о том, что на общеизвестном памятнике работы скульптора Мартоса обнаружены множественные трещины (особенно на фигуре Пожарского)! В связи с этим памятник снят с пьедестала и отправлен в центральные реставрационные мастерские. Но отдельные граждане восприняли этот чисто искусствоведческий акт как целенаправленное кощунство, и по Москве прокатилась волна патриотических демонстраций.

Все эти события, точнее, их зловещая тень, витавшая в скудных шифрованных информациях, повергли Ивана Петровича в глубокую задумчивость, из которой его вывели торжества по случаю дня рождения друга и заместителя П. П. Чуланова. После праздничного концерта и выпшибающего слезу прослушивания магнитофонных поздравлений от оставленных на берегу родных и близких проследовали на обед в кают-компанию. Будущий Избавитель Отечества в честь такого дня приказал вместо положенных 50 граммов «сухаря» всем налить по 100! Испанский исследователь Д. Абладар в своей популярной книге «Роль алкоголя в мировой истории» договорился даже до того, что якобы эти лишние 50 граммов и определили дальнейший ход эпохальных событий. Просто диву даешься, какое незнание этнических реалий и особенностей национального быта проявляют некоторые зарубежные ученые!

После обеда Иван Петрович пригласил старших офицеров к себе в каюту, чтоб угостить их коньяком. Потом, как вспоминают некоторые участники исторической «автономки», старпом перетацил в командирскую каюту алюминиевый бидон, где

хранились остатки сэкономленного «шила». Дальше, конечно, тихо пели, чтоб не нарушить режим тишины...

Глубокой ночью в штурманской рубке заревел «каштан».

— Есть, командир! — отозвался сонный, но готовый к подвигу «штурманенок».

— Ко мне «бычка». С прокладкой...

Когда штурман с навигационными картами появился на пороге капитанской каюты, некоторое время его не могли никак идентифицировать. Будущий Избавитель Отечества несколько минут смотрел на командира БЧ-1 с долгой мукой узнавания и, наконец, молвил:

— Менякус...

— Простите, Иван Петрович, не расслышал...

— М-меняем к-курс! — озвучил приказ командира политрук П. П. Чуланов.

5

Мишка подогнал свой «дерьмовоз» к домику № 85, холодно кивнул радостно выбежавшему навстречу хозяину и великодушно позволил ему собственноручно засунуть гармошчатую кишку в выгребную яму. Включив насос, Курылев присел на ступеньку машины, закурил «Шипку» и пригорюнился. Было от чего! Во-первых, его вызвал к себе начальник отдела культуры и физкультуры и наорал в том смысле, что, мол, когда он, Юртин, брал его, Мишку, к себе на работу, то ожидал от него гораздо большего. «Не стараешься, Курылев, — нехорошим голосом закончил разнос подполковник. — Ох, не стараешься!»

Во-вторых, с Леной по-настоящему Мишка не виделся уже почти две недели: все киносеансы отменили из-за этого идиотского спектакля. Курылев никак не мог въехать, зачем эту изолянтскую самодеятельность снимают на пленку да еще по личному приказу помощника И. О. по творческим вопросам Н. Шорохова. В Демгородок понаехали разные киношники, развязные, любопытные, всюду шныряющие: у изолянта № 241 (бывшего министра юстиции) они сожрали на огороде весь горох. Мало того, поселок перевели на спецрежим, а в съемочную группу подбавили еще нескольких осветителей и помрежей, ничем не отличающихся от остальных, разве только глазами — безмятежно-запоминающимися. И хотя Лена, получив в этом спектакле маленькую роль, постоянно присутствовала в клубе, даже поговорить с ней Мишка не решался, боясь чужих глаз и гнева подполковника Юртина.

Наконец, слава Богу, съемки закончились, кинокодла во главе с режиссером Куросавовым и драматургом Вигвамовым уехала восвояси, следом за ними отбыли и дополнительные осветители-помрежи, но тут у Лены заболел отец — сердечный приступ. Ее освободили от посещения воспитующих киносеансов «по уходу», и долгожданная встреча в кинобудке снова отдалась. И в довершение всего Мишка не мог теперь останавливаться возле ее палисадника: спецбудку в «Кунцево» достроили, и там круглосуточно дежурили спецнацгвардейцы. А злыдень

Ренат сказал как бы между прочим, мол, художники пишут портреты своих любимых, портные шьют любимым самые красивые платья, а ассенизаторы... ну, и так далее. Ведь именно он, Ренат, заставил Мишку познакомиться с Леной, именно заставил...

— Вот, леди, ваш сероглазый король! — Сержант с галантной издевкой кивнул на Мишку. — Он спрячет вас в своем замке. А я, как верный вассал, буду ходить дозором и охранять вас от драконов...

— Спасибо, — еле слышно проговорила она.

В кинобудке Мишка усадил девушку на диванчик, который благодаря интендантской дальновидности можно было разложить в обширную двухспальную кровать, если, конечно, отодвинуть в сторону ящик с песком. Потом достал электрический чайник, налил из крана воды и вставил штепсель в розетку.

— Чай будешь? — напрямки спросил он, полагая, что свинопасу обращаться к принцессе на «вы» как-то даже и неприлично.

— Буду, — кивнула она. — Спасибо вам...

Из зала доносились настолько разнужданные звуки, что даже думать о ситуации, в какой они издаются, не хотелось. Мишка поменял бабины и заварил чай.

— Звать-то как? — спросил он девушку и снова почувствовал себя аleshкинским подпаском в обществе благородной девицы.

— Пятьдесят Пять-Б...

— Ну, это ясно... А на самом деле?

— Лена...

— Миша...

— Я знаю...

Не вставая с дивана, она дружески протянула ему узкую ладонь. Деликатно пожимая ее, он почувствовал, что кончики Лениных пальцев, ну, просто ледяные.

— Англичане говорят, холодные, как огурец! — улыбнулась она.

— А у нас говорят, руки холодные, зато сердце горячее!

— Может быть, и так, — погрустнела Лена. — Только теперь это ни к чему...

— А тебя сюда никто на аркане не тянул, — заметил Мишка, разливая чай по кружкам.

— У папы сердце... И спазмы мозговых сосудов...

— На черта же он с такими мозгами в политику поперся?

— Он хотел, как лучше...

— Уже слышали, — усмехнулся Мишка и протянул Лене дымящуюся кружку.

— Я ведь не знала. — Она подняла на Мишку грустные глаза. — Я в Англии жила. Я там в Кембридже училась... — Лена машинально выговорила «Кембридж» по-английски.

И это почему-то особенно возмутило Мишку.

— Ну, конечно, Новосибирский-то университет далеко! Кембридж поближе! — Он нарочно выговорил «Кембридж» так, будто произошел тот от слова «кембрик», а сам Курьлев не офицер, а типичная отечественная пьянь-темень в исполнении сатирика-руссофаба.

— Я там писала диссертацию об Уайльде! — точно не замечая измывательства, ответила Лена и подула на чай.

— Ну, ясное дело: Василий Иванович Белов для вас не фигура! Вас только голубые интересуют! — В сердцах саданул Мишка и понял, что хватил лишку.

— А почему вы так со мной разговариваете? — спросила Лена, холодно глянув на осведомленного ассенизатора.

— А как мне с вами разговаривать?

— Как с человеком.

— А вы думали с вашим папашей о том, что я человек, когда кусок колбасы штуку стоил? Когда мне зарплаты на три дня хватало, а потом хоть сапоги жри?! Вы думали, когда страну, как мацу, на куски ломали?!

— Спасибо за чай. — Лена поставила кружку на табурет и встала.

— Ну, понятно: это же не «лигтон», это всего-навсего «Цветок российской Аджарии»!

— Нет, не поэтому.

— А почему?

— Он горячий, — ответила Лена и заплакала.

Мишка пожал плечами, опустил перед табуретом на колени и подул в кружку, но не рассчитал — несколько чаинок вместе с кипятком попали ему в глаз.

— Ух, е-е-елки мота-алки!

— Что с вами?! — испугалась она.

— У-у-ю... Вот ослепну теперь, и выгонят меня с работы! — завыл Мишка, жмуря невезучий глаз.

— Подождите! Дайте я посмотрю. Я осторожно...

Внимательно сузив глаза и приблизив свое лицо к курьлевскому, так что стало слышно ее дыхание, Лена сначала осторожно осмотрела возможные повреждения, а потом теперь уже теплыми, а не холодными пальцами легко стряхнула чаинки с зажмуренного века.

— По-моему, ничего страшного. Можете открыть глаз.

— Боюсь!

— Не бойтесь!

— Свет! — воскликнул Мишка. — Я вижу свет!

— Миша, вы мне нарочно разрешили прийти сюда, чтобы поиздеваться? — вдруг спросила Лена.

— Нет, не для этого.

— А для чего?

— Жалко мне тебя — вот для чего... — ответил Мишка и снова почувствовал себя свинопасом, повстречавшим на дороге босую, оборванную, попавшую в беду принцессу. — Рехнешься ты здесь со своим папашей!

— Я знала, на что шла! — гордо вскинулась она.

— Знала? — глумливо изумился Курьлев.

— Да!

— Да-а?

— Нет, не знала... — тихо ответила Лена и снова заплакала.

...Мишка тяжело вздохнул, щелчком послал в кусты докуренную до полного ничтожества сигарету и поймал себя на том, что

ощущает в душе и теле какую-то пустоту, или, если выразаться по-военному, некомплектность. Звучит, конечно, нелепо, но зато точно. Это ощущение теперь всегда появлялось у Курьлева, когда он долго не виделся с Леной. «Похоже на любовь,— поднимаясь, чтобы выключить насос, подумал Мишка.— Юртин узнает — убьет!»

Изолянт № 85, в прошлом знаменитый редактор популярного еженедельника, счастливо улыбаясь, бросился вытаскивать из ямы кишку.

— Господариц оператор,— отдышавшись, предложил он.— Свежую газетку посмотреть не желаете? Еще никто не видел..

— В дом заходить не положено! — строго ответил Курьлев, чтобы только отвязаться.

— А я сюда принесу! Я мигом...

Дело в том, что на общем собрании обитателей Демгородка изолянт № 85 был почти единогласно избран главным редактором стенной газеты «Голос свободы», которая после мягкого нажима генерала Калманова стала называться просто «Голос».

30
Делалась газета с размахом — 1,5 м × 3,5 м. А оформлял ее, между прочим, один из самых высокооплачиваемых в мире художников, придумавший в свое время на шумевший стиль «посткоммунистической идеологии». Суть этого стиля, даже точнее — метода, сводилась к тому, что художник привозил из подмосковного пионерского лагеря, скажем, гипсового пионера, вставлял ему в руки, скажем, переходящее знамя областного совета профсоюзов и называл все это, например, «Идологема 124/6X-9», а потом продавал за сумасшедшие деньги на аукционе Сотби. Взяли художника в тот самый момент, когда он в тайно нанятой мастерской — владелец сразу сообщил куда следует — заканчивал свою новую работу, призванную отразить его, абсолютно неверное, понимание произошедших в России перемен. Это была бронзовая статуя адмирала Нахимова, выкрашенная в красно-коричневый цвет и испещренная бесчисленными строчками, повторяющимися на 24 языках одну-единственную фразу: «Над всей Испанией безоблачное небо». Кстати, саму статую он задешево купил на Украине, где к тому времени уже заканчивалась замена московского пантеона на свой, кровноприсущий. Но справедливости ради нужно сказать, не всегда вражьи статуи валяли с пьедесталов и ставили свои кумиры, иногда ограничивались переименованием: так, известный памятник гетману Хмельницкому в Киеве был в целях экономии объявлен памятником гетману Мазепе...

Когда адмиралу Рыку сообщили о творческом проступке знаменитого художника, он посмеялся, поиграл своей серебряной подзорочкой и молвил, пусть, стало быть, в Демгородке поживет, пока по-правдашнему рисовать не выучится, а то ведь чужое пакостить — дело нехитрое...

— Что я вам сейчас покажу, господариц оператор! — Запылавшийся № 85 пытался развернуть перед Мишкой здоровенный рулон ватмана.

— Может, не надо?

— Надо-надо! Подержите, пожалуйста, угол. Ага! — Счастливый редактор показал пальцем в центр листа. — Гвоздь номера!

В рубрике «Огородные новости» сообщалось, что изолянты № 481 (бывший сопредседатель партии «Демократическая Россия») и № 168 (бывший генсек компартии) включились в конкурс на самую большую тыкву, выращенную без применения химических удобрений. Информацию написал № 47 (бывший посол в США), и она была проникнута тонкой иронией профессионала, снисходительно наблюдающего несбыточный энтузиазм дилетантов. В прошлом году № 47 выкатил на суд общественности двенадцатикилограммового гиганта!

— Правда же, интересно?

— Безумно, — вяло отозвался Мишка, разглядывая лист, оформленный куриной лапкой, которую обмакивали в разные краски.

Раздел «Страницы истории» открывался фрагментами мемуаров изолянта № 177 (бывшего шефа внешней разведки). Довольно убедительно он доказывал, что приписываемые поселенцу № 180 (бывшему командующему стратегической авиацией) слова «За демократию Кремль разбомблю!», якобы сказанные им в дни августовского (1991 г.) псевдопутча, есть не что иное, как выдумка безответственных и зловердных журналистов. Но Мишка-то сразу смекнул прицельный смысл этих самых мемуаров: участки обоих изолянтов располагались рядом, а над домиком бывшего стратегического летчика по личному распоряжению адмирала Рыка была подвешена на тонком тросике здоровенная авиационная бомба. И хотя все вокруг уверяли друг друга, что «она не заряжена», это были уже четвертые оправдательные мемуары, написанные соседями несчастного военлета, погорячившегося в далеком августе 1991 года...

— Ах, если б вы знали, господариц оператор, что у нас в редакционном портфеле! — закатывая глаза, сообщил № 85.

— Мне без разницы, — буркнул Мишка и, повернувшись к редактору спиной, направился к машине.

— Я понимаю... Но зато все оригиналы тщательно хранятся! — Семеня рядом, информировал № 85. — Они от руки написаны. Понимаете?..

— С меня хватает, что я ваше говно вожу, — отрубил Курьлев, впрыгнул в кабину и захлопнул дверцу. Но упорный изолянт все никак не отставал. Сбитый с толку этой назойливостью, Курьлев сам не заметил, как оказался в «Кунцево», возле домика № 55. А ведь зарекался! Спецназгвардеец, дежуривший возле новенькой будки, завидев Мишку, блудливо заулыбался и махнул рукой. И хотя Курьлев понимал, что парень фамильярничаёт совсем не из-за Лены, а из-за этих чертовых секскадриков, но все равно было неприятно и горько.

Лена в палисаднике возилась с клубникой, кажется, обрезала усы. Увидав знакомую машину, она поднялась с коленей и, упершись руками в бедра, выгнула затекшую спину. Но у Мишки от этого обыкновенного огородного телодвижения сердце налилось тяжкой истомой. Лена тем временем сняла с головы

косынку и поправила волосы, что на их языке жестов означало: сегодня они увидятся не смогут. Курьлев в ответ приложил правую руку к левой стороне груди и, уже проехав участок № 55, еще раз глянул на Лену через боковое зеркало: она стояла, уронив руки, и печально глядела вслед машине. Мишка сразу подумал вот о чем: при первой же встрече нужно будет предостеречь ее от таких взглядов! Он даже мысленно хотел сформулировать, каких именно взглядов, чтобы потом доходчивей объяснить Лене, но не успел... Произошло то, чего Мишка никак не ожидал. Она вдруг торопливо повязала косынку вокруг шеи, наподобие пионерского галстука. А это на их секретном языке означало, чтостряслось нечто чрезвычайное — подробности в тайнике! Тайник Мишка оборудовал на параллельной Пятой улице в щели между бордюрными камнями. Правда, если говорить честно, этим тайником они еще пока ни разу не пользовались. Да и разработанный Курьлевым язык жестов тоже пока служил им в основном для нежных развлечений — ладонь, приложенная к сердцу, означала: «Я тебя люблю!»

Записку Мишка решил прочитать, только миновав третий КПШ. В ней, как и договаривались, печатными буквами по школьным клеточкам было написано: Я БЕРЕМЕННА.

6

32 Культурно-историческое общество имени матери адмирала Антонины Марковны Рык (в девичестве Конопцовой) выросло в Демгородке на базе легального кружка «Переосмысление», основанного изолянтотом № 739 — бывшим столичным префектом. В свое время он печально прославился тем, что продал иностранцам набережную Москвы-реки от Крымского моста до высотки на Котельниках, причем левую сторону — голландцам, а правую — южноафриканцам.

Едва учредившись, общество обратилось в инстанцию с убедительной просьбой разрешить на сцене демгородковского клуба поставить какую-нибудь пьесу с активно-благонамеренным сюжетом. Узнав про затею огородных пленников, Избавитель Отечества поначалу только усмехнулся, а потом задумался и принял, как всегда, необыкновенное решение: он приказал специально для изолянтского драмкружка написать драматическое произведение, где популярно и образно излагалась бы история краха псевдодемократического антинародного режима. Более того, в будущем спектакле поселенцы должны играть не каких-нибудь вводящихся персонажей, а самих себя!

Что и говорить, задача ставилась нелегкая, ведь речь шла о совсем еще свежих, не улегшихся в прокрустово ложе исторической науки событиях. Объявили конкурс с большим премиальным фондом. К всеобщему изумлению, победил драматург Вигвамов, известный своими трагедиями из жизни Льва Троцкого, а в последние годы работавший ночным разносчиком пиццы в Филадельфии. Поскольку никаких дипломатических отношений между Россией и США в ту пору не существовало, Вигвамов был обменен на американского эксперта по разоружению, которого в момент

переворота обнаружили в Главном бункере: он пил виски со льдом, положив ноги на пульт с российской ядерной кнопкой.

Первое публичное чтение пьесы «Всплытие» состоялось в демгородковском клубе вместо очередного воспитующего фильма и вызвало возмущение даже большее, чем ненавистная порнуха. Подавляющее большинство изолянтов (за исключением активистов драмкружка) наотрез отказалось исполнять роли, открывено говоря, списанные с них самих, и пригрозило переправить коллективный протест в Международный Красный Крест! Толстый подполковник Юртин, задыхаясь, бегал по сцене и грозил ввести непрерывный показ порнографической кинопродукции. Бесплезно!

С докладом о возникших трудностях в Москву на вертолете вылетел генерал Калманов. Избавитель Отечества его принял, спокойно выслушал и, поигрывая серебряной подзорной трубкой, подошел к заиндевевшему окну своего кремлевского кабинета. «А зима-то какая нынче, — молвил он. — Настоящая русская зима!»

После этого в Демгородке начались непрерывные перебои с углем, и центральная котельная в целях экономии была вынуждена снизить температуру в изолянтских домиках до критической: чай, конечно, в стакане не замерзал, но ложечка в него всовывалась уже с трудом. Повторная читка пьесы состоялась в хорошо натопленном клубе и прошла — извините за невольный каламбур — в гораздо более теплой атмосфере, нежели предыдущая. Драматург Вигвамов, примечая в зале знакомые лица, приветливо кивал, охотно отвечал на вопросы, а в случае доказательных претензий шел на разумные уступки будущим исполнителям. Так, например, изолянт № 21 (бывший вице-президент) запротестовал против того, что по ходу пьесы он должен поднять окурочек и швырнуть его в президента. Разумеется, все прекрасно знали: вскоре после выборов отношения между этими двумя политиками не заладились, и президент, пользуясь своим служебным положением, отстранил вице-президента от государственного кормила, поручив ему блюсти санитарно-гигиеническое состояние улиц. Каждое утро, отправляясь на службу в Кремль, президент останавливал свой кортеж и посылал любимого пресс-секретаря подобрать на тротуаре окурочек пообмусоленное. А приехав на работу, глава государства ногой распахивал дверь кабинета вице-президента, смотрел исподлобья и швырял на ковровую дорожку подлый чинарик.

Ясное дело: когда адмирал Рык в своей знаменитой шифрограмме потребовал немедленного отстранения от власти антинародного президента, вице-президент сам вызвался встретить шефа в аэропорту и арестовать. Но, увидав своего притеснителя, энергично спускающегося по трапу в окружении советчиков, он так разволновался, что машинально закурил и, сделав несколько глубоких затяжек, бросил сигарету себе под ноги. А президент, вовсе даже не собиравшийся списывать себя в исторический архив и расчитывавший смелым нахрапом повернуть события вспять, подошел к нему вплотную и процедил сквозь зубы: «Ну-ка подними!»

Вот в этом самом месте и разошлись взгляды драматурга Вигвамова и прототипа-исполнителя. По пьесе вице-президент после мучительного раздумья поднимает окурочек и тут же бросает его в лицо своему обидчику, что, собственно, и стало сигналом к аресту, который ловко и с удовольствием осуществила группа захвата не без помощи личных телохранителей президента. Но в реальности вице-президент никаких окурочков, конечно, не поднимал, а просто громко и крайне непечатно выругался, что, собственно, и послужило сигналом к заламыванию рук. После долгих споров сошлись на следующем художественном прочтении исторического факта: изолянт № 21 окурочка не поднимает, но энергично топчет его ногами, бормоча при этом невнятно-гневные слова.

Ободренный уступчивостью драматурга, попытался добиться послабления и поселенец № 36 (один из многочисленных бывших премьер-министров). Узнав о восторженной встрече, оказанной адмиралу Рыку во Владивостоке, и его триумфальном шествии по Сибири, когда за увитым цветами поездом Избавителя Отечества с песнями бежали тысячи людей, смертельно испуганный премьер-министр по ходу пьесы говорит:

О субмарина, ты стрела судьбы!

Мечтал о славе, но обрел бесчестье!

Я ухожу без воли, без борьбы.

В отставку, в глушь, в Манчестер...

№ 36 возражал в том смысле, что никто в Манчестер его не звал и он даже туда не собирался, так как кафедру ему предлагал Оксфорд, где он, будучи профессором, планировал прочитать курс лекций «Россия как этносоциально-политическая альтернатива мировому прогрессу». Однако Вигвамов назвал претензии бывшего премьера «мелкими цепляниями» и наотрез отказался менять текст. И это понятно: никогда нельзя путать художественную реальность с исторической!

К примеру, титул «Избавитель Отечества», если верить пьесе, стихийно придумывает ликующий народ. А на самом-то деле его придумал заместитель адмирала по творческим вопросам Николай Шорохов. Очень любопытна история их знакомства, убедительно доказывающая, что Иван Петрович щедро черпал себе сподвижников из самых пассивных глубин родного народа.

Однажды, еще будучи молоденьким лейтенантом, он, направляясь после очередной «автономки» в крымский санаторий, оказался проездом в Москве. До отхода поезда у него оставалось несколько часов, а попасть в столичный ресторан по тем временам было не так уж и просто. Тогда Иван Петрович, всегда отличавшийся сметкой и предприимчивостью, решил под видом любителя поэзии проникнуть в Центральный Дом литераторов. Понятно, его сразу же разоблачили, закричали «Покиньте дом!» и хотели прогнать, но тут над обаятельным офицером в черной морской форме сжалился бородастый, небогато одетый поэт Николай Шорохов. Он не только провел своего нового знакомого вовнутрь, но и сердечно присоединил к столу, где бурно пиروвали его собратья по перу, отмечая смерть известного критика. Очнулся Иван Петрович в поезде, где-то под Курском. В карма-

не от приличной отпускной суммы оставалось всего несколько мятых трешек и пятерок, но зато имелась книжечка Николая Шорохова «Проруби» с теплой дарственной надписью. Придя к власти, адмирал Рык приказал разыскать поэта.

Но, чтобы глубже понять искренний восторг людей, дружно скандировавших под стенами древнего Кремля «Из-ба-ви-тель О-те-чест-ва!», нужно кое-что напомнить читателям. Несколькоми днями раньше, выступая по телевидению, адмирал Рык вдруг побагровел — это случалось с ним всегда, если он думал об утеснениях простых людей, — и гневно рассказал о своем недавнем посещении нескольких частных магазинов, да и государственных тоже. В заключение он выразился в том смысле, что никак не может понять, почему народ так терпеливо сносит совершенно издевательские розничные цены.

На следующий день группа возмущенных единомышленников зашла в роскошный торговый дом «У Тенгизика», что на Кутузовском, и по возможности спокойно спросила, сколько стоят спички. «Сто рублей», — простодушно ответил продавец. Через полчаса, извещенные о том, что никакого торгового дома у Тенгизика больше нет, владельцы других магазинов и шопов резко сбросили цены как на спички, так и на сопутствующие товары, включая автомобили. Но было поздно. Незатейливый вопросик «Сколько стоят спички?» стал боевым кличем народа, воспрянувшего от Бреста до Владивостока и от Мурманска до Бухары. Стихийный протест вылился в мощное движение, получившее впоследствии среди ученых название «восстание спичечников». О, это было удивительное время, когда бомжи упивались «наполеонами», а привокзальные кокетки щеголяли в нарядах от Пьера Кардена, когда на улицах городов стояли тысячи брошенных хозяевами иномарок: сознаться в обладании «мерседесом» или «вольво» было равносильно самоубийству. Но могли отдубасить и за новенькие «Жигули». Уничтоженные торговцы в ответ на страшный вопрос о стоимости спичек истерически выкрикивали давно уже похороненную в развалинах социализма цену — «Копейка!», но и это не помогало. Положение спас сам Избавитель Отечества. Ровно через неделю он выступил по телевидению и сказал: «Ладно. Проучили, и хватит. Пусть торгуют, но только совесть не продают!» С этого заявления многие специалисты отсчитывают начало процесса, в короткий срок сделавшего рубль самой твердокаменной валютой в мире! Тем более что вскоре адмирал Рык заметил: «Ну, вот, с экономикой вроде разобрались. Теперь подзаймемся территориальной целостностью...»

Но, естественно, никаких мелких подробностей Второго собирания Российских земель (ВСРЗ) в пьесе «Всплытие» вы не найдете, ибо теперь все эти детали — достояние историков. Поделенная на губернии, как встарь, Россия расцвела в полном национальном симбиозе и позабыла о горькой поре Второй Политико-экономической Раздробленности (ВПЭР). В пьесе же мы просто видим красочную костюмированную сцену, когда посланники всех народов (их играют бывшие национальные лидеры) слетелись в Москву, чтобы подписать трактат о вечном братстве.

Как легкое напоминание о трудностях и невзгодах ВСРЗ звучат слова белорусского посланца:

*Лишь кровные братья умеют так ссориться крепко,
Лишь кровные братья мириться умеют навек!*

Да еще украинский брат, потупясь, сообщает, что памятник Богдану Хмельницкому в Киеве, сгоряча переименованный в памятник Мазепе, вновь носит гордое имя гетмана-воссоединителя!

Премьера спектакля на телевидении состоялась в День очередной годовщины Избавления Отечества, и, надо сказать, ведущие театральные критики довольно скептически оценили сцену подписания трактата, указывая на ее «художественную недотянутость». Зато единодушный восторг вызвала сцена так называемой «голой демонстрации». Придя к власти, адмирал Рык, упаси Бог, не стал запрещать ни одной партии, которых к тому времени в стране насчитывалось более четырехсот. Нет, он просто издал указ: гражданин, состоящий в какой-либо политической организации, обязан уплачивать в фонд Возрождения Отечества 75% своего заработка. Вот почему под гомерический хохот на сцене возникает группа едва прикрытых партийцев.

Но Мишке Курьлеву во всем этом спектакле была интересна лишь одна сцена, где появлялась роскошно одетая Лена, изображающая аристократическую девицу. По мысли автора, эта якобы студентка Кембриджа на самом деле прожигала жизнь и бездумно транжирила деньги, уворованные ее коварным отцом у доверчивого народа. Появлялась Лена в сопровождении своры пьяных плейбоев (активистов драмкружка), и один из них, развязно приставая, спрашивал:

*Откуда деньги у тебя, май беби,
Когда народ ваш на воде и хлебе?*

А Лена, оказавшаяся, к удивлению Курьлева, очень талантливой актрисой, отвечала, мессалинисто хохоча:

*Когда б вы знали, сколько в банках ваших
Хранится в тайне миллионов наших,
Вы б обалдели б...*

7

— Только ты должен быть очень осторожным! — прошептала Лена.

— Почему? — глупо спросил Мишка.

— Потому что по-настоящему у меня никого еще не было... — ответила она и посмотрела на него так, точно призналась в какой-то неловкой, даже стыдной вещи.

— А Кембридж?

— При чем тут Кембридж, глупенький?.. — еле слышно засмеялась Лена и прижалась щекой к волосатой курьлевской груди.

...Мишка запомнил на всю жизнь: в тот вечер, когда они наконец перешагнули черту, вдоль которой на ощупь бродили вот уже четыре месяца, он не чувствовал никакого вождения,

а только мучительную испепеляющую нежность и даже на миг по-ребячески испугался, что эта неподъемная нежность вдруг сделает его плоть беспомощной и бессильной...

— Здорово, влюбленный андрогин! — на следующий день, увидев Курылева на третьем КПП, сказал, усмехаясь, Ренат.

— Привет, — отозвался Мишка, напуская на себя деловитую озабоченность.

— Ну, если ты теперь решил стать конспиратором, тогда не светись! — тихо, но зло посоветовал сержант.

Наверное, и в самом деле со стороны Курылев выглядел вызывающе счастливым, да он и сам чувствовал во всем теле головокружительную клубящуюся память о Лене. В конце концов, подавая машину назад, он снес забор у домика № 479, где проживал видный деятель коммунистического и рабочего движения, угодивший в Демгородок за то, что попытался оценить переворот адмирала Рыка с точки зрения теории классовой борьбы.

Смотреть на поваленный забор сбегалось полпоселка. Пришел, борясь с одышкой, и № 55, Ленин отец. Он дождался, пока одуревшая от бессобытийного существования публика вдоволь наохает, и подошел к Курылеву, который по своему обыкновению сидел на подножке «дерьмовоза», покуривая «Шипку».

— Здравствуйте, Миша! — сказал старик.

— Здравствуйте, № 55! — ответил Курылев, высунувшись из облака воспоминаний ровно настолько, чтобы прочесть номер на «джинсовке» приблизившегося изолянта с удочкой.

— Меня зовут Борис Александрович, но это не важно... Я просто хочу поблагодарить вас за Лену! Спасибо...

В ответ Мишка не смог вымолвить ни слова...

Потом, после всего, она попросила его не оборачиваться и пальцем начертила на влажной Мишкиной спине какое-то слово. Это было так приятно, что он сначала различил кожей всего лишь один восклицательный знак. «Понял?» — спросила она. «Нет, еще!» И она снова повела ноготком по вздрагивающим курылевским лопаткам. «Понял?» «Нет, еще, еще!» — просил Мишка, хотя все уже давно понял. А она опять и опять писала пальцем по его дрожащей коже: «Спасибо! Спасибо! Спасибо!..»

— Вы знаете, — продолжал № 55. — Если б во время этих жутких сеансов вы не прятали б Ленхен у себя, я бы определенно сошел с ума! Даже опытным людям нелегко, а она у меня ведь совсем несовременная девушка. Вы понимаете?

— Понимаю...

— Вы знаете, я так жалею, что она не закончила диссертацию! — дрожащим голосом воскликнул № 55. — Я так сожалею, что она приехала сюда! Я был категорически против, чтоб вы знали... Ведь ее отсюда не выпустят, даже если я умру...

— Вы, Борис Александрович, живите! Так для всех будет

лучше... — ответил Курьлев и, не попрощавшись, пошел выключать насос.

С самого начала знакомства Лена просто замучила Мишку рассказами об Англии, о Кембридже, об Уайльде. Наверное, так ей было легче. «Ты знаешь, — восторженно говорила она, — меня постоянно принимали за леди! Я даже однажды слышала, как меня за глаза называли «эта юная леди». Представляешь? А однажды один очень известный профессор-лингвист очень долго ко мне приглядывался и потом сознался, что никак не может определить по произношению, из какого я графства... Когда ему сказали, что я из России, он просто обалдел! ...Представляешь?» «Представляю», — кивал Мишка.

«А однажды меня пригласили на заседание Уайльдовского общества. Я делала там доклад о русских переводах «Баллады Редингской тюрьмы». Ну, сам понимаешь: Чуковский, Брюсов, Топоров...» «Понимаю», — кивал Мишка. «Всем очень понравилось. Потом за ужином в готическом зале при свечах лорд Уиндерфильд сказал мне, что восхищен моим знанием Уайльда, но полагает, по-настоящему этого писателя может понять лишь тот, кто вкусил несвободу. А я сказала ему, что есть такая русская поговорка «От сумы и от тюрьмы...», и даже пошутила, что ради Уайльда готова посидеть немного в тюрьме. Он тоже засмеялся и предложил рекомендательное письмо к своему близкому другу — начальнику образцовой Ливерпульской тюрьмы...»

— Ты, значит, из-за Уайльда в Демгородок приехала? — язвительно полюбопытствовал Курьлев.

— Ну, почему тебе так нравится меня обижать? Я же не спрашиваю, почему ты здесь служишь!

— А потому что очень кушать хочется.

— Ми-ша, только не злись! Иначе я больше не смогу принимать твои приглашения. Лучше давай я покажу, как здороваются масоны! Хочешь?

— Думаешь, понадобится? — хмуро улыбнулся Курьлев.

— Как знать, как знать! — подхватила она, радуясь его отходчивости. — Вот смотри...

Лена осторожно взяла мозолистую курьлевскую руку и согнула крючком его безымянный палец, потом то же самое проделала и со своим безымянным пальчиком, а затем вложила узкую ладонь в бугристую Мишкину ладонь, но таким образом, что их согнутые пальцы сцепились как бы в знак примирения. Со стороны все это выглядело так, будто два человека просто-напростожимают друг другу руку.

— На самом-то деле мы установили с тобой тайную братскую связь! — свистящим шепотом сказала Лена. — Правда, здорово?

— А твой отец действительно масон? — спросил Мишка.

— Господи, ты Боже мой! — Она вырвала свою руку из этой вольнокаменщицкой сцепки. — Это же шутка! Вы ничего не поняли...

Только совсем недавно и с большим трудом Курьлев склонил ее к тому, чтобы говорить друг другу «ты», вернее, чтобы она говорила ему «ты». И вот вдруг это ледяное «вы». Дело прошлое, в ту минуту Мишка перепугался.

— Я к вам больше никогда не приду! — пообещала она, вставая.

И действительно некоторое время она не показывалась. А Мишка через проекторное окошечко выискивал в зале ее гордо поднятую темноволосую голову. Один раз он засек, как Лена исподтишка глянула в сторону кинобудки, но, заметив в отверстии курьлевскую физиономию, сделала вид, будто просто празднично оглядывается. Через две недели она все-таки пришла и сказала: «Прости, я была не права...» «Ага,— подумал Мишка.— Теперь осталось, чтобы принцесса поцеловала свинопаса!» И она поцеловала, но ждать пришлось еще три месяца. Именно ждать и ни в коем случае не торопиться, ибо это возникшее чувство вины перед ним, простым и трудно живущим парнем, по регулируемым законам природы само собой обязательно должно было перерасти в совершенно иное чувство! Гормон играет человеком. Только нельзя торопиться!..

— А у тебя много было женщин? — однажды спросила Лена.

— Встречались...

— А вот скажи, когда ты вспоминаешь про них, что ты вспоминаешь — лицо, тело, волосы, глаза?.. Или... какие они были в постели?

Мишка ответил что-то уклончиво-неопределенное и, чтобы уйти от чреватой темы, перевел разговор на потрясший тогда весь Демгородок случай с молоденькой женой бывшего министра внешней торговли. Она очень хотела ребенка, но у них никак не получалось, видимо, потому, что супруг все отдавал делу престижной переброски за рубеж российских национальных богатств. И вдруг, уже в огородном плену, получилось! Несчастливая женщина долго скрывалась от медосмотров, но на пятом месяце ее разоблачили, увезли в областную больницу и там сделали так, что она уже при всем желании не смогла бы нарушить пункт 33,6 «Внутреннего распорядка спецпоселения ДГ-1».

— Господи! — прошептала Лена. — Я бы не пережила...

А первый поцелуй Мишка выиграл у нее в споре. Спорили, разумеется, по поводу «Розового купидона». Шумная эта история началась с того, что изолянт № 49 (бывший генеральный прокурор) внезапно решил написать новейшую историю демократии в России, о чем и оповестил общественность через газету «Голос». Общественность, в особенности некоторые наисторичившие личности забеспокоились, как бы он что-нибудь там не перепутал, и стали довольно часто заглядывать в домик № 49 — подсказать, уточнить, прокомментировать, обозначить. А поскольку идти в гости с пустыми руками неловко, то приносили кто домашних огурчиков, кто клубничного варенья, кто вообще замысловатую бутылочку из «Осинки».

Все шло очень пристойно и взаимовыгодно, пока летописец не дал маху, коснувшись истории знаменитого «Розового купидона», купленного ЭКС-президентшей в Нью-Йорке во время встречи на высшем уровне. Кто же мог подумать, что несколько строк об этом злополучном бриллианте, давно уже конфискованном и подаренном известной исполнительнице народных песен

Ксении Кокошиной, вызовут такую бурю! Впрочем, поначалу бурю ничто не предвещало, но через два дня, прореживая морковь на своих соседствующих участках, бывшие президентши жутко поссорились. Впрочем, нет, поссориться они не могли, так как фактически не разговаривали, а лишь, находясь вблизи друг друга, произносили вслух фразы, наподобие того, как актер, выйдя на сцену, изображающую ночной сад, говорит перед полным залом: «Ночь! Ни души кругом!» Так вот, через два дня, прореживая морковь, ЭКС-президентша заметила в пространство: «Надо же, еще только июль, а корнеплод уже такой крупный...» «Прямо как «Розовый купидон», — вдруг добавила из-за забора экс-ПРЕЗИДЕНТША. Боже праведный, что тут началось! Последующие дни весь Демгородок был занят проблемой, как и кем будет наказан прокурор-историк, вытацивший из нафталина забвения такой опасный сюжет. Некоторые полагали, что вообще не будет наказан, так как на слезы и призывы к мести ЭКС-президент якобы ответил своей жене, что ее неодолимая тяга к неестественной роскоши чуть не стоила ему доброго имени в мировой политике. Другие же, наоборот, считали, что будет наказан, и жестоко, ибо, узнав об оскорблении, нанесенном его супруге, ЭКС-президент якобы топал ногами и требовал пресс-конференции с участием зарубежных журналистов...

40 Возник даже стихийный тотализатор, организованный изрядным № 617, в прошлом известным священником-депутатом, прославившимся тем, что в ходе нередких внутрипарламентских потасовок он действовал наперсным крестом, как боевой цепью. Но участвовать в этом тотализаторе ни Лена, ни Мишка не стали (у нее не было «осиновых» талончиков, а Курьлеву строго запрещалось), они просто поспорили на поцелуй. Наивная Лена считала, что ЭКС-президентша окажется выше всей этой житейской скверны, а многоопытный Курьлев был уверен, что гораздо ниже...

И вот после окончания очередного воспитующего киносеанса бывшая первая кремлевская леди решительно встала, резко подошла к прокурору-историку и с оттяжкой врезала ему «по твари», как выразился бы обитатель Гомельской губернии. Впрочем, отважный летописец был готов ко всему — он ждал приближающуюся к нему эрнию с мужественной улыбкой, какой обычно пациент встречает надвигающегося дантиста с зубодеркой. А после того, как отзвенела пощечина, он произнес фразу, которую, наверное, обмозговывал всю предшествующую ночь: «Это пощечина для истории!»

Отнаблюдав развязку и выждав, когда смолкнут возмущенные крики тех, кто выиграл и теперь искал батюшку с кассой, Мишка повернулся к Лене и молча показал пальцем на свою щеку. Он был очень удивлен, когда она поцеловала его не в щеку, а в губы, поцеловала старательно, точно выводила ученические прописи.

— Я смешная, да? — спросила она, переведя дыхание.

— Ну что ты! — успокоил Мишка и решил с этой глупенькой телепаткой быть поосторожнее даже в мыслях.

...А через две недели они лежали на широко разложенном

интендантском диване, и Лена, уткнув голову в волосатую курылевскую грудь, шептала:

— Ты очень красивый. У тебя очень красивое тело. Ты похож на античного полубога!

— Почему полубога? — спросил Мишка.

— Потому что боги снисходили к возлюбленным в виде золотого дождя или белоснежного лебедя, а потом исчезали... А полубоги оставались жить с любимыми на земле. Ты не исчезнешь?

— А ты?

— Я первая спросила.

— Нет...

— Не исчезай! Ты самый лучший в мире мужчина!

— Да уж... Тебе и сравнить-то не с чем...

— А зачем сравнивать, если ты все равно самый лучший в мире мужчина!

В тот миг Курылев постарался забыть, что любое пособие по гармоничному сексу рекомендует, особенно женщине, хвалить партнера как можно чаще и беззастенчивей. Он просто блаженно лежал рядом с Леной, гладил ее восхитительную кожу и думал про то, что, даже побывав в объятиях свинопаса, принцесса остается принцессой. Конечно, свинопас не становится после этого принцем, но свинопасом все-таки быть уже перестает... Хотя бы чуть-чуть... И еще он думал о том, что у него есть еще минуты полторы, а потом надо будет вскакивать и менять бабину с пленкой... С тихим стрекотом работал кинопроектор. Конический луч, пробивающий темноту кинозала, напоминал опрокинутое набок воспоминание о пирамиде. Фильм назывался «Моя четвероногая подруга».

8

Утром, въезжая в Демгородок, Мишка был настолько рассеян, что чуть не отдал дежурному спецнацгвардейцу вместо путевки записку, которую собирался заложить в тайник. На тетрадном вчетверо сложенном листке было по клеточкам выведено:

НИКОМУ НЕ ГОВОРИ. Я ЧТО-НИБУДЬ ПРИДУМАЮ.

ПРИХОДИ СЕГОДНЯ В 17.00 К НАМ.

Конечно, на это небезопасное свидание Мишка решил не сразу. От мысли, что они наконец-то снова останутся одни, у Мишки серебряными иголочками закололо все тело. «Юртин убьет!» — обреченно подумал он.

Без особых трудностей определив записку в тайник, Мишка сделал крюк и, проезжая через «Кунцево», высунул руку в окошко и громко похлопал по внешней стороне дверцы. Это означало: «Срочно забери письмо из тайника». Лены в палисаднике не было, скорее всего она сидела рядом с больным отцом, но Курылев знал, что, услышав звук подъезжающей машины, она подошла к окну и внимательно смотрит в щель между занавесками. Когда без трех минут пять, демонстрируя трудно дающуюся неторопливость, Мишка подходил к киноторговому центру, то сразу почувствовал неладное. Так оно и оказалось: возле «Осин-

ки» бушевала драка. Первым делом Курылев отыскал глазами Лену: прижавшись спиной к витрине, она с ужасом и презрением смотрела на происходящую разборку. Били изолянта № 62 — толстого человека, похожего на выросшего до ошеломительных размеров крота.

В тяжкие годы владычества врагоугодников и отчизнопродавцев он был членом координационного совета движения «Демократы в поддержку демократии» (ДПД) и председателем Всероссийского общества защиты детей-инвалидов имени возвращения академика Сахарова из горьковской ссылки. А, как известно, с давних пор благотворительность — самый верный и короткий путь к благосостоянию. Арестовали человека-крота в международном аэропорту Шереметьево-2, когда он уже намылился лететь во главе команды мужественных спортсменов на V Международные соревнования детей-инвалидов по настольному теннису в Лиссабон. Металлические детали четырнадцати инвалидных колясок, как позже выяснилось, были изготовлены из золота и платины. Но, даже лишившись всего этого, хитроньра-благотворитель оказался самым богатым обитателем Демгородка.

Кстати говоря, в ходе следствия по делу пособников антинародного режима, а также во время открытого суда, проходившего на Малой арене Лужников, стало общеизвестно, что большинство арестованных имеют довольно крупные счета в западных банках. В качестве жалкого лепета оправдания они уверяли, будто эти средства обрели за книги, опубликованные за рубежом, и лекции, читанные там же. Однако абсолютно беспристрастная комиссия, состоявшая в основном из морских офицеров и ткачих с «Трехгорки», подсчитав, пришла к выводу: чтобы заработать подобные суммы, каждый подсудимый должен был издать не менее 120 томов или прочитать около 21 000 лекций. А если учесть, что вся человеческая жизнь состоит примерно из 20 тысяч дней, то вздорность этого наглого лепета становится очевидной.

Кроме того, в процессе разбирательства выяснилось, что агентам антинародного правительства удалось-таки обнаружить спрятанные на Западе знаменитые деньги партии. И пока продажная демократическая пресса лила крокодиловы слезы по поводу исчезнувших сокровищ, они были надежно перепрятаны там же на Западе. Несколько человек из окружения бывших президентов знали судьбу этих неуловимых денег, но вскоре после победного, усыпанного цветами въезда адмирала Рыка в Москву все они в соответствии с устойчивой российской традицией выпали каждый из своего окна.

«Худо!» — молвил Избавитель Отечества, выслушав эту неутешительную информацию. «Найдем, командир! — твердо пообещал П. П. Чуланов. — Обязательно найдем. Всех в окна не перевыбрасывают!..» «А эти демократы, — поинтересовался Иван Петрович, — сдают валюту-то?» «Жадятся! — покачал головой первый заместитель. — Может, попросим убедительно?» — И он сделал руками движение, словно бы выжимал белье. «Нет! — твердо ответил адмирал Рык. — Только лаской. Иначе народ не поймет!»

Однако народ, по крайней мере в лице аleshкинских обывателей, ничего не мог понять, когда прослышал об открытии в Демгородке валютного магазинчика, где обевропеевшаяся личность могла удовлетворить все свои, даже самые непростительные, потребности. За каждую сданную возрождающейся Отчизне тысячу изолянт получал на руки доллар, а точнее бумажный талончик с треугольной печатью и подписью начальника финансово-учетного отдела Демгородка подъесаула Папикяна. После этого поселенец мог отправиться в магазинчик, прозванный «Осинкой», и приобрести там любые импортные товары, правда, по ценам, втрое превышающим среднеевропейские.

Поначалу изолянты захаживали в «Осинку», как в музей: просто поглазеть на прилавки, навевавшие острые воспоминания о более симпатичных временах. Первым раскошелился бывший покровитель детей-инвалидов: он выписал доверенность на сто тысяч, получил кучу талончиков и побегал в «Осинку», где накупил пива, сигарет, французских сыров, фаршированных оливок и прочих дорогих удовольствий. Весть о том, что № 62 отоварился и с тяжеленными пакетами движется к своему домику, мгновенно облетела Демгородок. Вдоль всего пути следования собрались толпы поселенцев. Они смотрели на волокущего покупки человека-крота с завистью и ненавистью одновременно.

— Это настоящий мужчина! — ядовито сказала изолянтка № 93-А своему супругу — бывшему министру иностранных дел. Тот все никак не мог решиться и купить своей жене набор французской косметики, без чего она отказывалась быть женщиной в буквальном смысле слова.

— А-а-а! Пропади все пропадом! — на безукоризненном английском с легким оксфордским заиканием крикнул № 93 и швырнул себе под ноги казенный джинсовый кепарь.

И тут началось! Обитатели Демгородка толпами бросились в «Осинку». Доверенности на умопомрачительные суммы подписывались с такой легкостью и неразумчивостью, точно это были какие-то там смешные договоры о территориальных уступках, моратории на какие-то там позатырканые в шахтах ракеты, указы о приватизации МГУ или ГУМа... К вечеру валютный магазинчик стал похож на заурядное сельпо — кроме продавщиц и мух, ничего больше не было. Но вошедшие в раж изолянты уже вели списки, держали ночную очередь, жгли костры, чтоб не замерзнуть, рисовали на ладонях фиолетовые порядковые номера. Повсеместно возникали пирушки, переходящие в попойки и заканчивавшиеся обычно крутыми разборками о том, кто был, а кто не был возле «Белого дома» 19 августа 1991 года.

Торговый бум прекратился так же неожиданно, как и начался. Западные банки перестали оплачивать впопыхах выписанные доверенности, ибо разохотившиеся изолянты подзабыли, что все на свете, даже валюта, имеет печальную особенность — кончатся...

Предпоследним сошел с дистанции изолянт № 457, в прошлом лидер сахатских сепаратистов и генеральный директор концерна «Якуталмаз». Лишь № 62 каждую неделю методически сдавал свою законную сотню тысяч долларов — а то и две! — получал

соответствующее количество талончиков с треугольными штампами и отправлялся за покупками. Всеобщее возмущение вызвал факт приобретения им безумно дорогого японского телескопического спиннинга, якобы для ужения рыбы в демгородковском пруду. Для сравнения: даже экс-ПРЕЗИДЕНТ, страстный рыболлов, летавший по субботам на Великие Озера, довольствовался скромным удилищем, вырезанным из молодой коленчатой березки. «С жиру бесится!» — возмущались поселенцы.

Правда, на несколько дней их воспаленное внимание переключилось на изолянта № 802 — здорового малого с лицом начитанного хулигана. В своей догородной жизни он был знаменитым проповедником-эйкуменистом. У этого хулителя истинной веры ни с того ни с сего вдруг обнаружили заветные талончики, и он зачастил в «Осинку». Однако ситуация довольно быстро разъяснилась: талончики оказались умелой, но небезукоризненной подделкой, что и обнаружил своевременно учетно-финансовый отдел. Подъесаул Папикян собственноручно отхлестал мошенника по щекам, приговаривая в том смысле, что, мол, подделка платежный документ — это тебе не эйкуменизм заместо православия впарить! А перед очередным воспитующим киносеансом был объявлен и приговор — три месяца принудработ на общественном картофельном поле с конфискацией неправедно нажитого имущества.

Теперь читателю будут вполне понятны предпосылки драки, случившейся в Демгородке тем памятным днем. Началось с того, что № 62, как обычно, вышел из «Осинки», сгибаясь под тяжестью полиэтиленовых пакетов, до отказа набитых разнообразным импортным товаром. Но тут ему заступил дорогу изолянт № 359, возглавлявший некогда самый настырный шахтерский стачечный комитет и даже однажды по этому поводу спустившийся в забой.

— Откуда же, сволочь, у тебя столько зеленых? — нехорошо улыбаясь, обратился № 359 к № 62.

— Это неприлично — считать чужие деньги! — с едким миролубием отозвался человек-крот и поспешил мимо.

— Может, пивком угостишь? — вновь преграждая ему путь, откровенно потребовал бывший шахтерец.

— Пить надо на свои! — прозвучал ответ, стоивший впоследствии очень дорогого.

— Да где уж нам! — подключился к нарождающемуся конфликту оказавшийся тут как тут изолянт № 144, в недавнем прошлом видный экономист, автор программы перехода к рынку «Девять с половиной недель».

— Пока мы с тобой за демократию бились, этот упырь детей инвалидов грабил! — вскричал, ободренный поддержкой, № 359.

— Знаем, знаем, как вы бились, — многозначительно буркнул № 62, пытаясь обойти нападающих.

— Что вы имеете в виду, мразь такая? — побледнел от негодования бывший экономист, действительно каким-то боком замешанный в одном оглушительном банковском скандале.

— Знаем-знаем... — затравленно озираясь, повторил человек-крот.

— Задушу-у-у! — вдруг страшно заголосил № 359, который, поначалу руководя борьбой шахтеров, а потом борьбой против шахтеров, ожесточился сердцем до чрезвычайности.

С этим боевым кличем он бросился к перепуганному человеку-кроту, но вопреки декларированным угрозам схватил его почему-то не за горло, а за тугой пакет, откуда торчало горлышко изысканной бутылки.

— Грабь награбленное! — в свою очередь выкрикнул автор программы «Девять с половиной недель» и выхватил у ошеломленного богатея вторую сумку. — Еще сопротивляется...

На шум из близлежащих домиков повыскакивали изолянты. Кто-то из них с ходу обозвал человека-крота свиньей и засветил ему в ухо, тем самым переводя конфликт на качественно новый уровень.

— Господа! Делить надо по справедливости! — напрасно зывала ширококотелая дама, в свое время чуть не ставшая министром обороны, а потом работавшая советником президента по вопросам охраны материнства и детства.

Но вот к месту беспорядков подоспели спецназгвардейцы во главе с сержантом Хузиным. Лихо врезавшись в толпу, они профессионально разорвали ее на несколько копошащихся клочков, решительно работая дубинками-демократизаторами, начали умиротворять разбушевавшихся изолянтов и прежде всего отбили у них плачущего и окровавленного человека-крота: он судорожно прижимал к груди единственное, что у него осталось, — бутылку «бордо» урожая 1974 года.

— В следующий раз вообще приедем! — никак не мог утомиться непоправимо опоздавший к торжеству социальной справедливости изолянт № 43, бывший вице-премьер и автор знаменитой теории «стимулирующей зависти». Суть этой теории в том, что немущие слои, видя, как растет уровень жизни слоев имущих, начинают страшно завидовать и потому трудиться гораздо интенсивнее, а в результате наступает повальное процветание!

Сержант Хузин, не глядя, достал его демократизатором, и № 43 сразу же угомонился.

— Расходитесь! — крикнул Ренат. — А то будем искать зачинщиков!

Но не тут-то было: в толпе уже начался непростой и противоречивый процесс перераспределения отнятых у богатея продуктов. В этот момент к киноторговому центру, визжа тормозами, примчалась вызванная по радию «санитарка», и 62-го силой стали укладывать на носилки. Он возражал, даже кусался, видимо, опасаясь, что в медчасти у него отберут последнее. В суматохе никто не заметил, как из толпы занятых дележкой изолянтов вылетело несколько булыжников, нацеленных, конечно, в человека-крота, но попавших почему-то в водителя «санитарки», который без звука повалился на землю.

Ренат принял молниеносное решение: он бросил вверенных ему спецназгвардейцев в атаку, и те, молотя демократизаторами, мгновенно рассеяли толпу изолянтов, в ужасе побросавших свою добычу, и она досталась, естественно, победителям. Потом

Ренат приказал стряхнуть с носилок человека-крота и уложить на них потерявшего сознание шофера.

— Курьлев, за руль! — приказал сержант Хузин.

Мишка с тоской посмотрел на Лену: она все так же стояла, испуганно прижавшись спиной к витрине. Перед тем как сесть в машину, Курьлев незаметно приложил ладонь к груди. Лена в ответ сделала то же самое.

— Давай, давай, рули! — противным голосом приказал Ренат.

— Рулю! — огрызнулся Мишка, поворачивая ключ зажигания.

— Дуй в санчасть, Симплиссимус!

— Дую...

— А чего ты такой злой? Пива хочешь? — спросил сержант, кивнув на несколько помятых банок, катавшихся под ногами.

— Не хочу...

Они развернулись, и Мишка включил сирену.

— А как у вас будет «люблю до гроба»? — вдруг лениво-равнодушным голосом поинтересовался Хузин. — Вот так, да?

Он, томно закатывая глаза, приложил растопыренные пальцы к сердцу, а потом приставил указательный палец к виску и громко щелкнул большим и средним.

— Вот так, да?

Мишка от неожиданности чуть не въехал в кювет...

9

Изолянт № 55 умер ночью от сердечного приступа.

Ренат лично заехал за Курьлевым, разбудил и повез на «газике» в гараж, где стояла демгородковская санитарная машина. На ней, и только на ней, возили в городскую клинику тяжелых больных, а покойников — в крематорий.

— Вставай, говновоз, тебя ждут великие дела!

— А? Кто это? Что случилось? — спросонья вскинулся Курьлев.

— № 55 при смерти... А может, уже и умер. В любом случае везти надо. Одевайся!

— На чем везти?

— На горбу. У санитарщика сотрясение. Путевку я на тебя оформил. Одевайся, тормоз!

— А сколько времени? — спросил Курьлев, хотя прямо у него над головой стучали облупившиеся ходики.

— Без трех минут четыре. Для сердечников самое время...

— Укол-то хоть сделали?

— А как же! Без укола никак нельзя.

Они сели в комендатурский «газик» и, прыгая на ухабах, помчались к демгородковскому автохозяйству. Конечно, это было нелепо: где-то хрипит умирающий, а сержант спецназгвардейцев везет шофера-ассенизатора, временно замещающего травмированного водителя «санитарки», в гараж вместо того, чтобы давно уже на первых попавшихся колесах домчать больного старика в клинику. Но так, увы, не только в Демгородке —

так везде. «И запрягаем долго, и ездим хрен знает как!» — антипатриотично вздохнул Мишка.

— Жалко Ленку! — неожиданно сказал Ренат. — Папаша помрет — на тебе девчонка останется.

— Почему на мне?

— Сволочь ты голубоглазая! Думаешь, любовь — это только когда ты на ней?

— При чем тут любовь? — чтобы выиграть время, переспросил Курьлев.

— Значит, ты девчонке жизнь просто так испакостил?

— Почему это испакостил?

— Ну, Курьлев! Ну, почемучка с ручкой! Она уже три медосмотра пропустила... — Сержант так крутанул «баранку», что Мишка чуть не вылетел из машины.

— А ты что, следишь за нами?

— Слежу.

— Спецнацзадание?

Ренат даже оторвался от дороги и с интересом поглядел на Курьлева, соображая: случайно тот ответил так удачно или просто раньше дурачком прикидывался?

— Если б задание, ты уже давно бы не ассенизатором, а дезактиватором работал! Понял?

— Понял, — без затей кивнул Мишка.

Они уже подъезжали к Демгородку, и на сторожевых вышках, стилизованных под теремки, можно было разглядеть часовых, топтавших возле крупнокалиберных пулеметов. Солнце еще не взошло, но над лесом облака уже светились изнутри рыжим огнем. Простояли еще на третьем КПШ. Молодой bestолковый сержант куда-то звонил, потому что, понимаете ли, после угрожающих писем президентам и мордобоя возле «Осинки» пропускной режим ужесточили. В довершение всего он еще стал дотошно осматривать «газик».

— Львов ищешь? — презрительно спросил Хузин.

— Согласно приказа! — бодро ответил тот.

К домику № 55 подрулили, когда солнце уже взошло и висело над лесом, точно новенькая медаль «За верность России». На крыльчке стояли два спецназгвардейца с автоматами и дежурный санитар в белом халате. Они курили, ржали и жрали крупную клубнику, насыпанную в белую докторскую шапочку, которая в нескольких местах пропиталась кровавыми пятнами.

— С прибытием, господариц сержант! — поприветствовал спецназгвардеец.

— Ну как он? — сурово глянув, спросил Ренат.

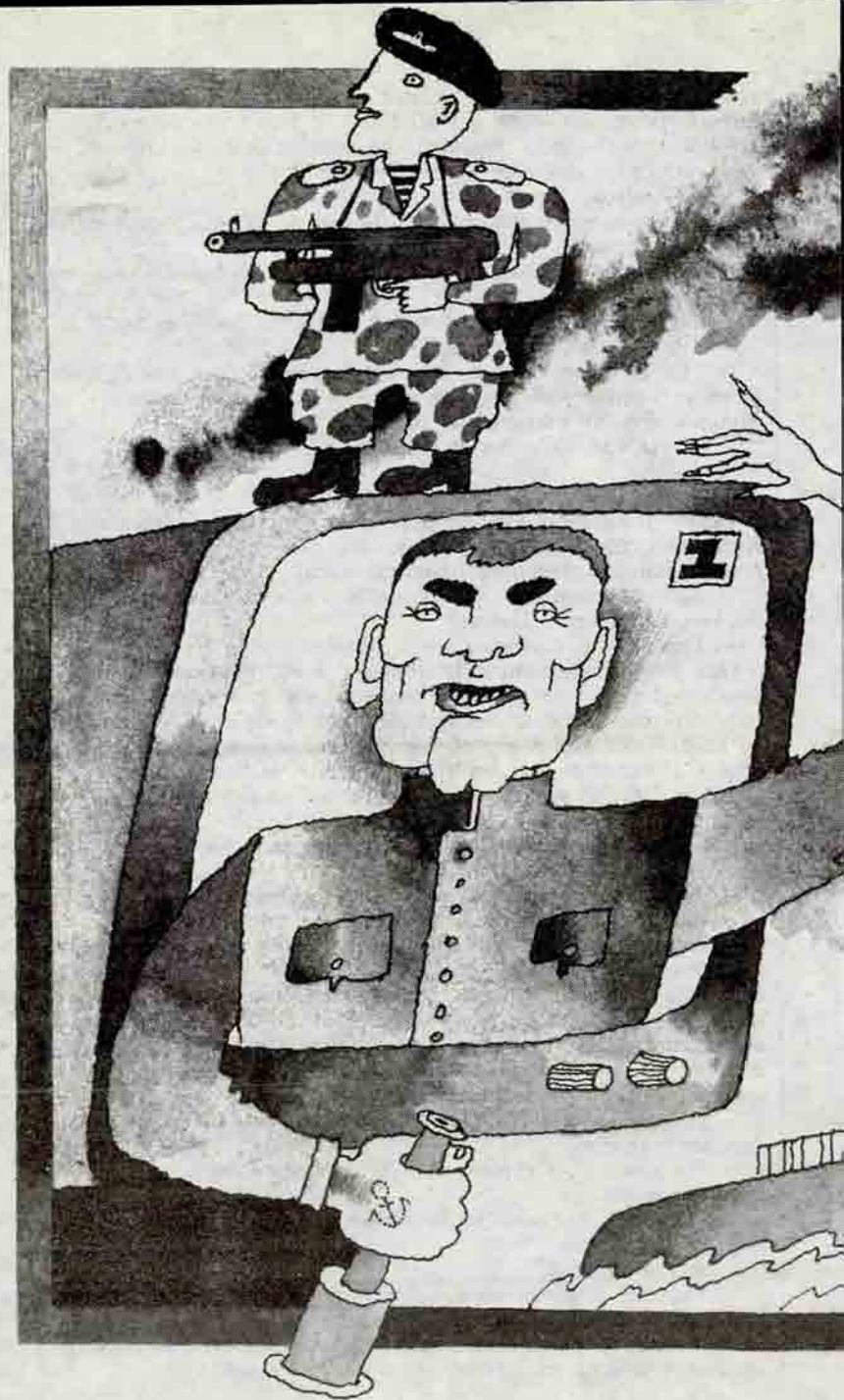
— Готов.

— Острая сердечная недостаточность, — пояснительно добавил санитар.

— А где № 55-Б?

— Рыдает. Я хотел ее осмотреть, чтобы лишний раз в медпункт не гонять. Не далась — гордая...

Спецназгвардейцы захохотали и игриво посмотрели на Курьлева — источник их эротических отдохновений.

1993

Изолянт № 55, Борис Александрович, отец Лены, лежал, вытянувшись на кровати, и, казалось, просто спал с открытым ртом. Она сидела рядом, смотрела в пространство и держала обеими руками неживую ладонь отца.

— Жаль, что так получилось... — помолчав, выговорил Ренат. Лена в ответ только пожала плечами.

— Он успел? — совсем уже по-другому, строго и тихо спросил сержант.

Лена еле заметно наклонила голову.

— Ты запомнила?

Лена закрыла глаза — то ли подтверждая, то ли потому, что не могла сдерживать слезы.

— А что она должна запомнить? — встрял Мишка, с удивлением глядя на них.

— Не твое дело! — отрезал Ренат и выглянул в окно. — Я пойду с гробом разберусь, а ты поговори с этим Калибаном! Теперь все от него зависит. Времени мало, сейчас «похоронка» припрется! Ты меня поняла?

— Поняла, — отозвалась Лена, и Мишка не узнал ее голоса.

«Похоронкой» в Демгородке называлась комиссия, состоявшая из начальника учетно-финансового отдела подьесаула Папикяна, главврача и представителя изолянтской общественности. Именно они активировали усопшего, после чего покойника на «санитарке» под обязательной охраной спецнацгвардейца везли в областной крематорий. Это была нелишняя предосторожность: время от времени случались нападения на машины «скорой помощи». Избавитель Отечества, несмотря на титанические усилия, пока не мог окончательно искоренить торговлю человеческими органами для пересадки — бизнес, ядовитыми цветами распутившийся при демократах. Одного пойманного «почечного барона» адмирал Рык приказал самого «с потрохами» пустить на трансплантацию! При этом он сказал: «На Страшном суде ангелам придется потрудиться, выковыривая эту сволочь из добрых христиан!» Поговаривали, что глубокозаконспирированные «Молодые львы демократии» тесно связаны с «почечными баронами» и финансируются ими...

— Миша! Помоги мне! — вдруг громко, почти истерично крикнула Лена.

Решив, что ей стало плохо, Курьлев бросился к кровати и схватил Лену за плечи. Только тут он заметил, что веки у покойника сомкнуты неплотно и поэтому кажется, будто он незаметно подсматривает за ними.

— Ми-иша! Ты должен мне помочь! — повторила она. — Я здесь больше не могу... я боюсь... Они убьют нашего ребенка!

— Почему ты мне раньше ничего не сказала? Почему о нашем ребенке мне говорит Хузин? — с обидой спросил Курьлев.

— Я боялась...

— Чего?

— Я всего боялась...

— И меня тоже?

— И тебя... Ты простишь?

— А Рената ты не боялась?

— Нет, он — друг...

Лена выпустила отцовскую ладонь, и Курьлев, оторопев от подтвердившегося страшного предчувствия, увидел, что безымянный палец мертвой руки согнут в масонский крючок. Мишка так устался на этот коченеющий знак чужой тайны, что даже не заметил, как Лена встала с кровати и положила ему голову на плечо.

— Что ты от меня хочешь?

— Я хочу, чтобы ты увез меня отсюда! Меня и моего будущего ребенка...

— Нашего ребенка,— угрюмо поправил Мишка.

— Да... Конечно... Прости! Ми-ишка, я так хочу, чтобы мы с тобой отсюда уехали! Я люблю тебя...

— Лена! Ленхен! — Мишка обнял ее. — Что ты такое говоришь?! Ты же не девочка. Как я увезу тебя отсюда? Как?! Я же не Бог... и не полубог...

— Ренат знает как,— горячо зашептала Лена. — Мы уедем в Англию. У нас будет много денег! Ми-ишка, ты даже не знаешь, как хорошо в Англии! Там везде газоны и лужайки! А травка такая нежная, как... как... — Она расстегнула его рубашку и провела пальцами по волосатой курьлевской груди.

— Хорошо, уедем,— кивнул он. — Но сначала ты мне скажешь, кто такой Ренат!

Лена порывисто обняла Мишку и притянула к себе. Он думал, она просто хочет его поцеловать, но вместо поцелуя она прошептала ему на ухо три слова, которые решили все.

— Я согласен! — ответил Мишка и сам поцеловал Лену. — Я по тебе жутко соскучился!

— Ми-ишка... — чуть слышно ответила она. — Ми-ишка, у меня больше нет папы... Понимаешь, Ми-ишка, моего папы у меня больше нет...

У забора уже толпились изолянты, пришедшие на несанкционированный траурный митинг. Чуть в стороне стоял № 62 с пластыревыми наклейками на лице и с большой адидасовской сумкой в руке. Очевидно, он решил к открытию прошмыгнуть в «Осинку», но узнал о смерти 55-го и задержался. Мордочка у человека-крота была грустная и виноватая...

Тем временем спецназгвардейцы под командованием Рената притащили со склада большой гроб, обитый сатином цвета «хаки», точно хоронить собирались отставного прапорщика. Кстати, это был один из тех редких случаев, когда Избавитель Отечества не сдержал своего слова. Поначалу он обещал «демокрадов», сделавших погребение самым дорогим в жизни удовольствием, хоронить, «как цыплят, в целлофане». Но отходчив русский человек...

— Пр-р-ропустить р-ритуальные пр-ринадлежности! — раскатисто крикнул сержант Хузин.

Два спецназгвардейца, расталкивая траурно-митингующих, потащили гроб к дверям. За ними шагал третий и нес черный несвежий костюм и пару ботинок-мокасин. При виде всего этого изолянты окончательно отвлеклись от прощальных слов и нача-

ли перешептываться. Ходили упорные слухи, будто каждый раз демгородковских покойников в крематории раздевают, а одежду и гроб возвращают назад, дабы сэкономить народные деньги.

— Сбоку, сбоку посмотрите, — зашептал кто-то. — Я очки забыл. На правом ботинке должна быть царапина! Я в прошлый раз специально гвоздиком...

Мишка курил, сидя на траве, и потому сначала увидел только здоровенные десантные башмаки подошедшего к нему Хузина.

— Ну, Болдуин? — молвил Ренат, и в этом вопросе была вся Мишкина жизнь.

— Думаешь, запрят? — спросил Мишка, поднимая глаза на Рената.

— Давно уже. Осталось покататься. Поедешь?

— Поеду...

— Молодец, смелый ты парень! Проверь машину! С таким грузом мы заглохнуть не имеем права...

Поднимаясь с травы, Мишка подумал, что сержант здоров как бык да еще наверняка занимался карате или ильямуромкой — исконно славянской борьбой, введенной в армии по приказу Избавителя Отечества. Если что, один на один с Хузиным не справиться...

10

Из армии Курылева и вправду погнали по женскому поводу. Дело было так. К начальнику штаба полка из Санкт-Петербурга прибыла погостить племянница — выпускница колледжа с резко гуманитарным уклоном. Когда в первый же день она пошла прогуляться по гарнизону, то сразу сорвала строевой смотр, так как солдатики перестали воспринимать команду «равняйся!», а равнялись исключительно на приезжую девчонку. Ничего удивительного в этом нет: еще в седьмом классе она тайком от родителей поучаствовала в конкурсе «Мисс Грудь», организованном еженедельником «Демократическая семья», и получила поощрительный приз «за перспективность» — классный двухкассетник. Родителям она, конечно, наврала, будто магнитофон ей дала послушать подружка. Наверное, все это так и осталось бы ее маленькой девичьей тайной, если б однажды во время чинного домашнего ужина при включенном телевизоре на экране не возникли наиболее выдающиеся участницы конкурса, включая и обладательницу поощрительного приза «за перспективность».

Разумеется, она ожидала чудовищной взбучки и отлучения от мороженого на необозримо длительный период, однако взвинченным родителям было не до нее — они до хрипоты, до взаимных оскорблений спорили о том, кто из них в этой ситуации должен уволиться с работы и полностью посвятить себя дочери. Победила-таки мать и оперативно помогла дочке получить приглашения на конкурсы «Таллиннская наяда» и «Сибирские ягоды»...

Но тут как раз пришел к власти адмирал Рык, мгновенно запретивший конкурсы обнаженной красоты. Любопытная де-

таль: арестованную в полном составе редакцию еженедельника «Демократическая семья» он приказал в назидание провести по бульварному кольцу, причем журналисток голыми по пояс, журналистов голыми до пояса, а главный редактор шел в совершенно натуральном виде. Короче, карьера на подиуме девчонке не удалась, и пришлось вернуться за парту...

Но почему эта захватывающая дух призерка, гостя у дяди, остановила свой выбор на скромном подпоручике Курылеве, остается загадкой природы. Сама она объяснила все очень просто: «Я когда тебя, Майкл, увидела, у меня внутри все сжалось...» А потом случилось непоправимое. Воротись начальник штаба и его жена домой хотя бы порознь, и дело, наверное, можно было бы замять, однако, став коллективными свидетелями буйного пиршества юной плоти, они, вероятно, почувствовали гнетущую бездарность своей наполовину отмотанной супружеской жизни, а такое не прощают. Курылева обвинили в соращении малолетней, ибо мисс Грудь пошел всего осымнадцатый. Суд офицерской чести был завистливо-беспощаден...

Военного человека, выставленного «на гражданку», можно, извините за прямоту, сравнить с верной собакой, привыкшей выполнять все команды хозяина и убежденной в том, что мясная похлебка в любимой миске появляется дважды в день сама собой. И вдруг... Наверное, Мишка так бы и спился, попал под указ адмирала Рыка «о дисциплине употребления алкогольных напитков» и очутился в конце концов на какой-нибудь отдаленной стройке национального возрождения, если бы не один жуткий случай, перевернувший его судьбу. Однажды, разгрузив вагон и заработав, Курылев отчаянно завелся и в привокзальной пивной познакомился с одним командированным — разговорчивым добродушным толстяком, тоже пострадавшим от людской несправедливости...

Сколько они выпили сообща, сказать невозможно, но очнулся Мишка в «попсе» с дикой головной болью и чувством несправимой вины, точно бросил вчера гранату в детский садик. Суровый председатель «попса» предъявил ему фотографии, на которых в разных ракурсах был запечатлен изуродованный труп случайного собутыльника, и заключение экспертизы, уверявшей, что пятна крови на Мишкиной одежде совпадают с группой крови убитого. Мало того, «попсари» уже успели связаться с бывшей курылевской частью и разнюхать, за что именно его уволили в запас. Конечно, если б Курылев находился под обычным следствием, он объяснил, что по врожденному добродушию не только убить — ударить-то не может и что растленной им девице до совершеннолетия оставалось всего полтора месяца... Но Мишка попал в «попс» — пункт оперативного правосудия! «Попсы» были созданы по личному указанию Избавителя Отечества и очень скоро резко снизили уровень преступности. Простые люди смогли наконец спокойно спать или гулять по ночному городу. Если б не глубокозаконспирированные «Молодые львы демократии» и неуловимые «почечные бароны», задачу искоренения преступности можно было считать выполненной.

Честно говоря, Мишка уже не надеялся выбраться живым, но

тут случилось непредвиденное. Он даже сначала думал, будто один раз в жизни ему по-настоящему повезло! В ту пору в Москве гостила небезызвестная Джессика Синеусофф, очаровательная хозяйка ресторанчика «Russian blin» из Торонто, и адмирал Рык, будучи настоящим рыцарем, на время ее визита приказал притормозить очистительную работу «попсов».

Идея пригласить Джессику в Москву и познакомить ее с Избителем Отечества родилась не случайно. Как известно, советник адмирала по творческим вопросам Николай Шорохов был убежденным монархистом, никогда не скрывал и в давнишние годы чуть не вылетел из Союза писателей за то, что носил в кармане перстень с изображением гербового орла. Именно он посоветовал адмиралу Рыку прочитать знаменитую книгу Тимофея Собольчанинова «Без трона не строимся», о которой сам И. О. впоследствии сказал: «Нечеловеческая книга...» Впрочем, Иван Петрович и сам по себе давненько задумывался об особом пути России, а все особые пути, как известно, ведут в Третий Рим...

Однажды во время дружеского ужина на террасе Форосской дачи Избитель Отечества, задумчиво поиграв серебряной подзорочкой, молвил, что Россия такая страна, где без самодержавия не разберешься... И тогда Николай Шорохов, дождавшись своего часа, решительно предложил адмиралу Рыку организовать прямые всенародные выборы монарха: «Харизмы у тебя до хрена, а легитимность сделаем!» Его горячо поддержал и первый заместитель П. П. Чуланов: «Петрович, и не сомневайся! Если они таких козлов президентами выбрали, то неужели такого орла, как ты, царем не проголосуют!» Но Избитель Отечества только покачал головой и вздохнул: «Европа засмеет...»

Николай Шорохов оказался вдумчивым и настойчивым советником. Поразмышляв, он решил пойти другим путем и предложил Ивану Петровичу для-ради государства жениться на одной из потомок венценосных Романовых. Эту идею от души поддержал и Тимофей Собольчанинов, приславший из своих Горок факс следующего содержания: «У царя царствующих много царей. Народ согрешит — царь умолит, а царь согрешит — народ не умолит. Царь от Бога пристав». Это послание великого мыслителя, пожалуй, и сломало окончательно воинствующую скромность Избителя Отечества.

Но тут возникла иная проблема: кто-то из отпрысков Дома Романовых не подходил по возрасту в ту или обратную сторону, кто-то уже был замужем, а кто-то попросту не нравился лицом, статью или мастью. В общем, ситуация снова зашла в тупик, и снова свою незаурядную находчивость проявил Николай Шорохов, заявивший, что на Романовых свет клином не сошелся, встречались в российской истории еще и Рюриковичи! Тогда-то и разыскали в Торонто тридцатилетнюю хозяйку ресторанчика «Russian blin» Джессику Синеусофф, прямую потомку легендарного князя Синеуса, родного брата Рюрика. Когда же на стол кремлевского кабинета легла цветная фотография рюриковны, сделанная на нудистском пляже, Избитель Отечества уронил свою подзорную трубочку и молвил:

- Мать честная! А как же Галина?
- Она поймет,— успокоил Николай Шорохов.
- А Ксения?
- Ей объясним,— пообещал П. П. Чуланов.

Оставалось решить, под каким именно предлогом пригласить Джессика в Россию, ведь западные средства информации излагали происходившие в стране перемены самым пугающим образом. Но и тут оригинальное решение было найдено: объявили международный конкурс эрудитов «Русский вопрос», а специально завербованный хозяин мясной лавки, где Джессика постоянно покупала парную телятину, убедил ее принять участие в конкурсе. И хотя она, слабо владея языком предков, насажала в своем письме кучу ошибок да и ответила толком на один вопрос из 42, именно ее признали победительницей и наградили двухнедельным туром в Россию.

Следуя тонким советам Николая Шорохова, Избавитель Отечества принял победительницу конкурса в Кремле, в своем кабинете, в парадном адмиральском мундире с кортиком на боку и имел с ней теплую продолжительную беседу, а вечером пригласил ее в Большой театр на «Лебединое озеро». После балета они ужинали в «Славянском базаре», где смогли спокойно пообщаться наедине, так как все прочие столики и кабинеты были заняты лучшими «россомоновцами», поощренными таким вот способом за образцовую службу...

На следующий день в сопровождении верных людей Джессика отправилась в путешествие по просторам России, причем маршрут был составлен Николаем Шороховым так, чтобы будущая царица смогла как можно полнее ознакомиться с жизнью и бытом своих будущих разноплеменных подданных. Больше всего ее поразили Кавказские горы, а также выражение «сходить на двор» с последующим отважным поступком, свидетельницей которого она стала в заснеженной сибирской деревне, куда ее спустили на вертолете полюбоваться следами, оставленными в сугробе реликтовым гуминидом.

Улетала в Канаду Джессика через две недели усталая, но очень довольная. Домой ее должен был доставить специально выделенный аэробус, едва вместивший в себя щедрые дары гостеприимных россиян. Чего тут только не было: и бочка башкирского меда, и самаркандские ковры, и штабеля украинского сала, и груды прибалтийского янтаря, и грузинская чеканка, и даже шкура того самого неуловимого гуминида...

Кстати, именно здесь, у трапа самолета, воспользовавшись тем, что Николай Шорохов и П. П. Чуланов деликатно отошли в сторонку, Избавитель Отечества, смущаясь, как школьник, поведал Джессике о своих матримониально-монархических мечтах. Она звонко рассмеялась и, поднеся к лицу носовой платочек, сказала: «Вы очень юмористический мужчина!» Но тут в дело вмешались прислушивавшиеся к разговору Н. Шорохов и П. П. Чуланов и решительно подтвердили, что такими вещами не шутят, а речь идет о деле чрезвычайной государственной важности!

Джессика посерьезнела, поморщила носик и созналась: поездив по России, она пришла к выводу, что управлять этой страной, очевидно, не труднее, чем управляться с рестораником «Russian blin» в условиях жесткой конкуренции и скрупулезного налогообложения, поэтому ее тревожит не столько державная, сколько интимная сторона вопроса. У нее в жизни было несколько не очень удачных сексуальных эпизодов, и она боится снова ошибиться... На прощание она протянула адмиралу руку и тонко глянула на его безымянный палец, на котором виднелся след от предусмотрительно снятого обручального кольца. А стоя на первой ступеньке трапа, Джессика вдруг прослезилась, прикрываясь платочком, поцеловала Избавителя Отечества в щеку, но тут же тщательно стерла платочком след от губной помады с адмиральской щеки.

— И про Галину разнюхала, и про Ксюху тоже... — пробормотал Иван Петрович, тоскливо глядя вслед обворожительной рюковне.

Вернувшись в Кремль, адмирал Рык одним росчерком пера уничтожил всех экстрасенсов, астрологов, колдунов, белых и черных магов, медиумов и прочих сверхъестественных проходимцев, необычайно расплодившихся за годы Демократической смуты. Это было тем более удивительно, что раньше Избавитель Отечества относился к данной категории трудящихся с явной симпатией и даже пользовался их услугами. Особенно он благоволил к одному знаменитому психотерапевту, который два раза в неделю с экрана телевизора залезал своим целительным взглядом в самое народное нутро, а кроме того, изобрел знаменитый приворотный лосьон. Каждый желающий, переведя известную сумму на конкретный счет, мог получить по почте бумажку, смоченную лосьоном и инструкцию по эксплуатации. В ней рекомендовалось сначала нормализовать свой вес, избавиться с помощью специалиста от нежелательных образований на коже, залечить зубы, освоить хорошие манеры, купить модную одежду, а потом уже, подвесив на грудь ладанку со смоченной бумажкой, идти «приворачивать» объект неутоленной страсти. Конечно, для Избавителя Отечества в канун решительного объяснения с Джессикой доставили полную склянку приворотного лосьона, и адмирал пустил его в дело почти без остатка... Беспристрастный химический анализ показал, что в склянке содержался дешевый одеколон «Гвоздика», чрезвычайно эффективное средство для отпугивания комаров, и тогда стало понятно, почему предполагаемая царица, разговаривая с будущим самодержцем, постоянно морщила носик и подносила к лицу платочек.

В результате сам знаменитый психотерапевт, дававший установку всей стране, был отправлен в Демгородок, как Ихтиандр, в бочке, до краев наполненной злополучным эликсиром. От этого запаха он не может избавиться и по сей день. Остальных бойцов эзотерического фронта рассредоточили по стройкам национального возрождения. Правда, сначала сгоряча замели и всех пирковых фокусников, но адмирал Рык в отличие от своих предшественников никогда не упорствовал в ошибках: через полгода иллюзионисты вернулись к своим зрителям...

— Ну, Шпенглер, машину проверил? — спросил Ренат и каблуком с силой надавил на покрывшку.

— Проверил, — буркнул Мишка; его все больше злила наглая загадочность сержанта.

— Уйдем, если что случится, от «почечных баронов»?

— Уйдем...

— Смелый ты парень! Ладно, пошли мортинто выносить...

— Чего? — не понял Курьлев.

— Жмурика пошли вытаскивать!

Тем временем с крыльца медленно спустилась «похоронка»: подъесаул Папикян в черной черкеске с пластмассовыми газырями, главврач в белом накрахмаленном халате и со стетоскопом на шее вроде амулета. Последним брел, позевывая, представитель демгородковской общественности изолянт № 330, в прошлом совершенно независимый и абсолютно безвредный народный депутат. Но с ним очень злую шутку сыграли парламентские телерепортеры: они постоянно показывали его на экране и всегда в откровенно спящем виде. В результате именно № 330 крепче всех из депутатского корпуса запомнился адмиралу Рыку, и, придя к власти, он отправил беднягу в Демгородок — «досыпать»...

Митинг уже закончился, но у заборчика толпилось человек пятнадцать, ожидая выноса тела. Подъесаул Папикян сурово велел им расходиться, потом огляделся и пальцем поманил к себе Рената.

— Ты, что ли, сопровождаешь? — спросил он, ткнув нагайкой в грудь Хузину.

— Так точно, господариц подъесаул! — дурашливо отрапортовал сержант.

— Вещи обратно по описи примешь. В прошлый раз носки не вернули... Смотри, а то выпорю! Понял?

Войдя в дом следом за Ренатом, Мишка после яркого утреннего света не сразу заметил перемены. Борис Александрович был уже в гробу, установленном на разложенном, как для гостей, столе. Его голова была чуть наклонена вперед, и казалось, что он старается разглядеть ту самую пресловутую царяпину на казенных мокалинах. Лена ничком лежала на кровати и устало плакала.

Хузин закрыл дверь, накинул крючок, потом прошел вдоль окон, задергивая занавески.

— Вставай! — приказал он.

Лена медленно села на кровати — у нее были потухшие глаза, красное от слез лицо и растрепанные волосы. Увидев Мишку, она машинально начала поправлять прическу, потом передумала и хотела повязать на голову косынку, но вдруг как-то обреченно вздохнула и застыла, уронив руки.

— Я не могу, — чуть слышно сказала она.

— Почему? — спросил Ренат.

— Потому что я не могу... Мне очень плохо.

— Но ты же сказала, если он согласится, — Хузин презритель-

но кивнул в Мишкину сторону, — ты тоже согласишься. Он согласился. Давай, Акутагава, скажи громко: я согласен.

— Я согласен! — громко сказал Курьлев.

— Вот видишь!

— Вижу... — ответила Лена, вставая с кровати. — А как-нибудь по-другому нельзя?

— Нет, — отрезал Ренат и, повернувшись к Мишке, приказал: — Бери за ноги...

В курсантские годы Курьлев каждые каникулы, чтобы подхалтурить к нищенской стипендии, вербовался в разные горячие точки. Однажды под Сухумом их отряд здорово потрепали, и они драпали, попеременно таща на самодельных носилках одного парня, подстреленного снайпером. Может, от страшной усталости, а может быть, просто по молодости, но тогда Мишке труп того щуплого курсантика показался неподъемной тяжести. Однако Борис Александрович был на удивление легким.

— Заноси! — скомандовал Ренат. — А ты отойди!

Лена покорно отошла в сторону. Они вынули тело из гроба и плюхнули на матрац. Потом Хузин оглядел получившийся натюрморт вдумчивым дизайнерским взглядом, перевернул покойника на бок и, отобрав у Лены косынку, обвязал ею голову усопшего. В довершение он накрыл труп одеялом так, чтобы виден был лишь кончик этой черной косынки. После всего сделанного, Ренат отошел к двери и оттуда придирчиво оценил результаты своего труда.

— Нормально, — сказал он. — А теперь ты ложись!

— Я не могу! — прошептала Лена и попятилась.

— Тогда все ляжем и по-настоящему!

Она закусила губу и медленно подошла к гробу, встала ногами на стул, а затем начала неловко укладываться в эту, как выразился подъяесаул Папикян, «спецтару». Там, внутри, прямо по середине проходил грубый шов, соединявший два куса прапорщического сатина. Казалось, стоит только улечься — шов разойдется, и человек навсегда провалится в черную свистящую пустоту...

— Я не могу, — повторила Лена, уже улегшись вовнутрь, точно говорящая кукла в огромную коробку.

— Послушай, Хузин! — не выдержал Мишка.

— А ты, монархист, заткнись! — оборвал сержант.

Потом он, сузив глаза, еще раз внимательно осмотрел кровать: из-под одеяла высовывался мокасин с очевидной царапиной на боку. Сначала Ренат попросту хотел натянуть на предательскую обувь одеяло, но, прикинув, стащил ботинки с покойника и надел их на босые Ленины ступни.

— Пожалуйста, не надо... — всхлипнула она.

— Выносим! — скомандовал Ренат и накрыл гроб крышкой.

Первые два КПП прошли почти без осложнений — там дежурили свои парни. На третьем КПП начались неприятности — утренний зануда сержант из свежего призыва еще не сменился. Он копался в предъявленных бумагах, все время переспрашивал, словно страдал беспамяетством, доставал из кармана устав караульной службы и заглядывал туда. Потом, подозрительно

осмотрев машину, он приказал Курьлеву выйти и открыть заднюю дверь. Ренат, поначалу наблюдавший все это, как бывалый сторожевой пес наблюдает щенячью возню, не выдержал:

— Может, тебе и «спектару» открыть?

— Нет, не надо... — поколебавшись, ответил новичок.

Забрав все документы, он ушел в караулку. Мишка глянул на Хузина — тот сидел в совершенно безмятежной позе, бесцельно улыбался и даже напевал что-то, но совершенно белый от напряжения палец лежал на спусковом крючке автомата. Неожиданно бронированные ворота начали раскрываться, и появившийся сержант-новичок, протянув Ренату проштампованные бумаги, попросил:

— А знаешь, ты гроб все-таки открой!

— Ты некротман, что ли? — изумился Ренат.

— Согласно приказа...

— Ну, тогда смотри... — Ренат, не выпуская автомата, повернулся и, дотянувшись до узкой части гроба, чуть сдвинул крышку: показались мыски казенных мокасин.

— Еще? — спросил Хузин.

— Еще! — ответил зануда сержант.

— Значит, смерти не боишься?

— Согласно приказа...

Ренат еще буквально на сантиметр сдвинул крышку и коротко глянул на Курьлева. Глаза у Хузина были веселые и абсолютно сумасшедшие. Мишка неприметным движением отжал сцепление, включил скорость и был готов по первому знаку рвануть в открытые ворота. И тут вдруг гроыхнуло в глубине поселка, над «Осинкой» поднялся черный с красными подпалинами столб дыма, а спустя мгновение на третий КПП обрушился странный град из пивных банок и плодов киви...

Отъехав от поселка километра два, Мишка глянул в зеркало заднего обзора и увидел над Демгородком большую темную тучу, похожую на грозовую, но только не синюю, а бурую.

— Львы? — спросил он.

— Догадливый ты, Шпет!

— А зачем вам Лена?

— Не бойся, дендрофил, не для того, зачем тебе.

— Мы поженимся, — совсем некстати сообщил Курьлев.

— Конечно, весь Кембридж на свадьбе гулять будет...

— Значит, мы теперь в Англию?

— Мелкими перебежками... — хмыкнул Ренат.

Возле немецкого дота, похожего на огромный бетонный кубик, вдавившийся под собственной тяжестью в землю, Хузин приказал свернуть на еле приметную лесную дорогу, заросшую зверобоем и одуванчиками. Потом он постучал костяшками пальцев по крышке гроба:

— Воскресай, дщерь Иаирова!

Крышка откинулась — и Лена села в гробу, точно гоголевская панночка, — бледная и трясущаяся. Все ее тело билось в жесткой, но совершенно беззвучной истерике.

— Успокойся! — приказал Ренат. — Он обещал на тебе жениться...

Прыгая на кочках и проваливаясь в рытвины, рискуя сломать передний мост, Мишка гнал «санитарку» по лесу, пока не уперся в здоровенную копну свежего сена. Навстречу им из-за кустов тут же выскочили два крепких парня в кожаных куртках, черной и коричневой.

— Без шума нельзя было? — раздраженно спросил тот, что был в черной куртке.

— Нельзя! — ответил Ренат, вылезая из машины. — Разъезжаемся — времени нет...

Он помог Лене выбраться из «санитарки», а парни начали быстро разбрасывать копну — под сеном была спрятана небольшая машина-рефрижератор с надписью «мясо». Ренат открыл дверцу холодильника и с галантным поклоном предложил Лене забраться вовнутрь, сострив что-то по поводу улучшения жилищных условий. Она беспомощно оглянулась на Курылева и жалобно спросила:

— А он?

— Что ты сидишь, как засватанный! — крикнул Ренат. — Иди к нам!

Мишка стал поспешно вылезать из кабины, но парень в коричневой куртке неожиданно и привычно заломил ему руку, а потом бросил лицом на капот.

— От меня ему еще добавь! — засмеялся Хузин.

Парень с готовностью саданул Курылева коленом в живот.

— Только печенку не отбей! Печенка мне скоро понадобится — я за бугром много пить буду! От ностальгии... — Говоря это, Ренат смеялся и легко удерживал отчаянно вырывавшуюся Лену.

— Отложим для тебя! — пообещал парень в черной куртке, застегивая на Мишкиных запястьях наручники.

— А мозги никому не продавайте — они у него бараньи! — предупредил Хузин.

Парни заржали. Курылев увидел у самого своего носа красный глянецкий баллончик и почувствовал нестерпимую резь в глазах. Перед тем, как раствориться в отвратительной стрекочущей пустоте, он успел понять, что его засовывают в гроб. И еще он услышал отчаянный вопль Лены:

— Ты же мне обещал! Ты же обещал...

12

Россомоновцы, разбив вдребезги оконную раму, влетели в операционную именно в тот момент, когда преступный хирург прицеливался, как половчей вскрыть беззащитное курылевское тело. Но Мишка, конечно, ничего этого знать не мог: его бесприютное сознание, не помня себя, витало в черном космосе, а мимо, точно хвостатые кометы, проносились пронзительно-красные, истощно-зеленые, душераздирающе-желтые Ленины крики: «Ты же мне обещал... обещал... обещал...»

В себя Курылев пришел только на следующий день, но ядовитый наркоз еще не выветрился, и поэтому прошлое в мозгу все никак не складывалось в законопослушный узор, а скорее напо-

минало разбросанные по комнате детские кубики с фрагментами до боли знакомой картинки...

— Где я? — спросил Мишка.

— В кремлевской больнице, — объяснил, наклонясь над ним, подполковник Юртин.

Нет, он не шутил: тайная база неуловимых «почечных» баронов, которую накрыли, следя за увозившей Курылева машиной, оказалась там, где и вообразить-то трудно, — в спецклинике на улице Грановского! А самым главным бароном, как выяснилось, был неприметный старикашка гардеробщик, за пятак помогавший не только одеть пальто, но и стряхивавший специальной щеточкой перхоть с плеч посетителя...

— Ну, как себя чувствуешь, Мишель? — сочувственно спросил Юртин.

— Я тебя не убивал, — ответил Мишка.

...В операции под кодовым названием «Принцесса и свинопас» Курылев согласился участвовать без колебаний. Еще бы! Ему твердо пообещали не только замять зверское убийство случайного собутыльника, но даже, если все пройдет успешно, восстановить в должности и присвоить очередное звание.

Прямо из камеры Курылева переправили в специальный учебный центр, замаскированный под детский пульмонологический санаторий. Там довольно торопливо и не очень-то основательно его научили вести слежку и уходить от «хвостов», составлять шифрованные донесения и закладывать их в заранее оборудованные тайники, работать с передатчиком и кинопроекционной аппаратурой... Показали Мишке и несколько силовых приемов, с помощью которых можно в секунду отправить на тот свет практически здорового человека, но посоветовали все-таки действовать больше головой и до рукоприкладства не доводить, ибо потенциальный противник может владеть теми же приемами и даже гораздо лучше.

Основательно и настойчиво Мишку учили двум вещам. Во-первых, тренировали память и слух, чтобы он мог слышать и запомнить шестизначное число, произнесенное по-русски, по-английски, по-французски или по-немецки. Во-вторых, ежедневно по четыре часа (два — теория, два — практика) с ним занимался известный сексовед, автор напумевшей книги «Как делать любовь?».

Окончив ускоренные курсы, Курылев успешно сдал экзамены: запомнил и повторил число, которое, предварительно вынув зубные протезы, прошамкал чекист-пенсционер, сидящий за рулем промчавшейся мимо машины. Кроме того, Мишка за три дня обольстил молоденькую искусствоведочку из Эрмитажа, собравшуюся замуж за преуспевающего дипломата и даже заказавшую себе уже свадебное платье...

Экзамены у него принимал знаменитый россомоновец по прозвищу Кротолов, прославившийся, в частности, тем, что выследил-таки матерого злодея Стратонова и порешил его прямо в рыбной секции супермаркета, несмотря на фальшивый паспорт и накладную бороду. Кротолов и передал Мишке приказ начальства приступить к первому этапу операции «Принцесса

и свинопас», а именно — вернуться в родное Алешкино, устроиться киномехаником на место изъятых Второва, натурализоваться и ждать связного. «А когда?» — любопытствовал Курьлев. «Может, и никогда. Твое дело быть готовым в любую минуту! — ответил Кротолов и коротким тычком в живот послал Мишку в глубокий нокдаун. — Пресс подкачай!..»

Курьлев все сделал, как приказали, и ждал так долго, что в душу начали закрадываться сомнения, мол, а может, в его услугах уже не нуждаются и самое лучшее в такой ситуации потихоньку продать домишко и затеряться в бескрайних просторах России, которая после присоединения еще и Сербии занимала даже больше, чем $\frac{1}{2}$ часть суши.

Но не тут-то было: найденный Мишкой покупатель-биллионщик, как мы знаем, сторел на этом деле, а через три дня в Алешкино босиком по снегу забрел последователь и популяризатор учения Порфирия Иванова. Собрав селян в клубе и призвав их окончательно слиться с природой, он потихоньку сунул Курьлеву шифрованную инструкцию, где было приказано «оставить самостоятельность и постараться устроиться вольнонаемным ассенизатором в Демгородок». «А если не возьмут? — засомневался Мишка. — Желающих во-он сколько!» «Будь ближе к природе!» — посоветовал связной и растер ему морду пригоршней крупнозернистого снега...

А вскоре его вызвал к себе только-только прибывший в Демгородок новый начальник отдела культуры и физкультуры. Войдя в кабинетик, украшенный этюдами знаменитого «идолога», Мишка прямо-таки остоленел: за столом, улыбаясь, сидел живехонький командированный, которого он в свое время зверски зарезал черенком бутылки.

— Не ожидал? — пристально глядя Мишке в глаза, спросил воскресший.

— Не ожидал... Так, значит, я...

— Ну, конечно... Моя фамилия Юрятин. Мне поручено руководить операцией на месте.

— Но почему именно я?

— Нам нужен был человек из Алешкино. Ты был обречен.

— А мисс Бюст?

— Это был тест, и ты его успешно прошел.

— Я не буду с вами сотрудничать! — решительно объявил обманутый Мишка.

— Будешь, — усмехнулся Юрятин и выложил на стол свеженький плакатик «Обезвредить опасного преступника», где красовалась Мишкина физиономия и подробно перечислялись все его приметы. — Понял?

— Понял...

— Еще заявления или вопросы имеются?

— А почему операция называется «Принцесса и свинопас»?

— Ну, это уж совсем просто! — улыбнулся Юрятин и рядом с плакатиком положил большую цветную фотографию.

На ней была изображена стройная темноволосая девушка в короткой теннисной юбочке. Она смотрела со снимка темными печальными глазами и улыбалась странной улыбкой, какая

бывает у человека, пытающегося по возможности весело поведать о своих несчастьях. Подполковник выложил перед Курьлевым пухлую папку и какую-то книгу. Это было подробнейшее досье на Лену и избранные сочинения Оскара Уайльда. «Избранное» Мишка прочитал без особого восторга, больше всего понравился рассказ про Кентервильское привидение, но он уже видел об этом мультфильм по телевизору. Но зато досье!.. Вся жизнь Лены была подшита в эту папку: свидетельство о рождении, аттестат зрелости, переснятые странички отроческого дневника с трогательными подробностями пробуждающейся девичьей души, письма к подругам и приятелям... фотографии... Правда, ничего пикантного, если не считать один снимок: Лена лежит на кровати абсолютно голая и хохочет. Ей года полтора...

Мишка обратил внимание на донесение агента, сообщавшего, будто, узнав об аресте отца и решив вернуться в Россию, она две недели провела в клинике доктора Подопригориншейна, где, кроме общеукрепляющих и успокоительных процедур, делались также операции по восстановлению девственности, если вдруг какой-нибудь богатой невесте въедет в голову эдакая ретро-блажь.

Конечно, Курьлев знал, что «Принцесса и свинопас» — сложнейшая многоходовая операция, в которой задействовано более полутора тысяч опытейших сотрудников, включая резидентов, а курирует ее лично помощник Избавителя Отечества по национальной безопасности — «помнацбес». Иногда у Мишки возникало чувство нереальности происходящего: неужели вся эта высококвалифицированная орава уродуется лишь для того, чтобы он, вышлебленный из армии подпоручик, мог благополучно завлечь на предусмотрительно раскладывающийся диван эту трогательную кембриджскую уайльдовку и в обстановке страстной неги выведать у нее тайный счет, на котором ее хитроумный папаша хранит денешки, уворованные у доверчивого русского народа! Однажды он спросил подполковника Юрятина: «А нет ли другого, более надежного способа завладеть тайной золотого счетика? Ну-у, гипноз какой-нибудь, таблеточки или укольчик...» «Нет!» — строго ответил начальник отдела культуры и физкультуры и объяснил, что, во-первых, самый короткий путь к сердцу женщины лежит через гениталии, а во-вторых, мало узнать номер счета и название банка, нужно еще завладеть полным доверием девушки, владеющей доверенностью на получение денешек. «А вы думаете, у нее есть доверенность?» — «Думают в сортире. В «Россомоне» знают!»

Впоследствии Мишка узнал: не очень-то надеясь на него и подстраховываясь, Лене в «Осинке» (а была она там всего два раза ввиду смехотворности валютных сбережений) подсунули специальные конфетки, повышающие потребность женского организма в любви и делающие беременность почти неизбежной...

Группа аналитиков, обеспечивающих интеллектуально операцию «Принцесса и свинопас», допускала, что к моменту начала операции изолянтка № 55-В могла и не знать главной тайны своего отца, всегда отличавшегося патологической скрытностью и никогда не рассказывавшего близким о том, какие поручения

он получал от всевозможных президентов и их поделщиков. Однако аналитики полагали, что, оказавшись в пограничном состоянии, он непременно посвятит единственного близкого человека — дочь — в свои секреты и объявит, что она становится обладательницей самого большого в мире состояния! Не соглашался с этой точкой зрения только один молоденький психолог-практикант.

Для контроля за событиями заготовили специальный препарат, вызывающий симптомы, очень похожие на острую сердечную недостаточность, и одновременно ввергающий человека в состояние неудержимой откровенности. Инъекцию планировали под видом прививки сделать в тот момент, когда отношения Курьлева и изолянтки № 55-Б окончательно трансформируются в необратимо-интимную привязанность, в просторечии именуемую любовью.

Итак, все шло в соответствии с планом, разработанным подполковником Юрятиным и утвержденным «помнабесом». Мишка вошел в первый контакт с «объектом», был с ней — по настоянию психологов — неумолимо суров и отправил в кинозал досматривать порнографические кошмары. И вдруг выяснилось, что изолянткой № 55-Б интересуется не только спецотдел «Россомон», но еще и лично сержант спецназгардейцев Ренат Хузин! После тщательнейшей проверки, стоившей жизни двум опытным агентам, удалось установить: проявляющий повышенный интерес к «принцессе» сержант есть не кто иной, как член президиума исполкома «Молодых львов демократии» Мансур Белляутдинов, он же Марк Сидоров, он же Иван Кауфман... Оказалось, еще два года назад он получил от своей организации сверхсекретное задание отыскать перепрятанные демократами деньги партии, столь необходимые для успешного продолжения преступной борьбы с адмиралом Рыком. Может возникнуть резонный вопрос: «Как же так? Сами злодеи не знают, куда деньги запрятали!» Но чтобы все встало на свои места, достаточно вспомнить по-народному меткое высказывание Избавителя Отечества, в трех словах охарактеризовавшего суть режима врагоугодников и отчизнопродавцев: «Заврались, зарвались, заровались...»

Учитывая вновь открывшиеся обстоятельства, план было решено изменить таким образом, чтобы в ходе операции не только вернуть народные деньги, но и, «ведя» лже-сержанта Лже-Хузина, навсегда покончить с осточертевшими «львами», которые незадолго до этого безжалостно взорвали новое здание Третьяковской галереи. Избавитель Отечества, посетивший скорбную выставку «Уцелевшие шедевры», уронил скупую моряцкую слезу возле обгоревшего холста, на котором чудом сохранилась наилучшая часть Добрыни Никитича, единственного оставшегося из «Трех богатырей». Покидая выставку, он твердо приказал: «Чтоб про этих животных я больше никогда не слышал!»

Аналитическая группа не спала ночей и пришла к выводу, что Курьлев в этой ситуации должен полностью уступить инициативу Ренату и прикинуться простачком, готовым на все ради

«принцессы, поразившей его свинопасское сердце! «Любовь-то изобразить сможешь?» — поинтересовался подполковник Юртин. «Постарайся», — пообещал Мишка. «Постарайся! А на самом деле вступишься — убью», — пообещал начальник отдела культуры и физкультуры.

Теперь все шло по видоизмененному плану, но специалистов немного беспокоила агрессивная неадекватность сержанта Хузина по отношению к Курылеву. Практикант-психолог, обработав на компьютере те прозвища, которые Ренат постоянно давал Мишке, заявил, будто, по его мнению, террорист сам влюбился в изолянтку № 55-Б и страдает из-за того, что вынужден в интересах своей организации буквально подкладывать Лену дураковатому ассенизатору. Юного психолога обозвали «молокососом» и пообещали поставить за практику «неуд»...

Для окончательного уточнения деталей операции «Принцесса и свинопас» в Демгородок под видом помрежей и осветителей во время съемок «Вспыгтия» приезжали совершенно заоблачные чины, перед которыми подполковник Юртин тянулся так, что его вызывающая полнота была почти незаметна. Никто не сомневался, что Лже-Хузин готовит побег изолянтке № 55-Б и хочет использовать с этой целью Курылева, которого благодаря умелой дезинформации считает законченным болваном, понравившимся «принцессе» по странной игре женского воображения. Но зачем же тогда Ренат подбросил через своих людей в окно ЭКС-президенту угрожающую записку? На всякий случай было решено подыграть террористу, и в Кунцеве спешно была воздвигнута караульная будка, якобы для охраны, а на самом деле, чтобы вынужденными редкими встречами с возлюбленной замотивировать Мишкину уступчивость.

Записка о беременности, разумеется, была воспринята как свидетельство скорого побега. Но опять вставал вопрос: составлена она под диктовку Рената или же Лена действовала самостоятельно? К тому же аналитики были крайне удивлены, поняв, что Хузин решил отказаться от своего первоначального намерения использовать для побега «дерьмовоз», из-за чего, собственно, он и вошел в контакт с Курылевым. Его новый план выглядел гораздо сложнее и опаснее: воспользоваться очередным сердечным приступом у изолянта № 55, а вместо него вывезти на «санитарке» за пределы Демгородка Лену. В принципе это было возможно, если только водитель и сопровождающий находятся в предварительном сговоре. Вот для чего была устроена драка возле «Осинки», в результате чего выбыл из строя питатный шофер санитарной машины!

«Ну, конечно! — заявил настырный психолог-практикант. — Это только подтверждает мою версию о влюбленности сержанта Хузина. Он не решился засовывать любимую женщину в мерзкую ассенизационную бочку и пошел на корректировку первоначального плана!» Практиканту посоветовали меньше глядеть по «видаку» запрещенные американские «мыльные оперы» и откомандировали в областную больницу, где как раз засекли подпольную ячейку «Молодых львов демократии».

И снова действительность мощно взломала сухую схему: изо-

лянт № 55 вопреки планам не заболел, а просто умер. Вскрытие показало, что ему вместо одной требуемой инъекции было сделано две. Очевидно, террористы для своих гнусных целей воспользовались тем же самым препаратом! «Плагаторы недоделанные! — возмутился начальник отдела культуры и физкультуры. — Передайте в Центр — побег переносится...» Собственно, эта шифрограмма и стояла подполковнику Юрятину обещанных генеральских золотых субмарин на погонах...

Разбуженный Ренатом в то памятное утро, Мишка совсем даже не прикидывался: он действительно растерялся, ведь никаких дополнительных инструкций на этот счет никто не давал. И, поразмыслив, Курьлев решил руководствоваться предыдущими установками: во всем следовать приказам сержанта Хузина. А увидав на 3-м КПП своего экзаменатора Кротолова, виртуозно изображающего неопытного бестолкового спецназвардейца, Мишка совсем повеселел, расслабился — и чуть не принял из-за этого лютую смерть от руки трансплантатора.

Блестяще продуманная операция «Принцесса и свинопас» в результате неожиданного вмешательства «почечных баронов» и недальновидности подполковника Юрятина дала сбой: Ренат вместе с Леной скрылся в неведомом направлении. Обнаружить их нигде не удавалось, хотя в течение нескольких дней было разгромлено более двухсот явок и арестовано свыше 6 тысяч «молодых львов», включая председателя исполкома этой тайной организации, режиссера Куросавова. Последний факт, правда, пришлось скрыть от широкой публики, учитывая чрезвычайную популярность его телеспектакля «Всплытие». Но про то, где в настоящую минуту находятся Ренат и Лена, он ничего не знал...

66

Нашли их совершенно случайно: сухумский милиционер на базаре заметил широкоплечего парня, покупавшего огромный букет совершенно изумительных и безумно дорогих роз. Воротившись после дежурства в отделение, он глянул на присланную из Москвы ориентировку и понял, что повстречал на базаре легендарного «льва» Хузина-Белляутдинова-Сидорова-Кауфмана. Остальное было делом техники: очень быстро установили, что преступная парочка скрывается на вилле «Глория». Фельюгу, на которой они намеревались уйти в Турцию, удалось перехватить.

Похудевший от переживания подполковник Юрятин буквально вбежал в палату, где лежал почти уже оправившийся Курьлев: «Хузин взял принцессу заложницей. Без тебя ни с кем разговаривать не хочет. Обещает застрелить сначала ее, а потом и себя, скотина... Выручай, свинопасик ты наш голубоглазенький!»

13

Мишка стоял возле мандаринового дерева и с изумлением разглядывал малюсенькие, величиной с крыжовник, плоды. Он никогда раньше не видел, как растут мандарины, и у него вдруг мелькнула странная мысль: если Ренат его здесь все-таки убьет, то по крайней мере перед смертью ему удалось посмотреть на этих зеленокожих детенышей, а это не так уж и мало...

Вилла «Глория» выглядела брошенной: ее счастливого обладателя, предприимчивого генерала, приторговывавшего ядерными боеголовками, два года назад расстреляли по личному приказу Изаветы Отчества.

Но тишина и запустение были на редкость обманчивы, потому что за каждым деревом, за каждым выступом, за каждым камнем притаились лучшие россомоновские снайперы, да еще три группы захвата, прятавшиеся за забором, в гараже и в бане-сауне, только и ждали сигнала, чтобы штурмом взять дом. Сигналом должны были стать слова Курьлева: «Ренат, не делай этого!» А для надежности, чтобы сигнал услышали наверняка, в верхнюю пуговку Мишкиной сорочки был вмонтирован микрофон. Но стрелять на поражение россомоновцы могли только в Хузина, за жизнь Лены все участники операции отвечали головой, потому-то был предусмотрен еще один условный знак, сообщавший, что с террористом дело удастся уладить миром. В этом случае Мишка должен был просто произнести: «Ренат, ты не прав!»

— Здорово, Макиавелли! — сказал Ренат, кривясь своей невыносимой восточной улыбкой.

Курьлев даже не заметил, как он появился на пороге виллы. Точнее, как они появились, потому что Хузин, словно щитом, заслонялся Леной, выставив из-под ее локтя ствол автомата.

— Я без оружия! — приветливо отозвался Мишка и похлопал себя по бокам.

— А зачем тебе оружие? Ты и стрелять-то толком не научился... Свинопас...

— Нет, ты меня не понял... Я просто хочу, чтобы ты ничего не боялся и говорил спокойно!

— Я? Ты, Лоринстон, какую-то хреновину городишь!

И Мишка понял, что глупее и неудачнее начать переговоры было просто невозможно. С боков Хузина прикрывали мощные мавританские колонны, какие только и могли родиться в забродившем мозгу внезапно разбогатевшего хапуги, сверху — козырек крыши, выложенной андерсеновской черепицей, а спереди — Лена... Она стояла, закрыв глаза в каком-то расслабленном оцепенении.

— Можно, я с ней поговорю? — попросил Мишка, кивнув на безучастную Лену.

— Еще наговоритесь. Мне нужен вертолет!

— Я уполномочен предложить... — Курьлев начал выдавать заранее выученный текст.

— Кем?

— В каком смысле? — растерялся Мишка.

— Если ты пришел тянуть время, то я тебя сейчас просто шлепну! — Ренат шевельнул автоматным стволом.

Лена, точно внезапно очнувшись от оцепенения, широко открыла глаза и без всякого выражения посмотрела на Курьлева.

— Ренат... не де... — начал было Курьлев.

— Он уполномочен мной! Мной — подполковником Юртыным! — Из-за кустов раздался усиленный мегафоном торопливый голос начальника отдела культуры и физкультуры.

— А-а-а! И ты, свинья в фуражке, тоже здесь! — громко крикнул Хузин. — А я думал, тебя выперли за провал операции! Сам-то ты кем уполномочен?

— Помощником по национальной безопасности! — раздался торжественный ответ.

— Ага, помнацбесом... Так вот, передай ему, что если с нами хоть что-нибудь случится, то мисс Синеусофф до вашего морского кобеля не долетит! Люди у нас еще остались!

Повисла пауза. Было только слышно, как в мегафон сипло и тяжело дышит схоронившийся в кустах подполковник Юртин. В Лениных глазах появилась боль: она узнала Мишку.

— Ну, что ты, боров в португее, сопишь? — крикнул Хузин. — Запрашивай Центр — мне нужен вертолет! Через пятнадцать минут.

— Это невозможно... Вертолетный полк в ста километрах отсюда!

— Юртин, не надо лгать по мегафону! Вертолет у тебя за ближайшей горой спрятан. Кому ты врешь?

Снова повисла пауза. Было слышно, как потрескивает включенный громкоговоритель. Казалось, это трещат от напряжения подполковничьи мозги. Мишка снова поглядел на Лену, и они встретились глазами. Курылев вдруг по-настоящему понял всю чудовищность происходящего. Он и она стоят друг против друга. Она прикрывает своим телом Рената вместе с его дружками-потрошителями, а он — толстого лгуна Юртина вместе с его оравой россомоновцев. Но самое страшное в том, что все эти чужие люди всегда клубились за их спинами, даже тогда, когда Мишка и Лена, сжав друг друга в объятиях, были счастливы общим сокровенным счастьем и чувствовали себя бессмертными.

— Ми-ишка... — прошептала Лена. — Неужели ты все это делал только ради тех денег?

— А ты?

— Я?.. Сначала — да, а потом — нет...

— И я тоже: сначала — да, а потом — нет... — отозвался

Курылев.

— Ми-ишка, послушай Рената... Он не обманет...

— Я не верю. Он уже один раз мою печень заказывал!

— Я передумал! — захохотал Хузин. — Твоя печень испорчена гарнизонными щами. Но кое-что из твоих органов...

— Ренат! — взмолилась Лена. — Не надо... Ты же обещал!

— Ладно, поворкуй со своим Абельяром... — желчно разрешил Хузин и стал внимательно озираться по сторонам.

Мишка вдруг подумал о том, что сержант и Лена сейчас, когда они стоят, плотно прижавшись друг к другу, чем-то напоминают сиамских близнецов, для которых разделение означает смерть. И, наверное, если к одному из близнецов приходит на свидание возлюбленный, то второй, чтобы создать им интимную обстановку, просто отворачивается или, как Хузин, делает вид, будто озирается по сторонам...

— Мы согласны! — послышался металлизированный мегафоном голос подполковника Юртина.

— А куда ж ты денешься, хряк с околышем! — крикнул

в ответ Ренат. — Снайперов только убери! Пусть ребята перекурят и оправятся... А то ведь у меня нервная система подорвана экзистенциализмом. Могу записать и шлепнуть твоего свинопаса с принцессой вместе...

— Ренат, ты не прав! — громко сказал Мишка.

Снова стало тихо. Потом, как по команде, отовсюду, точно материализуясь в пространстве, начали появляться парни в пятнистых комбинезонах и с оптическими винтовками в руках. Все они смотрели на Хузина с ненавистью, точно он не дал им довести до конца любимое дело.

— А в клумбе у тебя дежурный остался? — полюбопытствовал Ренат.

Из георгиновых зарослей вылез еще один снайпер. Он поплелся вслед за остальными с таким понурым видом, что Лена сочувственно улыбнулась.

— С ним все в порядке? — спросил Мишка, и по тому, как он это спросил, стало ясно — речь идет о ребенке.

— А что с ним может случиться, если его вообще никогда не было! — вместо потупившейся Лены ответил Ренат.

— Как не было! — оторопел Мишка. — Лена! Как это так не было? Ты же все медосмотры пропускала!

— Для того и пропускала, — усмехнулся сержант.

— Ты врешь, гад! Лена, он врет? Ведь правда?

— Нет, он не врет... — отозвалась она, с трудом разомкнув запекшиеся губы.

— Зачем же ты меня обманывала? — закричал Мишка.

— Ты меня тоже обманывал...

— Но я же тебя не так обманывал, совсем по-другому...

— Какая разница — как...

— Меня заставили! — сказал Курылев.

— И меня тоже...

В небе послышался стрекот, и вертолет на большой высоте прошел над виллой. Ренат проследил за ним глазами, потом сочувственно глянул на Мишку и спросил:

— Обидно быть свинопасом?

— Обидно... — кивнул тот.

— Не тоскуй! Это еще не самая большая фрустрация в твоей жизни...

— Чего? — не понял Мишка.

— Тварь ты неначитанная! Фрустрация — это когда хочешь, а хрен получишь... Запоминай, пока я жив!

— А ты... Ты, начитанная тварь, — взорвался Мишка. — Где это ты вычитал, что можно вот так прикрыться девчонкой и обзывать?! Где? У Сен Жон Перса?..

— Ух ты! — обрадовался Ренат. — Значит, в тебе все-таки что-то есть! Значит, не хреном единым... А еще?

Мишка молчал. Вертолет прошел над лужайкой еще раз, теперь уже так низко, что на миг стало сумеречно от его тени.

— Отчего люди не летают! — вздохнул сержант, провожая вертолет взглядом.

— Слушай, Хузин, — дерзко спросил Мишка. — У тебя цитаты в башке на ходу не стучат?

— Тоже ничего,— кивнул Хузин.— Но словесная магия уже не та. Как ты, Лен, думаешь? Может, он все-таки небезнадежен и ты воспитаешь из него джентльмена, с которым не стыдно будет показаться в Уайльдковском обществе?

— Ренат,— взмолилась Лена.— Ты же обещал.

Вертолет тем временем завис над лужайкой, и вниз, разворачиваясь на лету, упала лестница.

— Послушай, Аконтий,— раздумчиво проговорил сержант.— Может, тебе со своей дамой в Турцию проветриться? Как думаешь?

— В каком смысле?..— опешил Курьлев.

— В прямом! — оскандился Ренат.— Лезь в кабину, а то пристрелю!

И Мишка полез. Сверху он увидел распластавшегося за кустами подполковника Юртина — тот с кем-то нервно разговаривал по рации. Чуть дальше стояло несколько машин, включая санитарную, а вокруг топтались праздные россомоновцы. В ветвях росшего на отшибе эвкалипта Курьлев подметил одинокого снайпера, но оставшихся внизу Лену и Рената закрывала мавританская колонна, и он был не опасен...

Хузин дождался, пока Мишка забрался в кабину, потом, резко повернув Лену к себе лицом, крепко поцеловал в губы и довольно грубо толкнул ее по направлению к раскачивающейся лестнице. Поток воздуха подхватил подол платья и обнажил стройные, молочно-белые ноги принцессы... Ренат захохотал, показал большой палец и с вызывающей беспечностью начал медленно спускаться по ступенькам крыльца.

— Ренат, ты не прав! — заорал Мишка.

Но тот ничего не услышал из-за шума вращающихся винтов. Лена уже почти докарабкалась до кабины, и Мишка протянул ей руку. Снайпер в ветвях эвкалипта прилежно прицелился.

— Ренат, ты не прав! — снова закричал Курьлев.

Но снайпер, совершенно не реагируя на эти сигнальные вопли, наверняка звучащие в его наушниках, продолжал держать Рената на мушке. И тогда Мишка, одной рукой втаскивая в кабину Лену, другой нашарил и отстегнул спрятанный на щиколотке под брючиной пистолет...

Услышав выстрел, Ренат посмотрел вверх. Заметив в Мишкиной руке ствол, сержант улыбнулся с каким-то болезненным удовлетворением и вскинул автомат...

— Ренат, не делай этого! — срываясь на хрип, закричала Лена и рванулась к Курьлеву, закрывая его собой. Снайпер в ветвях чуть отшатнулся — сержант Хузин упал навзничь...

Мишка приказал пилоту посадить машину, вынес Лену из кабины и положил на землю. Она лежала, крепко прижав руку к левой груди, а из-под пальцев, пульсируя, бил кровавый родничок.

— Ми-ишка... — шептала она.

— Я здесь... Здесь...

— Ми-ишка... Там везде травка и газоны... Ми-ишка...
Эдинбург. VCCA. 123007... Ми-ишка, не исчезай!

— Я здесь...

Подбежал бледный и потный подполковник Юртин:
— Жива?

Курьлев кивнул.

— Скорее! Если умрет — все пропало! Где врач?

Вертолет, взвихрив с земли мелкий сор, поднялся в воздух и улетел, унося Лену. Проводив его взглядом, Юртин повернулся к Мишке, который в это время тупо рассматривал свои руки, перепачканные в подсыхающей Лениной крови.

— Сказала?

— Да...

— Запомнил?

— Как учили...

— Диктуй!

— Эдинбург. VCCA. 123007...

Юртин записал в блокнотик и побежал к рации — докладывать в Центр. А Курьлев медленно подошел к Ренату: сержант лежал на спине, раскинув руки, во лбу у него чернело пятнышко, как у индусок, а затылка вообще не было, отчего лицо его напоминало гипсовую маску, наподобие тех, что вешают на стену в рисовальном зале...

Воротился лиловый от огорчения начальник отдела культуры и физкультуры.

— Ты, Мишель, ничего не перепутал? — спросил он.

— Обижаете, начальник... А в чем дело?

— Значит, пуштышку тянули... — промолвил Юртин, и его подбородок предательски задрожал. — Это ведь счет, с которого брал 62-й... Там ничего не осталось... И от 62-го только ползадницы осталось — не спросишь...

— М-да, фрустрация... — покачал головой Курьлев.

Спустившийся с эвкалипта щуплый снайпершишко приблизился к мертвому Ренату и, как живописец удачный мазок, с пытливым удовлетворением разглядывал пулевое отверстие...

14

Когда Избавителю Отечества доложили подробности операции «Принцесса и свинопас», он смеялся до слез.

— Значит, говорите, этот ваш педолоуб весь тайный счет в «Осинке» профинтил? Ой, не могу!.. Ну, процелыги, ну, демокрады...

Но особенно ему приглянулось, что простой русский офицер сумел влюбить в себя выпускницу Кембриджа, настоящую принцессу.

— Покажите мне как-нибудь этого «свинопаса»! — распорядился адмирал.

— Слушаюсь! — вытянулся докладывавший «помнацбес». — А как быть с арестованными «львами»?

— На запчасти! — махнул рукой Избавитель Отечества. — Почку за почку! И потом стране нужна валюта. У этих-то, изолянтов, ведь ничего не осталось?

— Ничего, господарищ адмирал, одни убытки...

— Ну и пошли они к чертовой матери!

— Понял, Иван Петрович!

На самом деле «помнацбес» ничегошеньки не понял и за разъяснениями обратился к осведомленному Николаю Шорохову. Тот объяснил, что, оказывается, каждый вечер адмиралу звонит очаровательная Джессика и ведет с ним долгие разговоры о любви к ближнему и христианской морали, а также советуется, стоит ли ей в своем ресторанчике готовить котлеты по-киевски и не будет ли это восприниматься как намек на знаменитую субмарину «Золотая рыбка».

Воротившись в Торонто, мисс Синеусофф сразу сделалась любимицей западной прессы: редкий день обходился без статьи типа «Ее выбрал русский монстр» или «Самая сексуальная русская царица со времен Екатерины Великой». А ее ресторанчик «Russian blin» просто ломился от посетителей: посмотреть на невесту «кровожадного морского волка» приезжали со всего мира, а одно предприимчивое туристическое агентство даже организовало спецтур «На крыльях любви — к Джессике». Кроме того, к ней нескончаемым потоком шли делегации от различных гуманитарных фондов и религиозных обществ с просьбами повлиять на крутой нрав адмирала и таким образом смягчить тяжкую долю жертв демократического выбора, томящихся в застенках. Один из этих пилигримов человеколюбия, активный член общины «Юго-восточного храма», так тронул доброе сердце Джессики, что она оставила этого рослого молодого симпатягу у себя. Он подсказывал ей темы вечерних бесед с адмиралом, даже набрасывал конспекты, а потом они репетировали разговор с русским монстром, причем для достоверности симпатяга привязывал Джессике специальными ремешками к кровати.

А ведь Ивану Петровичу и без этого жилось несладко: супруга Галина и сын-нахимовец, прознав про матримониально-монархические планы своего мужа и отца, были удивлены до крайности. Мало того, знаменитая Ксения Кокошникова тоже подбавила масла в огонь, спев на телевидении в прямом эфире частушку:

Я надену кофту рябу,

Рябую-разрябую...

Кто полюбит мово Ваньку —

Морду раскорябую...

Именно из-за этого, а не по какой-нибудь политической причине — о чем вопяют западные масс-медиа, — теперь все передачи идут в эфир только в записи и только после тщательного отбора. И в последнем вечернем разговоре Джессика очень расстроила Избавителя Отечества, заявив, что никогда не выйдет замуж за человека, попирающего свободу слова! Именно в этот день помнацбес повторно завел с адмиралом речь о судьбе изолянтов.

— А пошли они все! — закричал Избавитель Отечества и хватил своей знаменитой подзорочкой о наборный кремлевский паркет.

Демгородковская общественность была очень удивлена, когда кинемеханик Второв, присланный вместо исчезнувшего Курылева и поселенный в домике № 984, вместо очередной некроманской жути показал «Белое солнце пустыни». Поселенцы пришли к выводу, что это — недосмотр, недоразумение или провокация,

последнее вероятнее всего. Но в следующий раз, открыв металлическую коробку, Второв обнаружил там «Я шагаю по Москве», а это было уже совершенно подозрительно. Более того, в один прекрасный день, проснувшись, изолянты увидели страшную и необъяснимую картину: вся охрана исчезла, вышки опустели, комендатура и котельная обезлюдели, даже бронированные ворота непроходимого 3-го КПШ оказались распахнутыми настежь.

Однако в течение нескольких дней, опасаясь смертоносного подвоха, никто не решался выйти за пределы Демгородка. Прощелестел даже слухок, будто видимое освобождение на самом-то деле всего лишь новое бесчеловечное изобретение опричников адмирала Рыка и все подступы к поселку заминированы теми самыми адскими машинами, одной из которых была взорвана «Осинка» вместе с человеком-кротом, но его-то как раз не жалко!

Споры о том, как поступить в этой ситуации вызывающей бесхозности и коварной безнадзорности, разделили всех изолянтов на две большие враждующие партии — «оставанцев» и «покиданцев». Первые считали, что надежней остаться за забором и ждать социальных гарантий, вторые же кричали, что ждать никак нельзя, а нужно срочно покинуть Демгородок, иначе в Москве спохватятся и будет поздно. «Оставанцев» возглавил ЭКС-президент, а «покиданцев» — экс-ПРЕЗИДЕНТ.

Поначалу политическое противостояние ограничивалось альтернативными митингами, а ставшая ежедневной газета «Голос» печатала репортажи, «круглые столы», полемические статьи и памфлеты, даже сообщила, будто на общественном картофельном поле собралось более полутора тысяч человек, чего, конечно, быть не могло, ибо все население Демгородка чуть больше тысячи... Потом борьба обострилась. Началось битье окон и вытаптывание грядок у политических противников. В довершение всего был зверски избит любимый пресс-секретарь и наперсник экс-ПРЕЗИДЕНТА, после чего глава партии «покиданцев» принял неожиданное и радикальное решение — покинуть поселок навсегда. Однако в последний момент за ним последовала лишь небольшая группа смельчаков...

И вот около полусотни «ультра-покиданцев», опасливо маршируя, вышли за ворота Демгородка, готовые в любое мгновение за свои идеалы взлететь на воздух или пасть, срезанные пулеметной очередью. Они все дальше уходили в лес, но никто не напоролся на мину и не наскочил на кинжальный огонь замаскированных росомаховцев. Пели птички, летали бабочки, замечательно пахло утренним дождем... Миновал вросший в землю немецкий дот, «покиданцы» поняли, что адмирал Рык пренебрег дешевым политическим убийством и приготовил для них более изощренную месть!

Когда колонна во главе с экс-ПРЕЗИДЕНТОМ шла через Алешкино, сельчане по неискоренимой русской традиции выносили острожникам хлебушек, сальце, молочко, яйца, купленные в магазинчике с неистребимым названием «Товары первой необходимости», а экс-ПРЕЗИДЕНТУ на расписном подносе поднесли стакан самогонки и домашний соленый огурчик. В ответ «ультра-покиданцы» устроили стихийный митинг, который вел

киномеханик Второв, набравший к тому времени большой политический вес. Рубя рукой воздух, он призвал своих земляков-алешкинцев крепиться и терпеливо ждать неизбежного торжества общечеловеческих ценностей!

— Стало быть, объявился кинокрут-то! — качали головой деревенские.

— Кругом один обман и дезинформация! — вздохнула уважаемая вдова председателя. — Обещали академгородок построить... А что выстроили?

По окончании митинга колонна двинулась к станции и загрузилась в полупустую дневную электричку. Изголодавшиеся по впечатлениям демгородковцы прилипли к окнам и жадно ловили проносящиеся мимо пейзажи новой жизни. Подъезжая к очередной платформе, они заприметили развалины гигантского особняка, а среди обломков зимнего сада резвился отряд юных адмиральчат, одетых в форменные тельняшки.

— Боже мой, что они сделали с Россией! — сквозь слезы пробормотал экс-ПРЕЗИДЕНТ.

На Ярославском вокзале «покиданцы» обнялись и простились.

Через неделю все они снова встретились в Демгородке.

А куда деваться? Квартиры их оказались заняты новыми жильцами — в основном бравыми морскими отставниками, назначенными адмиралом Рыком на самые трудные и ответственные посты. Родственники шарахались от изолянтов, словно они прибыли из какого-нибудь эпидемического края и представляют серьезную угрозу для здоровья. А те, что посмелей, егозя глазами, тихо советовали не светиться, потому что сейчас И. О. шибко не в духе и всех проходивших по делу «молодых львов» пустил «на запчасти», т. е. запродавал западным трансплантаторам за валюту, о чем, естественно, молчок-волчок как в российской, так и в зарубежной прессе...

Некоторых, наиболее известных изолянтов, признали на улице и маленько потрепали. Но больше всего не повезло экс-ПРЕЗИДЕНТУ: большой любитель спорта, он забрался на Центральный стадион имени Александра II Освободителя, чтобы поглазеть на соревнования по демгородкам. И там один участник по ошибке, обознавшись, запустил битую не в фигуру «президентский совет», а точно в голову бывшего главы государства. Вследствие черепно-мозговой травмы тот утратил большую часть своих воспоминаний и с тех пор стал ощущать себя секретарем первичной комсомольской организации арматурного цеха, с чего, собственно, и начиналась его политическая карьера. Выписавшись из больницы, он, христарадничая вместе с женой, добрал до Демгородка, но о былом влиянии, конечно, речи быть уже не могло, и на всеобщих выборах поселкового мэра подавляющее большинство голосов набрал ЭКС-президент. А через неделю мэрская жена заявила, что живущий на смежном участке сосед, вообразивший себя юным арматурщиком, страшно матерится, и потребовала выселить его из «Кунцево» куда подальше... Что и было сделано, а дом его занял киномеханик Второв.

Но тут в полный рост встала проблема пропитания. То немногое, что оставалось на складе, подъели очень быстро. Картофель-

ное поле вытоптали во время альтернативных митингов, а приусадебные участки потравили во время непримиримой борьбы между «покиданцами» и «оставанцами». А подвоз продуктов полностью прекратили, точно в Демгородке не осталось ни одной живой души! Было решено направить представительную делегацию к помощнику по работе с народонаселением П. П. Чуланову. Он ходоков принял и грубо выслушал. Сошлись на том, что дармоеды возрождающемуся Отечеству не нужны, но в течение трех месяцев, пока демгородковцы откроют собственное, приносящее доход дело, их будут снабжать гуманитарной помощью — консервированной свиной с горохом. Она была запасена для войск, участвовавших в боях у озера Хасан, потом затерялась в складских помещениях и вот недавно была обнаружена в ходе месячника «Закрома Родины».

Но на одной свинине с горохом не проживешь, и демгородковцы вздумали подкармливаться с огородов простодушных аleshкинцев. Только те же самые селяне, встречавшие прежде изолянтов хлебом-солью, стали встречать их только солью — из двустволок. Не просто было и с грибами-ягодами. Изгнанные со Змеиног болота гадюки расплозились по окрестным лесам, размножились и сделали собирательство опаснейшим промыслом.

И вот тогда-то возникла замечательная идея — превратить Демгородок в общенациональный центр росписи по дереву, вроде Хохломы! Продали на слом караульные вышки, пару пустующих домиков и на вырученные деньги купили токарный станок, еще кое-какое оборудование, краски, лак, кисточки... избрали художественно-производственный совет артели во главе с мэром. Но тут снова изолянтов попутал бес плюрализма: начались споры о том, какие сюжеты и орнаменты использовать в росписи. Оформилось несколько партий: фигуристы, герметисты, левантисты, славянофилы, западники, концептуалисты, «ваньки», идеологи и так далее...

Самая упорная борьба развернулась между либеральными фигуристами и ортодоксальными славянофилами. Первые считали, что изображать на подносах и чарках нужно красочные эпизоды из истории демократии, а ко дню бракосочетания адмирала Рыка послать ему кувшин, расписанный в духе решительного аллегорического неприятия диктаторского режима. Вторые же, наоборот, полагали использовать традиционные, народные сюжеты, а Избавителю Отечества к коронации преподнести роскошную братину, расписанную в духе безусловной поддержки исконной соборно-монархической формы правления в России. Одно из заседаний художественно-производственного совета проходило столь бурно, что после него пришлось искать деньги на новый токарный станок и кисточки.

Чем закончилась эта борьба (и закончилась ли?), неизвестно, но ни одной ложки-плошки, расписанной демгородковскими умельцами, в продаже покуда не появлялось...

...Мишку доставили к КПП у Спасской башни. Офицер кремлевского полка морской пехоты тщательно проверил докумен-

ты и пропустил. Возле Царь-пушки Курьлева поставили по стойке «смирно» и приказали ждать. Избавитель Отечества появился минут через пятнадцать, в сопровождении «помнацбеса» он прогуливался после обеда. Росту адмирал оказался невысокого, лицо имел красное и сердитое, а глаза — добрые и усталые. Завидев Мишку, «помнацбес» наклонился и прошептал что-то на ухо шефу, тот сразу оживился и решительно, сменив курс, направился к Курьлеву.

— Ну-ка, дай я на тебя погляжу, «свинопас»! — воскликнул Избавитель Отечества и хлопнул оробевшего парня по плечу. — Ловок! Как ты умудрился аж «принцессу» охмурить? Поделись опытом! Вот ведь моя-то чучундра все не едет никак...

— Да я что... Это все подполковник Юрятин...

— Из «Россомона», — шепотом подсказал «помнацбес». — Очень толковый офицер...

— Ну, и что ты... — начал адмирал.

— Михаил... — шепотом подсказал «помнацбес».

— Ну, и что ты, Михаил, за свою службу хочешь? Полцарства не обещаю: земля и недра принадлежат народу. Дочери у меня нет — только сын-нахимовец, да и с ним мы сейчас поцапались маленько. А так — проси, чего хочешь!

Курьлев беспомощно глянул на одобрительно кивающего «помнацбеса», потом вдруг подумал о том, что сложенные пирамидой ядра Царь-пушки чем-то напоминают тысячекратно увеличенный овечий помет, и неожиданно для себя сказанул:

— Мне бы избушку подправить...

— И все? — изумился Избавитель Отечества.

— Ну, и чтоб войны не было... — добавил Курьлев.

«Помнацбес» чуть заметно покачал головой и осуждающе закатил глаза.

— Войны не будет! — успокоил адмирал. — Им сейчас не до нас: у них самих Калифорния отделяется... А на избушку с курьей ножкой тебе выдадут. Даже на свадьбу останется! Только когда детишек будешь строгать, старайся через одного: принцесса — свинопас, принц — свинарка... Так оно для государства полезно. Договорились?

— Она умерла... — тихо промолвил Мишка.

— Да? Не знал... Извини, парень... Мне не докладывали... Как же так вышло?

— Ее один... из «молодых львов» застрелил, — шепотом подсказал «помнацбес».

— Вот звери! — побагровел Избавитель Отечества. — «Запчасти» уже все отправили?

— Завтра последнюю партию вывозим, господарищ адмирал! — громко доложил «помнацбес».

...Через неделю подполковник Юрятин был назначен начальником отдела № 13/Д, и только посвященные знали, что в задачу этого отдела входит оперативное обеспечение брака Избавителя Отечества и Джессики Синеусофф. Юрятин взялся за дело энергично, и через неделю после того, как загримированный под негра Крысолов спустился по трапу в аэропорту города Торонто, счастливый член общины «Юго-восточного храма», торопясь

в ресторанчик «Russian blin» на своем «ягуаре», попал в жуткую автомобильную катастрофу и получил необратимую травму первичных половых признаков...

Курылев в отделе 13/Д работать отказался, да его туда особенно и не звали. Гораздо удивительнее то, что он решительно отказался от возвращения в армию, от внеочередного звания и приличной должности, а попросил сохранить за ним место ассенизатора-киномеханика в Демгородке. И хотя поселок уже был снят с бюджета, Мишке пошли навстречу, и специальным распоряжением И. О. ему были выделены две ставки.

На полученную от щедрот адмирала тысячу «субмаринок» Курылев полностью перестроил дом, заведя всевозможные городские удобства, купил новенький «Москвич» и сыграл шумную свадьбу с той самой опытной односельчанкой, которая все-таки не напрасно дала себя попробовать, как на базаре дают попробовать тонко отрезанный соленый огурчик.

Когда порой Мишка со своей ассенизационной машиной оказывался неподалеку от разрастающегося демгородковского кладбища, он, запустив насос, пробирался к небольшому серому камню с надписью:

№ 55
№ 55=Б

Зимой камень почти заметен снегом, летом почти не виден в зарослях зверобоя. Прижав ладонь к груди, Мишка стоит, сколько можно, а потом сломя голову бежит на призывное чмоканье своего прожорливого агрегата.

Дома Курылев замкнут и неразговорчив. С женой старается не спорить, отчего она совершенно распустилась, ест его поедом, а иногда даже сварливо удивляется, как это такие пентюхи могут нравиться принцессе? Мишка обычно отмалчивается, но где-то раз в квартал не выдерживает и умиротворяет потерявшую чувство реальности супругу крепким ударом, отработанным еще во времена буйных курсантских «самоволок».

Газет он не читает, только программу на неделю, но зато очень внимательно: боится пропустить объявление о том, что по многочисленным заявкам зрителей снова повторяется телеспектакль «Вспльтие». Весь день Мишка ходит в болезненно-сладком ожидании, а перед началом надевает специально выписанные для такого дела очки, хотя со зрением все у него вроде нормально. Спектакль он смотрит лишь до того места, когда на сцене в окружении пьяных плейбоев появляется роскошно одетая Лена и, замечательно хохоча, говорит:

*Когда б вы знали, сколько в банках ваших
Хранится в тайне миллионов наших,
Вы б обабдели б...*

После этого Мишка всегда выключает телевизор и закуривает «пишку». Но жена, пронзительно ругаясь, выгоняет его на крыльцо, потому что от табачного дыма желтеет постельное белье.

РУКА ДАЮЩЕГО...

78

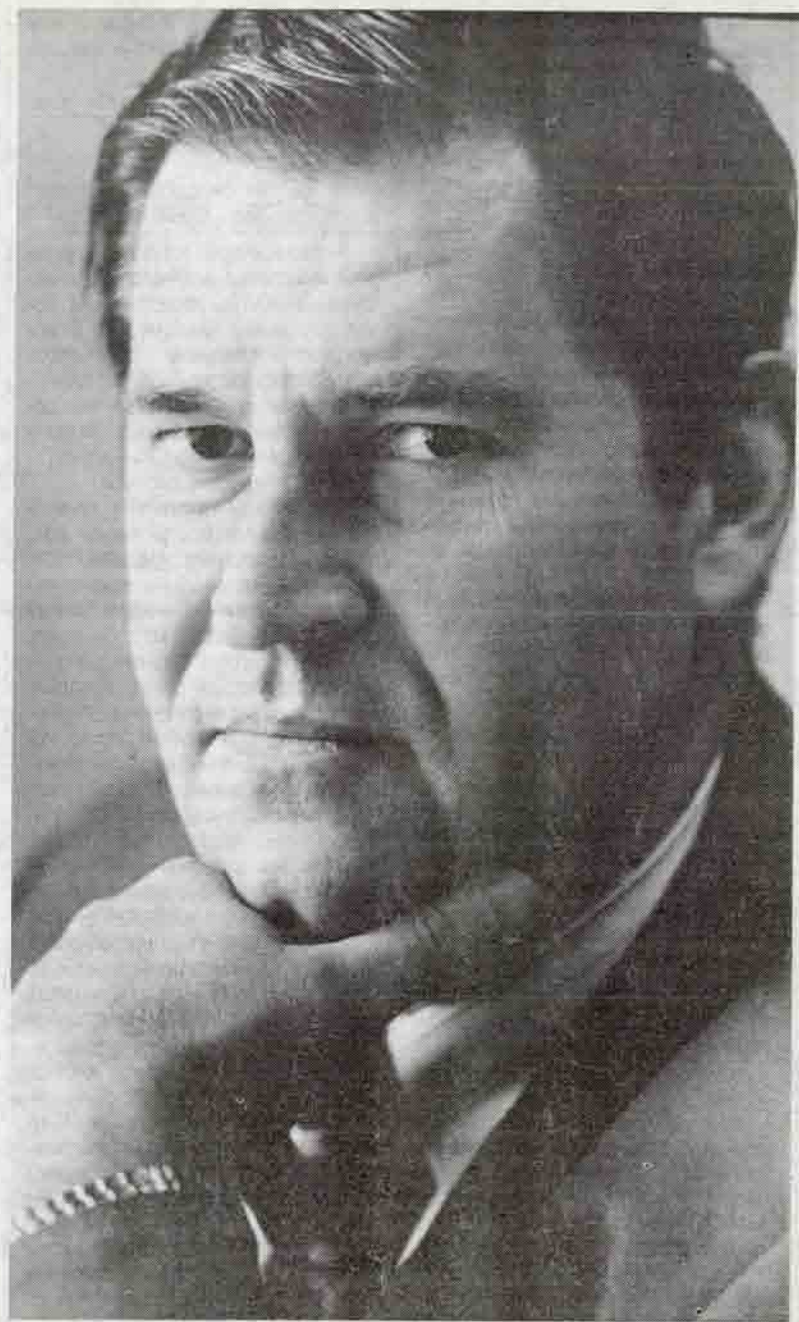
С ВАСИЛИЕМ ЛИСОВЫМ,
президентом благотворительного
фонда социальной защиты
населения, беседует
корреспондент «Смены»
ВИТАЛИЙ СВЕТОВ.

— Когда я слышу слова «благотворительный фонд», передо мной сразу возникает образ расплодившихся в последнее время чиновников, сытно кормящихся от всевозможных фондов...

— Мы не пропагандируем свою деятельность. Не публикуем номера своих счетов. Не зовем: отдавайте нам средства! Уровень доверия в обществе не настолько высок. Многие фонды себя действительно скомпрометировали, превратившись в кормушку для чиновников. Мы не зазываем к себе, нет. Но если есть средства, вы можете прийти и направить их, куда вы хотите. Мы только помо-

жем более точно определить адрес, организационно поспособствуем. Бывает ведь так: кто-то хочет помочь больному приобрести инвалидную коляску. Дает ему деньги. А тот не знает, какая коляска нужна, где ее купить... И лежат рубли мертвым грузом. А если какая-то организация хочет помочь людям с нарушениями опорно-двигательного аппарата — у нас есть специалисты, которые знают, что за коляски нужны, где их приобрести...

У нас нет ни одного освобожденного работника. Никто не получает здесь зарплату. Это то, что раньше называлось общественной работой. Чтобы стать членом фонда, надо внести вступительный взнос. И потом платить ежегодно. Для физического лица (гражданина) — из своей зарплаты, полученной где-то в другом месте. Из прибыли — для юридического лица (предприятия, организации).

— И велик ли, Василий Иванович, взнос?

— Вступительный от физического лица — 10 тысяч рублей, от юридического — не меньше двухсот тысяч.

— А где ваше основное место работы?

— Я генеральный директор акционерного общества «Росагропром» и доцент Российского государственного социального института, кандидат исторических наук. Вице-президент нашего фонда — профессор, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой в Российском государственном медицинском институте Геннадий Романович Мутовин. В правлении фонда — олимпийский чемпион, главный тренер гандбольной команды ЦСКА Анатолий Викторович Федюкин, замминистра здравоохранения России Владимир Иванович Стародубов, директор НИИ биохимии академик Александр Иванович Арчаков... Как вы понимаете, сейчас ни профессора, ни академика к высокооплачиваемым работникам не относятся...

— Мне часто доводилось слышать от предпринимателей: «Ни копейки ни в какой фонд не дам! Я должен быть уверен, что деньги, которые жертвую во благо, попадут по назначению».

— Что ж, если человек не занимается благотворительностью постоянно, а жертвует единожды, он должен быть убежден, что его 10, 100 тысяч попадут все, до единой копейки, туда, куда он хотел. Ну и дай Бог!.. Однако, если вносящий средства является членом нашего фонда, он все равно не бросает их на ветер, а будет участвовать в распределении денег. Но! Рядом с ним есть врач или социальный работник, который знает проблему и может подсказать, как распорядиться пожертвованием

более эффективно. И люди к нам идут, потому что видят в нас помощников.

— Ваш фонд занимается коммерческой деятельностью?

— Нет.

— Что же он сделал и делает в смысле благотворительности?

— Конкретной помощью человеку или семье занимаются региональные центры фонда — их более двадцати. Например, в Воронежское отделение обратилась многодетная семья Г. Для больного ребенка из этой семьи мы достали путевку на лечение, оплатили ее, дали денег на дорогу... И таких примеров десятки.

Центральное правление занимается крупными программами российского масштаба. Недавно приобрели уникальный — единственный в России! — подростковый санаторий в Ессентуках. Он предназначен для четырнадцати — семнадцатилетних ребят, которые, кроме всех нравственных, физиологических сложностей этого возраста,отягощены еще хроническими заболеваниями. В свое время здравница принадлежала 4-му управлению Минздрава Украины, а потом была передана на баланс украинским профсоюзам. Тем поддержать ее стало накладно — республика вышла из рублевой зоны. И когда санаторий выставили на продажу — балансовая стоимость один миллиард 800 миллионов рублей, впечатляющая сумма, не правда ли? — мы не побоялись вступить в борьбу с коммерческими структурами и победили. Сыграло роль, что мы дали обязательство на льготных условиях лечить в здравнице ребят, пораженных Чернобылем, и не изменять профиль санатория, каким бы убыточным он ни был (здравоохранение еще очень долго не будет приносить прибыли...).

В сущности, наш фонд спас подмосковный реабилитационный центр для детей, что организовали на дачах бывших членов политбюро. Там ветшали и рассыпались здания, коллектив врачей четыре месяца не получал зарплату... Работают в центре замечательные специалисты, помогающие ребятишкам, больным сахарным диабетом, отравленным Чернобылем, страдающим сердечными недугами...

Действует специальная программа — совместно с издательством «Молодая гвардия» — по поддержке русских писателей, наших современников. Коммерческая литература заняла сейчас все полки и лотки, вытесняя классиков и, без всякого сомнения, нанося ущерб подрастающему поколению. Мы финансируем те направления литературы, которые нуждаются в дотации... Стали акционерами бюро молодежного туризма «Спутник». Перечислили туда определенную сумму. Невозможно помочь всем желающим отдохнуть, однако мы хотя бы фрагментарно защитим молодежь, студенчество. Оказался под угрозой детский, юношеский, массовый спорт. Фонд договорился со многими спортивными организациями и взял заботу об этом на свои плечи. Только в прошлом году истратили на физическую культуру свыше 25 миллионов рублей.

В благотворительности — творения блага! — нет мелких или крупных дел. Всякое важно. Не думаю, что, подробно рассказывая о них, я иду наперекор Слову Христову: «Когда же ты творишь милостыню, пусть левая рука не знает, что творит правая, чтобы милостыня твоя была втайне» — добро

делают другие, мы лишь помощники, посредники.

...Первые четыре миллиона рублей попали в копилку фонда от частного предприятия — Центра оздоровления и развития личности. Его руководители финансируют медицинские программы и понимают, что без привлечения специалистов, которые трудятся у нас на общественных началах — а, как я уже говорил, это люди с большой эрудицией и опытом, — их вложения дадут меньший результат. Кстати, генеральный директор Центра Валериан Чиковани, сам по образованию врач, имеет четверых детей и знает о социальных проблемах не понаслышке. Сейчас он один из богатых людей Латвии, помогающий российским гражданам.

— Сколько же тратит фонд на поддержку слабых и неимущих?

— В прошлом году — около ста миллионов рублей. В нынешнем — будет, конечно, в десятки раз больше.

— И как много организаций и предприятий являются членами фонда?

— Больше семидесяти. В списке и банки, и коммерческие структуры.

— Не раз беседовал с нашими бизнесменами о благотворительности и могу передать суммарное мнение: порой невозможно оказывать ее в тех размерах, как им хотелось бы. Мешают налоги. Помоему, во всем мире, сколько бы ты ни дал на нужды обездоленных, налог с этой суммы платить не надо. Но не у нас...

— Есть определенное недоверие к тем организациям, что занимаются благотворительностью, — и на бытовом уровне, и в прави-

тельстве. На первых порах пытались вывести фонды из-под налогообложения. Однако некоторые из них себя скомпрометировали и заставили пересмотреть закон. К тому же только зарегистрированных в Министерстве юстиции фондов больше тысячи, а небольших (областных, районных) еще больше. Не настолько государство сейчас богато, чтобы так много организаций не платили налогов. Хотя надо бы это сделать, и так обязательно будет, но со временем.

— Благодаря некоторым средствам массовой информации и кичащимся собственным богатством «нью-воришкам» в сознании людей сложился негативный образ современного коммерсанта. Однако, смотрите, они десятки миллионов только через ваш фонд пожертвовали...

— Нечистоплотных дельцов среди бизнесменов хватает, но многие — глубоко порядочные люди. Хаять огульно их не надо бы... Да, большинство занимаются посреднической деятельностью, и здесь больше шансов «нагрешить». Но есть и те, кто развивает производство, внедряет новые технологии, которые приносят высокие доходы. Это труд. Титанический труд. И многие предприниматели понимают, что, если поделится деньгами, беднее от этого не станут. Их потребность помочь глубоко нравственна.

— Знаете ли вы, как была построена благотворительность в прежней, дореволюционной России?

— Все фонды держались тогда на тех, кто регулярно вносил деньги. На богатых людях. И мы прекрасно понимаем, для бога-

тых фондов нужно богатое общество. Из опыта царской России мы попытались взять все лучшее. Тот же Савва Морозов, прежде чем принять решение (порой он было проникнуто личными мотивами), обращался к специалистам... Смотрели мы, как организованы подобные фонды за рубежом. Кстати, не отбрасывали и тот положительный опыт, что был накоплен за годы Советской власти.

— Почему в наше жесткое и прагматичное время, когда, кажется, все озабочены или личной наживой, или собственным выживанием, вы — лично вы — занимаетесь совершенно бесплатно делами благотворительного фонда?

— А зачем этим занимаются по всему миру тысячи людей — от рок-певцов до домохозяек? В России появились люди, которые готовы — искренне! — поделиться своими деньгами. Я не могу отдать нуждающимся миллион. У меня его нет. Но есть опыт, связи и толика личного времени. Почему же не помочь ближнему и дальнему?

— Вы были заместителем председателя Советского детского фонда и, говорят, за годы работы там ни разу в отличие от коллег не съездили в заграничную командировку. Это правда? И если правда, то что сие — случайность или позиция?

— Вы и это знаете (смеется). А если честно, то позиция. Как и то, что создал фонд, в котором никто не получает зарплату...

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ

Время "Белых Ворончихов"

Человек
в условиях
рынка...
Как ему
работается
на
государственном
предприятии
и как
на частном?
Меняется ли
сознание
людей
после
изменения
формы
собственности?
Происходят ли
сегодня
сдвиги
в менталитете
россиян?

83

Беседую на эти темы с братьями Александром и Сергеем Пятенко — оба они работали и в государственных структурах, и в отечественных предпринимательских, и в зарубежных фирмах... Стало быть, разницу ощутили на своей, так сказать, шкуре.

Старшему, Александру Пятенко, 41 год. Окончил Московский финансовый институт. Работал во Внешторгбанке СССР. Затем несколько лет — в австрийском сов-

загранбанке, а позже — в западногерманском. Потом в предпринимательских структурах: создавал валютный отдел в Элбимбанке, затем в Уникомбанке. Сейчас трудится в одном из московских коммерческих банков.

Младшему, Сергею, 37 лет. Выпускник экономического факультета МГУ. Был научным сотрудником в академическом Институте мировой экономики и международных отношений. Защитил кандидатскую диссертацию. Написал монографию об американской банковской системе. Сейчас — старший менеджер московского отделения транснациональной консалтинговой корпорации «Делойт—Туш—Томац—Интернейшл».

Знаю их давно, поэтому в разговорах обходимся без официальностей. И еще: эта беседа сложилась не враз, а после многих встреч и совместных размышлений...

РАК ИЛИ ПРОСТУДА?

Корр. Прежде чем обсуждать тему «человек в условиях рынка», хотел бы вас обоих спросить об одном и том же: зачем вообще нужно то дело, которому и ты, и ты служишь? Что такое, я обращаюсь к Сергею, консалтинговая корпорация, где ты работаешь? Что это вообще за бизнес — консультационный? Хорошая работа — давать советы и получать за это немалые деньги!

Сергей Пятенко. Напрасно иронизируешь... Президенты западных фирм не глупее российских директоров заводов. Однако профессия бизнес-консультанта, родившись лет семьдесят назад, помогла становлению могучих многонациональных корпораций. В частности, «Делойт энд Туш», где я работаю, — это около 60 тысяч сотрудников в 104 странах мира... Бизнес-консультанты — это врачи от

экономики. Все мы знаем, как вылечить при случае насморк себе или детям. А если, упаси Бог, рак?.. И даже если человек здоров, но хочет стать мастером спорта, он первым делом должен обратиться к специалисту по спортивной медицине, который посоветует, каким видом заниматься и как дозировать нагрузки.

Корр. Кстати, наши российские предприятия — они безнадежно больны...

Сергей. Нет-нет!

Корр. Легкий «насморк»?

Сергей. Идет — подчеркну это! — нормальный процесс. Падение производства — это не катастрофа! Уменьшается выпуск никому не нужной продукции. А те предприятия, которые делают то, что необходимо — не важно, алюминий или химические удобрения, — крепко стоят на ногах и даже процветают. За счет относительно дешевой рабочей силы они могут продавать продукцию за рубежом по более низким ценам, чем тамошние аналоги. У них огромный рынок экспорта... На российском рынке появилась реальная конкуренция. Например, в автомобильной промышленности. «Москвичи» уже не идут нарасхват — и дело тут не только в цене. Почти за эти же деньги можно купить иномарку, хоть и поддержанную, но которая даст фору нашим машинам, сошедшим с конвейера... Можно сделать срез и в другой плоскости: форма собственности. В любой «лавке» (не важно, пять человек в ней работают или пятьдесят тысяч) должен быть хозяин. Где нет хозяина — дело не пойдет. Улучшается положение предприятия, во-первых, когда оно налаживает выпуск нужных товаров; во-вторых, если оно приватизируется. Причем лучший и наиболее безболезненный способ приватизации, когда генеральный директор

и его команда становятся хозяевами завода. Все остальные виды акционирования менее эффективны. В целом я оценил бы состояние российской экономики как нормальное для переходного периода.

Корр. Теперь вопрос Александру — как банкиру-практику: зачем вообще нужны коммерческие банки? Зачем их столько в России? Количество перевалило за две тысячи...

Александр Пятенко. Да нам надо в десятки раз больше банков, чем сегодня! Существует такое понятие: «домашний банк». Он находится через дорогу и оказывает весь комплекс услуг для клиента-производственника или мелкого предпринимателя: расчетное

обслуживание, кредиты на расширение дела, на зарплату и прочая, прочая... Другое дело — пока мало кто, кроме коммерсантов типа «купи-продай», ощутил пользу от этих новых учреждений. Долгосрочные инвестиции заводам и фабрикам дают, как правило, лишь те коммерческие банки, которым, в свою очередь, выделяет ссуды Центробанк России под низкий процент. А он благосклонен в первую очередь к тем, что раньше были госбанками. (К примеру, Уникомбанк — бывший Жилсоцбанк Московской области — поддерживает на плаву Норильский комбинат...) Другие же банкиры не хотят рисковать, ведь они рискуют деньгами своих клиентов... Знаешь, я видел закон о банковском деле Германии. Шесть томов. Если положить их друг на друга, будет около метра. А у нас банковское законодательство практически отсутствует, и это толкает банкиров к тому, чтобы как можно быстрее вернуть свои деньги обратно. Долгосрочных инвестиций нет именно поэтому. И еще потому, что в стране политическая неста-

бильность и бушует инфляция. Но, уверен, рано или поздно все наладится. И тогда коммерческие банки станут обслуживать не только купцов, совершающих вояжи за греческими куртками, но и производителей, а также, конечно, всех граждан. Надо быть готовыми к этому.

КНУТ И ПРЯНИК

Корр. Вы оба поработали и на государство, и в отечественных предпринимательских структурах, и в зарубежных фирмах. Какая между ними разница?

Александр. Ее отчетливо видишь, когда сравниваешь, например, Элбимбанк и Уникомбанк.

Элбимбанк создан, что называется, на ровном месте коммерческими структурами и на их деньги. И предназначен в первую голову для обслуживания той клиентуры, которая его и создала. Поэтому и психология работников в первом банке соответствующая: чем больше ты принесешь дохода, тем больше будешь получать. Сотрудники очень заинтересованы в результатах своего труда. У них совсем другой, чем в госбанке, подход к клиенту. Он твой кормилец. Вы с клиентом одна семья. Вы работаете на одну задачу: получить максимальную прибыль. Поэтому здесь нет какого-то контроля за приходом-уходом с работы.

Как правило, в таких чисто коммерческих банках не набирают лишний штат. И условия, что создают своим сотрудникам банк «Столичный», «Кредит-Москва», Инкомбанк — покупают им квартиры, машины... — естественно, нацеливают тех на максимальную отдачу. В коммерческой структуре можно намного убыстрить оборот документов, прохождение любого

вопроса... А вот Уникомбанк... (Я уже говорил: это бывший Жилсоцбанк Московской области.) Люди остались практически те же, что и в госструктуре. Руководство очень часто декларирует о своей заинтересованности в клиенте. Но на деле к клиенту относятся совершенно по-другому, чем в Элбимбанке. Для Уникомбанка характерен, как я это называю, «великодержавный шовинизм». Для них клиент — ничто. Скажем, клиент из Подольска всю жизнь работал с этим банком, и когда банк сменил вывеску, деваться тому все равно некуда... Остался в обиходе тот же пренебрежительный тон. Та же косность. Банк, как прежде, чувствует себя монополистом.

Сергей. Допустим, перед исполнителем поставлена простейшая задача: дозвониться до тридцати городов. Ясно, что связь плохо работает, но человек из частной структуры сядет в обнимку с телефоном, а госслужащий будет прерываться на чаепития, на анекдоты... В итоге «частник» дозвонится, скажем, до двадцати абонентов (хотя по ходу дела может и чай прихлебывать), а «государственник» — до десяти... Нагрузка в предпринимательских структурах существенно больше, а в зарубежных фирмах она еще на порядок выше... И вот сознание того, что сегодня тебе непременно надо сделать то-то и то-то, а фирма платит достаточно много и немедленно может на твое место найти другого сотрудника, вырабатывает качество, которого нам всем не хватает: «упористость» в работе. Учит трудиться постоянно, аккуратно, порядочно, много.

Корр. Мне довелось после окончания технического вуза недолго поработать инженером. Сидел и дивился: зачем мне нужны были римановы пространства

и даже интегральное исчисление? Мою тогдашнюю работу вполне мог выполнить и восьмиклассник... Да и журналист, чего греха таить, зачастую сам себе секретарь, машинистка, стенографистка и даже курьер...

Александр. Я старался и стараюсь создавать структуры, максимально приближенные к западным образцам. Во Франкфурте нас, трех кредитников, обслуживали семь секретарей. Они выполняли всю техническую работу, до ведения досье. На мою долю оставалось творчество... Вообще нормальное делопроизводство — это то, что коммерческие фирмы должны бы взять от государственных. Естественно, отбросив излишний бюрократизм.

Сергей. А в московских офисах западных фирм зачастую квалифицированные менеджеры теряют много времени на неквалифицированный труд. Набрать подходящий технический персонал — проблема. Не хватает секретарей, девушек на телефоне, курьеров, водителей...

А претенденты не умеют много и четко работать, не знают иностранного языка... Добавлю, что уровень «бумаготворчества» западных фирм поначалу удивляет. Кажется, будто попал в обком КПСС... А потом понимаешь, что это очень облегчает работу.

Александр. Когда я приехал в Германию, мне очень хотелось себя проявить. Я знал руководство этого банка около десяти лет. И вот звонок из Москвы, я быстренько оформляю сделку и бегу к зампреду: очень выгодно, я уже подсчитал! А он: а где виза начальника управления? Виза курирующего члена правления?.. У них есть обычное прохождение бумаг и «шнелль» — быстрое. У тебя две папки на столе. Кладешь в «быструю». Каждые пятнадцать

минут приходит курьер. Никуда не надо самому бегать. Бумага тут же оказывается на столе у начальника управления. И он ее тут же посмотрит, поставит подпись, и еще через пятнадцать минут она появится на столе у зампреда. И когда я пытался сделать что-то еще быстрее, то благодаря налаженному делопроизводству бумаги все равно попадали в накатанный желобок, и скорее не получались.

«ПОВОРОТ МОЗГОВ?»

Корр. Вы оба относитесь к среднему управленческому звену: над вами есть шефы, под вами — подчиненные. Различаются ли отношения по линии «начальник — подчиненный» в структурах разной формы собственности?

Александр. Я снова скажу о разнице между «настоящим» коммерческим банком и тем, что раньше был государственным. В последнем, кроме зарплаты, никто из сотрудников ничего не имеет. Поощряют, увеличивая жалование (всем!) или давая какие-то подачки, например, по коврику к Новому году. Действует система распределения. Причем сверху, и главные блага достаются не тому сотруднику, кто тянет воз, а начальству. Это происходит у всех на глазах и страшно развращает.

А в подлинно коммерческом банке у тебя есть возможность получить процент от какой-то операции или — совершенно официально! — вознаграждение от структуры, которую ты обслуживаешь.

Операционистка очень хорошо работает на коммерсанта-клиента: тот может ее отправить за свой счет, скажем, в отпуск в Грецию...

Сергей. Любая большая структура (свыше десяти человек) живет

по бюрократическим законам, что в Нью-Йорке, что в Москве. Но в частной фирме все взаимоотношения пронизаны тем, что у нее есть конечная цель существования — прибыль. В госпредприятии такой цели нет. Поэтому там склоки, есть приближенные, любимчики... В частном бизнесе начальство может тебя сколь угодно не любить, но если ты «профи», оно помогает тебе работать. И разница, существующая в этом смысле между коммерческим и государственным предприятием, со временем все увеличивается. Сейчас она заметнее, чем два года назад, а спустя пять лет станет еще зримее.

Александр. В коммерческой структуре больше заботы о людях. Без людей ты никто, а раз так, то должен быть к ним внимателен.

Корр. В недавнем интервью мэра Москвы Юрий Лужков с гордостью сказал, что в столице уже десять тысяч магазинов — десять тысяч! — стали либо товариществами, либо частными... Честно говоря, я не ощущаю этого. В ближайшем овощном — тоже теперь «товарищество»! — продавщица как хамила, так и хамит, как обсчитывала, так и обсчитывает...

Сергей. Все идет постепенно. Рисунок игры у шахматиста-первоурядника, становящегося мастером, меняется не мгновенно... На примере достаточно крупного предприятия все происходит так: сначала вместо вывески «министерство» появляется слово «концерн», потом новое — «ассоциация», а заводы называются акционерными обществами, где доля государства подавляющая... Но после нескольких таких трансформаций, каждая из которых есть мелкий шаг вперед — скачков не бывает! — мы видим уже очевидное улучшение.

Александр. А разве в коммерческом ларьке тебе хоть раз нахамили? Там с огромным удовольствием берут твои деньги в обмен на «Сникерс» или банку «Пепси»...

Сергей. И если брать «в среднем», то в приватизированном магазине все-таки лучше. И в кооперативном ресторане тебя, опять-таки в среднем, лучше обслужат, чем в государственном. И трудно увидеть пьяного продавца «комка»... Другое дело, что этот зазор еще небольшой, но в целом просто на глазах видно, как крепнет частный сектор и разваливается государственный. И симпатичный мне Лужков в данном случае имеет законные основания для гордости.

Корр. Полтора года, как объявлен рынок. На ваш взгляд, повлияло ли это на менталитет россиян?

Сергей. Он меняется. И очень быстро. И в лучшую сторону. Жизнь — жесткая штука, и она заставляет. Перемены в России, в мозгах в том числе, идут колоссальным темпом. И это не только мое мнение, но и западных коллег. Многие из них ведут дела с нашей страной по двадцать — тридцать лет, живут здесь годами, но порой, отъезжая на два-три месяца, каждый раз, возвращаясь, находят какие-то сдвиги к лучшему. А я вижу, насколько больше людей стало понимать, что главное не произвести, а продать. Клиенты нашей фирмы, крупные российские структуры, обращаются с заказами исследовать рынок. Просто знакомые — тот, кто шьет одежду, — ломают голову, что будет модно, что будет покупаться... Массовый «поворот мозгов» производственников к людям! Они хотят заработать, а это можно сделать, только удовлетворяя потребности людей. В центре внимания хозяйственника наконец-то

оказывается человек! Прогресс потрясающий!

Александр. Да, менталитет россиян изменился, и достаточно сильно. Правда, все зависит от возраста. Старшее поколение, и это показывают социологические опросы, не очень подвержено переменам. Для среднего, к которому я отношу и себя, соотношение — «фифти-фифти». Молодые просто начинают жить в другой стране... Однако самый тяжелый вопрос для России — непрофессионализм. У россиян не было возможности воспитать себя профессионалами...

Корр. Как вы считаете, много ли у нас людей, занятых работой, только работой и ничем, кроме работы, — таких на Западе называют «трудоголиками»?

Сергей. Я видел где-то подсчеты, что около трех миллионов человек в России зарабатывают восемьсот и более долларов в месяц. Ясно, что они, безусловно, «трудоголики».

Александр. Это неверный подсчет! Готов миллион раз с тобой поспорить!.. А если это жулик? А как отделить проститутку от «трудоголика»?

Сергей. Но в общем критерий распределения людей по доходам «играет». И проститутка вполне может быть «трудоголиком». «Трудоголик» — любой человек, кто умеет и любит трудиться.

Александр. Нет, я предлагаю откинуть жуликов. А их, я полагаю по своей банковской практике, четыре пятых. Ко мне обращались люди с разнообразными проектами. Из них процентов двадцать — с интересными предложениями, например, по внедрению новых технологий. Остальные желали урвать, нажиться получестным путем...

Сергей. Итак, шестьсот тысяч «трудоголиков», что уже «выби-

лись в люди», и приплюсуем еще миллиона два любящих и умеющих трудиться, но которым пока не повезло. На 107 миллионов избирателей в России семьдесят миллионов трудоспособного населения — много это или мало? Не знаю...

РАБОТА ЕСТЬ РАБОТА...

Корр. Итак, у нас появляется целый класс — или, если угодно, прослойка — людей, для которых главное — работа и деньги, деньги, деньги...

Сергей. «Трудоголизм» — неизбежность... Как корейцы «выбили» евреев из овощной торговли в одном из американских городов? Они ставили свои лавки рядом. Евреи уже обжились там и работали, допустим, с восьми до восьми. А корейцы трудились круглосуточно, семьей, не беря лишнего персонала, за счет чего немножко снижали цену. Шла борьба на уничтожение. Тот еврей мог сколько угодно увлекаться музыкой и поэзией, но пришел кореец и его переработал. Все!.. Нельзя хорошо заниматься делом, не отдавая ему всего себя целиком.

Корр. Но существует огромное количество профессий, в которых, хоть, извини, на уши стань, хоть двадцать четыре часа в сутки работай, тысячи долларов в месяц не заработаешь...

Александр. Если твоя профессия не обеспечивает тебе сколько-нибудь сносного существования — надо менять профессию.

Сергей. Значит, эта профессия никому не нужна. Да, сейчас нельзя научному сотруднику академического института заработать сколько-нибудь приличные средства. Это означает только, что эта академическая наука не нужна... Другое дело, что в любой профессии есть свои лидеры. Что, учи-

тель не может в частной школе или частными уроками хорошо зарабатывать? Если он хороший учитель?

Корр. Но структуры, которые способствовали бы изменению профессии, у нас практически не развиты.

Александр. Да! Но, прости, какую проблему мы обсуждаем? Разве проблему того, что должно делать государство? Нет. **Что** каждый человек должен делать **сам**. Это совсем другая проблема.

Корр. Однако в цивилизованном мире существует огромное число профессий, у представителей которых, ежели они умны и талантливы, возникают трудности с деньгами лишь по поводу: строить дом с семью спальнями или ограничиться старым, с пятью. Это и режиссеры, и актеры, и юристы, и психологи, и журналисты, и преподаватели университетов, и ... и...

Сергей. Нам рано пока равняться на цивилизованный мир! По всем показателям, определяющим уровень развития державы — валовой национальный доход на душу населения, продолжительность жизни, детская смертность, — Россия находится на шестидесятом — семидесятом месте. Это из ста пятидесяти нормальных стран. То есть мы где-то в середине. И сейчас идет крутой социальный перегиб.словно резкий взлет самолета. Разве может его экипаж — а к нему я отношу не только правительство, но и весь старший менеджмент всех фирм и предприятий, и всех мыслящих людей — отдыхать во время крутого взлета? Ни минуты! Сейчас экстремальные условия. Мы все словно оказались в другой стране. Может ли иммигрант, пытающийся «выбиться в люди», позволить себе отдыхать?.. Те, кто выезжал отсюда в Америку, увозили огром-

ные библиотеки. Они, библиотеки эти, так и стоят в нью-йоркских подвалах нераспечатанными. Одна моя знакомая послала подруге-невозвращенке посылку в США, вложила пару шибко умных книг, типа Бердяева. Получила ответ с припиской: «За книги спасибо, но неужели ты думаешь, что у меня здесь есть время все это читать?»

Александр. Многим из так называемой интеллигенции в стране придется переквалифицироваться. «Так называемой» потому, что тысячи из них просто ничего не умеют. Если «писатель», то почему не может прокормить себя своим трудом? Если «журналисты», то почему делают газету, которая не окупается?

Сергей. Нормальная жизнь — когда делаешь не то, что любишь, а то, что людям надо. А если хочешь делать, что любишь, будь готов к уровню жизни нищего в метро. Я, например, петь люблю. В метро мне сколько-нибудь подадут. Ну, люблю и люблю... а работаю старшим менеджером фирмы «Делойт энд Туш».

Александр. Но на самом деле бизнес-консультирование ты, наверное, любишь больше?

Сергей. Да, и слава Богу.

ПЕСНИ «ВАРЯГОВ»

Корр. Все шесть наиболее крупных транснациональных консалтинговых корпораций уже действуют на нашем рынке. Рвутся сюда западные рекламные агентства, банки... У них многолетний опыт, отшлифованные методики, они могут много платить своим сотрудникам... И «варяги» отбирают у отечественных компаний заказы, вытесняют их с рынка... Нужна ли какая-то помощь правительства (протекционистские меры) в отношении российских фирм?

Сергей. Протекционизм и отгораживание ни к чему хорошему не ведут. Это создает тепличные условия, которые консервируют наше отставание. Чтобы ответственная компания хорошо развивалась, она должна постоянно конкурировать с мировыми лидерами.

Александр. Да, на первом этапе наших будут выбрасывать с рынка. Но жизнь заставит их подтягиваться до уровня, что предлагают американцы. А наши сотрудники, поработав на западные фирмы и набравшись опыта, станут открывать свои компании.

Сергей. Отрицательный пример протекционизма — тендер (конкурс) на право освоения Удоканского медного месторождения. Западные компании заплатили по 25 тысяч долларов, только чтобы заявиться. Но, не дожидаясь конца, сняли свои заявки, потому что стало ясно, что победят русские. Только потому, что они русские.

Корр. Как банкирам, теоретику и практику, не могу не задать вам вопрос: зачем Запад оказывает нам финансовую помощь? И существенна ли она для нас?

Сергей. Есть очень нелестный для России образ, но все же... Пьяница-дебошир живет в коммунальной квартире. Неужели другие жильцы не скинутся, чтобы вылечить его от алкоголизма, тем более, если сам он этого хочет? Это забота о собственном спокойствии...

Александр. Есть и другие причины... Американское телевидение, показывая голод в Сомали, в конце концов вдохновило мировое сообщество поставлять туда продовольствие, хотя эта страна их спокойствию не угрожала... Западный обыватель, как это ни обидно, жалует Россию...

Сергей. В нашем правительстве есть очень квалифицированные финансисты (вроде Бориса Федорова), прекрасно понимающие ситуацию и умеющие договариваться с Западом. Иностранная помощь значима для России. Но она как бы подпорки. Подталкивание в правильном направлении. Она не решает судьбу реформ, хотя способствует им.

Александр. Мы независимое государство. Можем делать что угодно. Они тоже независимы. Могут деньги давать, а могут — нет. Западное влияние — важный фактор, способствующий разумности действий любого нашего правительства. Очень показательна замена Гайдара на Черномырдина. Это совершенно разные люди, однако крепкий хозяйственник стал делать примерно то же, что до этого европейски образованный ученый.

Сергей. От одной личности, даже главы правительства, зависит, как выяснилось, не столь уж много. Логика обстоятельств (в том числе и влияние Запада) заставляет их делать примерно одно и то же. Это заслуга первых реформаторов во главе с Горбачевым; они довели дело до такой ситуации, когда процесс может идти сам по себе.

ШАНС

Корр. Итак, Россия по всем показателям в середине мировой «табели о рангах». Есть ли шанс, что мы рванем вверх?

Сергей. Главная разруха — в головах. Это классика. В 1945 году потенциал Бразилии был выше и японского, и немецкого. В силу физической разрухи. Но! В тех странах были немцы и японцы... Рванем ли мы? Уже рвем. И очень быстро.

Александр. Но не прервется ли этот процесс выбросом «а-ля 1917-й»?

Сергей. Мне кажется, что нет. Хотя строгих, научных доказательств нет...

Александр. Это скорее вопрос веры.

Сергей. ...и работы каждого из нас.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Первое чувство, которое возникает по прочтении этого диалога, — желание спорить, опровергать. Приводить факты абсурдности и несправедливости нашего нынешнего бытия...

Вот женщина, всю жизнь трудившаяся и мечтавшая на пенсии спокойно почитать. Пенсия подошла, но на жизнь не хватает, и она вынуждена работать грузчиком в булочной. И это, по мнению братьев Пятенко, «нормально»?.. Доцент, который торгует в Лужниках кроссовками, — это что, «рынок»?.. Миллионы россиян, мечтающих об эмиграции, — «шанс для России»?..

Однако, если есть почва для спора, давайте спорить. Мы обнаружили частную точку зрения Александра и Сергея Пятенко. Не больше.

Но и не меньше. За плечами обоих братьев немалый жизненный путь и деловой опыт профессионалов-экономистов. И, пожалуй, можно согласиться с ними, что произошел массовый поворот в сознании россиян и многие из нас поняли: жизнь и достаток каждого зависят не от того, какое количество корма дает государство, а от его собственных усилий. А преодоление «разрухи в головах», думается, поважнее на первых порах, чем богатый выбор сыров и колбас...

ПАМЯТИ БЕЛОГО ОФРИЦЕРА

О, эти нынешние кукольные белогвардейцы!

Они повторяют по асфальтовому шоссе «ледовый поход», бьют из камышовых орудий по «красным», напиваются на праздновании 200-летия высадки запорожцев в Тамани, пишут бездарные стихи о генерале Шкуро и не дают адреса казаков в Америке его родственнице. Легко стало разыгрывать спектакли безопасного сострадания, а светлую боль умерших превращать в торжище Сенного рынка, куда корниловцы пробивались с оружием со стороны Елизаветинской в марте 1918 года. Подобно гольфтьбе, таскавшей после ухода белых из Екатеринодара брошенное в сараях и квартирах добро, напали нынешние идейные лстецы на залежавшуюся драгоценную ветошь у белых потомков в Америке и, толкая друг друга, скрывая свои прорытые ходы, ловчат первыми крикнуть: «Я белый!» Никого не подпустить! Опять у советского человека появилась возможность нашить на рукав или на воротник полоску активиста и передовика; время позволяет вступить в «волчью сотню». А бедная родственница генерала Шкуро никогда со своими семейными чувствами не будет нужна советским белогвардейцам: она живет не в Америке и долларов у нее нет. И это называется... возрождением?

Но казаки в Америке этого нового обмана еще не раскусили. Так зачем же так много было трагедий? Для того ли принято отцами и дедами наказание, предрек Господь им изгнание, православные кресты в католических странах, чтобы в свободный день на родине хищные руки прибрали их веру в спасение России и озолотились? Не так ли и сама Россия попала нынче в капкан?

Умерли рыцари тернового венца, оборвалась цепь великая... Не с кем всколыхнуть душу истинно чистой императорской России...

«...собрав свои силы в гражданской войне, оно отнюдь не питается гражданской войною, не зовет к ней во что бы то ни стало и не угасает вместе с нею; пробужденное революцией, оно отнюдь не сводится к «контрреволюции»; борясь против гибельной химеры коммунизма, оно совсем не выдыхается вместе с этой химерой; восстав против интернационала и его предательства, оно имеет свой положительный идеал родины; поэтому не правы все те, кто думает или говорит, что белое дело есть то же самое, что «вооруженная контрреволюция».

«Россия для нас не просто «территория», и не просто «люди», и не только «быт», «уклад» и «мощь»... Но это прежде всего национальный сосуд Духа Божия; это наш родной алтарь и храм; и освященный, кровный дедовский очаг. И потому «родина» есть для нас не предмет бытового пристрастия, а подлинная религиозная святыня» (И. А. Ильин).

8 мая 1969 года притопал я к обеду в Союз писателей, весело поздоровался; на меня как-то с прищуром смотрело трое моих коллег. Какие-то козырные карты были в их руках. Они уже прочитали в газете «Известия» распротартийную статью «Битая ставка г-на Сионского». Но откуда они узнали, что я с ним переписываюсь? От кого? И как обрадовались: ну, теперь-то он загремит, наш писатель, мы его достукаем! Даже в КГБ, куда меня через неделю вызвали «побеседовать», такой радости не было. Сухо объяснили, в чем я грешен, побурчали на мою наивность и выпустили из кабинета домой. Торжественное воспитание «местного белогвардейца» партийный дом перепоручил моим товарищам по ремеслу — этаким улыбающимся врагам. Казалось, они свою красную идею в любой час прикроют храброю грудью, а... а в коварном августе 1991-го никто даже не пикнул. Среди кого жил, Боже мой?!

«Он (Сионский) принадлежит к числу тех эмигрантов, которые до сих пор не оставили мысль въехать в Москву на белом коне...»

«В высокой гражданственности советской литературы этот белоэмигрантский выкормыш усматривает «яд марксизма». Свои гнусные идейки Сионский развивает и навязывает со скрупулезной настойчивостью... Этот фигляр имеет наглость вещать «от имени народа» в то время, когда ненавидит всеми фибрами своей грязной души все, что принесла русскому народу Октябрьская революция, все, что стало достоянием нашего народа...».

Сегодня все подряд орут о России, цепляют на пиджаки значки с двуглавым орлом, поминают царей; в 60-е годы помню всего двух-трех поклонников убитой монархии. И вот меня поймали! Мои коллеги шепотом передавали кому надо: связался с каким-то евреем из Франции — фамилия-то Сионский! Он посылал писателям русские зарубежные книги, порою такие «страшные», как «Жизнь Пушкина» (в 2 томах) А. Тырковой-Вильямс. Я переписывался с другом И. А. Бунина, замечательным писателем Б. К. Зайцевым, и обо мне Сионский узнал от него. Кажется, сам Господь благословил нас на связь с изгнанниками из царской России, да, из царской. Горько вспоминать то одиночество. Одна-

жды в Коктебеле я впервые увидел писателя Олега Михайлова, и мы тотчас заговорили о Сионском, Б. Зайцеве, Г. Адамовиче. Кто это подсказал? Там же Е. Евтушенко читал нам свое стихотворение о Г. Адамовиче. Евтушенко летал по белу свету, как воробей по двору. А мы знали, что никогда с русскими эмигрантами не встретимся. Нас не пускали даже в Индию.

Кого теперь проклинать? Было на Руси такое несчастье, когда русским сородичам, опечаленным судьбою земли своей, запрещали сблизиться, загоняли их во «вражеские» окопы. Не дали и повидаться в Париже. Уж какие, как выяснилось, притворные «верные ленинцы» там ни гуляли на казенные денежки, а я и на свой не попал туда: казнили запретом!

За переписку с «врагом Отечества».

9 апреля 1967, Булонь

Многоуважаемый Виктор Иванович!

Спешу поблагодарить за книгу Ю. Казакова «Двое в декабре», которую успел лишь бегло просмотреть и пробежать два рассказа. Раньше я был немного знаком с его творчеством по его книге «Голубое и зеленое». Он талантлив. Ю. П. Казаков лишь недавно уехал из Парижа. Был он и в Грассе на вилле Бельведер и ходил по дорожкам, истоптанным Иваном Алексеевичем. К сожалению, мне не удалось его повидать и поговорить с ним. Видел он многих: Б. К. Зайцева, Г. В. Адамовича, Л. Ф. Зурова и др.

Я послал Вам довольно много книг и жду Вашего письма...

Вот эти книги: А. Камю «Иностранец», Б. К. Зайцев «Далекое», С. Лифарь «Моя зарубежная Пушкиниана», А. Клягин «Страна возможностей необычайных» с предисловием И. А. Бунина, В. Набоков «Приглашение на казнь» и роман «Дар» и две книги на французском языке о Наполеоне.

Как я писал уже Вам, я не принадлежу к литературным кругам. Литература для меня — жизнь моей родины, России. К сожалению, литература сегодняшних дней далека от литературы классической. Вы мне напишите, что Вас интересует из книг, и постепенно я буду Вам их высылать. Беда лишь в том, что зарубежные книги очень плохо доходят, особенно в провинцию.

Я критик по сердцу. В Вашей книге нет ненависти, везде любовь. Это то, что сейчас нужно. Сейчас человечество ищет тишины и спокойствия, и Ваши «Голоса в тишине» попали в душу честных людей, и, читая, они плакали.

Пошлю я Вам книгу «Записки свящ. Ельчанинова». Я знал его хорошо. Он умер, но передал своему сыну всю высоту духовной жизни. Сомневаюсь, что эта книга дойдет к Вам, хотя в ней, кроме любви и доброты, глубокой веры, ничего другого нет.

Вашей маме низкий и душевный поклон и привет. Я, к сожалению, не знаю могил своих родителей.

Пишите. Искренне Ваш А. Сионский.

23 июля 1967, Булонь

...Я буду ждать Вашего письма из далекой и холодной Сибири, где погибли моя мама, сестра и брат после расстрела отца, которому уже был 71 год.

...Роман В. Катаева «Святой колодец» — это фантазия, хлестко написанная, с включением Бунина, Маяковского и еще какой-то комсомолки с доносами, расстрелами и, конечно, бело-

гвардейцами. Все выдумки и никакой правды о Бунине — даже о последних часах жизни Ивана Алексеевича, о его квартире, которую Вы можете увидеть на снимках, сделанных по просьбе проф. Алексеева фотографом Лувра.

Библия издана на сотнях языков. Это самая дешевая по цене книга. Я послал Вам ее прямо на Новосибирск, как и замечательные «Записки» свящ. Ельчанинова. Они пропали, их читают другие.

Здесь есть личный дневник И. А. Бунина, он цел и находится в надежных руках. Он будет опубликован, когда испишутся все катаевы.

С Б. К. Зайцевым и Л. Ф. Зуровым я часто встречаюсь.

Ваш А. С.

30 декабря 1967, Булонь

...Я получил Ваше письмо из Москвы от 17 декабря и открытку с Новым годом, как и открытку «Суздаль». Это не так далеко от моих родимых мест.

Я понимаю Ваше состояние и отношение к столичной жизни. Как раз моя жизнь с десяти лет протекала в Москве, Петрограде, Киеве, а за границей — в Константинополе, Софии, Белграде, Праге, Берлине, Лондоне, Кембридже и лишь проездом в замечательной и красивой Швейцарии и Сев. Италии. В последнюю хочу съездить, но нездоровье Марии Яковлевны несколько изменило мою жизнь. Да и годы уже зрелые — лишь наблюдаю, как русские люди начинают интересоваться истоками своего государства и духовного существа народа. Это все непросто!

Вы, конечно, большой идеалист! Я думал, что таких людей среди советской молодежи трудно найти. К счастью, они есть. И я согласен с Вами, что время, страдания, лишения великого народа не пройдут даром. Я верю и чувствую этот взлет и ради этого работаю. За рубежом мы все это чувствуем и хватаемся «за соломинку», пришедшую из нашей страны...

6 февраля 1968

...Однако совершенно не знаю, получили ли Вы книги и мои письма.

...На праздниках виделся с Л. Ф. Зуровым и Б. К. Зайцевым, говорили о Ваших литературных начинаниях. Б. К. сейчас очень был болен — сильный грипп и бронхит. Для его лет (11 февраля будет ему 87) такие болезни очень опасны.

Книг интересных выходит много. Например, В. Позов «Метафизика Пушкина», И. Одоевцева «На берегах Невы», Г. Федотов «Лицо России», Пагануци «Лермонтов» и т. д. Все эти книги непропагандного характера, но цензура не пропустит, так как они русские зарубежные книги. Постараюсь выбрать для Вас самую невинную книжку и pošлю в Ваш тихий Краснодар. Поют ли еще кубанцы свой гимн «Ой, Кубань, ты наша родина...»? Этот край пришлось пройти во время гражданской войны вдоль и поперек. Какое богатство и красота необычайная, и хороший гостеприимный народ...

26 февраля 1968, Булонь

...Позвольте, Виктор Иванович, выразить мою благодарность за Ваше письмо. Однако успокоить Вы меня полностью не

смогли, т. к. те книги, которые Вы у меня просили и были Вам высланы, Вы не получили. Вот их перечень: 1. Г. Адамович «Единство», стихи. 2. В. Вейдле «Рим». 3. Г. Адамович «О книгах и авторах. Заметки из литературного дневника». 4. А. Камю «Незнакомец» (в переводе Г. Адамовича).

Целый ряд книг был послан на редакцию «Нового мира». Мне неизвестно, что ими получено и что переслано Вам. Нет смысла отправлять книги два-три раза, если их не пропускают. Книга Б. К. Зайцева «Чехов» была Вам послана с дарственной надписью Б. К., если не ошибаюсь, два раза. Вы ее не получили, мне ее не вернули, и, следовательно, Ваш упрек, что я ее не сохранил, совершенно неоснователен. Эта книга, посланная мной по просьбе Чеховского музея, тоже пропала и лишь через А. А. Суркова была доставлена в музей, который мне прислал благодарность.

Я крайне удивлен, что мои письма являются причиной недоставки Вам книг. Не надо меня считать за наивного человека. Я ничего не беру из газетных источников, и Вы знаете прекрасно, что происходит с русскими книгами...

Вы живете у себя дома и должны подчиняться вашим хорошим или плохим законам, чтобы жить и зарабатывать свой кусок хлеба.

Я всеми этими жизненными вопросами не связан и рассуждаю совершенно свободно с точки зрения морали и честности...

16 июля 1968, Булонь

96 ...Теперь о книге Б. К. Зайцева «Чехов». Посылаю Вам снова квитанцию. Я проверил, эта книга была отправлена 1-го апреля 1968 г. Что касается ответов, то они все шаблонны, и я их уже имею большое количество. Ценные книги и тем более с дарственной надписью, посланные в провинцию, цензура конфискует и направляет или в Главный архив (50, Ленинградское шоссе, Москва, А-212), или в библиотеку им. Ленина. Оттуда им ходу нету. На запросы о пропаже они иначе ответить не могут, так как иначе они должны заплатить за пропажу. Коротко: произвол, к которому мы все приучены. Трудно в таких условиях сделаться настоящим писателем. Здесь издана маленькая книжечка М. Волошина «Демоны глухонемые». Ее не пропускают в Союзе. В «Новом журнале» (№ 91) помещены неизданные стихотворения И. А. Бунина и «Кольмские рассказы» В. Шаламова. Вышел 4-й том Н. Гумилева — проза. Уже третьим изданием печатается роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», без пропусков. В журнале «Москва» многое изъято, вам, писателям, такое запрещено читать. Вы видите, какой я крамольный корреспондент. Но все это мы говорим при встречах, за столом, за чаем. Читаем вашу «Правду», «Известия» — и ничего!

...Феодосию и вообще Крым знаю. Там был. В Керчи же лежал в госпитале после ранения в гражданской войне. Городок мне страшно понравился, и я мечтал приезжать туда. Однако судьба решила иначе.

...Теперь несколько слов о Борисе Константиновиче. Ведь ему уже 88 лет. В этом возрасте творить, конечно, невозможно. Он многое не понимает, память сильно потускнела, и он многое не помнит. Карточку ему передал. Да и я Вас благодарю за фото. А вот идут ли службы в этих храмах? Лишь кресты говорят, что здесь жили православные люди, а не басурмане. Мы в свободном

мире сохранили наш дух и пронесли по всему миру веру православную.

Преступного я ничего не пишу, а лишь напоминаю, что Россия живет тысячу лет, а не с октября 1917 года...

27 августа 1968, Булонь

Дорогой Виктор Иванович! Спасибо за Вашу открытку с видом Краснодара и отеля «Кубань». Видимо, этот отель старой постройки и что-то мне напоминает, я был в Екатеринодаре еще в 1918 году.

Вы обижаетесь, что я пишу Вам «как ребенку». Когда мне мой друг пишет «как ребенок», то я отвечаю в том же духе. Я вас все время продолжаю считать очень наивным, т. к. Вы живете где-то в космосе, но не на Земле.

...Вышла книга Б. К. Зайцева «Река времен». Это сборник его прежних рассказов и статей. Пошлю Вам, но дойдет ли? С этим письмом посылаю лишь рецензию Г. В. Адамовича. Хотел бы, чтобы Вы прочли ее.

...Был я неделю тому назад у Б. К. Зайцева и передал фото Изборска. Он Вас благодарит. Говорили о Вас, о Вашей возможной тематике, Вашей писательской деятельности.

...Я послал Вам вырезку со статьей Б. К. Зайцева о смерти К. Г. Паустовского.

Шлю мой сердечный привет Ольге Борисовне и Вам.

30 марта 1969, Булонь

...Завтра, 31 марта, буду впервые завтракать (после моей болезни) у Бориса Константиновича и, конечно, вспомним Вас. Он все еще стоит верным часовым на общественной литературной работе. Председательствовал и выступал на собрании памяти Тургенева, на вечере А. И. Солженицына. 11 февраля праздновали 88 лет Бориса Константиновича. Весь литературный Париж пришел его поздравить. Много пили и ели, и Б. К. не отставал. Февраль был холодный, и, как никогда, много выпало снега. Что-то напоминало о русской зиме...

Сегодня 1 мая. На всех углах Парижа продаются ландыши и преподносятся своим родным как символ и пожелания счастья. В свое время в старой России продавали ромашку, и собранные деньги от продажи шли в фонд лечения туберкулеза. Теперь — это праздничный день, манифестации и проч.

27 апреля с. г. была свадьба внука Б. К. Зайцева с одной русской барышней, — свадьба в чисто русских обычаях и традиции: «Гряди, гряди, голубица», «многая лета» и т. п. Народу было много и в церкви, и на приеме. Борис Константинович «порхал» и, воспользовавшись свободой (от наблюдения своей дочери), опрокинул несколько бокалов шампанского и нашей русской водочки. Да и я, несмотря на запрещение врачей, выпил бокал шампанского с молодыми. Вот так родилась еще одна русская семья, которая будет продолжать наши обычаи и традиции, а мы спокойно можем уходить из этого мира.

23 декабря 1971

...Борис Константинович Зайцев уже скоро будет справлять свой 91 год. И несмотря на эти его годы — слепоту и глухоту, — советское посольство потребовало его ареста — на время пребы-

вания тов. Брежнева в Париже. Французы были все же деликатны — в тюрьму не отправили, но оставили под домашним арестом и неустанным контролем.

Русские и иностранные круги Парижа были опечалены неожиданной смертью Александра Трифоновича Твардовского, и вот в каких словах французская газета «Монд» отметила его кончину: «Он был совестью русской литературы».

...О себе ничего хорошего сообщить не могу. Грущу от моего одиночества и тяжело болею сердцем. Уже было четыре сердечных удара, последний 10 ноября.

Если надумаете написать, буду рад Вашей весточке. Олег мне пишет, что занят Суворовым и выслал книгу рассказов Тэффи. Интересно, как вы все переварили творчество Надежды Александровны. Она была интересной и глубокой. Было огромное удовольствие посидеть с ней, с Б. К. Зайцевым, И. А. Бунинным и др. Да, Л. Ф. Зуров умер в октябре этого года, и интересный архив Бунина сейчас разбирают.

Вот, мой дорогой друг, моя жизнь. Жаль, что годы и мое здоровье не позволяют, вероятно, дожить до счастливых дней...

5 февраля 1972, Монморанси

...Пока же хочу Вам написать о другом, о моем глубоком и тяжелом переживании по поводу кончины 28 января Бориса Константиновича Зайцева. Похоронили на русском кладбище (вместе с Верой Алексеевной), где уже спят крепким сном и другие великаны русского слова. Умер он, не дожив 13-ти дней до 91 года. Вечная ему память...

19 июня 1973, Монморанси

Дорогой Виктор Иванович!

Посылаю Вам вырезку из литературной критики на Вашу книгу «Осень в Тамани».

...Жду с нетерпением книгу Олега «Суворов».

...Черкните, если не лень. Моя жизнь уже подходит к концу...
А. Сионский

Вот за какие письма старого русского человека не пускали меня в Париж и не издавали на Кубани мои книги 15 лет. Говорил потом один Секретарь: «Мы его еще пожалели». Значит, могли упрятать в какую-нибудь психушку. За что?!

Теперь ничего и никого не вернешь. И в Париж ехать не к кому. Оттуда уже никто теплой весточки не пришлет.

Донесли ли ангелы к душе Александра Алексеевича твой крик, Олег Николаевич? Ты, наверное, не забыл того дня. Году в 78-м проболтали мы с тобой у советского офицера много часов, попили смирновской водочки и закусывали сосисками, а потом на Киевском вокзале купили в буфете рябую холодную курицу с обрезанными ножками и спустились в метро. В вагоне приткнулись в углу, и я вдруг что-то сказал о русских в Париже. И как страшно, трагически вырвался твой голос из полосы подземного гула:

— Их уже нет!! Никого нет!! Они все умерли! Дети не заменят нам их... Мне в час ночи принесли телеграмму из Парижа: «В Монморанси скончался Сионский...» Я прямо у дверей заплакал.

Люди вокруг не понимали, чего там кто-то надрывно кричит.

Парень с девушкой сперва вытарасились и... тут же отвернулись. Ученый дядечка жевал глазами газету «Вечерняя Москва». Офицер держал на коленях тяжелый портфель и спал. Дама (видно, любовница) тайно подставила ножку потеснее к высокому Мопассану в шляпе и то ли вспоминала с улыбкой укромное гнездышко, где только что были, то ли обещала ему скорое удовольствие. Каждый ждал своей остановки и быстро покидал временных попутчиков. Навсегда. Сплошным шелестом машин встретила нас жизнь наверху. Туда-сюда спешили люди, а как будто никого не было: мы говорили с тобой о тех, кого все забыли или о ком не ведали даже, что они жили на свете. Толпа огорчает твои одинокие чувства и кажется тупой и виновной. Какая гражданская война, какие там белогвардейцы! Старые страдания истощаются в поздних поколениях, и окна прежних жильцов в домах уже перестали быть похожими на первых хозяев.

И пришли мы к тебе, достали из холодильника бутылочку, помянули Александра Алексеевича под шуршащую пленочную пластинку фирмы «Мелодия». Надежда Плевицкая (любимица Государя) протяжно плакала из далеких 20-х годов: «Замело тебя, снегом, Россия...»

Ты все же постоял на коленях на кладбище Сент-Женевьев де Буа, а я нет. Ты мне не пишешь. Так я тебе напомним этими листочками о том, как прочнее связали нашу дружбу Александр Алексеевич и вечерний голос Плевицкой в твоей комнате с секретером, набитым эмигрантскими книгами.

Ни пути, ни следа по равнинам,

По равнинам безбрежных снегов.

Не добраться к родимым святыням,

Не услышать родных голосов...

«В августе был совершен новый Октябрьский переворот...» — написал мне ты. Сионский и Зайцев сперва обрадовались бы перемене, а потом бы, спустя полгода, охнули с огорчением — как наши знакомые русские кадеты в Америке: Россия, о которой мечтали, к нам еще не вернулась.

ТПО «АЗОЛИ»

со **СКЛАДА** в г. Краснокаменске
(Читинской обл.) или Москве,
доставка по СНГ.

Полицейский ДЖИП 4x4, КНР, 9 мест, грузопассажирский салон, кондиционер, стереомагнитола, металл, комплект запчастей; расход 12 л/100 км; КПП - 5. Цена: 14600 USD, на первые 50 штук скидка до 20%.

ОПТОМ:

- **батарейки** 1,5 В, типа А316, КНР, улучшенные характеристики, цена 0,05 USD;
- **аудиокассеты**, Гонконг, С-60, цена 0,32 USD;
- **пуховики** оптом в ассортименте, цена 7—15 USD;
- **любые заказы из КНР**, оплатим Ваши импортные контракты;
- **пряжа высшего качества**, импортная, любых составов и расцветок для ручной и машинной вязки, цена 8—17 USD;
- **американские автомобили «second hand»**, пробег — 26000 миль, в идеальном состоянии: **Ford Taurus, Chevrolet Caprice, Pontiac Grand AM**, а также любые автомобили на заказ.

Оплата — любая, посредникам — вознаграждение.

Тел. в Москве (095) 144-45-89

Факс (095) 144-90-48

Тел. в Краснокаменске (30245) 4-66-20

Фирма «ДЕЛОР»

Комплекс «бухгалтерия для бухгалтера»

**Надежность, простота,
комфорт и гибкость!**

- финансовая деятельность, включая баланс и справки для налоговой инспекции;
- начисление заработной платы;
- складской учет;
- ведение договоров.

Имеется возможность многократной коррекции введенных данных, выдача отчетов на экран, в файл и печать, система подсказок и возможность использования несколькими организациями. Журнал «Смена» работает по нашей бухгалтерии. Оплата в любой форме, включая бартер.

- Со склада в Москве:
- телексные и телетайпные аппараты;
- нестандартные виды компьютеров и оргтехники, начиная с XT и кончая платой подключения телевизоров, видеомагнитофонов к компьютерам.
- Замена телекса и телетайпа на компьютер с адаптером и оригинальным программным обеспечением. Работы проводятся «под ключ».
- База данных с подробными сведениями о фирмах ЮАР.
- Комплексная компьютеризация птицефабрик «под ключ».
- Продажа черно-белых телевизоров (Гонконг) — 14 дюймов модели ROADSTAR 14D DUAL SPEAKER SYSTEM.
- Продажа телефонов-speakerphone с 20 номерами памяти с адаптерами под СНГ-розетки.
- Продажа электронных книжек.

115563, Москва, а/я 33.
Тел. (095) 394-65-39, 394-43-40,
факс (095) 292-65-11,
телекс 411700, бокс 3079.

ЛЕВ ЛЕЩЕНКО:

«ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ, ПРИХОДИТСЯ КРУТИТЬСЯ»

— Лев Валерианович, сегодня вы прилетели с гастролем в пять утра. Мы встретились в десять. Я понимаю, вы человек очень занятой, а любая встреча требует душевных и физических сил. Откуда такая выносливость?

— Вообще-то сейчас я стал работать менее интенсивно — к сожалению, «увяз» в административных делах. Все меньше остается времени на творчество. Если

раньше мой день состоял из записей песен, съемок, встреч, просмотров, то сейчас оставляю для себя только самое главное.

— Чем же вызван такой резкий поворот в вашей судьбе?

— У меня появилось свое музыкальное агентство «Театр эстрадных представлений» с целым аппаратом сотрудников, за которых я отвечаю.

— А вы его президент?

— Нет, не президент. Слово, конечно, модное теперь... Просто художественный руководитель театра. У нас много молодежи. Есть экспериментальная студия, где учатся дети. Мы — одни из организаторов школы, которая существует при Доме актера. Занимаемся благотворительной деятельностью, ведь сейчас многим живется так тяжело... Не буду говорить, председателем каких фондов я являюсь — их много, но, чтобы выжить, приходится крутиться. Поэтому режим у меня напряженный: ложусь в два-полтретьего, встаю в восемь. Какой уж там сон, когда голова пухнет от бесконечных проблем, которые предстоит решать за день.

— Неужели, живя в таком режиме, можно еще и петь?

— Честно вам скажу, отдыхаю на гастролях. А дома времени ни на что не хватает. Даже газеты почитать не успеваю. Единственная радость — с собакой погулять, да и то не всегда удается — только когда Ира меня «выгоняет» на прогулку.

— Тогда надо почаще ездить на гастроли...

— Чаше не получается. Сейчас обычные гастроли и кассовые концерты стали редким явлением. И вот почему: люди не приходят, скорее всего билеты слишком дороги. Причем это относится практически ко всем исполнителям. А вот профессиональные праздники, юбилеи трудовых коллективов, как ни странно, продолжают существовать, и на них идут охотно. Эти-то встречи и дают возможность содержать не только себя, но и творческий коллектив.

— Лев Валерианович, а кем ваши родители мечтали вас видеть?

— Родители мной мало занима-

лись... Отец был военным, я его только по ночам видел, когда он приходил с дежурства. Мама умерла рано, потом отец женился, может, поэтому я формировал себя сам. Ходил во всякие кружки — в хор, художественного слова, в студию изобразительного искусства. Потянулся к спорту — играл в баскетбол за общество «Динамо», увлекся водным поло. В общем, хватался за все подряд. И все-таки... стремился стать певцом. Трижды перед армией поступал в ГИТИС. А после армии, будучи в ансамбле песни и пляски Группы войск в Германии, уже настолько подготовился, что меня хотели взять сразу на третий курс. Учась в институте, я одновременно работал в Театре оперетты и достаточно много сыграл. Тогда меня приглашали и в театр, и в кино...

— Отказывались?

— Снялся в мюзикле на Укртелефильме, но с тех пор дал зарок больше не сниматься. Это отнимает чудовищное количество времени. Играть самого себя — «певческие» роли — неинтересно, а роль характерную, где мог бы раскрыться как актер, не предлагали.

— С какой песней вы появились на эстраде?

— «Белая береза» Шаинского. А на радио — «Улица Мари-Роз» Оскара Фельцмана. Это песня о Ленине, которая была решена неординарными музыкальными средствами. Такой милый вальсок: «Жил человек неприметный, в сером пальто...» — лирика, одним словом. В исполнение я внес еще свое тепло, искренность — так, как мне хотелось, как учили в институте. Вообще должен сказать, что своим актерским имиджем я обязан Георгию Павловичу Ансимову — это выдающийся режиссер! У нас в институте главное

было — найти свою индивидуальность. Поэтому и в песне я искал доверительные, естественные интонации. Это вообще стиль моей жизни: доверчивость, доброжелательность, общительность. Мне не приходилось «ломать» себя, чтобы петь эти песни.

— Интересно, что испытывает человек, который так долго, как вы, появлялся на телеэкране по пять раз на день?

— К сожалению, я не мог контролировать записи. Часто их давали без моего ведома. Пришел однажды на прием к Кухарскому, был такой зам. министра культуры. Он говорит: «Лев! Что ты делаешь? Вчера включаю первую программу — поет Лев Лещенко. Переключаю на вторую — и там ты!» Ну что тут ответишь? Ведь это моя работа! Мне интересно записать побольше песен. Гораздо позже стал понимать, что действительно перебор, и пытался как-то ограничивать себя и даже просил размагнитить некоторые записи на радио и на ТВ, что и было сделано. Ну, а сейчас другая крайность — вообще не передают...

— И как вы это переживаете?

— А что я могу сделать? Бывает, по старой дружбе разные программы еще приглашают. «Песня года» не забывает, «Хит-парад». Клипы не снимаю, потому что я не клиповый исполнитель. Клип предполагает определенную музыкальную и словесную фактуру, тут должен работать в основном ассоциативный ряд. Что же касается песен, то не стремлюсь в словах к ассоциациям. Это скорее разговор, диалог или монолог. А поскольку клипы сейчас достаточно модная продукция, то они и доминируют на телеэкране. Правда, есть одно исключение: недавно, к собственному удивлению, снял клип — песню Олега Нестерова на

стихи Иосифа Бродского «Там». По-моему, какой-то сюр получил-ся — взгляд на нашу жизнь со стороны... Но не критика «оттуда», а боль, желание что-то изменить...

— Стараетесь ли вы придерживаться какого-то «социального заказа» (в хорошем смысле слова) или следуете своим личным устремлениям?

— О каком социальном заказе сегодня может идти речь?

— Ну, назовем иначе — конъюнктура...

— А вы знаете, что сегодня «конъюнктура»? Раньше это считалось, скажем, «прославление трудового человека». Но если посмотреть с другой стороны? Разве не заслужили шахтеры, металлурги, чтобы о них написали песню? Неужели «Там, на шахте угольной» или «Магнитка» плохие? Считаю, все зависит от того, кто выполняет «социальный заказ». Пахмутова, Тухманов, Шаинский любую песню делали талантливой. Да, социальные мотивы отошли на второй план, но стало ли больше талантливых песен? В моде какие-то безделушки, не имеющие глубокой духовной основы. А я исполняю в основном песни, которые меня волнуют в эмоциональном плане. Чаще всего это какая-то мелодрама, душевная, сюжетная песня, где есть театральная ситуация — любовь, любовный треугольник, нечто, что могло бы воздействовать на зрителя. Все песни, которые недавно написал для меня Андрей Никольский, такие. Например, «Старинная Москва». С боярами и крестьянами, с гусарством и купечеством, с честью, порядочностью, с моральными критериями тех лет... Пожарский, Кутузов — ну как их можно не воспевать? Это же наша гордость, наша история, наш фундамент, наша жизненная доминан-

та... Но таких песен, к сожалению, маловато. Вот Тальков был молодец... Ну, еще Шевчук...

— Лев Валерианович, у вас имидж «бодрячка» (уж простите за такое слово), оптимиста, довольного всем человека. Что вас может разозлить?

— У меня уже нет такого имиджа. Я ушел в городской романс, а это грустная лирика... Раньше — да, «бодрячок»... У нас и жизнь была бодрая — передовицы, плакаты, все звенело лозунгами. И я вполне правдиво отражал все жизненные процессы. А куда деваться? Тогда было оптимистическое искусство.

— Да я, собственно, не об этом... Что вас возмущает, раздражает, выводит из равновесия, если таковое вообще возможно?

— Меня раздражает фонтанирование...

— ???

— У Пастернака в эссе о культуре сказано: все почему-то считают, что искусство — фонтан, хотя на самом деле — губка. В последнее время люди без конца фонтанируют; ничего еще не накоплено, человеку нечего сказать, он не сформировал себя как личность, но уже претендует на знание абсолютной истины. И все несется из средств массовой информации. Вот эта пена, накипь, брызги, назовите как угодно, меня жутко раздражают. Причем ведь народу очень сложно ориентироваться в такой обстановке. И, главное, у нас нет нравственного иммунитета, понимаете? Мы выковывались от общего к частному, поэтому все мы — как оловянные солдатки. Нам внушали, что морально, а что — нет. И каждый человек в отдельности себя не воспитывал, не создавал себе нравственных критериев. Поэтому скажи сейчас: «Ребята! Вот это хоро-

шо», — и все кинутся туда. Но ведь нравственная планка должна быть у каждого человека и тем более у тех, кто собирается вести за собой. Я не ханжа, могу и эротический фильм посмотреть, но для того, чтобы его смотреть, нужно выработать в себе определенный иммунитет. А у нас люди оказались, увы, не готовы к тому потоку чернухи и порнухи, которая вылилась на их головы за последние годы. Их пичкают низкопробнейшей музыкой, примитивными текстами... И оправдывают это заимствованием массовой культуры. Но, кстати, никогда по американскому телевидению, по официальному каналу, вы не увидите пошлого фильма и не услышите пошлой музыки. Коммерческий канал — да, но это уже дело вашего вкуса. Есть у них незыблемые нравственные нормы. Сейчас вот попробуйте крикнуть в Америке: «Давайте, Штаты, самоопределяться!» — вас посадят на электрический стул. Это говорят сами американцы.

— Кажется, политика вас здорово захватила...

— Наверное... В одном я твердо уверен: должны быть законы государства, а не законы наций или религий.

— А каковы планки, ниже которых вы себе не позволяете опуститься?

— Знаете, какая штука: у меня идейно-патриотическое воспитание, и никуда от этого не деться. С одной стороны, я вырос в хулиганской среде — в Сокольниках, но с другой — как школьник, как человек, прошедший армию, я, естественно, впитал все хорошее, чему нас учили. Я люблю свою Родину, горжусь ею и в жизни отсюда не уеду — это моя Отчизна. Что-то же у человека должно быть! На что-то он должен опи-

раться! Вот на свою землю... Хотелось, чтобы русские не были такими обездоленными, чтобы мы немножечко двинулись вперед. А те процессы, которые сейчас идут, закономерны и, конечно же, необходимы. Вопрос лишь в подходе к их осуществлению, решению проблем, которые мы на себя взвалили. Господи, да что там говорить — и так все ясно!

— Действительно, давайте лучше о вас! Судя по вашему ритму, вы часто бываете в цейтноте...

— Я постоянно в цейтноте, и такое состояние, честно говоря, нравится. Как только у меня появляются свободные минуты, я просто не знаю, чем заняться, — хочется использовать их с наибольшей отдачей... Вот и мучаюсь: с чего начать?

— А какой вы дома, в семье?

— Моя жена любит шутить, что ей попался «бракованный» муж: дома я ничего не делаю, к сожалению. Понимаю, что это неправильно, но так сложилось. Просто не хватает времени. Иногда, бывает, захожу в магазин, но в основном все лежит на Ирине. Поначалу, когда квартиру отделявал, что-то прибил, что-то просверлил... Вчера вот колесо у машины поменял, хотя, честно говоря, жаль на это тратить время — лучше заплатить настоящим мастерам, чем возиться самому. Нет, в семейной жизни я не помощник своей жене.

— А где вы познакомились? У вас, насколько я знаю, разные профессии, Ирина — экономист...

— Это была странная история... Южный роман. Мы познакомились в Сочи, и я как-то поначалу спокойно ко всему отнесся, а потом потихоньку-потихоньку... Ира в то время училась в Будапеште в университете. Год мы перезванивались, она приезжала

сюда на каникулы, потом еще год дружили, что, собственно говоря, редко бывает в нашем артистическом мире. Здесь не ухаживают долго за девушками, так, два-три дня... У нас был нетипичный роман. Потом, через два года, поженились и вот уже 16 лет живем вместе.

— Общаясь с человеком, на что вы больше обращаете внимание — на лицо, голос, интонацию?

— Умение понять другого — вот самое главное. На второе место я ставлю обаяние. Люблю обаятельных людей, а с необаятельными стараюсь не общаться. Люблю веселых, потому что сам по натуре импульсивный: иногда чрезмерно эмоциональный и веселый, а иногда весьма и весьма грустный. Поэтому всегда тянусь к веселым людям.

— А какие подарки вы любите получать?

— Никакие. Не люблю подарки, не люблю цветы. Может, потому, что много получал всяких подарков в жизни... Правда, если бы мне вдруг подарили катер... или машину — был бы очень рад. Машина, пожалуй, единственная моя страсть.

— В какое время года вы себя лучше чувствуете?

— Весной и летом. Весной — потому что обновление не может не волновать, а летом — потому что больше всего на свете люблю море и солнце. Могу плавать бесконечно, раньше, когда был помоложе, занимался подводной охотой. Что еще нужно для счастья? Кусок земли, море, солнце и покой...

— Ирина сказала, что сегодня вы протезировали одного мальчика в программу «Шире круг». Часто помогаете молодым?

— Это сын одной певицы, кото-

рая много лет работала в моем ансамбле. Она умерла несколько лет назад, совсем молодой... А вообще считаю своим долгом помогать людям. Если появляется талантливый человек, мне хочется, чтобы о нем как можно больше узнали. Стараюсь поддерживать молодых, выводить на новый уровень... А этот мальчик — он со мной еще в четыре года выходил на сцену петь «Земля у дома»... Талантливый парень. Я уже говорил, что у нас в театре есть экспериментальная студия — ребята делают записи, мы пробуем что-то новое, есть прекрасная группа «Женская гимназия», которой руководит Сорокин, с нами сотрудничают уже известные исполнители — Ира Шведова, Валя Легкоступова, Игорь Димарин, есть молодежь — Алена Герасимова, фольклорные певицы, балетная группа, цирковая... Короче, собираем вокруг себя людей, которые нуждаются в какой-то помощи.

— А танцевать вы любите?

— На отдыхе я иногда захожусь, даже в дискотеку могу пойти, а еще если рюмочку махнуть — можно здорово повеселиться...

— Голосу не вредит?

— Но я же много-то не пью... Так, в свободное от работы время...

— И что любите из напитков?

— Да что придется! Вообще люблю русский стол: водочку, хорошую закуску...

— Вы стихи никогда не писали?

— Писал. Даже как-то целый спектакль сочинил для себя, эту-кую новеллу из 13 номеров.

Когда у меня возник репертуарный дефицит, решил писать для себя — и написал несколько песен со Славой Добрыниным, еще пару песен для тематических про-

грамм, причем не только стихи, но и музыку. Сочинять не так уж сложно, каждый интеллигентный человек в состоянии зарифмовать несколько строк.

Вот только уровень будет разный...

— Сегодня очень важно иметь своего спонсора...

— О да! И в этом плане мне повезло! Искусством сложно зарабатывать, оно само требует колоссальных вкладов. И если бы не было таких людей, как Михаил Теличкин, например, который помог мне организовать мой юбилейный концерт, да и сейчас постоянно помогает, то мы не имели бы возможности увидеть многие интересные программы на эстраде. Благодарен я и Ралифу Сафину, и Вагиту Алекперову — это концерт «Лукойл».

И дело отнюдь не в материальной заинтересованности, просто мы давно дружим и по-человечески нужны друг другу. В трудный момент моей жизни они помогли мне. И не только мне! Я был одним из инициаторов того, чтобы уговорить Ралифа и Вагита стать спонсорами оркестра Федосеева. Если б не они — оркестра сегодня просто не было бы. Они же вкладывают — и ничего не получают взамен. Цель их благородна — сохранить большое настоящее искусство в стране, сохранить эстетику, культуру, которая выработывалась не одним поколением. И я рад, что моих друзей, которые бескорыстно вкладывают деньги в культуру, волнует это!

— И последний вопрос, Лев Валерианович: когда учились, вы думали, что станете столь популярным певцом?

— Нет, думал, что буду просто работать в музыкальном театре...

Беседу вела ЕЛЕНА ЦЫГАНКОВА.

ОКТЕБРИСТЫ

ЛЕОН ДЕ ЛА БРИЕР

ИМШАТОР

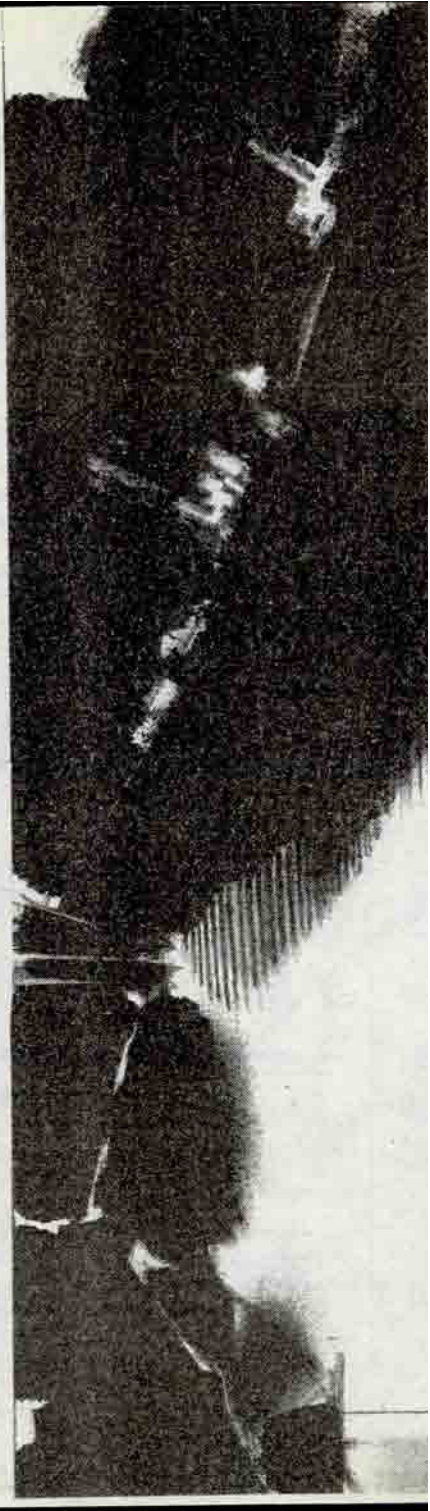

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

В начале прошлого столетия Россией правил монарх, сначала враждебно относившийся к Франции (в период разгара революции), воевавший с Францией, а затем ставший с нею в добрые отношения.

Почему же ни один французский писатель не дал подлинного образа Павла I, оказавшего гостеприимство и предложившего приют французским эмигрантам, жертвам революции?

Почему ни один католик не рассказал о громадных услугах, оказанных римской церкви этим монархом, давшим возможность в 1800 году конклаву, под защитой русских войск, избрать папу Пия VII? Почему перо ни одного католика не рассказало о том, что орден иезуитов обязан был своим сохранением, а затем и полным восстановлением тому же императору Павлу?

Это неблагодарное молчание было следствием враждебных и легкомысленных суждений тех историков, которые охарактеризовали царствование Павла I и его личность в крайне отрицательном освещении.

Если им верить, то сын Екатерины Второй, процарствовавший всего лишь четыре года и погибший насильственной смертью, был не что иное, как коронованный сумасброд, сумасшедший деспот, всегда находившийся во власти каких-то диких фантазий.

Обвинения против Павла I собирались бесконтрольно. Многие французские авторы черпали свои сведения о Павле из пятитом-

Павел Первый, быть может, единственный российский император, оклеветанный до Октября, — советским историкам делать тут было нечего. Легенды вокруг Павла, питавшиеся большей частью анекдотами, а то и просто вздорными выдумками, начали складываться уже во время краткого его царствования. Правда, и тогда были попытки мемуаристов-современников противостоять этому потоку, но исходили они от людей, историю не делающих, занимающих в ней место весьма скромное и потому не услышанных. Иных — неофициальных, а по-нынешнему диссидентских — взглядов на царствование и личность Павла держались в основном провинциальные дворяне, такие, например, как «тульский энциклопедист» Андрей Тимофеевич Болотов, люди, далекие от высших кругов и носившие тогда кличку «благородной черни». Если добавить к этому ряду свидетельства посланников европейских дворов и некоторых иностранцев на русской службе, все это вместе останется ложкой меда в бочке дегтя, не более того — поди отыщи.

Чем же не угодил Павел Петрович имевшим голос верхам, дружно кивнувшим вытаскивать эти четыре года русской истории? Если коротко — сословной политикой. А сводилась она к тому, что все подданные империи — от крестьянина до вельможи — пред Законом равны. Это был шок и, возможно, начало легенд и мифотворчества.

Когда Павел Петрович заявил: «Среди всех сословий особого уважения достойно крестьянство, которое содержит собою все

ного произведения француза Эно, изданного в 1828 году в Париже под громким названием «История России».

К сожалению, Эно был враждебно настроен к Павлу, к русскому народу да и к русскому государству. С первых же строк он откровенно высказывает свои неприязненные чувства к России. «Добродушие Европы, — говорит он, — доведет до того, что российский кнут окажется властелином всего мира. Россия никогда и никого не освободит — она только все подавляет».

Такою злобою, таким глубочайшим недоброжелательством дышат и все страницы, посвященные русским государям.

Враждебные Павлу авторы «исторических» трудов давали о нем целый ряд всяких анекдотов, неразборчиво черпая их темы из таких источников, как, например, записки адмирала Чичагова, современника Павла. Чичагов же составил себе репутацию русского якобинца. Он сам говорит с гордостью в своих воспоминаниях, что в разговоре с министром Кушелевым оскорбительно отзывался о государе. Павел, узнав об этом, вместо наказания великодушно простил его. Позднее он решил покинуть свою родину, чтобы поступить на службу Англии.

К двум только что приведенным источникам следует прибавить еще и «Секретные мемуары о России», изданные в 1804 году. Анонимный автор этой книги швейцарец Массон, добившийся от русского правительства принятия его на российскую службу в армии, впоследствии был уволен и изгнан из России за принадлежность к обществу филаделффов, имевшему целью вызвать анархию в России.

прочее», — это можно было счесть не более чем словесной вольностью императора, до которых и матушка его не последняя была охотница, или декларацией, далее этого качества на Руси, по обыкновению, не идущей. Но за сим последовал Манифест 5 апреля 1797 года — как манна небесная российскому крестьянству — о «трехдневной барщине». И это — вместо прежних семи!.. Манифест затерялся где-то в потемках нашей истории, а стоило бы уразуметь, хотя бы и задним числом, с двухвековым опозданием, что был это один из крупнейших государственных актов императорского периода русской истории; рядом с ним, пожалуй, только реформа 1861 года.

Уразуметь, впрочем, и то стоит, что Павел знал, не звать не мог во враждебном своем окружении, на что идет, чему обрекает себя такими мерами, да, видно, личная опасность не первою была заботой, если писал: «Я желаю лучше быть ненавидимым за правое дело, нежели любимым за дело неправое».

Так каким же поистине был этот несчастный российский император? На этот вопрос, за редким исключением, отечественная мемуаристика предпочла отмолчаться. Свидетельства иноземцев в силу понятных причин и читающей русской публике остались неизвестны, а между тем взгляд со стороны достоин внимания. Вот что писал своему двору шведский посланник Стединг: «Хотя Павел строгостью своею создал недовольных, зато он привлек к себе сердца многих подданных своею щедростью, любовью к порядку и... справедливостью».

Вернувшись в Швейцарию, он отомстил России тем, что составил несколько томов клеветнической литературы на Россию. Известный современник Павла I Август Коцебу, впоследствии секретарь императора Александра I, разоблачил Массона. Но, к сожалению, у других иностранных авторов, пользовавшихся «трудом» Массона, встречается повторение его клеветы. Потому эти произведения дают превратное представление о характере и государственной деятельности Павла I.

Теперь пришло время сказать правду о Павле Первом, освободив память о нем от всего, чем был искажен настоящий образ этого государя.

Ненавидимый своей матерью, удаленный от большого двора, отстраненный от государственного управления, от армии, Павел вел жизнь уединенную, почти замкнутую.

Великий князь, сохраняя неиспользованными все силы душевные, всю чистоту, прямоту и благородство своего сердца, с болью и горечью относился ко всему, что творилось при дворе его матери, как открыто, так и тайно.

Женившись очень молодым на дочери ландграфа Гессен-Дармштадтского, он вскоре перенес потерю любимой жены. Говорили, будто смерть ее была насильственной, так как она имела несчастье не нравиться Екатерине, и утверждали, что один из Орловых постарался отделаться от великой княгини.

Атмосфера, в которой жил двор императрицы и высшее общество, их отношение к наследнику престола вызывали в Павле раздражение и справедливое со стороны его презрение.

112

Был ли у шведского посланника повод обманывать или вводить в заблуждение своего короля? Или он ошибался? Но тогда не слишком ли много «ошибок», если таковыми пестрят едва ли не все донесения европейских полномочных министров при российском дворе, равно как и других иностранцев, бывших в русской службе в павловские годы?

Конечно, вместо того, чтобы отвечать на риторические вопросы, стоило бы посмотреть на это царствование непредвзятым взглядом и, что называется, «с другого берега». Желание невыполнимое, скажет читатель, и будет прав; почти прав, потому как нашелся, по счастью, человек, пожелавший и сумевший собрать воедино недоступные нам свидетельства, на основании которых и написано то, что предстоит вам прочесть.

А история этой статьи и путь ее на страницы «Сменя» не совсем обычны. Рукопись, принадлежащая перу монаха Леона де ла Бриера, найдена в 30-х годах нынешнего столетия в библиотеке бенедиктинского монастыря в Бельгии русским эмигрантом, известным нам, к сожалению, только под инициалами Б. Н. Ф. Переделанная им с французского, она тогда же была напечатана в одном из парижских русскоязычных журналов. На наши страницы статья добиралась более полувека. Но не стоит разве долгий этот путь того, чтобы история и факты потеснили наконец миф и легенды? Не исключено, что в наши смутные времена публикация вызовет определенные аллюзии. А если и так — думается, не без пользы.

Второй брак был счастливее. Благодаря смирению и терпению великая княгиня Мария Федоровна сумела заслужить внимание Екатерины.

Путешествие по Европе, представлявшей в то время революционный вулкан, убедило Павла, что единственным средством для предотвращения революции может быть только строгий режим абсолютизма при условии, однако, чтобы абсолютизм не превращался в деспотизм.

Террор, дикость, чудовищность французской революции, смерть на эшафоте короля Франции, глубокое падение нравов, явившееся спутником революции, разгром социальных устоев на Западе сильно потрясли великого князя. В то время как его мать и монархи Европы спешили использовать события с целью увеличить и округлить свои государства, Павел твердо решил по своем вступлении на престол вмешаться в дела Западной Европы с исключительной целью поднять упавшее религиозное чувство и восстановить и упрочить традицию государственной власти.

Превратности судьбы способствовали усилению его собственного религиозного чувства, которое прочно было заложено в нем знаменитым его духовным наставником. (Им был архимандрит Св. Троицкой Сергиевской лавры Платон, ставший впоследствии митрополитом. — Ред.)

Начнем с разбора тех обвинений, которые так щедро предъявлялись Павлу как императору.

Его обвиняли в крайней неуравновешенности, в чрезмерном увлечении милитаризмом, в том, что он был чужд литературе, нетерпим к неисполнению его приказаний, жесток в наказаниях и... изменчив во внешней политике.

В чем же выражались его неуравновешенность и отсутствие здравого смысла? Вот свидетельство лица, знавшего Павла в молодости. Во время поездки Павла по Европе повсюду, где с ним встречались, все свидетельствовало о самом лестном для Павла впечатлении, которое он производил на лиц, с ним за границей сталкивавшихся.

Король Фридрих Прусский, заподозрить которого в излишней снисходительности вряд ли можно, так писал Д'Аламберу о Павле: «Русский наследник обладает высокими и благородными качествами; он немного угрюм, но это не более, как черта его душевного состояния; проявления же сердца и души его прекрасны».

Гораздо позже, в конце царствования, мы встречаем второе свидетельство очевидца-современника, старика священника Жоржеля, отказавшегося принести присягу революционному правительству и эмигрировавшего за границу. Проведя некоторое время в Петербурге, Жоржель оставил интересные записки. (Речь идет о книге «Путешествие в Петербург в 1799—1800 гг. вместе с посольством ордена Св. Иоанна Иерусалимского, отправившимся для поднесения императору Павлу I гроссмейстерства этого ордена». — Ред.) Вот что говорит он об императоре Павле:

«Павел невысок ростом, его лицо некрасиво, но его походка, его манеры, живость лица и огонь в прекрасных глазах его внушают чувство расположения к нему. Нельзя не ощущать

в нем очень больших достоинств. Воздержанный в пище, в развлечениях, в одежде, он допускает великолепие лишь в больших парадных церемониях, когда внешнее величие императорского сана должно быть проявлено во всем блеске. Его широкая образованность, его чуткость, наблюдательность способствуют верному суждению его о людях и их способностях, а равно и умению использовать последние. В интимной обстановке он отличается большой любезностью и очаровывает собеседника в разговоре. Я читал его письма; в них ум, благородство суждений. Ум тонкий и пронизательный. Государь встает ежедневно в пять часов. В восемь он уже отправляется в полки и присутствует то в одном, то в другом на занятиях. В 10 часов государь опять во дворце на церковной службе. Отстояв обедню, в коляске или верхом Павел отправляется инспектировать военные части, чтобы проверять службу офицеров. К трем или четырем часам он слушал доклады министров, принимал генералов и других лиц, с которыми советовался, и выслушивал их мнения по вопросам, его интересующим».

Павла обвиняли в пристрастии к милитаризму, который высмеивался современниками и теми, кто впоследствии рабски шел за ними.¹⁾

Если строгое исполнение военной службы называть «солдатчиной», то тогда есть доля правды в обвинении. Павел был требователен к исполнению офицерами своих служебных обязанностей и ношению форменной одежды; считал необходимым упрощение дорогого стоившей офицерской формы; требовал от офицерства заботливого отношения к солдатам, уважения к ним, внимания к их нуждам; жестоко, неумолимо преследовал хищения полковых, эскадронных и ротных командиров, умалявших достоинство офицерское и нарушавших интересы и права солдат. Он запретил гвардейским офицерам ношение фраков и муфт, несоместимых с воинским званием.

Ведь все это, запрещавшееся Павлом, свидетельствовало о распущенности офицерства, о пренебрежении к долгу. Если все эти требования Павла называть «солдатчиной», «солдатоманией», тогда обвинители и критики императора правы. Если доброе, заботливое отношение Павла можно подвести под «солдатчину», то в таком случае, конечно, Павел страдал ею, ибо он любил солдат, дорожил ими, и, несомненно, дорожил ими более, чем гвардейское офицерство и генералитет. Но за эту «солдатоманию» народ и сами солдаты благодарили государя. В чем же тогда грех Павла?

Да, Павел любил смотреть и на смотрах был строг до мелочей. Но для чего же смотреть, как не для того, чтобы войско представлено было в безукоризненном виде?

Павел следил за обмундированием солдат, зная хорошо, как эта часть хозяйства полков страдала во вред нижним чинам. В свою pozorную трубу из дворцовых окон он часто смотрел на проходивших по улице офицеров и солдат, строжайше взыскивая с первых за неформенную одежду и столь же строго карая командиров частей за неудовлетворительную одежду солдат. Эта придирчивость и мелочность станет объяснимой, если предста-

вить себе только, до какой распушенности дошло офицерство в царствование императриц Елизаветы и Екатерины. В эту эпоху господства женского каприза и неопределенных настроений, и до какого пренебрежения к одежде солдат дошли командиры к его времени.

Обвинение Павла в милитаризме с таким же успехом могло быть предъявлено и другим монархам того времени, когда увлечение всевозможными подробностями, мелочами, относившимися к армии, было общим. Король Фридрих не менее Павла увлекался маневрами, парадами, обмундированием, но судить его за это так, как судили Павла, никто не посмел бы.

Хотя это увлечение Павла вызывало насмешки, однако Россия могла с полным пренебрежением отнестись к этой критике, ибо строго дисциплинированные павловские солдаты под командованием Суворова, столкнувшись в Италии грудь с грудью с войсками французской директории, завоевали себе на вечные времена мировую славу.

Павла упрекали в недостаточной любви к искусству, к литературе, сравнивая его с Екатериной.

Сравнение такое вряд ли возможно, хотя оно вовсе не умаляет достоинств Павла. Его молодость, порабощенная, замкнутая, протекала вдали от духовных источников, без радостей, без красот и увлечения. Монарху, бывшему в детстве почти что свидетелем убийства своего отца, молодому человеку, окруженному подозрениями, доносами, интригами, заговорами, насмешками и оскорблениями царедворцев, всегда готовых пустить в ход либо клинок кинжала, либо яд, как можно было отдаться красоте рифм, ценностям музеев и уйти в глубину прелестей музыки...²⁾

Павел жил постоянно под страхом за свою жизнь. Но его нельзя назвать недостаточно культурным. Он читал и перечитывал очень много; особенно интересовался философией и историей. (Сильное влияние на него имели Сен Мартен и Лафатер, которых Павел посетил в Швейцарии во время своего заграничного путешествия. — Ред.)³⁾

В повседневной жизни этот русский император изгнал роскошь, ему противную. Его жизнь была крайне проста и аскетична.

Будучи главою православной церкви, он, однако, разрешил культ и католической церкви. Папскому нунцию Литте не только было разрешено пребывание в Петербурге, но он был приглашен государем на его коронацию в Москву.

Поистине достойна удивления веротерпимость русского императора и главы православной церкви.

Примером благородства Павла могут служить громадные услуги, оказанные иезуитскому ордену, духовной организации, чуждой православной церкви, им возглавляемой.

«Я считаю нужным, — писал Павел 11 августа 1800 года Пию VII, избранному в папы в Венеции под охраною русских войск, — просить вас о полном восстановлении этой организации, к которой я отношусь с особливим вниманием. Надеюсь, что мое ходатайство не окажется тщетным». 7 марта 1801 года Пий VII ответил императору, что «после зрелого пересмотра этого вопроса» папа канонически восстанавливает орден в России.

Оказавшись в Швеции, иезуиты, утратившие и там право на каноническое существование, были восстановлены в своих правах благодаря обращению Павла к королю Швеции. Павел потребовал и от турецкого султана возвращения конфискованного в Турции имущества иезуитов после обнародования буллы об уничтожении ордена.

Таково было вполне бескорыстное покровительство и заступничество императора Павла, оказанное монахам католического ордена. Где же «узкая нетерпимость», в которой так старались винить российского императора?

Среди указов Павла имеется один весьма любопытный, относящийся до французских эмигрантов. Об этом указе говорит Энэ, со злостью его высмеивая. В чем же дело? Павел, оказываясь, напоминал этим указом всем французским эмигрантам о точном выполнении ими католических церковных обрядов, связанных с днем празднования Св. Пасхи.

Это напоминание беглецам-католикам, небрежным к своей церкви, исходящее от монарха схизматика, казалось диким при первом взгляде на него, но, приняв во внимание ту обстановку, в которой это напоминание было сделано, оно станет и понятным, и логичным, и разумным. Ведь среди монархистов-французов, бежавших от революционной власти якобинцев, при переходе русской границы оказалось немало зараженных идеями противорелигиозными и пренебрегавшими демонстративно своими обязанностями членов христианской церкви. Этим указом Павел как бы подчеркнул французам-эмигрантам, что если он приютил их и щедро содержал, то исключительно как жертв взбунтовавшихся против Бога революционеров, но вовсе не для того, чтобы они в пределах его государства проявляли неуважение к церкви, хотя бы и не господствующей в России.

Был ли Павел жесток, как это утверждали некоторые его современники?

Павел никогда и никого не казнил. Суровость и строгость его были заслуженные. Среди разных фантастических рассказов, свидетельствовавших о ненормальности императора, приводится случай отправки целого полка в Сибирь. Это — пошлая сказка.

Никогда Павел не кричал ни на какой полк — «направо кругом, в Сибирь!». История со ссылкой полка была гораздо проще. Павел, действительно недовольный конногвардейским полком, офицеры которого мало занимались службой, относясь небрежно к строевым занятиям, приказал перевести полк этот из Петербурга в... Царское Село. И это все. Во всяком случае, для солдат было безразлично, находились ли они в петербургских казармах или царскосельских; важно было для них одно — чтобы с ними обращались хорошо и кормили, не уворовывая их пайки, о чем Павел весьма строго заботился.⁴⁾

Русский император был душою второй европейской коалиции против французской республики. Непобедимый полководец его Суворов одерживал в Италии одну победу за другой: над Моро, Макдональдом, Жубером — вплоть до рокового дня, когда Массена под Цюрихом взял верх вследствие предательства союзников. С этого времени Павел отдалился от Австрии и Англии и пошел

на сближение с Наполеоном. Он отправляет своего посла в Париж для приготовления русско-французского союза. Союз этот не был, однако, заключен вследствие «неожиданной» смерти императора...

То, что во внешних отношениях Павла называли капризом, деспотической изменчивостью, имело, однако, глубокие основания. То, против чего боролся Павел, не было борьбою против Франции, но лишь отпором революции, разрушительным революционным принципам, жестокости вожаков революции якобинцев.

Заметим также, что император Павел не считал своим противником Францию, раздираемую революционной борьбою, что он громко и подтвердил в одном из своих манифестов к народу, говоря о «безбожном правительстве, захватившем во Франции власть». Но позже, когда он видит революцию подавленной, он приветствует конец анархии и начало новой эры в лице обновленного правительства, если и не легального, то все же действующего в интересах, а не во вред страны.

Со своей стороны, Наполеон, питавший огромное уважение к императору Павлу, возвращает ему всех пленных солдат русской армии, заново обмундированных в форму тех русских полков, в которых они служили.

Чтобы дать подлинный образ императора, нельзя не указать на высокие качества его чистой души, на его заслуги и заботы о народе, на благородство его поступков, глубокую религиозность, сердечную доброту, презрение ко лжи и обману, великодушие и готовность прощать обиды.

Быть может, как никакой другой русский император, Павел стоял на страже интересов низших классов⁵¹ и принимал к сердцу все, что касалось величия Российского государства и соблюдения его интересов. С первых же дней своего воцарения, стремясь к сокращению расходов, непосильной тягостью ложившихся на народ в последние годы царствования его матери, он немедленно в первую же очередь сократил расходы двора. Затем последовала другая государственная акция: количество бумажных денег, разорявших народ, было резко сокращено; изъятые из обращения кредитные билеты публично сожгли в Петербурге под радостные крики собравшегося народа...

До сих пор живет в русском обществе и достигает Европы молва о яростной взаимной неприязни Екатерины и Павла Петровича. Это не соответствует истине, во всяком случае, в той мере, в какой предпочитали преподносить отношения императрицы и наследника. Напротив, несмотря на тяжелые испытания, на которые Екатерина обрекла Павла в бытность его наследником, он всегда был почтителен к ней, покорен ее воле и держался в стороне от всяких интриг, царивших при большом дворе, но глубоко переживая грубое отношение к себе матушкиного окружения; когда же Павел вззошел на престол, мстительные чувства не пересилили в нем природного добродушия, скрытого подчас внешней угрюмостью.

Есть множество свидетельств, из которых, без сомнения, можно заключить, что отличительной чертой характера Павла была необыкновенная сердечная деликатность, счастливо сочетав-

шаяся с истинно царским великодушием. Один из ярких примеров — отношение Павла к знаменитому Костюшке. В борьбе при Екатерине против русских Костюшко был взят в плен, бросив при этом известную фразу: «Конец Польше!» Неравная борьба Костюшки, на которую его побуждали самые высокие чувства патриотизма и любви к своему народу, вызвала полное сочувствие Павла. Император лично отправился в тюрьму к заточенному в царствование его матери польскому патриоту. «Костюшко, — обратился Павел к заключенному, — ты выполнил свой долг патриота и солдата. Я тебя потому и не осуждаю. Иди... ты и твои товарищи свободны!»

Вот еще случай — с графом Каменским. Граф был обвинен в небрежности по управлению вверенным ему краем. Павел приказал арестовать Каменского и доставить для личного допроса.

Раздраженный сверх меры сведениями о графе, ему доложенными, Павел осыпал Каменского градом упреков и потребовал немедленных объяснений. С достоинством, без страха и с верою в окончательную справедливость Павла Каменский ответил на все обвинения, ему предъявленные, и доказал государю свою полную невиновность. Впоследствии граф рассказывал, что едва он окончил свою речь, Павел дружески взял его руку и воскликнул:

— Ты должен меня возненавидеть! Я причинил тебе столько зла... Но я осыплю тебя столькими знаками внимания моего к тебе, что ты забудешь сделанную мною невольную ошибку и... пожалеешь того, кто так жестоко был обманут!

Старик Суворов, саркастический ум которого не щадил никого, задел Павла обидной шуткой, сказанной по адресу государя. Услужливые придворные тотчас доложили об этом императору. Павел оскорбился, и Суворов попал в немилость, а потому, по обычаю, должен был выехать в свое имение.

Однако вскоре после того император, забыв обиду и помня твердо и высоко цена заслуги Суворова пред Россией, которую сам император чтит выше всего, собственноручно написал полководцу: «Суворову не нужны новые лавры, но родине нужен Суворов, а посему я решил послать тебя в Италию, дабы ты взял на себя командование моей армией».

Хорошо известно, но мало помнится, сколько великодушия выказал Павел по отношению к изгнанному из Франции королю Людовику XVIII. До тех пор пока в континентальной Европе оставалась страна, свободная от захватов Наполеона, — Россия, Людовик пользовался ее приютом. Павел предоставил королю Митавский замок в Курляндии, назначив огромную сумму на содержание изгнанника. Для внешней охраны королевской резиденции был наряжен целый русский полк, что же касается внутренней охраны, то королю предоставлено было право иметь сотню французских солдат при офицерах королевской гвардии. Всем придворным короля, независимо от сумм, ассигнованных в распоряжение Людовика, русское казначейство выдавало по 20 000 рублей в год на человека. «Все короли, — писал Людовик XVIII, — называют друг друга братьями в дни могущества и удач, но истинное доказательство этого братства только в дни испытаний и изгнания».

Таков был Павел I в своих поступках, в своих чувствах, в своих отношениях к людям и событиям. Нельзя не преклониться пред памятью этого императора — рыцаря от головы до ног. Но против него было пущено всяческое оружие; его высмеивали, а так как благородство и бескорыстие его отрицать было нельзя, то его называли «коронованным безумцем». Люди же беспристрастные не могут не бросить осуждения клеветникам этого монарха.

Для революции было ясно, что в лице русского императора она наткнется на упорное сопротивление. Ясно было и то, что государь этот среди общеевропейского хаоса и компромиссов, внушаемых чувством страха, останется непоколебимым борцом и защитником общественного порядка и неприкосновенности религии.

11 марта 1801 года император Павел I был убит...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Взгляды на армию и связанную с нею политику сформировались у Павла довольно рано. Двадцати лет от роду он подал императрице записку — «Рассуждения о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оного, и касательно обороны всех пределов», в которой утверждал и доказывал, что России надо вести не наступательную, но оборонительную политику; расширять пределы государства ей нет надобности, а потому армию необходимо сократить, но зато подчинить ее строгой регламентации.

²На этот счет есть иные свидетельства современников: будучи во Франции и посещая мастерские художников, Павел обнаружил тонкий вкус и отличные знания; осматривая Академию, музеи, библиотеки, наследник проявлял к ним особый интерес; почувствовав в русском принце знатока, Бомарше читал ему еще не напечатанную тогда «Свадьбу Фигаро».

³Воспитатель Павла Семен Андреевич Порошин вспоминал: «Если бы его высочество человек был партикулярный и мог бы предаться одному только математическому учению, то бы по остроте своей весьма удобно быть мог нашим российским Паскалем».

⁴Вопиющая несправедливость относительно жизни и быта офицеров, с одной стороны, и солдат — с другой, поразила его еще во Франции, когда он узнал, что из девятиста миллионов, которые казна Людовика XVI тратила на содержание армии, сорок шесть шло на офицеров и лишь сорок четыре — на солдат; это при том, что на каждого офицера приходилось более пятидесяти нижних чинов. Нетрудно понять причины особой заботы Павла о русском солдате.

⁵Считаем нелишним добавить несколько сведений об этой стороне деятельности Павла I, которые остались в его эпистолярном наследии, а также в воспоминаниях, практически читателю недоступных. Так, зная, что российское крестьянство довольствуется самым малым, он пишет П. И. Панину: «Наш народ таков, что малейшее удовлетворение заставит его забыть целые годы неудовольствия и бедствия самые». Современник вспоминает о словах, сказанных Павлом прилюдно: «Пора помыслить, наконец, о сохранении столь драгоценного расположения народа». В тетрадях собственноручных записей императора есть такие строки: «Двору невозможно понимать, что такое народ. Дворцовый воздух отравлен лестью — придворной чумою, потому там относительно вопроса этого угар непрерывный».

СЕРГЕЙ СМОРОДКИН

Живая нить

В старинном волжском городе нитью этой
крепится прошлое с будущим...

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Иду набережной Рыбинска, а вижу иную набережную, иные дома, палисадники, переулки, вот так же сбегающие к Волге. Вижу спящую зимнюю реку, слышу скрип салазок, несущихся с крутого берега вниз, вниз... Всплывают в памяти рассказы людей, бывших молодыми тогда, когда город считался одной из хлебных столиц России. Как уверяли, блинами, испеченными из муки, смолотой на городских мельницах, можно было выложить дорогу аж до самого Владивостока.

Помню бывших грузчиков-«крючников», что носили на баржи многопудовые кули с заволжской пшеницей. А сосед наш, бывший скупщик зерна?! Уже и профессию эту редко кто помнил, а в его времена скупщик был уважаемым человеком. Вот подходит к крестьянскому возу с привезенным на продажу зерном, погружает руку в глубь мешка янтарной пшеницы и на весу определяет сорт, качество хлеба, объявляя цену. Вижу легкую, сухую ладонь, как взлетает она передо мной, и неувлимым жестом сыпается пшеница обратно в воз. Весы в то время тоже считались излишними. Нет, они, конечно, стояли рядом, но пользоваться ими считалось зазорным — урон профессиональной чести торговца. Хозяин воза — и такое случалось — мог потребовать взвески в любой момент, но, как правило, весы отмечали точную меру, названную скупщиком. Мужика осмеивали: «Чем мерил? Сарафаном?!»

Удивительны были рассказы земляков. Но с каждым годом становилось их все меньше и меньше. Одни умирали не в свой срок, другие исчезали. «Посадили»... Или: «Сослали»... — говорилось неслышным шепотом во дворе. Уходили люди, и вместе с ними уходил давний уклад жизни. Разрушается уклад — разрушается память. Жизнь как бы теряет перспективу. Не в том смысле, что нет будущего, а в том, что настоящее, прошлое и будущее не складываются в единую картину. Может быть, одним из первых это почувствовал Андрей Платонов, пометив в записной книжке: «Новый человек — человек голый, без души и имущества, в предбаннике истории».

В Рыбинск я приехал для встречи с Валентином Борисовичем Мелехиным. В бытность его председателем горсовета принималась народными депутатами пока единственная в России программа «Исторический город», цель которой — «сохранение и восстановление для настоящего и будущего поколений рыбинцев историко-культурного наследия, его активного использования». Финансовый фундамент программы — целевой фонд, складывающийся из отчислений от подоходного налога граждан, средств, получаемых за аренду зданий, отвод земельных участков, приватизацию... Было создано специальное подразделение при администрации — дирекция по историческому центру — единый заказчик всех работ по реконструкции и развитию старой части города...

Иду мимо пышных, изукрашенных, крепко построенных домов — в Рыбинске, как и в иных волжских городах, это ценилось, пожалуй, превыше всего, — и дома, будто освещенные резким светом, горделиво вздымают свои узорчатые главы, шпили и башни. Рыбинские историки, показывавшие мне старый город, называли фамилии бывших владельцев зданий — именитых купцов, промышленников. До революции Рыбинск — «главное средоточие экономической жизни России не только европейской, но и азиатской», писал в прошлом веке академик Безобразов. А другой видный экономист подчеркивал, что по торговле хлебом только иногда Одесса может сравниться с Рыбинском, а «во всем мире перевес имеет, быть может, единственный хлебный склад — в Чикаго». Нет преувеличения в этих словах. Миллионы пудов хлеба проходили через Рыбинск, и на торговле зерном «город-купец» рос как на дрожжах. Его биржа была третьей по значению в России после петербургской и московской.

Да была ли та жизнь? — спросит меня дотошный читатель. На среднюю зарплату рабочий мог содержать семью при неработающей жене? А Рыбинск не уступал Чикаго, отправляя хлеб в Европу или за океан, не помышляя, что через несколько десятилетий потомки рыбинских горожан, как и вся Россия, будут принимать заокеанскую гуманитарную помощь? Не призрак ли та жизнь?

Нет, не призрак, не мираж...

Помнят рыбинцы, к примеру, купца Ефрема Калашникова, который первым в России начал экспортировать хлеб в Аргентину и на этом умножил состояние. Калашников пришел в город из деревни, начинал с торговли вразнос. Деловой хваткой, твердым словом, умением предвидеть, рассчитать, а надо — и рискнуть, приобрел Калашников миллионный капитал. Конец жизни знаменитого хлеботорговца теряется после октябрьского переворота. Одни исследователи уверяют — уехал за границу, другие — вернулся в родную деревню, умер в нищете.

И разве одна такая судьба? До сих пор приходят в город письма со всего света от потомков бывших рыбинских дворян, купцов, мещан, биржевиков, адресованные «городскому голове».

«...Когда думаю о Рыбинске, понимаю, что независимо от того, как сложилась моя жизнь здесь, все равно потерпел поражение. Не важно, что со мной происходило вне России, — настоящего счастья никогда не испытывал. Оно для меня недоступно, ибо часть меня так и осталась на Волге, на набережной у хлебной биржи, где с братом видели, как расстреливали людей, как бросали убитых на розвальни»...

Пишет это глубокий старик, живущий на покое в солнечной Калифорнии, окруженный детьми, внуками, ждущий правнука. После того, как летом 1918 года родители увезли его с братьями и сестрами из Рыбинска, по-всякому складывалась жизнь. Работал в Англии на заводе рабочим, в США на конвейере, коммивояжером, подручным мясника. Потом начал свое дело, и удачно. Может, сказалась купеческая кровь? Ушел на покой владельцем крупного супермаркета. Читаю письмо дальше.

«...Да, какой-то части меня нет. Пока сам не переживешь

Час лин.

Дом — это не только
квадратные метры...

трагедию, не откроется, быть может, и подлинный смысл происшедшего. Не это ли и делает нас людьми».

Приписка: «Мне очень нужно знать — осталась ли деревня? Русский мужик-крестьянин? Имеет ли домашний скот? Все ли в употреблении самовар? Хотелось бы получить фотографии Рыбинска».

Читаю письма, и за строками горький вопрос: почему силы, здоровье, ум, талант вынуждены были русские люди отдавать чужим странам, способствуя их успехам, их процветанию? Думаю: каких уроков нам еще недостает, чтобы не делиться снова на «белых» и «красных», на «наших» и «не наших»? Где корни национальной трагедии? В каком периоде русской истории? Там, где рваные зипуны и полушубки разинской вольницы? Метлы и собачьи головы подручных Ивана Грозного? Петровский кнут вперемежку с «машкарадами» и «ассамблеями» на европейский манер? Что искать в прошлом? Зачем откапывать из глубины, из бездны, из-под спекшихся глыб? Да надо ли?..

3

Вот о чем размышлял, когда шел на встречу с Валентином Борисовичем Мелехиным — теперь главой городской администрации. О Мелехине знал немного. Что он из семьи учителя: по специальности — судостроитель. Прошел путь от инженера до директора, последовательно, по ступенькам. И еще одно. Мелехин из поколения, которое называют «шестидесятниками». Не в том суть, насколько точно определение, а в том, что есть все же некие черты, объединяющие людей одного поколения, которое не только веровало в ложные идеалы, но сумело разобраться в своих заблуждениях. Более того, успело практически повернуть свою судьбу в соответствии с новыми прозрениями. Утверждают, что одна из главных черт этого поколения — готовность к компромиссам. Может, потому «шестидесятники» и не стали поколением ни победителей, ни побежденных, а годы переустройства тоталитарного государства России удалось пока пройти без большой крови? Ведь это же факт, что во время августовских событий ряд военачальников, принадлежащих именно к поколению 60-х, отказались выполнять свирепые приказы гэкачепистов.

Говорю об этом с Мелехиным. Он задумывается.

— Сложно однозначно ответить. Человеческая жизнь такая короткая. Можно ли с уверенностью утверждать, что знаешь всю правду о самом себе, тем более о целом поколении? На мой взгляд, важнее постараться передать накопленный опыт. Вдруг он окажется небесполезным? Передать память. Именно память и делает нас народом. Разве не так?..

Слушая собеседника, поглядываю на раскрытый каталог с видами старого Рыбинска. Пристани, пароходы, лавки, вокзал, театр. Городовой. И шапка при нем. Дети бегут. Один отстал, плачет. Носильщик с бляхой. Франты с тросточками...

Мелехин тоже поглядывает на снимки, говорит:

— Знаете, что меня в свое время особенно поразило? Настойчивость, с которой рыбинцы действовали, чтобы вернуть горо-

ду его историческое имя. Школьники, директора предприятий, домохозяйки, ветераны войны, рабочие требовали: верните городу имя. Кажется, какая разница: Рыбинск или Андропов? Нет, хотим жить именно в Рыбинске. Это наш — мой! — город. Здесь родились наши отцы, деды, прадеды. Здесь их могилы, в Рыбинске... Хорошо, городу вернули историческое имя, а дальше? Как помочь рыбинцам проявить свою любовь к городу? Конечно, через культуру, через освоение исторического наследия. Культура универсальна. Она никого не отторгает: ни «пэтэушника», ни профессора, ни любителя, ни профессионала. Нужна определенная городская среда. А что у нас? Микрорайоны и рассыпающийся, разваливающийся на глазах исторический центр. Значит, нужно восстановить, обустроить среду, чтобы она воспитывала мироощущение: каждый из нас — частица родного города, частица отечества, представитель своего поколения и предшественник поколений будущих... И так сошлось все счастливо: пришло долгожданное решение министерства культуры — тогда еще СССР, — что Рыбинск включается в число исторических городов общесоюзного значения наравне с Москвой, Новгородом, Суздалем, Ленинградом... Роль последних в культуре общеизвестна. А наш районный Рыбинск? Наследие его изучено недостаточно, широкому кругу россиян известно мало. Но положение обязывает. Прежде всего нужна концепция, нужна программа...

4

На этом прервался мой разговор с Мелехиным: в Рыбинск приехала делегация ветеранов войны из Германии, и глава администрации, извинившись, ушел принимать гостей. Я же отправился на бывшую хлебную биржу, здание которой реконструируется и после завершения работ будет передано историко-архитектурному и художественному музею-заповеднику. Новую биржу выстроили незадолго до мировой войны четырнадцатого года, через сто лет после сооружения первой, здание которой тоже сохранилось. Биржи украшали город, как и Спасо-Преображенский собор с громадной колокольней (звон колоколов, по свидетельству старожилов, в тихую погоду был слышен чуть не за тридцать верст), как гостиные дворы и дома, спроектированные гениальным Росси, как театр, сооруженный на столичный лад с трехъярусным зрительным залом, литерными ложами.

Но театр этот, где начиналась в России деятельность Мариуса Петипа, где пел Собинов, выступал с концертами Скрябин, блистали тогдашние звезды Южин, Ермолова, Комиссаржевская, Тарханов, другие мастера, теперь можно увидеть только на старых фотографиях. Здание благополучно пережило революцию, гражданскую войну, а в мирное время случилось несчастье — пожар. На восстановление требовалось всего несколько тысяч, но «у бедного рыбинского коммунхоза не было сверхсредств, а у заведующего коммунхозом в голове не хватало каких-то частей», — писал мой коллега, рыбинский журналист, выступавший под псевдонимом Клим Залетный. Дальше события развивались так: «Огромное здание театра, почти не постра-

давшее от пожара, по приказу зава было подвергнуто самому варварскому разрушению. Зав. хотел обогатить коммунхозную кассу за счет этого здания, мечтая продать кирпич, но театр, сооруженный на средства рыбинского купечества, был построен настолько прочно, железные связи впились почти в каждый кирпич настолько глубоко, что после длительной работы артели чернорабочих осталась лишь огромная куча щебня». Продав щебень, коммунхоз не смог даже расплатиться с рабочими.

Возмущенные горожане на месте снесенного театра требовали установить хотя бы камень с надписью, увековечивающий «подвиг рыбинского герострата». Впрочем, как говорил мне народный депутат городского совета, искусствовед Евгений Петрович Балагуров, утраты в архитектурном ансамбле исторической части города столь значительны, что подобные камни надо было бы сооружать едва ли не на каждом шагу.

...Вернемся, однако, к хлебной бирже, здание которой уцелело. Разные организации и учреждения перебивали в нем. Видели эти стены красногвардейцев, первых рабочих и солдатских депутатов, партийцев из укома. Долгое время здесь размещалась больница. Потом решили передать биржу под речной вокзал. У этого решения были противники. На заседании горкома партии, где решался вопрос, выступил Мелехин и, как вспоминал один из очевидцев, предложил отдать здание музею, о бедственном положении которого знали все: аварийное состояние здания, гибнет богатейшее собрание икон, живописи, графики, прикладного искусства. Мелехин напомнил, что коллекции собирались не одним поколением, на них затрачены немалые народные средства, что, наконец, только около сорока процентов городов России вообще имеют свои музеи. Секретарь горкома закончить не дал, оборвал Мелехина столь грубо, что больше не нашлось охотников возражать. Так и постановили: «Сделать биржу речными воротами города».

5

Несколько лет новый хозяин — порт — приспособливал здание под вокзал. Дело шло медленно и, как выяснилось, к лучшему: Мелехина избрали председателем горсовета, и ему удалось осуществить то, что когда-то безуспешно предлагал. Здание отдали музею, порту возместили затраты, заказали проект реконструкции, и вот в бывшую биржу пришли лучшие строители и реставраторы города. Как сказала одна из отделочниц: «Хочется все сделать так, чтобы сына своего можно было привести и показать: «Видишь, какая красота?!»

Знакомил меня с биржей инженер-строитель, наблюдающий от дирекции музея за ходом реконструкции.

— Соколов, — представился он, когда познакомились. И добавил: — Коренной волжанин...

Ходили с Соколовым по гулким залам с такими высоченными потолками, что для того, чтобы увидеть их, приходилось далеко запрокидывать голову.

Везде, где ни побывали, придирчивым глазом сравнивал Соколов работу мастеров прошлых и нынешних, сетуя, что не все

удастся восстановить так, как было в начале века. Рассказывал об остроумной автономной системе отопления — ее теперь заметит обычное, центральное; о дубовой клепке «ласточкин хвост», посаженной на клей такой прочности, что десятилетия безжалостной эксплуатации здания (в нем ни разу не проводился капитальный ремонт) не везде уничтожили паркет. Показывал особый утеплитель — пробку, перемешанную с известковой крошкой, отмечал еще многое, интересное профессионалу.

— Музей — это святое, — рассуждал мой спутник. В нем сохраняется культурное наследие поколений. На это уникальное кресло можно только смотреть — сесть в него нельзя. Но что мешает заказать его копию для своего дома, если оно тебе понравилось и деньги есть? Почему в заповедной зоне не открыть антикварные лавки, мастерские художников, гончаров, реставраторов, кузнецов или чеканщиков? Вокруг музея и должно идти освоение культуры прошлой и сегодняшней. В этом и есть связь времен.

Как бы между прочим подчеркнул, что работы по реконструкции исторического центра идут не в ущерб новому жилищному строительству: в отличие от соседних волжских городов, новых квартир в Рыбинске сдается за последние годы не только не меньше, но заметен и небольшой рост.

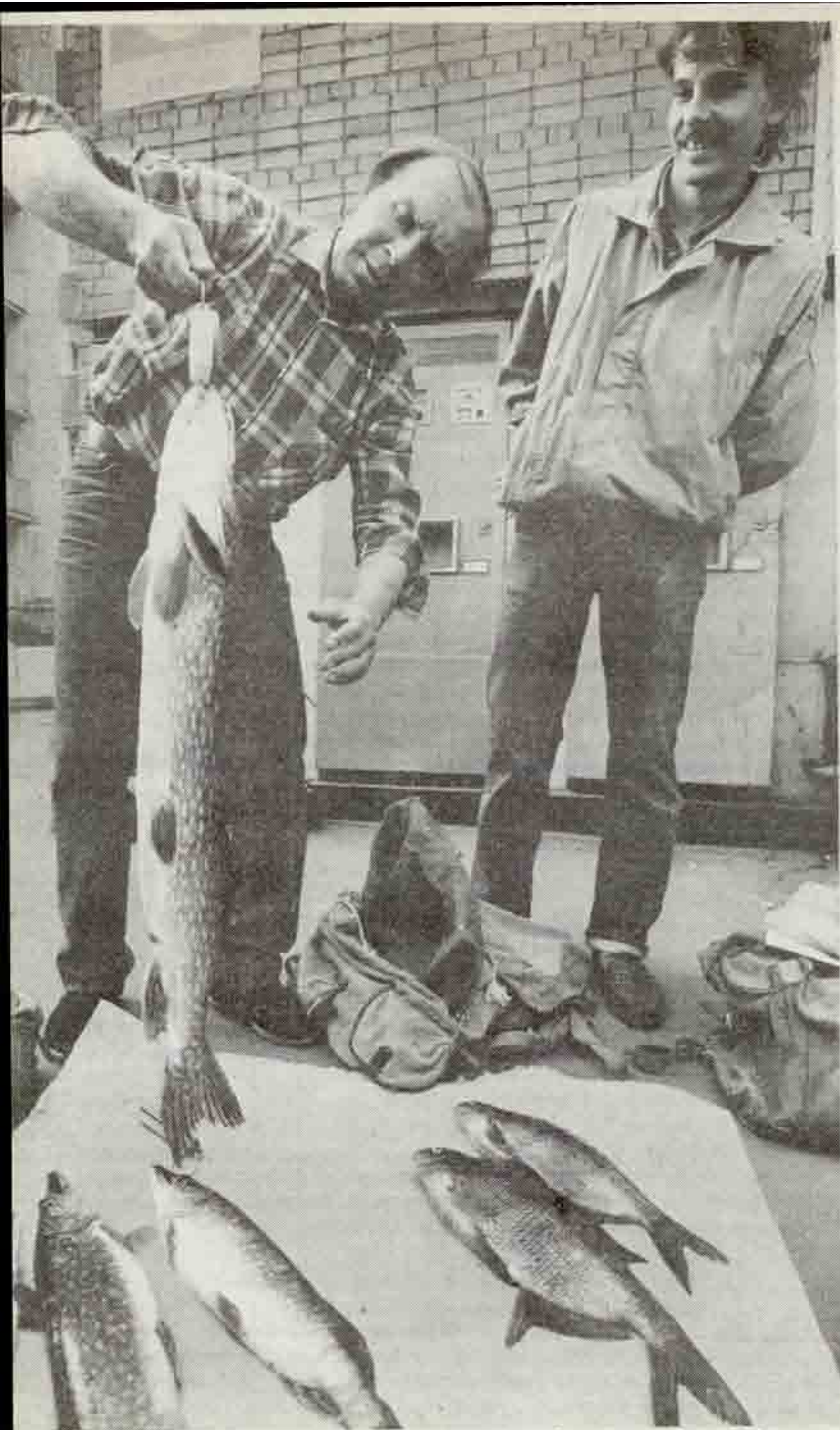
Слушал Соколова, и мне была понятна его хозяйская гордость: взялись не только сохранить часть старого Рыбинска, но и сделать его символом города — живым, общедоступным, открытым. Получится? Очень хочется, чтобы получилось. Только надо спешить — все сильнее дышит в затылок историческому центру новое строительство с кубиками панельных домов, расширяющимися дорогами, промышленными зонами. Разве устоять хрупкой старине без человеческой умной поддержки? Без такой, где особенно нужны ответственность, дисциплина, способность к организации, реальное понимание действительности.

Смотрел, как выпагивает Соколов мощными длинными ногами по коридорам и лестницам, и представлял, сколько же поколений русских людей стоит за этим человеком?

Меня всегда привлекали люди, живущие долго, прочно в старинных российских городах и селениях, где жизнь идет не на скорую руку, а равномерно — поколение за поколением, столетиями. Где человека привязывает к месту родство — деды-прадеды, двоюродные братья-сестры, какие-нибудь шурины, свояки, внучатые племянники — одним словом, те, кто составляет корень рода. Привязывает наследственное ремесло, рябины над родными могилами, согласие с природой, климатом, рекой... Бог знает, что еще! Кто живет такой жизнью — тот знает. Соколов был именно такого корня человек.

6

Вышли из здания биржи и какое-то время молча стояли на берегу, глядя на кроткую спящую реку. Соколов сказал, что его дед — а был он полным георгиевским кавалером — больше всего любил смотреть на реку, думая о чем-то своем.

Есть еще рыба в Рыбинске...

...но не для всех.

Стояли и мы на высоком волжском берегу, и шемящий душу вид открывался перед нами. На иной взгляд ничего в нем не было особенного: река, реденький лесок, низкое небо. Сероватобелые, темные, коричневые тона. Красота нашего пейзажа невидима: она в чувстве. Красота не столько перед глазами, на горизонте, сколько за горизонтом.

«Не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный, что сквозит и тайно светит в наготе твоей смиренной». Эту сущность русской природы пытались передать Саврасов, Поленов, Левитан, Нестеров, другие живописцы. Одну из своих, быть может, самых пронзительных работ — картину «Свежий ветер», Левитан начал писать после своей поездки в Рыбинск.

Вот так, все рядом, думалось мне. Биржа, построенная купцами, красногвардейцы, расстреливавшие у ее подножия своих соотечественников, которых считали врагами, мальчик, видевший эти расстрелы и состарившийся в Калифорнии, дед Соколова — мечтатель и воин, художник Левитан... Жизнь прошлая и нынешняя перекрещиваются, идут рядом, расходятся, проскальзывают дальше, дальше в бесконечность, куда нашим современным взглядом, слава Богу, и не достать. И дело, быть может, вовсе не в том, нравится или не нравится тебе тот или иной период отечественной истории, а в том, чтобы мужественно и терпеливо принимать ее такой, какая она есть.

7

Идут навстречу мне рыбинцы, заходят в магазины с полупустыми полками, терпеливо выстаивают в очередях, разглядывают витрины частных ларьков, киосков, каких-то самодельных будок, вагончиков, в которых торговля идет побойчее. Рассматривают, трясут, прикидывают, примеряют товар, разложенный на ящиках, картонках, просто на шматках бумаги.

Торговля, торговля, торговля...

Пестреет у видеосалонов реклама кинобоевиков, и на каждом самопальном плакате ремарка: «Крутой боевик», «Смертельная схватка из-за путан», «Любовь с гориллой» и уж вовсе забойная «Сверхэротика под водой»!

Зывают народ разнообразными посулами и услугами заезжие маги, чародеи, астрологи, колдуны, шаманы, съехавшиеся в Рыбинск весной, кажется, со всех концов России и ближнего зарубежья. Может, съезд или конференция? Прибыла даже «дипломированная ведьма», и, как сообщалось в рекламе, не откуда-нибудь, а прямо с «Лысой горы». (Правда, не уточнялось, на помеле прилетела или воспользовалась наземным транспортом...) Залетная ведьма исцеляет недуги «громовой стрелой», а также заговаривает (кодирует!) на успешную торговлю, на то, чтобы дело сошлось, а заодно сводит с лица рябины.

Кинореклама, афиши знахарей забивают скромные, на низкосортной бумаге напечатанные объявления о встрече ветеранов войны, о вернисаже местного художника-любителя, о концерте, посвященном памяти Рахманинова.

Оглушительные крики ворон перекрывают городской шум.

Птицы поднимаются внезапно, с хлопаньем, криком срываются и, как хлопья саж, носятся над улицей.

Задирают головы, глядят на ворон крутоплечие молодые люди с выставленными напоказ громадными крестами поверх рубах. Только что парни шли, сквернословили, толкали прохожих, теперь вот как все разглядывают птиц, потом снова идут, посмеиваются, останавливаются у лотков, где эротические плакаты и книжки разложены рядом с иконами, крестиками, молитвенниками. Имитация чего-то чуждого лезет изо всех щелей. Не Европа, но и не Россия. Некая «Азиопа», как выразился кто-то из популярных политиков.

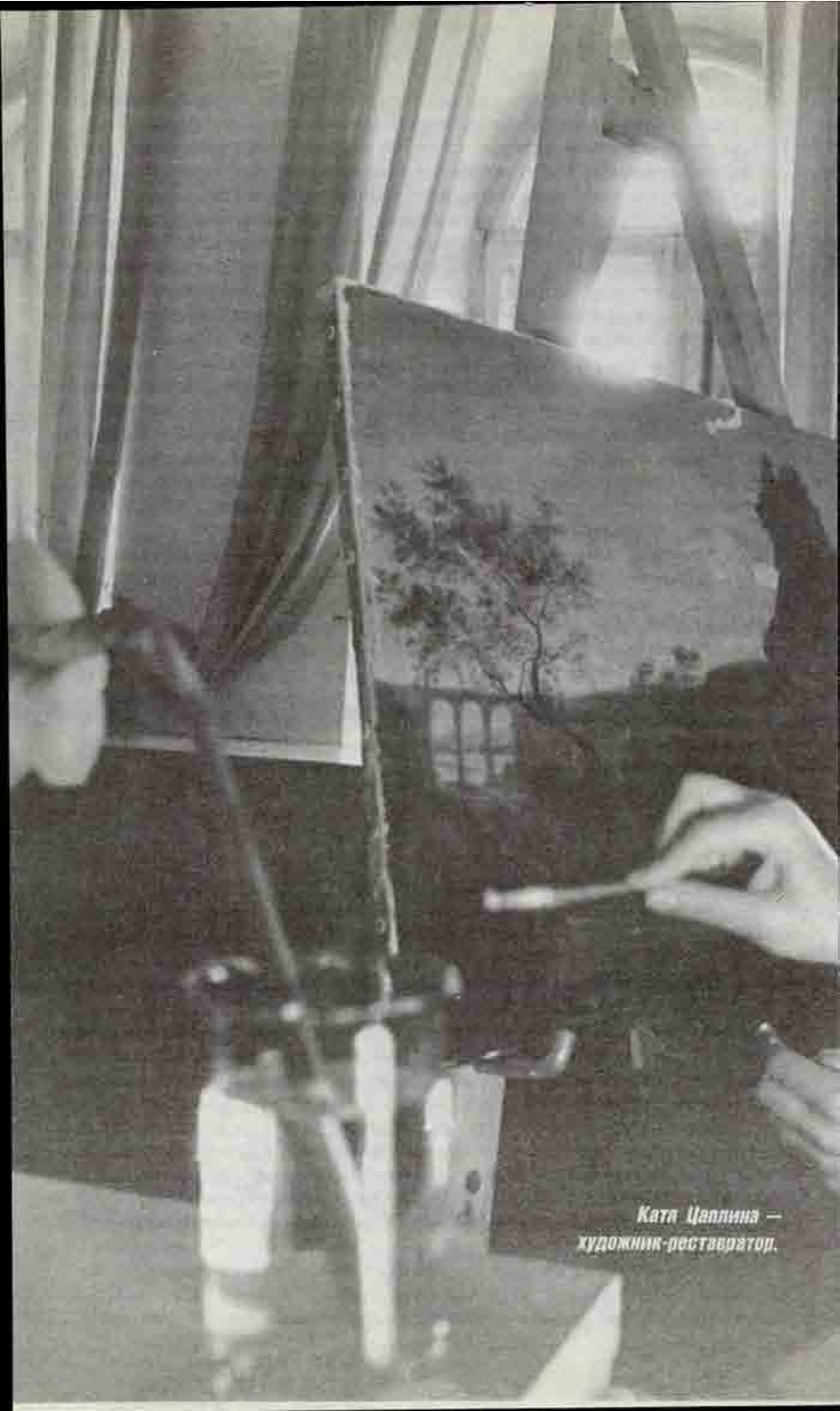
С кем бы ни разговаривал в Рыбинске — народными депутатами, работниками администрации, культуры, образования, все, не сговариваясь, говорили об упадке культуры, морали, нравственности. Библиотеки теряют читателей, кинотеатры — зрителей, музеи, выставки — любителей искусства. И вместе с тем отмечается устойчивый рост интереса к народной песне, к старинным обрядам и праздникам, к вопросам философским, религиозным, мировоззренческим.

Хотим мы или не хотим, все это тоже становится нашим наследием, близким или неблизким, это уже другой вопрос, но все равно кровным, живым, и не все в этом наследии — зло, грех, есть и добро, и подвижничество, и красота. Многие потрясения пережила Россия, но со временем отставалась муть, общество освобождалось от казенной лжи, от ненужных, смешных и нелепых запретов, лучше начинали жить люди. И оставался главный вопрос: в чем же смысл нашей жизни? А может быть, он тоже очередной миф, и смысл жизни одинаков для всех людей на свете — русских, немцев, таджиков, китайцев, и найти его можно только сообща?

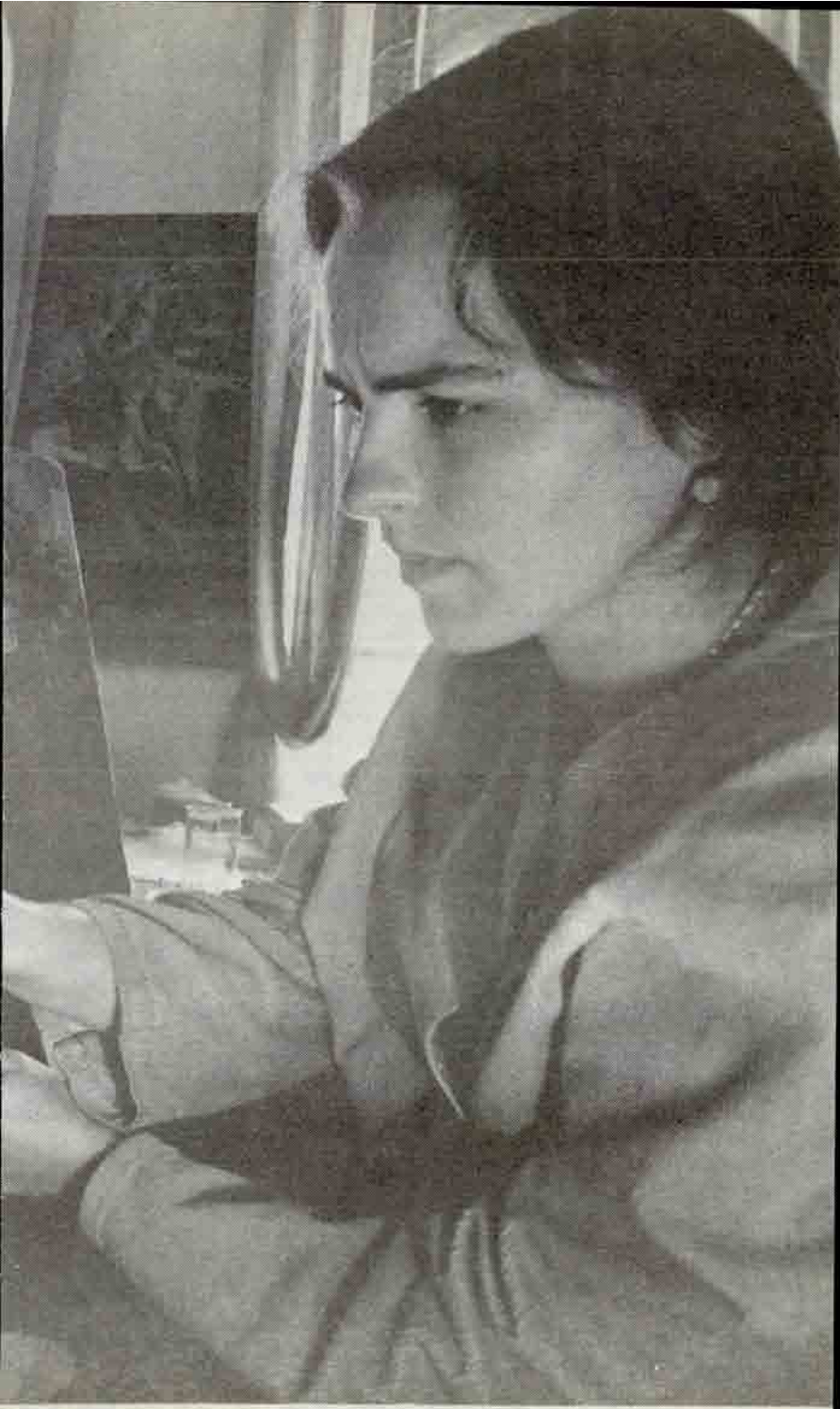
8

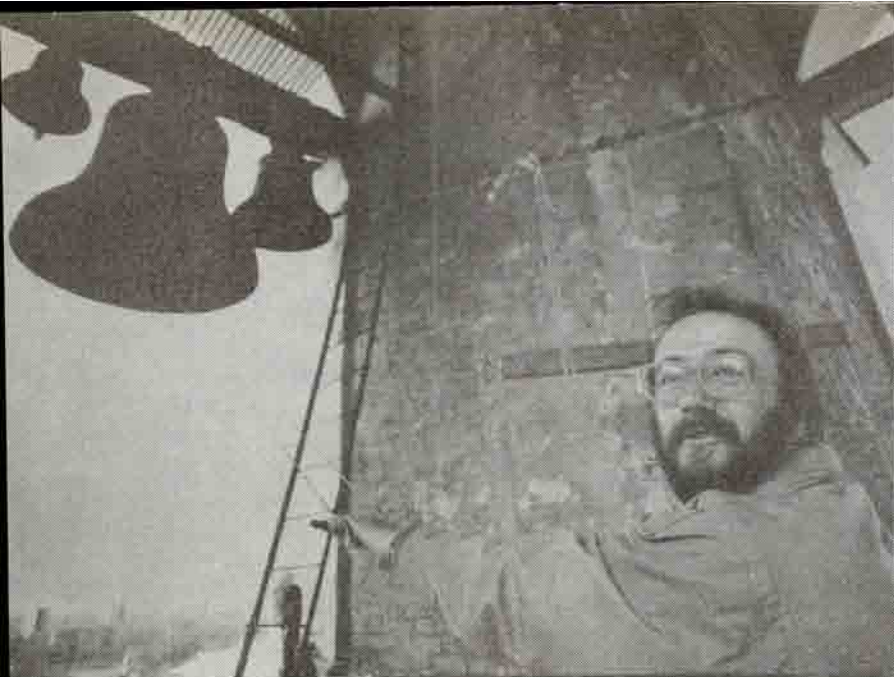
Зашел к Валентину Борисовичу Мелехину договорить и попрощаться перед отъездом. Удивительно совпадали наши мысли. Наверное, и впрямь люди одного поколения лучше понимают друг друга.

— Какой Рыбинск нас интересует? — размышлял вслух Мелехин. — Дооктябрьский с особым градостроительным ансамблем? Купеческий, предпринимательский, банковский, интеллектуальный? Конечно, спасти от разрушения здания позднего классицизма — задача благородная, но не менее важно восстановить в памяти тот огромный мир, который, как город Молога, скрыт под водой на дне Рыбинского водохранилища. Наследие предков громадно. Как была организована торговля? Подготовка кадров? Система управления? Строительство? Как осуществлялись финансовые операции? Да, что ни возьми — все интересно. Это же кладезь нашего опыта. Для чего, например, воспроизводить в Рыбинске опыт США или Германии? Нет, я вовсе не сторонник той точки зрения, что мировой опыт не надо использовать. Но прежде чем мчаться за тридевять земель, посмотрите, нет ли того, что ищете, дома. Слышали такую фамилию — Чичкин?!

*Катя Цаллина —
художник-реставратор.*

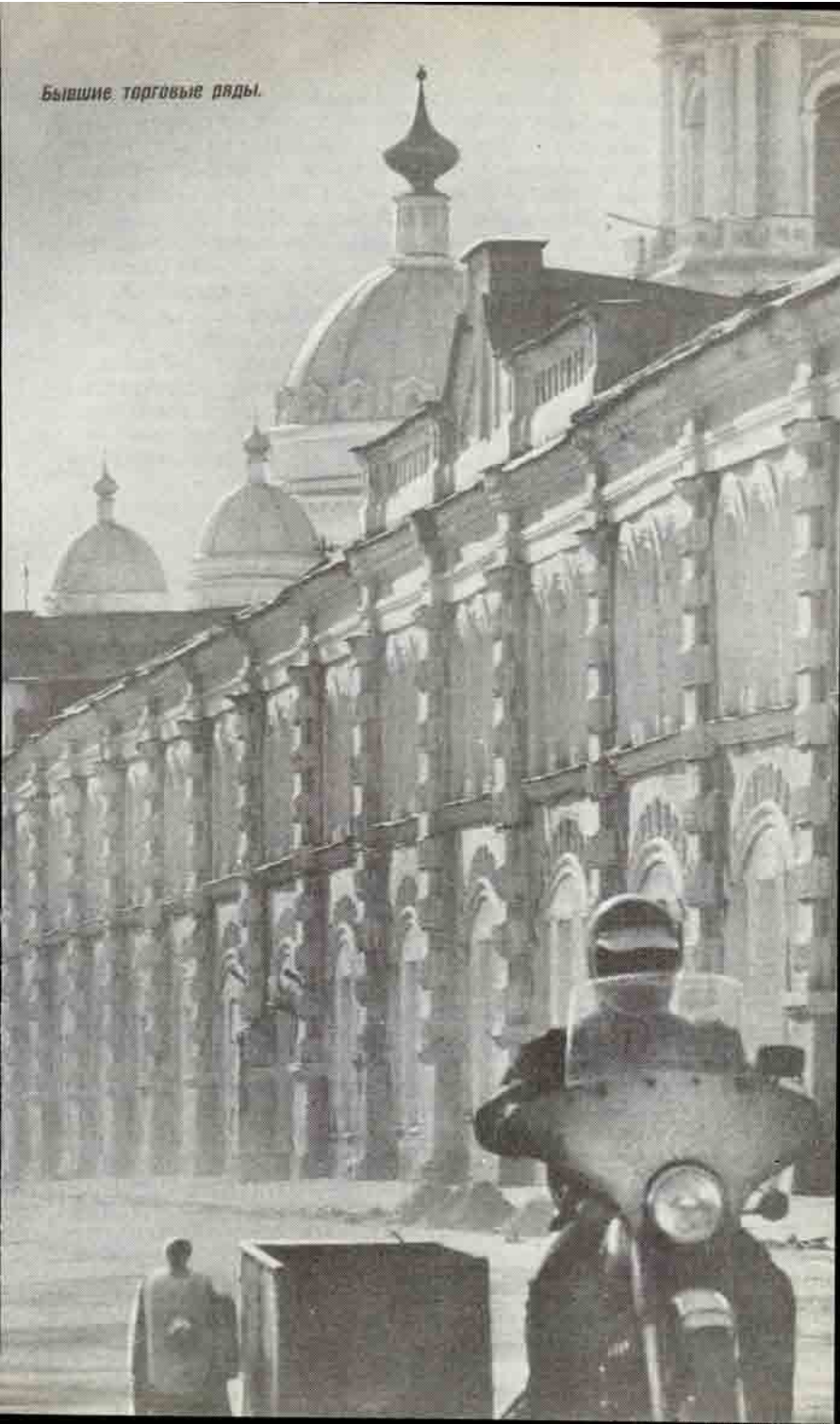

Александр Михайлов — мастер колокольного звона.

Лица времени... В отделе хранения городского музея.

Бывшие торговые ряды.

Нет... А, между прочим, наш земляк Александр Васильевич Чичкин до революции снабжал Москву, другие российские города маслом, молоком, сыром. И как снабжал! Продукты высокого качества. Обслуживание в магазинах — а их только в Москве принадлежало Чичкину около ста — по высшему классу. Так вот, Александр Васильевич разработал и осуществил замечательную программу подготовки кадров, суть которой в том, что фирма устраивала судьбу человека, вела его по жизни с детских лет. Эту систему воспитания, образования, продвижения по служебной лестнице потом с успехом использовали японцы. Теперь изучаем японский опыт, пытаемся его воспроизвести. А свой забыл?! А возьмите советский период развития Рыбинска, — продолжал Валентин Борисович. — Крупнейшие предприятия города — это заводы бывшего союзного подчинения, где оборонный сектор первенствовал. В него вкладывались значительные средства, привлекались лучшие специалисты. Я знаю, как работали люди на этих заводах — самоотверженно, не щадя себя. Трудом, интеллектом, мастерством нескольких поколений рыбинцев достигнуты высокие технологии во многих сферах машиностроения, приборостроения. Это тоже пласт нашей духовной и материальной культуры, только особого, научно-технического направления. Разве он не нуждается в сохранении, изучении, использовании? Значит, в программе «Исторический город» должно сложиться особое направление, которое связало бы этот пласт культуры с другими. Как? Надо думать. Почему бы не переориентировать часть научного, инженерного, технического потенциала на создание экологически чистых технологий, на поддержку сельского хозяйства?

Мелехин говорит увлеченно, горячо, будто доказывая правоту свою незримым оппонентам:

— Почему бы не облагородить микрорайоны? Старая часть Рыбинска — всего около двух процентов нынешней городской территории, а девяносто восемь процентов? Как быть с ними? Надо же их как-то очеловечить, в каждом выделить свою доминанту, сгруппировав вокруг архитектурное, природное, социальное пространство. Такая работа может в какой-то степени снять перекося (ведь основная масса рыбинцев — жители микрорайонов), и тогда процесс возрождения культуры станет заботой, интересом многих горожан. А чем шире круг людей, привлеченных к освоению и развитию наследия, тем шире пространство человечности, доброты...

Трудностей и проблем у тех, кто реализует программу «Исторический город», понятное дело, хватает. Например, вот с чем столкнулись: аварийный дом — памятник архитектуры местного значения. Арендатор согласен восстановить, но просит, чтобы здание потом перешло в его собственность. Действующий сегодня закон такого не разрешает. Но ведь арендатор, вложивший в восстановление памятника не один миллион, вправе рассчитывать, что его усилия, средства не пропадут? Ну а город заинтересован не только в сохранении дома, но и в том, чтобы, даже став собственностью арендатора, уникальный облик памятника не искажался.

Значит, нужно оговорить условия, на которых новый владелец распоряжается своей собственностью.

Предполагается в порядке эксперимента сдать один из домов в историческом центре в долгосрочную аренду с последующим правом перехода в собственность. Параллельно готовятся документы в Верховный Совет России, чтобы депутаты подумали: возможно, стоит поддержать такую форму?

Мелехин полагает, что увязка рыночных процессов с развитием материальной и духовной культуры должна дать хорошие результаты.

— Вопрос о формах собственности, не спорю, важный, но не единственный. Возьмите наших рыбинских купцов, создававших собственность, а потом передававших ее городу. И эта бывшая частная собственность «работала» на все общество. Были и обратные примеры, когда общественная собственность в частных руках приносила огромную пользу городу... Главное, как собственник использует приобретенное: на благо культуры, на благо горожан или вопреки интересам рыбинцев?!

Программа словно ветвистое дерево, корнями, кроной скрепляет, объединяет и власти, и горожан. Хватило бы только жизни.

9

Так уж совпало, что, вернувшись из Рыбинска, встретился с учеными из Института математического моделирования Российской Академии наук. Исследования этих ученых разрушают миф о том, что единичное человеческое усилие не влияет на ход истории, а деятельность каждого из нас, как долгое время считалось, несущественна для макросоциальных процессов. Помните известное: «Единица — вздор! Единица — ноль!» Нет, говорили мне специалисты, единица вовсе не ноль и действия отдельного человека не бесплодны, не растворены в общем движении социума. Каждый из нас влияет или может повлиять на судьбу всего общества.

Думаю об этом и мысленно возвращаюсь к тем, кто разрабатывал и подвижнически работает над программой «Исторический город». Историк и культуролог Людмила Михайловна Марасинова, архитектор Николай Александрович Лосев, краевед Юлия Ивановна Чубукова, работник культуры Ирина Геннадьевна Куликова, сотрудники музея-заповедника Александр Борисович Козлов, Сергей Дмитриевич Черкалин, Николай Макарович Алексеев, Елена Александровна Цешинская — все, кого упомянул и не упомянул: реставраторы, строители, художники, предприниматели, архивисты, библиотекари, проектировщики, — своей тихой кропотливой работой как бы противостоят тому разрушительному социально-политическому действию, что разыгрывается сегодня на подмостках отечественной истории.

...Верю, убежден: если люди умеют сохранять, возрождать и приумножать культурно-историческое наследие, они достойны своей Истории. Их единичные усилия еще сыграют свою роль в общем стремлении к достойной жизни.

ТРЕЩЕЖИВЫЙ ЗОВ СИНЕВЫ

С летчиком-испытателем, полковником авиации МАРИНОЙ ПОПОВИЧ
беседует журналист БОРИС КАЛАШНИКОВ.

Космос и мы

— *Марина Лаврентьевна, я был удивлен, узнав, что вы, летчик-испытатель, вдруг занялись серьезными исследованиями по поиску и установлению контактов с НЛО. Всегда казалось, что испытательское дело связано с объектами куда более конкретными, чем «неопознанные»...*

— В 1975 году я услышала интересное выступление нашего известного уфолога Ф. Зигеля. С этого и началось...

Постепенно пришла к убеждению, что наша цивилизация не просто плод эволюционного развития от низшего к высшему, от обезьян к человеку. Ведь учеными уже признано, что только для того, чтобы образовалась клетка человека, потребовалось 10^{276} лет! Это колоссальная цифра! Возраст Земли намного меньше — около

4,7 миллиарда лет. Таким образом, мы — имплантированная жизнь, то есть привнесенная на Землю извне, из просторов Вселенной... И вполне вероятно, что за нами наблюдают космические «родители».

Я участвовала во многих экспедициях — Памир, Хибин, другие точки страны. Во время памирской экспедиции мы искали «снежного человека», но наблюдать нам довелось нечто иное, не менее интригующее... В одну из ночей мы сидели у палатки, смотрели на небо, разговаривали. И вдруг со стороны Большой Медведицы выделилась одна звезда и зигзагами полетела в нашем направлении. Мы были совершенно поражены, когда она внезапно резко остановилась прямо над ущельем, где мы находились. Затем на нас был направлен от «звезды» яркий, блистающий луч. Момент, признаться, был очень эмоциональный.

Но вот луч сместился в сторону, и эта удивительная штука вонизла ввысь и исчезла. Я не знаю летательных аппаратов, способных на такое... После этой встречи с НЛО интерес к уфологии просто захлестнул меня!

Много интересной и даже уникальной информации я получила от коллег-летчиков в наших доверительных разговорах. Пришла потребность систематизировать сделанное. Так появилась первая книга по НЛО. Вторую мы написали в соавторстве с Л. Е. Чулковым и В. С. Горшковым. В прошлом году моя книга «НЛО — гласность» вышла в Германии, а не так давно я летала в Венгрию и привезла «уфологическую» книгу, вышедшую и в этой стране.

— Мне почему-то представляется, что самым убедительным фактом «за» взезную природу НЛО является рассекреченная американцами в 1987 году программа «Мажестик-12».

— Я не была бы столь категорична. Хотя история катастрофы 2 июля 1947 года близ Розуэлла в Нью-Мексико инопланетного корабля и последующее патолого-анатомическое исследование трупов пришельцев является более чем убедительным свидетельством о природе этого конкретного объекта. Ведь самыми авторитетными специалистами было признано взезное происхождение этих существ, хотя внешне чем-то и напоминающих людей, но анатомически и гистологически имеющих сходство с насекомыми.

Но дело в том, что известны и другие случаи из разряда, я бы сказала, не оставляющих сомнений. Например, в ЮАР, где сбита в результате многократных попыток ультрасовременным оружием тарелка сумела приземлиться, и двое инопланетных существ по-

сле редкой изощренности военных (тарелка не давала приблизиться, испуская колоссальной силы магнитное поле! От этого даже погиб один из вертолетов вместе со всем экипажем) были все же захвачены живыми! И, что самое удивительное, на борту корабля была обнаружена ванна, а в ней в неизвестной жидкости — тело обычного нашего землянина. Этот человек находился в глубочайшем летаргическом сне. Пульс — один удар в минуту. К сожалению, восстановить полностью его память и общую жизнедеятельность пока не удалось.

Информация об этой истории была опубликована. Но мне посчастливилось услышать ее, как говорится, из первых уст и со всеми подробностями от командира вертолета, принимавшего участие в операции, господина Джеймса Ван Грюнена. У нас с коллегой был обстоятельный разговор во время конференции в Мюнхене.

Должна сказать, мне, как человеку беспристрастному, весьма импонируют слова по поводу НЛО известного американского астронавта Джеймса Макдивитта, наблюдавшего один из таких объектов во время полета на «Джемини-4» в июне 1965 года. «Я не знаю, — заявил астронавт, — был ли наблюдаемый мной объект инопланетным кораблем, не знаю, был ли он земного происхождения, — я могу только с абсолютной точностью сказать, что я не мог опознать этот объект». Совершенно согласна с Макдивиттом в отношении конкретного случая, но, анализируя все имеющееся многообразие фактов таких наблюдений, я пришла к твердому убеждению: **некоторые** из НЛО **несомненно** являются инопланетными кораблями!

— Известно, что академик Сахаров призывал к «расширению

попыток установления контактов с инопланетными цивилизациями». Причем и в работах по приему сигналов, и по их излучению. Как вы расцениваете перспективы этого?

— Я думаю, что из-за низкого уровня нашего научно-технического развития это пока малореально. Хотя многие известные специалисты, что называется, с формулами наперевес доказывают — уровень радиотехники уже позволяет принимать и излучать такие сигналы, — мне в это все же верится с трудом. Впрочем, в последнее время некоторые достижения есть. Например, четко определена оптимальная унифицированная узкая частота работы приемно-передающих систем. Причем стандартный эталон частоты в интересующем нас диапазоне дала сама Природа: так называемая радиолиния водорода (а этот элемент распространен по всей Вселенной) имеет длину волны 21 см, что соответствует частоте 1420 мегагерц. Несомненно, любая высокоорганизованная цивилизация уже на одном из ранних этапов развития должна открыть эту линию в спектре космического радиоизлучения. Сейчас специалисты работают, основываясь именно на этой закономерности. Не так давно мир облетела сенсационная весть, что наконец-то получены сигналы инопланетной цивилизации, но при уточнении оказалось, что это излучения пульсаров — мощных источников электромагнитного излучения во Вселенной, открытых еще в 60-х годах Энтони Хьюишем, за что он получил Нобелевскую премию в 1974 году.

Так что, как говорится, поживем — увидим, что будет дальше. Но мне представляется, что посланцы инопланетных цивилизаций намного ближе к нам, чем мы думаем. Они, быть может, рядом,

но пока по каким-то соображениям не считают нужным вступать с нами в постоянный контакт. Вполне возможно, что инопланетяне попросту боятся оказать отрицательное влияние на нас своим мощнейшим энергетическим и информационно-интеллектуальным полем... Некоторые из землян, имевших контакт, перенесли его непросто, многие получили слишком большую эмоциональную, психофизическую и информационную перегрузку. В США, в городе Лонг-Бич, даже открыт специальный крупный центр по реабилитации контактеров, возглавляемый доктором Шри Донато.

— Марина Лаврентьевна, а как вы оцениваете перспективы американских программ исследования дальнего Космоса — «Вояджер» и «Пионер»? В частности, корабль «Пионер-10», выходящий за пределы Солнечной системы: на борту имеется платиновая пластина с изображением фигур женщины и мужчины, различными математическими и физическими символами, а также записями нот на случай встречи с Разумом в межзвездном пространстве... Вы верите в возможность этого?

— «Пионер-10» — настоящее чудо человеческой цивилизации. По-моему, он еще и сегодня, через 21 год после запуска, затерянный в бесконечном мраке Космоса, продолжает посылать на Землю свои слабые сигналы... Кстати, в НАСА мне рассказали, что на той пластине изображены не просто нотные знаки, но даже короткий фрагмент из «Лебединого озера» Петра Ильича Чайковского и современной музыки Джорджа Гершвина (кажется, из «Рапсодии в блюзовых тонах»), таким вот необычным образом наши народы породнились в бесконечных просторах Космоса. На специальной

звуковой пластинке записаны также шум ручья, песни некоторых птиц и крик новорожденного ребенка. Как символ масштаба, по которому можно определить рост изображенных мужчины и женщины, приведены два рисунка протона и электрона. Между ними горизонтальная линия спектра водорода — 21 сантиметр...

Что же касается возможности встречи «Пионера-10» с Разумом, то, на мой взгляд, она, к сожалению, не очень велика. У инопланетной цивилизации намного больше вероятность найти Землю, чем эту ничтожно малую ее частицу... Если же через многие миллиарды лет «Пионер-10» и встретит Разум, то к тому времени Разума на Земле уже может и не быть...

Ступени к небу

— *Давайте вернемся из космических далей на грешную землю. Расскажите, пожалуйста, с чего начиналось ваше увлечение небом?*

— Любовь к небу жила во мне с детства. Сколько себя помню, не расставалась с портретом своей знаменитой тетки Марины Расковой...

Я родом с сельской Смоленщины. Родители — от земли, большие труженики. Мама, Ксения Логиновна, человек редкой душевной теплоты, просто спасла нас, детей, в самую суровую годину. Папа, Лаврентий Федосович, был музыкально одаренным человеком. Играл на скрипке. Это в селе-то! И хорошо играл! Мало того, он даже сам мастерил скрипки! Наверное, от него у меня всегда были тяга и любовь к музыке. Уже в детстве играла на цимбалах, неплохо пела, и мы с папой частенько выступали дуэтом на сельских сценах...

И вот война. Папа в первый же

день уходит на фронт. А мы, успев хлебнуть бомбежек, вскоре оказались в эвакуации в Сибири. Тяжкие годы. Голод. Жили в сарае, где хранились хомуты. Уже в 12 лет была звеньевой на уборке льна... В первые послевоенные годы удалось поступить в Новосибирский авиационный техникум, Новосибирский аэроклуб — моя первая ступень к профессии...

В редкие выходные ездила домой в деревню, — ведь в городе в первые послевоенные годы практически нечего было есть, а из дома удавалось привезти хоть немного продуктов. Добиралась то на попутной открытой полуторке, то на телеге, а однажды, в ужасный сорокаградусный мороз с сильнейшим ветром, упросила тракториста посадить меня в сани-волокуши. Пока трактор тарыхтел 25 километров в бурне до нашей деревушки, я и замерзла. Совсем! Вытащили меня из саней без сознания — ледяную мумию. Как уж возвратили к жизни — сама толком не знаю, говорят, окунули сразу в бочку с ледяной водой, а потом растирали долго... Пришла в себя. Правда, два месяца в больнице пролежала, думала, с авиацией покончено. Но нет — оклемалась, даже руки-ноги целы. Сумела вернуться в строй. (Спустя годы я описала эту историю в своем рассказе «Завируха» — так называются эти сибирские метели в жестокую стужу.)

После окончания аэроклуба я была оставлена в нем летчиком-спортсменом. Но путь в большую авиацию лежал через авиаучилище, а поступить в него женщине было никак «не можно» — категорический государственный запрет! Не буду рассказывать, какого лиха довелось хлебнуть мне на этом пути! В конце концов пришлось добиваться приема у самого К. Е. Ворошилова. Приехав в Мо-

ску, днем осаждала приемную Верховного Совета, а ночью спала на скамейке в парке Горького. Надо сказать, что в ту пору у меня была большая коса. И вот вдруг сквозь «скамеечный» сон чувствую, что кто-то легонько дергает за волосы. Оказалось, пока я спала, какой-то парень подкрался и начал отстригать ножницами свесившуюся со скамейки косу! Перепугалась, конечно, ужасно. А днем заявила в приемной, что если не примет Ворошилов, на всю страну раззвоню, какие негодяи в центре Москвы орудуют! Не знаю уж, могло ли такое подействовать, нет ли, но только принял меня Ворошилов! И даже написал записку тогдашнему председателю ЦК ДОСААФ Н. П. Каманину. Так я попала в авиационное училище в Саранске...

— Кто ваши учителя, друзья, с кем сводила в жизни судьба?

— Понимаю вопрос. На жизненном пути довелось встречать много хороших людей, мастеров своего дела. Моим первым инструктором был Н. Н. Кунгуров — замечательный мастер! В становлении меня как летчика-испытателя немалую роль сыграл Петр Филиппович Кабрелев — наш известный ас, заслуженный летчик-испытатель. Многие годы дорожу крепкой дружбой с Валентиной Абрамовной Неминушей, летчиком-истребителем военных лет. И просто не могу не сказать об учительнице русского языка и литературы из школы в Звездном Нине Дмитриевне Иванченко. Крепко помогла и поддержала меня она — ведь детские годы старшей дочери пришлось на период, вероятно, наиболее напряженной испытательной работы.

...Особенно помогла поддержка Нины Дмитриевны в одной из самых тяжелых для меня ситуаций

вне полетов. Да, увы, на грешной Земле довелось мне пережить тяжкий экстремальный момент жизни, стоивший очень многих душевных сил. Трагический — не подберу иного слова — пик ситуации возник, когда наша прославленная героиня Валентина Терешкова, чрезвычайно своеобразно используя наметившийся разлад в моих взаимоотношениях с мужем (к чему были весьма объективные поводы...) и, будучи человеком о-о-очень «заботливым», да плюс к тому же только взойдя на пост председателя Комитета советских женщин, вдруг категорически потребовала ни больше ни меньше, как отнять у меня старшую дочь...

Было безапелляционно и громко объявлено, что я как мать не в состоянии обеспечить ее правильное воспитание. А в этом, оказывается, кровно заинтересована... сама Терешкова как председатель женского комитета! В качестве весьма приемлемого варианта предложили передать девочку на воспитание в... детский дом. В своем рвении, достойном, право же, лучшего применения, быстрокрылая космическая «Чайка» не гнушалась даже сбором подписей под уже заготовленным решением среди жен космонавтов и кандидатов на полет. (С последними было даже попроще, так как лишь один прозрачный намек, что в случае неподписания полет мужа может и не состояться, решал порой вопрос, что называется, с ходу...)

Впрочем, и этой кары было для меня с их точки зрения маловато. Требовалось еще как минимум снять меня с летной работы и немедленно уволить из армии! Соответствующее письмо-требование было даже направлено тогдашнему Главкому ВВС маршалу К. А. Вершинину! Прибывший в связи с этим скандалом к Глав-

кому мой командир, генерал А. Г. Терентьев заявил, что немедленно уйдет с должности, если жизнь его летчика будет перекраивать женсовет. И все же было исправно и оперативно организовано собрание-судилище с громкими фразами о доле ребенка, которому не уделяет должного внимания вечно занятая на работе мать... Никогда не смогу передать, что пережила от такого «трогательного» внимания «высокого и героического» государственного деятеля.

Да... Если бы не такие люди, как Н. Д. Иванченко, как дублер Терешковой Ирина Баяновна Соловьева, которая, поддерживая меня, рисковала очень многим, как Валентина Яковлевна Комарова и многие другие люди, остро воспринявшие всю абсурдность ситуации, — туго пришлось бы мне в тот тяжкий момент жизни...

— В одной из книг вы рассказали, что в свое время прошли медицинский отбор в группу космонавтов...

— Было такое... Дошла до самого последнего этапа, и все было замечательно, как вдруг у меня находят повышенный кислородный обмен, — оказывается, я дышу слишком часто!.. Ну что ж, дышу так дышу, но все же очень интересно было, почему я внезапно «задышала» не как надо. Сначала натыкалась в своих попытках выяснить это на глухую стену молчания. Тогда я просто объявила голодовку... И тут уж один из высоких руководителей нашей космической медицины вынужден был рассказать мне о полученной директиве («мнени...») свыше: для первого полета женщины в Космос (а я мечтала именно о первом полете — и не иначе) нужна кандидатка незамужняя и из рабочих, а вы, мол, авиатор-

ша, и так налетались. Вот на этом и закончилась моя космическая одиссея...

— *Марина Лаврентьевна, слава Богу, жизнь состоит не только из интриг. Вам довелось работать с Олегом Константиновичем Антоновым. Собственно, это уже удача...*

— Безусловно! Должна сказать, что с Антоновым меня связывала не только плодотворная совместная работа, но и добрые личные отношения. Он был и прекрасным художником, и поэтом, и великолепным экономистом, и даже... конструировал модели одежды! А уж об его энциклопедических знаниях и говорить нечего — исключительный эрудит...

Много мировых рекордов установлено нашим женским экипажем в классе машин типа АН-24. Между прочим, после этих рекордов американцы запустили в серию аналогичную машину (поставив на нее многолопастной малошумящий винт). Мне было приятно получить большое благодарственное письмо из США...

Надо сказать, что еще в армейские годы я летала практически на всех АНах (АН-28, АН-8, АН-32, АН-72 и т. д.). Была командиром экипажа тяжелого самолета АН-12, а после него и крупнейшего тогда в мире самолета-супергиганта «Антей» — АН-22. (А ведь это, признаться, были далеко не пушинки в управлении — в случае отказов двигателя усилия на штурвале достигали сорока и более килограммов, а на педалях — 100!) За испытания и серию рекордов на этой тяжелой машине я была удостоена высшей награды ФАИ (Международной авиационной федерации) — Большой Золотой медали. Это редкая и самая почетная награда у авиаторов. Она присваивается лишь раз в четыре года.

— Интересно, что этой же награды, по-моему, был удостоен и наш известнейший летчик-испытатель генерал А. В. Федотов за абсолютный мировой рекорд высоты полета на самолете — 37 650 метров! И этот результат по сей день украшает Книгу рекордов Гиннеса...

— Да, это было выдающееся достижение нашего замечательно-го испытателя. Вместе с медалью тогда вручалось 25 тысяч долларов. Но мне не досталось ни копейки — ни долларов, ни рублей, — все ушло в какие-то фонды помощи. Не знаю уж, кому и на что. Да что деньги — даже не дали съездить получить саму медаль. Меня так ждали в штаб-квартире, но туда написали, что я больна, а получать за меня поехал некий генерал. Потом он передал награду другому известному генералу, тот заболел... Словом, медаль я получила более чем через год...

— Вы — героиня книги рекордов «Пари», единственный в мире летчик-испытатель, установивший такое — невероятное — количество мировых рекордов. Был ли среди них наиболее трудно доставшийся?

— Каждый рекорд доставался трудно. Ведь 101 рекорд — это 101 преодоление себя! Но рекорд не самоцель. Антонов говорил, что рекорд — та грань, до которой может идти самолет и человек, им управляющий. И чтобы идти дальше, нужно твердо знать эту грань.

...Впрочем, были, конечно, рекорды, оставившие особый след в памяти. К примеру, полет в августе 1965 года на дальность. Насколько помню, это был понедельник, да еще 13-е число, а я, надо признаться, человек суеверный. Но в тот день мне чертовски

повезло: на высоте 20 тысяч метров самолет попал в так называемое струйное течение — попутный ветер, который на такой высоте редчайшее явление. Случается он, как говорят метеорологи, раз в 200 лет! Правда, очень тяжелая ситуация сложилась уже при посадке, когда порывистый ветер достигал 25 метров в секунду. Меня даже в какой-то момент хотели «приводнить» на поверхность озера, но все же удалось приземлиться с уже совершенно пустым баком. Двигатели заглохли на пробеге! Ну как не запомнить такое? За этот рекорд я была удостоена диплома имени Пауля Тисандье — французского воздухоплователя и премии 10 тысяч долларов, которые на этот раз сама отдала на памятник погибшему летчику-испытателю и его экипажу (то есть на эти средства специальный международный фонд ставит памятники погибшим испытателям).

— Памятны рекорды женского экипажа Ираиды Вертипраховой на ИЛ-62. И целый ряд мировых рекордов вашего экипажа летчиц на АН-24. Что это? Стремление к утверждению прекрасной половины человечества в авиации, или тут есть и элемент чисто женской солидарности?

— Ни то, ни другое. Дело в том, что прежде рекорды фиксировались женские и мужские — отдельно. Мы собирались установить женский рекорд, но получилось так, что нам удалось добиться результатов, превысивших и все мужские достижения. И после наших полетов «разделение рекордов» на женские и мужские было отменено. Остались просто рекорды авиации. А инициатива создания экипажа летчиц принадлежала О. К. Антонову. По поручению Олега Константиновича

я набирала по стране экипаж для этих полетов. Подобрались очень славные девочки. И все, как одна, — мастера спорта!

Вес секунд

— Скажите, а бывает ли в жизни испытателя вообще самый памятный полет?

— Памятный полет? Может, это удивительно, но в авиации полет, длящийся считанные секунды, запоминается иногда куда больше, чем многочасовые перелеты.

...Это было 21 июля 1964 года. Я взлетала на сверхзвуковом самолете с П. Ф. Кабрелевым, бывшим в этом полете моим инструктором. Необходимо сказать, что взлет — один из самых сложных и ответственных элементов. В случае аварийной ситуации резерв времени для принятия решения исчисляется секундами, а иногда долями секунды... И вот плавно отпускаю тормоза, самолет стремительно рвется вперед. Уже поднят нос машины. Но что это? — внезапно резко уменьшается тяга двигателя. Даю полный форсаж — скорость не возрастает! Тормозить поздно — вот уже конец полосы. На последних метрах удается оторваться от земли. Летим! Моментально убираю шасси. Но тяги явно не хватает. Машина неудержимо начинает падать! Еще секунда и — удар! Многотонный самолет с грохотом пашет грунт, сметая все на своем пути. Меня с адской силой бросает по кабине, но, упершись одной рукой о приборную доску, другой успеваю перекрыть кран подачи топлива и обесточить самолет. И только когда машина остановилась, я вспомнила о ручке управления, которую выпустила из рук в момент удара. В подобных случаях она может проткнуть летчика на-

сквозь. Но этого не произошло: Петр Филиппович успел полностью отдать ее от себя... Горит двигатель, с секунды на секунду возможен взрыв — ведь в баках тонны керосина! Пытаюсь сбросить фонарь кабины — он заклинен! В этот момент вновь выручает Петр Филиппович: успев выбраться из задней кабины, он с силой надавливает на наружный каркас фонаря — мне удается в щель просунуть руку. Еще мгновение — и я на Земле...

Вот такой полет в несколько секунд и в... целую жизнь. Оказалось, что в момент взлета выключился форсаж двигателя, а створки выхлопного сопла не закрылись, вследствие чего резко упала тяга. Только смогла ли я бы об этом узнать, если б не Петр Филиппович...

Так рождаются памятные полеты и наше самое крепкое на свете летное братство.

— Да, таким секундам не позавидуешь... Наверное, описанный вами случай совершенно уникален, несмотря на то, что история авиации знает немало случаев спасения в, казалось бы, совершенно безвыходных ситуациях.

— Собственно, каждая ситуация в воздухе уникальна, как, впрочем, и каждый полет. Ведь двух одинаковых полетов не бывает. Что же касается удивительных спасений, то были действительно феноменальные случаи, в которых настоящее чудо порой смешивалось с великолепным мастерством Летчиков с большой буквы.

— Расскажите, пожалуйста, о двух-трех подобных историях.

— Первый случай произошел в США. Внезапно машина вышла из-под контроля пилота. Стабилизировать вращающийся в штопоре самолет не удавалось. Летчик вы-

бросился с парашютом. Однако раскрывать парашют сразу нельзя — необходимо время для ухода от терпящей бедствие машины. Самолет, вращаясь, падает. Летчик в свободном падении настигает... свой же самолет! Мало того — попадает прямо в кабину!!! И на этот раз ему удается стабилизировать положение и посадить машину! Ну не чудо ли?

Вторая ситуация: английский летчик приехал в СССР покупать спортивные самолеты чехословацкого производства. Во время облета одной из машин ломается подкос (стойка) плоскости, и крыло, постепенно отламываясь, уходит вверх, то есть складывается. У летчика нет парашюта. Ситуация совершенно безнадежная. Но пилот находит единственный шанс, наверное, один из миллиарда: он делает полубочку, то есть переворачивает машину вверх колесами — подъемная сила крыла резко уменьшается, что на какие-то минуты и удерживает крыло от полного отламывания. Перевернутый полет идет до самой полосы, и лишь за несколько секунд до касания машина вновь переводится в обычное положение. И тут же — касание! Крыло отламывается на пробеге! Буквально как хвост лайнера в фильме «Экипаж»...

— Поражают воображение полеты первого испытателя пассажирского реактивного самолета ТУ-104 Юрия Тимофеевича Алашеева. Он умудрялся на этом лайнере совершать элементы сложного пилотажа! Но вот в 1985 году случилось еще одно совершенно невероятное происшествие в истории гражданской авиации. В катастрофической ситуации крупнейший пассажирский самолет мира «Боинг-747» Тайваньской авиакомпании, с 400 пассажирами на борту, при отключении автопилота

внезапно перевернулся, проделав так называемую полубочку, после чего в падении устремился к Земле! Буквально за считанные секунды гигантский «Джамбо» потерял более 9 тысяч метров высоты, и лишь на трех тысячах пилотам в результате невероятных усилий удалось стабилизировать машину. После посадки была выявлена остаточная деформация плоскостей, то есть от чудовищных динамических нагрузок прогнулись крылья! Комиссия пришла к выводу, что в основе этого страшного ЧП лежал психологический фактор...

— Прежде всего как летчик и специалист по аэродинамике скажу, что воистину настоящее чудо уже в том, что машину таких размеров и тоннажа удалось в описанной ситуации вывести в горизонтальный полет! Не зря этот случай спасения — единственный в истории авиации, как и те, о которых мы говорили выше. В случившемся роковую роль сыграли два аспекта. Это аэродинамическая картина происшедшего, связанная с конкретной грубой ошибкой в пилотировании со стороны командира корабля. (Я не рискну объяснять этот узкоспециальный вопрос — боюсь, он будет неинтересен для массового читателя.) И, главное, основным «пусковым механизмом» чуть было не случившейся трагедии стала именно психология, вернее психофизиология. Перед возникновением ЧП «боинг» много часов шел над океаном в автоматическом режиме пилотирования. Вот это и сыграло роковую роль.

Мне во время испытаний различных автоматических систем пилотирования не раз приходилось убеждаться, как многочасовое использование автоматики резко снижает готовность летчика к дей-

ствиям в экстремальной ситуации. Человек из активно действующего звена в системе «человек — машина» переходит в качество контролера за работой бортового оборудования. И при внезапной нештатной ситуации ему требуется определенное время для перехода к активным действиям. А вот этих секунд зачастую и нет! Поэтому «психологический курок» пилота должен быть взведен в течение всего полета. Это для летчика — закон.

Что касается элементов сложного пилотажа на лайнерах, то это действительно вещи уникальные. Мне доводилось наблюдать выполнение такого пилотажа на тяжелых антоновских машинах Юрием Курлиным и Александром Галуненко при показах авиатехники. Впечатляющее зрелище! Но еще больше запомнилось то, как я сама в период подготовки к рекордным полетам на самолете АН-72 сваливалась в штопор. Ощущение, честно сказать, не из приятных!..

Критерий — надежность!

— Каковы, Марина Лаврентьевна, перспективы гражданской авиации? Думаю, это очень важно для миллионов авиапутешественников...

— Будущее, конечно же, за широкофюзеляжными машинами, которые, быть может, в скором времени смогут брать на борт по 1000, а то и 2000 человек. Отдаю им явное предпочтение. Стремление к сверхзвуку на сегодняшнем, да и завтрашнем уровне развития наземных коммуникаций, энергообеспечения выглядит, по-моему, неоправданным. Судите сами: ну что толку, что на полет от Москвы до Алма-Аты, скажем, мы затратим всего 30 минут, если на дорогу

в аэропорты и обратно, на ожидание рейсов — уйдут долгие и долгие часы? Плюс к этому за те же 30 минут сгорит топлива вдвое-втрое больше, чем на дозвуковых скоростях.

Автоматизация полета, совершенствование бортового компьютерного обеспечения, безусловно, перспективны и необходимы. Мы уже сумели почти полностью автоматизировать системы захода на посадку. Имеем автоматы тяги, автоматы выравнивания и другое оборудование, позволяющее свести к минимуму метеорологические требования. Мне приходилось испытывать эти системы на ИЛ-76 и на гиганте «Анtee»...

Нужно усилить тренажерное обеспечение. Вместе с новой модификацией самолета должен сразу же выходить и его тренажер, чтобы летчик мог в наземных условиях хорошо адаптироваться к данной машине... В отношении безопасности. У нас есть самолеты, которые я считаю гораздо более безопасными, чем автомашины. Исключительно надежны АН-2, АН-24, АН-26, ЛИ-2, ЯК-40. А ИЛ-18 и ИЛ-14 можно было считать вообще самыми надежными машинами. Необходимо заметить, что илюшинская фирма — это, как правило, очень надежные и добротные машины. Сегодня надежность — главнейший критерий в авиации. Слишком велика цена человеческой жизни.

Что касается сравнения по надежности отечественных и зарубежных самолетов, то мне мало приходилось летать в качестве пилота на зарубежной авиатехнике. С ней я больше знакома как пассажир. Поэтому могу только сказать, что уровень комфорта на западных машинах несомненно более высок...

Притяжение и преодоление

— В силу обстоятельств вы много лет близки к Космосу, а с ним в нашей истории связано столько тайн... Знаю, что когда-то вам приходилось общаться с Григорием Нелюбовым, входившим в первую шестерку космонавтов. Ведь он даже был вторым дублером Гагарина, но так никогда и не переступил космического порога. Что это был за человек? Как сложилась его судьба?

— Гриша Нелюбов... Я даже помню нашу первую встречу, когда он еще совсем молодым военно-морским летчиком появился в составе первой гагаринской шестерки будущих космонавтов. Это был очень красивый парень, бесконечно влюбленный в летную работу. Вскоре мы справляли свадьбу его и обаятельнейшей Зиночки, которая была, несмотря на молодость, уже очень хорошей парашютисткой. Мне казалось, что более идеальной пары не встретишь — они просто созданы были друг для друга... Гриша становится вторым дублером Гагарина, он на вершине успеха. И вдруг... Обычно в авиации за «вдруг» следует какая-то чрезвычайная ситуация в полете (возник флаттер, бафтинг, внезапное пикирование и т. д.), а тут «вдруг» случилось на Земле, и причем в самых нелепейших обстоятельствах. Гриша с двумя своими товарищами по отряду — Марсом Рафиковым и Ваней Аникеевым — после бани купили немного пива. А нужно сказать, что в это время в отряде был «сухой закон». Причем без малейших поблажек. Момент этого «приобретения» увидел военный патруль. Начальник его, моментально «узрев» возможность отличиться, тут же «организовал» звонок тогдашнему начальнику Цен-

тра М. Одинцову, заслуженному боевому летчику, но по натуре человеку резкому, экспансивному. И вот уже без всяких обременительных для начальства выяснений подробностей тут же подписывается приказ, и ребята оказываются за бортом космической программы. Их имена вычеркиваются из всех списков, лица вытравляются с фотографий. Конечно, просто трудно представить, каким это стало для них потрясением. Но Гриша не потерял присутствия духа, сумел продолжить летную работу на истребителях где-то на Дальнем Востоке.

Через несколько лет мы вновь встретились с ним в Центре переучивания летчиков, где вместе обучались новым методам военнолетного дела на МИГ-21. Гриша рассказал, что ни в коем случае не оставляет мечты о Космосе, целеустремленно работает и очень надеется, что ему удастся вернуться в отряд. И действительно, он вскоре обратился с просьбой к одному из известнейших космонавтов, от которого зависела возможность возвращения Нелюбова. И тут оказалось, что напрасно Гриша жил своей мечтой. Космонавт этот, ставший большим начальником, человек жесткий, амбициозный, — и вот уже Нелюбов жестоко отвергнут и даже скомпрометирован перед товарищами. Полет жизни этого красивого и мужественного человека оборвался под колесами поезда...

— Марина Лаврентьевна, в нашем разговоре вы уже упомянули вскользь, а в книге «Жизнь — вечный взлет!» подробно рассказываете о, казалось бы, просто непреодолимых барьерах, стоящих перед женщиной на пути к штурвалу самолета. Между тем сегодня, как и десятилетия назад, девушек по-прежнему не принимают

— К глубокому сожалению, это так. И существующее положение нельзя назвать иначе, как чудовищной дискриминацией! Да, летная работа — из тех видов человеческой деятельности, овладеть которой может не всякий. Помимо чисто медицинских параметров организма, нужны еще определенные психофизиологические задатки личности. Но данными для летной работы может обладать как мужчина, так и женщина. Может быть, женщины при отборе отсеются больше. Возможно. Но почему же нужно всем женщинам априори перекрыть дорогу вне зависимости от задатков и способностей?!

Между прочим, особое «почтение» к себе мы ощущаем не только на пути в авиацию. Так, моя собственная чисто испытательная работа закончилась... представлением меня к званию Героя Советского Союза! Как ни дивно, но это факт. Причем я даже не знала, что командование меня представило, но узнала очень скоро из... приказа об увольнении! Оказывается, тогдашний Главком ВВС маршал П. Кутахов был ужасно возмущен, что я, женщина, — и до сих пор работаю испытателем, да еще представлена к такой награде. На представлении было начертано единственное слово: «Уволить!» За этим последовал немедленный приказ обследовать и комиссовать. В 2 часа ночи я была экстренно направлена в госпиталь для «оформления прощания» с любимой работой, к которой шла через такие тернии...

Вот американки очень быстро добились отмены дискриминирующих «вето». Они как налогопла-

тельщицы (а женщин в США более 50%) солидарно отказались платить налоги, если их не будут брать в космос и авиацию! И резкий удар по бюджету сразу привел в чувство руководство этих ведомств. Сегодня уже немало американок побывало в космосе, а в авиации они служат даже палубными летчицами.

У нас до сих пор висит аршинное табло: «Не положено!» Категорически не согласна! Женщина, как равноправный член общества, должна иметь право сама решать, чем ей заниматься. Мы даже в свое время с полковником О. Н. Ямшиковой ходили к Брежневу, и нам удалось добиться приема 40 женщин в Кременчугское летное училище. Но это частный случай. Вопрос же должен быть решен однозначно: разрешить прием женщин в летные училища!

Правда, в прошлом году появилась и «в нашем краю» первая ласточка — создана ассоциация женщин-пилотов во главе с многократной рекордсменкой мира Галиной Корчугановой.

Реквием

— Мне кажется обидным, Марина Павловна, что многие люди, внесшие столь большой вклад в развитие авиации, к сожалению, малоизвестны. Это кажется и летчиков, и ученых...

— Нас было восемнадцать человек, летчиков-испытателей, пришедших на эту работу вместе со мной в начале 60-х годов. Нужно без ложной скромности сказать, что каждый из ребят сделал очень много для совершенствования крылатых машин, для развития авиации в самом широком смысле. Шестнадцать погибли при испытаниях, один

умер через три дня после окончательного прекращения полетов, всего себя отдав работе. В живых осталась я одна... И считаю своим долгом сделать все возможное для увековечения памяти моих товарищей. Многие из них были не только великолепными специалистами, но и одареннейшими людьми. Сколько лет пролетело, а ребята так живы в моей памяти, так дороги... Вот Саша Кузнецов. Имел два высших образования. Человек удивительного таланта, настоящий поэт в своей работе. Виталий Жуков. Великолепный музыкант, спортсмен. Он пришел к нам из морской авиации. Заслуженные летчики-испытатели Сталь Лаврентьев, Юрий Рогачев. Герой Советского Союза Николай Стогов — они отдали все, что могли, своему делу. Даже жизнь. И то, что их имена, их подвиги малоизвестны людям, конечно, несправедливо...

То же необходимо сказать и об ученых. Ну как не знать, например, имени нашего выдающегося соотечественника Юрия Кондратюка? Хотя вся жизнь и даже смерть этого удивительного человека до сих пор остаются неразгаданной тайной, но его пионерские работы по теории космических полетов и сегодня, спустя более полувека после их создания, играют самую существеннейшую роль в исследованиях ближнего и дальнего Космоса. Как не помнить имени академика Б. Н. Юрьева, основоположника нашего вертолетостроения! Или академика А. Б. Мигдала, бывшего не только выдающимся физиком, но и замечательным художником, скульптором, да еще и отважным горнолыжником и альпинистом! Безусловно, такие люди всей своей жизнью заслужили и известность, и самое широкое признание.

Кот в чемодане, пес на парашюте и кое-что еще...

— Михаил Громов имел в кругах коллег очень интересное прозвище — «Слон». Имели подобные «имена» и многие другие испытатели. Но, наверное, самое замечательное из них принадлежит вам: «теща-испытатель»...

— Летчики-испытатели вообще очень остро и тонко чувствуют жизнь. И смех, юмор, замешанные на мужестве, помогают в нашей среде снять эмоциональное напряжение, которое возникает в самых экстремальных ситуациях полета. Так приходят наши иногда самые невероятные хохмы. Например, появляются кирпичи в чемоданах летчиков, отправляющихся в отпуск. А в моем чемодане однажды вместо учебников (я училась тогда в авиационном институте и ехала после полетов на экзамены) оказался громадный рыжий котик!.. Вообще зверье мы очень любим. Насколько помню, всегда на аэродромах прикармливались и жили собаки, кошки. А один очаровательнейший пес начал... прыгать с парашютом! Вы можете не поверить, но действительно было такое. Сначала он прыгал с нашими ребятами-парашютистами, находясь у них на руках. Но видя, что пес освоился, не боится и прыжки стали даже доставлять ему удовольствие, они сконструировали для него личный маленький парашютик! И он стал, как заправский спортсмен, сам (!) прыгать за борт самолета и парить в небе под персональным собачьим куполом...

Прозвища — тоже наше юмористическое детище. Я — единственная женщина в отряде испытателей — нередко становилась излюбленным объектом шуток и розы-

грышей. Никогда не обижалась. Но порой вступала в такую яростную перепалку с ребятами, что они и наградили меня великолепным званием «теща-испытатель».

— Марина Лаврентьевна, вы много раз бывали в Японии, Германии, США. Конечно, перевидели много интересного. А было ли что-нибудь забавное, курьезное?

— А как же! Вот, например, во время пребывания на американском космодроме имени Кеннеди, на мысе Канаверал во Флориде, я удивилась, что космодром практически не охраняется. Вспомнив, какими кордонами всегда были окружены такие «заведения» у нас, задала соответствующий вопрос сопровождавшему меня сотруднику НАСА. Вместо ответа он пригласил меня пройти немножко в сторону океана — это совсем рядом со стартовой площадкой. Каково же было мое удивление, когда вместо берега океана мы подошли к «берегу» широченного канала, который, как оказалось, окружает весь мыс и заполнен водой. Глянула в эту воду, а там... спокойно плавают громадные крокодилы! Хочешь на космодром через «черный ход» — пожалуйста! А земноводные, надо думать, обеспечат отменное развлечение в пути...

Продолжение следует...

— «Кто из летчиков, — писали вы, — не испытывал чувство захватывающего восторга, овладевающего тобой, когда ты находишься высоко над Землей и буд-то оказываешься один на один с небом, в интимном общении с ним...» Такие строки роднят вас с Сант-Экзюпери. Вам, наверно, он очень дорог?

— Мне приятно, что строки

моей книги напомнили вам, Борис, этого замечательного человека. Ведь де Сент-Экзюпери — настоящий поэт неба. Мне кажется, что Экзюпери даже в большей степени писатель, чем летчик. В конце концов летали очень многие люди, но кто из них мог так сжато, емко и в то же время просто высказать то, что живет в душе пилота. Ведь порой единая фраза Экзюпери — и перед тобой целый мир неба: «Да, конечно, самолет — машина, но притом какое орудие познания! Это он открыл нам истинное лицо Земли...»

— Продолжили ли ваши дочери, Наташа и Оксана, мамину дорогу?

— К сожалению, нет. Наверное, с надеждой глядя в далекое небо, ожидая маму из долгих полетов, девочки еще с ранних лет хорошо поняли, как «спокойна» жизнь летчика-испытателя. Они предпочли более «твердые пути» — стали экономистами. А вот любимую семилетнюю внучку Танечку вижу только пилотом. Она вся в бабушку! Даже самостоятельный полет уже испробовала — правда, пока со стула... А одиннадцатого июля прошлого года и у моей младшей девочки, Оксаны, появилось чадо. Так что теперь горжусь еще и внуком Михаилом. Ну понятно, что мужик просто не может не стать пилотом...

— Как удается вам при такой занятости — работа летчика-испытателя, писание книг, киносценариев (а еще — семья, исследование НЛО!), — при таком широчайшем поле деятельности и интересе, уделять время науке?

— Пытаться в какой-то степени совершенствовать себя — это, наверное, абсолютно естественное стремление человека. Ведь не зря великий философ Кант сказал:

«Самому себя совершенствовать, самому себя образовывать и развивать в себе нравственные начала — вот в чем обязанность человека перед человечеством...»

Я с отличием закончила Академию гражданской авиации. В 1975 году защитила кандидатскую диссертацию по аэродинамике. Думаю, мне удалось внести некоторый вклад в разработку проблем дальности полета и некоторым другим аспектам аэродинамики не только как ученому, но и как летчику, в деле проверившему верность своих теоретических работ.

Впрочем, идей, наверное, было больше, чем осуществленного, но это, вероятно, удел каждого ученого. Сегодня именно наука помогает мне заполнить тот вакуум, который образовался в жизни вследствие того, что летать теперь приходится, к сожалению, мало. Я являюсь научным консультантом Центра венчурных технологий, где мы занимаемся изучением торсионных полей и возможных перспектив создания торсионных двигателей. Считаю весьма вероятным, что именно этим видам энергии и двигательным установкам на их основе, являющим, по сути, новое направление науки, принадлежит будущее в покорении межпланетного и, возможно, межзвездного пространства.

Продолжая исследования НЛО, которые также считаю частью своей сегодняшней научной работы, буду стремиться участвовать в раскрытии этой манящей тайны и, по возможности, рассказывать об этом. Ведь известно, что контактерами были Вернадский, Циолковский и многие другие выдающиеся люди. А известный французский физик Жан-Пьер Пети откровенно заявил, что самые кардинальные его идеи были подсказаны сугубо ТЕМ РАЗУМОМ...

— Приближаясь к финалу беседы, принято задавать вопрос о творческих планах. Я же хочу проще спросить: чем вы живете сегодня, Марина Лаврентьевна?

— Как и всю свою жизнь, так и сегодня живу в основном своей работой: исследования, редкие теперь полеты, книги...

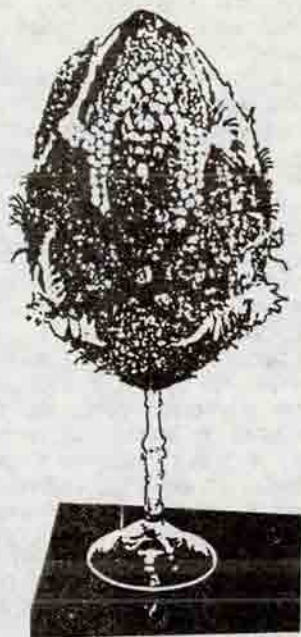
Я очень люблю камни. Собираю их. Порой пристально рассматриваю. Мне кажется, что они в чем-то как живые. У них есть какая-то своя, неразгаданная тайна... Камни о чем-то рассказывают, что-то хранят в себе. Они сами по себе являются очень интересной структурой. Не зря Вернадский говорил, что, например, аметист «лихие думы отгоняет». И о каждом камне можно сказать что-то свое. Придя усталой домой, берешь в руки тот же аметист, бирюзу, агат, и они снимают с тебя усталость, наполняют новой энергией, жизнью.

Ну, а время — его всегда не хватает. Даже если ничего не делать... К этому добавлю только, что и при всех своих земных делах и увлечениях — чувствую это душой и твердо знаю — каждый летчик, находясь на Земле, продолжает небо, так же как небо где-то в бездонье синевы продолжает нас...

ИЗЯЩ- НЫЕ

ДО- СУ-

ГИ

В старинном доме у Покровских ворот, некогда принадлежавшем коллекционерам и предпринимателям Боткиным, есть квартира, за дверью которой находится таинственный и прекрасный мир, наполненный запахами лесных трав и полевых цветов. Здесь нет пестроты, хотя и много разнотравья, причудливыми линиями сплетаются ветви и корни деревьев. Это творческая лаборатория художников Татьяны Бахаревой и Лидии Дормашевой, уже почти двадцать лет работающих вместе.

Пол, стены, подоконники мастерской, как ковром, устланы сухими травами и цветами: все это непосредственный материал для художниц. До потолков возвышаются изящные декоративно-скульптурные композиции из растений, камней и изогнутых металлических стержней. На полках макеты будущих работ, книги по японскому искусству, европейско-

му классическому натюрморту, альбомы с произведениями авангарда и модерна.

В оформлении интерьеров они используют традиции древнего искусства икебаны и работают в области фитодизайна, нового направления в отечественном дизайне. Прежде чем создать макет, художники продумывают все до мельчайших деталей, не сразу соглашаясь друг с другом, нередко и спорят, прежде чем приходят к какому-то решению. На стене в мастерской висит старинная гравюра Утамаро, где изображены две японские красавицы. Дамы в цветнике занимаются «изящными досугами», подрезают хризантемы. Татьяна и Лидия шутят, что это их портреты, но только созданные в иной, прежней жизни. А если серьезно, то в своем творчестве они, изучив законы композиций малых форм — те, которые использовали древние японские мастера икебаны, нашли свой особый путь в новом направлении отечественного дизайна — фитодизайна.

Художницы окончили курсы аранжировки при Московском областном обществе охраны природы, а в начале 70-х прослушали курс японской аранжировки при Московском клубе «Икебана». Тогда же и началось их творческое содружество.

В клубе преподавали японские мастера школы Согэцу (в переводе два иероглифа: «Со» и «Гэцу» — означают «трава» и «луна»). Эта школа, основанная в Японии в 1927 году, отличалась от других пяти известных классических школ большей демократичностью, стремлением к западноевропейскому искусству аранжировки цветов, восходящему к XIV веку. Интерес к восточному искусству, и особенно к икебана с ее многовековыми традициями, проявился

в нашей стране не случайно. В 60-е годы, когда началось типовое строительство жилых домов и общественных зданий в стиле своеобразного отечественного неоконструктивизма, огромные пространства нейтральных интерьеров требовали от декораторов создания нового дизайна. «Внести в здание кусочек природы и надолго сохранить его там — непростая задача, требующая особой профессиональной чуткости, обостренного «чувства интерьера». Именно такими качествами обладают оформители Татьяна Бахарева и Лидия Дормашева», — писали в журналах о двух молодых дизайнерах.

В своих работах Татьяна и Лидия используют и живые, и сухие растения, ветви и корни деревьев, камни, морскую гальку, мраморную крошку, песок, режу — искусственные цветы. Любимый их материал — полевые цветы, особенно ландыши и фиалки. Они считают, что «растение — удивительный, тонкий, несущий в себе частицу мирового разума и гармонии материал».

Работая в художественно-производственном комбинате имени Вучетича, они оформляли декоративными композициями из цветов выставки «Москва — Париж», «Вена на заре XX столетия», делали работы к традиционным декабрьским вечерам, проводимым в ГМИИ. Для Государственной Третьяковской галереи художницы оформляли фойе и залы, где были выставлены произведения Фалька, Кандинского... Один зал они украсили разнотравьем, заключив сухие травы в деревянный прямоугольник и создав иллюзию кусочка «живого» поля в современном интерьере нового здания Третьяковки на Крымском валу.

К открытию выставки Фаберже в музеях Московского Кремля они

изготовили «Пасхальные яйца с секретом», выполненные в своеобразной технике: на поверхность каждого яйца наклеивалось бесчисленное количество цветков вербы, которые создавали впечатление «драгоценной» фактуры и, к слову, «ювелирные произведения» Л. Дормашевой и Т. Бахаревой вызвали не меньший интерес, чем работы мастеров знаменитой фирмы.

Недавно художники выезжали за рубеж оформлять павильон России на международных выставках ЭКСПО-90 (г. Бризбен, Австралия) и ЭКСПО-92 (Севилья, Испания). И были удивлены, что отечественные композиции фитодизайна выделяются среди работ европейских дизайнеров и отличаются своеобразной техникой. Кстати, сейчас в Европе и Америке модно оформление живой и искусственной зеленью. Бахарева и Дормашева тоже стали пользоваться этими материалами.

Художницы используют и металлические конструкции, и керамику, что оживляет современный интерьер и маскирует бетонные конструкции. В таком стиле оформлены вестибюль и парадная лестница нового здания Дома архитектора в Москве. Это «Рошица» из бамбука, крупных сухих стеблей и «динамичная композиция» «Порыв ветра» из цветов и корней.

Лидия Дормашева и Татьяна Бахарева утверждают, что основным секретом искусства является «вечное удивление перед гармонией и многообразием природы»: Поэтому вновь и вновь они отправляются в леса и поля, поднимаются в горы, собирая материал для своих будущих композиций и получая мощный заряд впечатлений, который будит фантазию и дает силы для новых работ...

АЛЛА ТРИСТАН

Фото на 1-й и 3-й обл.

ВЛАДИМИРА ПЛЕВИНА

«ВЕРМ» — Зеленоградское страховое общество, деятельность которого началась в 1991 году, является первой коммерческой страховой организацией города. **«ВЕРМ»** — действительный член Российского Союза страховщиков (РОСС).

АСО **«ВЕРМ»** ПРЕДЛАГАЕТ СВОИ УСЛУГИ НАСЕЛЕНИЮ и гарантирует выполнение своих обязательств по следующим видам страхования:

- имущества предприятий, организаций, кооперативов и частных лиц,
- кредитов,
- грузов,
- жизни (за счет средств предприятия),
- жилья, находящегося в личной собственности граждан,
- дачных строений и садовых участков,
- медицинское,
- туристов от несчастных случаев.

«ВЕРМ» является учредителем:

А/О «Российское перестраховочное общество»,

А/О «Международный банк торгового сотрудничества (МБТС)», что является дополнительной защитой ваших интересов.

Сотрудники АСО **«ВЕРМ»** имеют высшее финансовое, экономическое, инженерное, юридическое и медицинское образование, а также опыт работы в органах страхования.

Сегодня уставный фонд составляет 20 миллионов рублей.

Выпущено 400 акций номинальной стоимостью 50 тысяч рублей каждая.

Целью фирмы является не получение прибыли любой ценой, а удовлетворение ваших потребностей.

Страхование в АСО **«ВЕРМ»** — это надежно и выгодно.

АДРЕС: г. Москва, Зеленоград, Центральный проспект, Дворец искусств, офис 240.
КОНТАКТНЫЙ ТЕЛЕФОН: 535-53-30.

УРОК РИТОРИКИ

Мальчишкам, что любят «металл» —
 Тяжелый, надрывный рок —
 Один фронтовик преподал
 Риторики дряхлой урок.
 Ворчал: «Сколько вам повторять
 Простейшего слова значенье:
 Любить — это не потреблять.
 Любить — это не потребление.
 Любить — это значит хранить.
 Любить — это значит беречь.
 ...Не только же English зубрить,
 А надо и русскую речь!...
 Как солнце, земля и вода,
 Любовь заполняет нам жизнь.
 В ней быть не должна никогда
 Совсем никакая корысть.
 А если скрывалась корысть
 В том чувстве, бующем кровью,
 Корысть тут же примется грызть
 Священное чувство — любовь.
 ...Эх, если б вернулся опять
 Ко мне бы здоровье и зренья, —
 Все смог бы любимой ОТДАТЬ...
 Любовь — это не потребление!»

РАНЕННЫЙ СЛОВОМ

Вот Раненный Словом идет,
 Крыло за собой волочет.
 Хотя то крыло и незримо,
 Болит все же невыносимо.
 Постылый себе самому,
 Он задал задачу уму:
 Могу ли носить свое имя,
 В позоре жить между другими?
 Взялась за оружие месть:
 — Давай защищать твою честь!
 ...Но что-то сломилось в душе,
 И стал он не воин уже.
 А с виду такой богатырь!
 Подумаешь: ранили словом...
 Ударил бы бивнем слоновым,
 Чтоб только летела бы пыль!
 А он все крыло волочет
 При эдаких-то габаритах!
 Лишь дал бы ответный щелчок...
 Но слабости тайна сокрыта.
 Есть тонкие струны в душе —
 Мы слышим о них не впервые.

Так даже ничтожных мышей
Боятся слоны боевые.
И Раненный Словом идет,
Крыло за собой волочет.
Комарик за ним что есть сил:
— Ну, как я тебя укусил?
Ты — очень пригодная пища,
Крылатый Слоннице!
Так будет он долго брести,
Крылом мостовые мести,
Забыв свое доброе имя
В позоре между другими.
Пока кто-нибудь осторожно,
Боясь осуждения злого,
Приложит к нему подорожник
Целительного Слова.
Сентиментальность, возможно,
Есть старомодное средство.
Но для имеющих сердце —
Просто оно и надежно.
Даже в погоне за веком
Выньте его из-под спуда,
Чтобы от слова, от чуда
Стал человек — Человеком.

НОКТЮРН

Три ласточки в синей ночи
Летят к моему изголовью.
Осталось мне душу лечить
Любовью, любовью, любовью...
К заветной зеленой траве
Всем телом своим припадаю.
Какою я буду в молве?
Не знаю, не знаю, не знаю...
Сияет над нами Луна
Во время свершения тризны.
Но в сени трава зелена!
И я тебе выпала в жизни.
Так что же, так что же, так что же —
Ты должен был в мире родиться,
Чтоб, словно клинок или нож,
Мне в душу с размаху вонзиться?
Сияет над нами Луна,
И благословляют нас предки.
Так в сени трава зелена!
И глядят нас влажные ветки.
И ласточки ввысь вознеслись
С рассветным неистовым криком,
И мы воедино слились
В пространстве родном
и великом.

АГАТА КРИСТИ

СМЕРТЬ
МИССИС
МАГНТИ

Рисунки ЛЬВА РЯБИНИНА

Эркуль Пуаро вышел из ресторанички «Vieille Grand'mere» в районе Сохо и поднял воротник пальто — скорее из осторожности, чем по необходимости, поскольку вечер был нехолодный. «В моем возрасте рисковать не стоит», — частенько повторял он.

Глаза его хранили сонное, довольное выражение. Что ни говори, а escargots de la vieille Grand'mere* ему подали отменные. Настоящая находка, этот полутемный ресторанички. Неторопливо, как сытый кот, Пуаро облизал губы, достал платок и промокнул пышные усы.

Да, пообедал он на славу... А дальше что?

Проезжавшее мимо такси предупредительно замедлило ход; мгновение поколебавшись, Пуаро все же решил не останавливать его. Зачем ему такси? Домой он все равно попадет задолго до того, как пора будет укладываться спать.

Пуаро еще раз вздохнул и повернул на Шафтсбери-авеню.

Проходя мимо газетного киоска, он бросил взгляд на заголовки: «Процесс Магинти завершен», «Приговор вынесен».

Пуаро они оставили равнодушным. Он смутно припомнил прочитанную где-то небольшую заметку по этому делу. Убийство было неинтересное. Какую-то несчастную старушку стукнули по голове за несколько фунтов стерлингов. Все это — составляющие той же откровенной жестокости, столь характерной для нынешних времен.

Пуаро вошел во двор большого дома, в котором жил, и на душе его, как всегда, потеплело. Он гордился этим домом. Замечательное симметричное строение. Лифт поднял его на четвертый этаж, где Пуаро снимал большую, роскошную квартиру, блиставшую хромированной гарнитурой, уставленную кубическими креслами; в комнатах его все, даже рисунок на обоях, имело безукоризненные прямоугольные формы.

Отмокнув замок своим ключом, он вошел в небольшую, квадратную белую прихожую, и тут же из комнаты навстречу шагнул его слуга Джордж.

— Добрый вечер, сэр. Вас ожидает... джентльмен.

Он ловко помог хозяину освободиться от пальто.

— Вот как?

Пуаро сразу уловил короткую заминку перед словом «джентльмен». Истинный сноб, Джордж был большим знатоком в этой области.

— Как его фамилия?

— Некий мистер Спенс, сэр.

— Спенс?

Фамилия эта ему ни о чем не говорила, но Пуаро не сомневался, что должен был ее слышать раньше.

Задержавшись на секунду перед зеркалом, дабы привести в порядок усы, он прошел в гостиную. Сидевший в одном из кубических кресел мужчина поднялся ему навстречу.

* Улитки бабушки-старушки (франц.). — Здесь и далее примечания переводчика.

— Хелло, мсье Пуаро. Надеюсь, вы меня помните. Давно это было... Суперинтендант Спенс.

— Ну как же, как же, помню. Разумеется!

Пуаро сердечно пожал ему руку.

Суперинтендант Спенс из килчестерской полиции. Очень интересное это было дело... И, как сказал начальник полиции, давнее...

Пуаро предложил гостю напитки на выбор. Ликер «Гранатовый»? «Мятный»? «Бенедиктин»? Крем «Шоколадный»?

В эту минуту в комнате появился Джордж; на подносе у него стояли бутылка виски и сифон.

— А может, вы предпочитаете пиво, сэр?

Широкое багровое лицо Спенса просветлело.

— Да-да, пиво, пожалуйста.

Пуаро в очередной раз подивился способностям своего слуги. Он вообще не подозревал, что в доме было пиво; не понимал он и того, как можно предпочесть его сладкому ликеру.

Спенс получил высокую кружку, доверху наполненную пенящимся пивом, а Пуаро налил себе в миниатюрную рюмку искрящийся зеленый мятный ликер.

— Это замечательно, что вы решили навестить меня, — сказал он гостю. — Замечательно. Вы приехали из...

— Килчестера. Через шесть месяцев я ухожу в отставку. Точнее, в отставку я должен был уйти полтора года назад. Но меня попросили поработать еще, и я согласился.

— Вы поступили мудро, — с чувством произнес Пуаро. — Очень мудро.

— Вы так считаете? Не знаю. Не уверен.

— Да-да, вы поступили благоразумно, — стоял на своем Пуаро. — Вам неведомы долгие часы дичайшей скуки.

— О, мне будет чем заняться, когда уйду на пенсию. В прошлом году мы переехали в новый дом с обширным садом, но ужасно запущенным. Я все никак не могу взяться за него по настоящему.

— Ах, вот оно что! Вы, значит, из садоводов-любителей. Я тоже однажды решил было поселиться в деревне и выращивать кабачки. Не получилось. Терпения не хватило.

— Видели бы вы мои прошлогодние кабачки! Особенно один был — колоссальный! — с энтузиазмом подхватил Спенс. — А розы! Я очень люблю розы. Хочу... Но я не за тем к вам пришел.

— Ну да, просто решили навестить старого знакомого. Вы очень любезны.

— Боюсь, что не только за этим, мсье Пуаро. Мне нужна ваша помощь.

— Что случилось? Вы заложили дом? — мягко поинтересовался Пуаро. — Вам, наверное, нужны займы деньги...

— Что вы, что вы! — в неподдельном испуге воскликнул Спенс. — Слава Богу, я не за ними пришел.

Пуаро изящно взмахнул руками.

— Извините, извините, ради Бога.

— Скажу вам прямо: просьба у меня нахальная. И не удив-

лось, если вы меня после этого ко всем чертям погоните.
— Никаких чертей, — возразил Пуаро. — Продолжайте, пожалуйста.

— Речь идет о деле Магинти. Может быть, вы читали о нем? Пуаро покачал головой.

— Мельком. Миссис Магинти... Что-то случилось с ней, дома или в магазине... Ее нашли мертвой. Как она умерла?

Спенс удивленно уставился на него.

— Боже! Вот это да! Как это я раньше не вспомнил?

— Извините, не понял.

— Да так, ничего. Просто игра. Детская забава. Мы любили в нее играть. Становились в ряд, по очереди задавали вопросы и отвечали на них. «Что с миссис Магинти?» — «Она умерла». — «Как?» — «Став на колено, так же, как я». Потом следующий вопрос: «Что с миссис Магинти?» — «Она умерла». — «Как?» — «Вытянув руку, так же, как я». И все становились на одно колено и вытягивали вперед руку. А потом: «Что с миссис Магинти?» — «Она умерла». — «Как?» — «Вот ТАК!» И — хлоп — крайний падал на соседа, тот — на следующего, и все валились, словно кегли. — Спенс разразился громким хохотом, вспоминая детскую кучу малу. — Да, ваша фраза напомнила мне детство.

Когда Спенс успокоился, Пуаро устало повторил свой вопрос:

— Так как же она умерла?

— Ее ударили по затылку тяжелым заостренным предметом.

Все сбережения — около тридцати фунтов стерлингов наличными — исчезли; комната подверглась обыску. В домике она жила одна, если не считать квартиранта. Его фамилия Бентли. Джеймс Бентли.

— Да-да, припоминаю, Бентли.

— Следы взлома отсутствуют. Двери и окна не повреждены. Бентли испытывал недостаток в средствах, потерял работу, два месяца не платил за проживание. Деньги нашли под камнем за домом. На рукаве его пальто обнаружены пятна крови и прилипший волос. Группа крови — ее, волос тоже. Сам он сразу заявил, что к трупу не приближался, поэтому случайно они на рукав попасть не могли.

— Кто обнаружил труп?

— Булочник принес свежий хлеб. В тот день она должна была с ним расплатиться. Открыл ему Бентли. На вопрос о хозяйке он ответил, что стучал в дверь ее спальни, но та не отзывалась. Булочник заподозрил, что ей могло стать плохо, они позвали соседку и попросили ее заглянуть в спальню. Миссис Магинти там не оказалось, постель была нетронута, но в комнате все было перевернуто вверх дном, сорваны даже доски пола. Тогда они заглянули в гостиную. Хозяйка была там, лежала на полу; соседка завопила истошным голосом и орала так, что удивительно, как это голова у нее не оторвалась. Ну, а потом они вызвали полицию.

— И в итоге был арестован и признан виновным в убийстве Джеймс Бентли, так?

— Да. Выездной сессией. Вчера. Суду все было ясно, присяж-

ные совещались двадцать минут. Вердикт: виновен, приговорить к смерти.

Пуаро кивнул.

— А после приговора вы сели в поезд, приехали в Лондон и пришли ко мне. Почему?

Суперинтендант смотрел в свою кружку и медленно, кругами, водил пальцем по ее краям.

— Потому, — ответил он, — что Бентли ее, по-моему, не убивал.

Глава 2

Некоторое время оба молчали. Потом Пуаро спросил:

— Вы пришли ко мне...

Он не закончил свой вопрос.

Начальник полиции Килчестера поднял голову. Лицо его потемнело сильнее обычного. Это было типичное крестьянское лицо, невозмутимое, неподвижное, с пронизательными честными глазами. Лицо человека, с устоявшимися взглядами, не утруждающего себя сомнениями, давно и окончательно для себя решившего, что в жизни правильно, а что нет.

— Я много лет служу в полиции, — сказал он. — Немало повидал на своем веку. Людей знаю не хуже других. Расследовал и убийства, простые и не очень — разные. Об одном вы знаете, мсье Пуаро.

Сыщик кивнул.

— Запутанное было дельце. Если бы не вы, мы век бы в нем не разобрались. Но с вашей помощью разобрались — и все сомнения развеялись. Так было и в других случаях, о которых вам неизвестно. Был такой Уистлер, схлопотал «вышку» — и поделом ему. Потом эти типы, что застрелили старика Гутермана. Был Веролл с мышьяком, Трантер выкрутился, этому удалось. А миссис Кортланд повезло: муженек у нее оказался еще тот тип, извращенец грязный — соответственно отнеслись к ней и присяжные. Не по букве закона, по состраданию. Такое случается. Порой недостает улик, в другой раз все решают сантименты; бывает, убийце удастся провести присяжных — нечасто, конечно, но бывает. Порой выручает по-умному построенная защита, иногда обвинитель избирает неверную тактику. Да-а, всякого я навидался. Но... Но... — Спенс погрозил кому-то огромным, толстым пальцем. — Я еще не видел, чтобы невинного человека повесили за то, что он не совершал. И не желаю видеть, мсье Пуаро. Тем более в этой стране!

— А теперь вы полагаете, что это может произойти. Но почему...

Спенс перебил его:

— Я знаю, что вы можете мне возразить. Отвечу прежде, чем вы спросите. Мне передали это дело. Поручили произвести расследование. Я тщательно изучил все обстоятельства происшествия, собрал улики — все, что можно было найти. И все они указывали в одном направлении. На Бентли. Собранные доказательства я представил своему начальству. Сдав дело, я больше к нему не возвращался. Бумаги переправили государственному

обвинителю. Он передал дело в суд, больше ничего не оставалось делать с такими материалами. Бентли арестовали, он предстал перед судом, разбирательство было коротким, его признали виновным. С такими доказательствами по-другому и быть не могло. Присяжные всегда выносят свой вердикт на основании улики. А в представленных им уликах, смею вас заверить, сомневаться не приходилось, так что, по-видимому, все они были уверены в его виновности

— А вы — нет?

— Нет.

— Почему?

Спенс вздохнул и широкой ладонью задумчиво потер подбородок.

— Не знаю. Не могу объяснить, привести конкретные доводы. Присяжные наверняка видели в нем убийцу, я же — нет, а об убийцах я знаю побольше их.

— Ну да, вы же все-таки специалист.

— Во-первых, ему не хватало дерзости. Ее вообще у него не было, что и отличало его от убийц, которых я знал. Те ведут себя вызывающе, сами собой любят, им кажется, что всех и каждого они вокруг пальца обведут. Большими умниками себя почитают, довольны, на скамье подсудимых словно на сцене оказались, в свете рампы купаются, «герои». Еще бы, такое «счастье» — оказаться в центре внимания — им ведь раз в жизни выпадает. Такие они... знаете... заносчивые. — Последнее слово Спенс произнес решительно, как непреложную истину. — Вы ведь поняли, что я хотел сказать?

— Я очень хорошо вас понял. А этот Джеймс Бентли оказался не таким?

— Нет. Он... был до смерти напуган. Причем с самого начала. А кое-кто склонен был видеть в этом страхе подтверждение его вины. Только не я.

— Согласен с вами. Каков он, этот Джеймс Бентли?

— Тридцать три года, рост средний, цвет лица желтый, носит очки.

Пуаро прервал его.

— Нет-нет, я не внешность имел в виду. Что он из себя представляет как личность?

— Ах, это... — Спенс задумался. — Человек он антипатичный. Нервный. Глаза бегают. Если смотрит на тебя, то застенчиво, искоса. На присяжных такие производят самое неблагоприятное впечатление. То он подобострастен, то язвителен, то пустыми угрозами сыплет. — Он помолчал и уже обычным тоном добавил: — Застенчивый он человек, очень застенчивый. У меня двоюродный брат был таким. Случись неприятность, и они начинают лгать, причем настолько глупо, что никто им не верит.

— Портрет вы нарисовали не слишком привлекательный.

— Это точно. Он ни в ком не вызвал симпатии. Но я все равно не хочу, чтобы его повесили.

— У него хороший адвокат?

— По закону о защите неимущих ему назначили молодого

Грейбрука. На мой взгляд, Грейбрук сделал все, что было в его силах.

— Таким образом, все исполнено по закону, он признан виновным и приговорен к смерти своими согражданами — присяжными заседателями?

— Именно так. Нормальное жюри, обычный состав. Семь мужчин, пять женщин, все — уважаемые, порядочные люди. Председательствовал Станисдейл. Совершенно беспристрастный суд.

— Другими словами, по законам страны Джеймсу Бентли жаловаться не на что?

— Если его собираются повесить за то, чего он не совершал, то жаловаться ему есть на что.

— Очень справедливое замечание.

— А дело по его обвинению было моим делом: я собирал улики и сводил их воедино, на основании этих улик он и осужден. Но такой результат мне не по душе, мсье Пуаро, совсем не по душе.

Пуаро долго смотрел в красное, возбужденное лицо суперинтенданта.

— Eh bien, — сказал он наконец. — Что вы предлагаете?

Спенс поднял на него растерянные глаза.

— Вы, наверное, уже поняли, что произошло. Дело Бентли закрыто. Я занимаюсь другим, растратой. Сегодня вечером еду в Шотландию. Я несвободный человек, мсье Пуаро.

— А я — свободный?

Спенс смущенно кивнул.

— Да. Вы вправе считать меня нахалом. Но ничего иного я придумать не могу. В свое время я сделал все, что было в моих силах, проанализировал все возможные варианты, но это ни к чему не привело. И не думаю, что могло привести. Но, кто знает, может, у вас получится? У вас особый взгляд на вещи, необычный. Возможно, и на этот раз будет так же. Ведь если Джеймс Бентли не убивал миссис Магинти, то кто-то же должен был ее убить! Не сама же она раскроила себе голову. Может быть, вам удастся найти нечто такое, что я пропустил. Конечно, вы не обязаны браться за это дело, я чувствую себя ужасным наглецом, но так уж получилось. Я пришел к вам потому, что ничего другого придумать не мог. Но, разумеется, если вы не желаете ввязываться... А зачем, собственно, вам это нужно?..

— Погодите, погодите, — прервал его Пуаро. — В вашем предложении есть резон. Оно заинтересовало меня, очень заинтересовало. Это вызов, вызов моему серому веществу. И еще: я думаю о вас. Я вижу вас в вашем саду шесть месяцев спустя — вы, к примеру, сажаете кусты роз, но у вас при этом настроение отнюдь не радостное, поскольку в голове засела навязчивая мысль, мысль, которую вы безуспешно пытаетесь изгнать, а я бы не хотел, чтобы она мешала вашему счастью и покою. И наконец, — Пуаро выпрямился и решительно кивнул, — важен принцип. Если человек никого не убивал, его нельзя казнить. — Он немного помолчал и вдруг спросил: — А если он, предположим, все-таки ее убил?

— Все равно мне станет легче, поскольку я буду в том уже твердо убежден.

— А две головы лучше, чем одна, так? *Voilà* *, решено. Я согласен. Время нам, понятно, терять нельзя. След и так уже простыл, как говорится. Когда убили миссис Магинти?

— Двадцать второго ноября прошлого года.

— В таком случае переходим к делу.

— По ходу расследования я делал записи. Вы можете ими воспользоваться.

— Замечательно. А для начала постарайтесь ответить мне на несколько вопросов. Если Джеймс Бентли не убивал миссис Магинти, то кто ее убил?

Спенс пожал плечами.

— Представления не имею.

— Такой ответ для нас неприемлем. Поскольку беспричинных убийств не бывает, то каковым может быть мотив убийства миссис Магинти? Зависть, месть, ревность, страх, деньги? Возьмем последнее и простейшее. Кому выгодна была ее смерть с материальной точки зрения?

— Да никому. У нее в сбербанке лежало двести фунтов. Их получит племянница.

— Двести фунтов — сумма небольшая, но в определенных обстоятельствах и они могут сыграть решающую роль. Так что давайте взвесим и этот вариант. Вы уж извините, что я пойду по вашим стопам. Вы тоже, уверен, все это проанализировали. Но мне придется повторить уже пройденный вами путь.

Спенс кивнул.

— Мы думали о племяннице. Ей тридцать восемь, замужем. Муж — маляр. Работа стабильная, сам он человек добродушный, сметливый, не дурак. Она женщина приятная, немного болтунья, к тетке, похоже, относилась тепло. Особой нужды в паре сотен фунтов никто из них не испытывал, хотя, смею думать, деньги оказались для них приятным сюрпризом.

— А дом? Они его тоже наследуют?

— Она его снимала. По закону об ограничениях по аренде хозяин старую женщину выгнать на улицу не мог. Не светит он племяннице и после ее смерти. Да они и желания не проявляли им завладеть. У них современный муниципальный дом со всеми удобствами, они им очень гордятся. — Спенс вздохнул. — Я очень тщательно отработал эту версию. Как вы понимаете, она очень удобна, но зацепиться не за что.

— *Вien* **. Тогда давайте поговорим о самой миссис Магинти. Опишите мне ее — только не внешность, пожалуйста.

Спенс усмехнулся:

— Полицейский протокол вас не устраивает? Значит, так: ей было шестьдесят четыре года. Вдова. Муж работал в отделе тканей у Ходжеза в Килчестере. Умер лет семь назад от воспаления легких. С тех пор миссис Магинти подрабатывала у соседей уборкой. Бродхинни — деревушка небольшая. Живут там пара

* Итак (франц.).

** Хорошо (франц.).

отставников, инженер, он же совладелец завода, врач... Хорошее автобусное сообщение с Килчестером, железная дорога, восемь миль до Калленки, а это популярный летний курорт, как вы, наверное, знаете. Но Бродхинни почти не изменилось, все то же прелестное старое селение в четверти мили от шоссе Драймут — Килчестер.

Пуаро кивнул.

— Непосредственно Бродхинни — это четыре строения: дом миссис Магинти, почта, магазин и еще два домика, где живут работники ферм.

— Она сдавала комнаты?

— Да. Пока жив был муж, они принимали на лето отдыхающих, но после его смерти она предпочла постоянного жильца. Бентли жил у нее несколько месяцев.

— Таким образом, мы вновь возвращаемся к Джеймсу Бентли?

— Последним местом его работы была посредническая контора комиссионеров-домоторговцев в Килчестере. А до этого он жил с больной матерью в Калленки, ухаживал за ней и практически из дома не отлучался. Потом она умерла, с ней ушла ежегодная рента. Бентли продал дом и устроился на работу. Он образован, но профессии не приобрел, склонностей не имел и симпатии, как я уже упомянул, у окружающих не вызывал. Чего-либо добиться в жизни ему было сложно. Как бы то ни было, а на работу его в «Бредер и Скаттл» взяли. Фирма второразрядная, однако он и там не преуспел, ибо по сокращению штатов уволили именно его. Другую работу ему найти не удалось, деньги кончились. За квартиру миссис Магинти он платил ежемесячно, она готовила ему завтрак и ужин, за все брала три фунта в неделю — плата, надо сказать, умеренная. Но он задолжал ей за два месяца, сбережений практически не осталось. Работы не было, хозяйка же требовала, чтобы он погасил долг.

— А он знал, что у нее хранятся тридцать фунтов? Почему она, кстати, держала их дома, если у нее был счет в банке?

— Потому что не верила правительству. Говорила, что хватит им и тех двухсот фунтов, что она предоставила в их распоряжение, а больше они не получат с нее ни пенни. Предпочитала их держать под рукой. Сама рассказывала об этом знакомым. Деньги лежали под одной из половых досок — место такое, что и тайником не назовешь. Бентли признался, что знал об этом.

— Очень любезно с его стороны. А племянница с мужем тоже знали об этом?

— Да.

— Таким образом, мы снова вернулись к моему вопросу: как умерла миссис Магинти?

— Ее убили вечером двадцать второго ноября. Врач установил время смерти: между девятнадцатью и двадцатью двумя часами. Миссис Магинти успела поужинать — съела бутерброд с маргарином и копченой селедкой, а, судя по рассказам знавших ее, ужинала она обычно в половине седьмого. Если покойница не изменила своим привычкам и в день смерти, то, по

состоянию пищи в желудке, умерла она между половиной девятого и девятью часами вечера. Бентли утверждает, что в семь пятнадцать «пошел погулять». Соседи подтвердили, что почти каждый вечер он отправлялся на прогулку с наступлением темноты. Возвратился около девяти (у него был свой ключ) и сразу поднялся к себе, на второй этаж. Умывальники миссис Магинти для удобства жильцов поставила в спальнях. С полчаса он читал, затем уснул. Ничего необычного не заметил и не слышал. На следующее утро спустился вниз и заглянул на кухню, но там никого не было, не видно было и приготовленного завтрака. Говорит, что после некоторых колебаний постучал в спальню хозяйки, но ответа не последовало. Решив, что старушка проспала, будить ее постеснялся. Потом пришел булочник. Бентли еще раз поднялся на второй этаж и снова постучал, после чего, как я уже вам говорил, булочник позвал соседку, миссис Эллиот,— она-то первая и увидела труп и зашла от крика. Миссис Магинти с раскроенным черепом лежала на полу гостиной. Удар по затылку был нанесен неким острым предметом типа секача для рубки мяса. Смерть наступила мгновенно. В комнатах царил хаос, ящики выдвинуты, вещи разбросаны, половая доска в спальне поднята, тайник пуст. Окна были закрыты на задвижки изнутри, следы взлома отсутствовали.

— Следовательно,— констатировал Пуаро,— либо ее убил Джеймс Бентли, либо она сама впустила убийцу в дом, пока Бентли отсутствовал, так?

— Именно так. О краже со взломом и речи не было. Возникает вопрос: кого она могла впустить? Кого-то из соседей, племянницу, ее мужа? Пожалуй, все. Соседей мы исключили. Племянница с мужем в тот вечер были в кино. Можно предположить — но только предположить, — что кто-то из них незаметно выскользнул из кинотеатра, проехал три мили на велосипеде, убил старушку, спрятал деньги за домом и так же незаметно возвратился. Мы отработали эту версию, но подтверждения ей не нашли. Да и зачем им было прятать деньги за домом? Почему не где-нибудь по дороге назад? Ведь забрать потом их было бы трудно. Нет, никакого смысла в этом не просматривается...

— Разве что убийца жил в том же доме, но не хотел прятать деньги у себя,— закончил за него Пуаро.— То есть это был Джеймс Бентли.

— Да. Куда ни поверни — все время натыкаешься на Бентли. Да еще пятна крови на рукаве его пальто.

— Как он сам объяснил этот факт?

— Сказал, что накануне был в мясной лавке, там и вымазался. Чувшь! То была человеческая кровь.

— Он упорствовал?

— Ничего подобного. На суде запел совсем по-иному. Дело в том, что к рукаву прилип испачканный в крови волос, тождественный с волосами миссис Магинти. Это надо было как-то объяснить, и он признался, что в тот вечер, возвратившись с прогулки, не поднялся сразу к себе, а прошел в гостиную, где и увидел хозяйку на полу, машинально наклонился и тронул ее, не зная, жива она или мертва. А потом растерялся. Утверждает,

что с детства боится крови. В полубессознательном состоянии кое-как добрался до своей комнаты, а утром не смог заставить себя признаться в том, что знал об убийстве.

— В высшей степени неправдоподобная история, — заметил Пуаро.

— Согласен с вами. И все же, знаете, — задумчиво произнес Спенс, — она действительно могла произойти.

Некоторое время оба сидели молча.

Глава 3

Наконец Пуаро со вздохом поднялся.

— Версию корыстного убийства мы исчерпали. Обратимся к другим мотивам. У миссис Магинти были враги? Она кого-нибудь боялась? Что говорят соседи?

— Почти ничего. Это и неудивительно, люди не слишком откровенны с полицией, но не думаю, что они от нас что-то утаили. Говорят, она держалась особняком. Но это считается вполне естественным. Сельские жители у нас не очень общительны, мсье Пуаро. Это заметили беженцы из других стран во время войны. Миссис Магинти жила в постоянном, можно сказать, контакте с людьми, но откровенными их отношения назвать нельзя.

— Когда она там поселилась?

— Лет восемнадцать — двадцать назад.

— А где она жила до этого?

— О ней нам все известно. Отец ее был фермером в Норт-Девоне. Некоторое время она жила с мужем под Илфракомом, потом они переехали в Килчестер. Там у них был домик, но он оказался им сырым, и тогда они поселились в Бродхинни. Судя по всему, муж ее был человеком спокойным, скромным, в местном пабе * почти не появлялся. Одним словом, жили у всех на виду, открыто и честно, как всякие порядочные люди.

— И тем не менее ее все же убили. Племянница не называла никого, кто мог бы таить на нее зло?

— Нет.

Пуаро потер с досады нос.

— Понимаете, дорогой мой, было бы куда проще, если бы миссис Магинти оказалась, так сказать, вовсе не миссис Магинти. Если бы она оказалась Таинственной Незнакомкой, женщиной с определенным прошлым.

— Не было этого, — флегматично произнес Спенс. — Миссис Магинти была миссис Магинти, малообразованной женщиной, сдававшей комнаты, приходящей домработницей. Таких в Англии тысячи.

— Но не всех их убивают.

— Не всех, в этом я с вами согласен.

— Так почему же убили миссис Магинти? Очевидный ответ на этот вопрос мы не принимаем. Что остается? Весьма сомнительная версия о причастности к преступлению ее племянницы.

* Паб — английская пивная.

Еще более сомнительная версия об убийстве ее неким посторонним. Факты? Давайте придерживаться фактов. Что мы имеем? Убита старушка поденщица. Арестован и признан виновным в преступлении застенчивый, чудаковатый молодой человек. Почему был арестован Джеймс Бентли?

Спенс удивленно уставился на Пуаро.

— Улики были против него. Я же вам рассказывал...

— Да, улики. Но скажите мне, дорогой Спенс, улики были подлинные или сфабрикованные?

— Сфабрикованные?

— Да. Если допустить, что Джеймс Бентли невиновен, то мы можем говорить о двух возможных вариантах. Первый: все доказательства подтасованы таким образом, чтобы направить подозрение на него. Второй: он стал жертвой несчастливо сложившихся для него обстоятельств.

Спенс задумался.

— Ясно. Я понял, к чему вы клоните.

— У нас нет оснований утверждать, что верен первый вариант. Но, с другой стороны, ничто не убеждает и в обратном. Похищенные деньги были спрятаны за домом в таком месте, где найти их не составляло никакого труда. Спрятать их в его комнате было бы уж слишком наглядно, на такую приманку полиция вряд ли клюнула бы. Убийство совершено в тот час, когда Бентли в сиротливом одиночестве совершал свой моцион. Каким образом кровь попала на рукав его пальто? Не мог кто-то незаметно измазать его в темноте?

— Вы, по-моему, уж слишком далеко заходите, мсье Пуаро.

— Возможно, возможно. Но смею предположить, что в этом деле нам придется пойти так далеко, что мы и дороги еще четко не видим... Поскольку, мой дорогой Спенс, если миссис Магинти была самой обыкновенной женщиной, то необыкновенным должен быть ее убийца. Да, это ясно. Одно вытекает из другого. В этом деле главной является личность не жертвы, а убийцы, что случается редко. Гораздо чаще ключ к разгадке скрыт в личности жертвы. Обычно меня интересует в первую очередь безмолвный труп. Кого он в бытность свою ненавидел, кого любил, как поступал. И когда таким образом познакомишься с ним поближе, он начинает говорить, приоткрывает мертвые губы и произносит искомое имя. Но в данном случае, — продолжал Пуаро, — все обстоит как раз наоборот. Мы пытаемся определить затаившуюся в темноте личность. Как умерла миссис Магинти? Почему умерла? Изучив ее жизнь, мы ответа все равно не найдем. Он укрыт, как я уже сказал, в личности убийцы. В этом вы со мной согласны?

— Скорее всего вы правы, — сказал Спенс, уклоняясь от ответа.

— Какую цель преследовали преступники? Убрать миссис Магинти? Или убрать Джеймса Бентли?

— Гм, — с сомнением произнес Спенс.

— Да, да, нам предстоит прежде всего определиться именно по этому вопросу. Кто был истинной жертвой? Кто должен был пострадать?

— Вы действительно верите, что кто-то мог пристукнуть беззащитную старуху с тем, чтобы за убийство повесили другого? — скептически произнес Спенс.

— Как говорят англичане, нельзя испечь омлет, не разбив яйца. Так вот, миссис Магинти вполне могла оказаться теми самыми яйцами, а Бентли — омлетом. Поэтому расскажите мне все, что знаете о нем.

— Тут и рассказывать почти нечего. Отец его был врачом, умер, когда Джеймсу исполнилось девять лет от роду. Учился в небольшой частной школе, признан негодным для военной службы — у него слабые легкие. Во время войны работал в одном из министерств, жил с матерью, у которой чересчур были развиты собственнические инстинкты.

— Так, так, что-то в этом есть... Во всяком случае, больше, чем в жизненной истории миссис Магинти.

— Вы и впрямь верите в то, что говорите?

— Я пока ни во что не верю. Я говорю лишь, что перед нами два очевидных пути для расследования, и мы должны как можно скорее определиться, по какому идти.

— Что вы намерены предпринять? Чем я могу вам помочь?

— Для начала я хотел бы побеседовать с Бентли.

— Это можно устроить. Я свяжусь с его адвокатами.

— После встречи и в зависимости от ее результатов, если таковые будут, на что надежды питать не приходится, я отправлюсь в Бродхинни. Там, воспользовавшись сделанными вами записями, я пройду по вашим стопам.

— Там есть трактир «Три утки», но постояльцев они не принимают. «Барашек» в Каллавоне — это в трех милях от Бродхинни. Да и в самой деревушке есть некое подобие пансиона. Не пансион, собственно, а ветхий сельский домишко; его хозяева сдают комнаты. Не думаю, однако, — прибавил он с сомнением, — что у них очень уютно.

Пуаро мученически прикрыл глаза.

— Страдать так страдать, — произнес он с тоской. — Ничего не поделаешь.

— Кем вы представитесь? — спросил Спенс, критически оглядывая Пуаро с головы до ног. — Можно оперным певцом. Голос, скажем, сел, надо отдохнуть. Должны поверить.

— Я поеду туда, — заявил Пуаро с достоинством члена королевской семьи, — самим собой.

Спенс поджал губы.

— Вы считаете, что это разумно?

— Я считаю, что это необходимо. Именно так: необходимо. Сами подумайте, мой друг, мы бросаем вызов времени. Что нам известно? Ничего. Поэтому надежнее всего поехать туда и сделать вид, что мне известно многое. Я — Эркуль Пуаро. И я, Эркуль Пуаро, не удовлетворен вердиктом по делу Бентли. Существуют некие обстоятельства, истинное значение которых открыто лишь мне одному. Понимаете?

— А затем?

— А затем, произведя соответствующее впечатление, я стану наблюдать реакцию. Ибо реакция неизбежна. Определенно, реакция неизбежна.

Спенс с беспокойством посмотрел на Пуаро.

— Послушайте, — сказал он, — только не лезьте, Бога ради, на рожон. Не хватало еще, чтобы с вами что-нибудь случилось.

— Ну, если случится, у вас и тени сомнения не останется в вашей правоте.

— Такого рода доказательств мне не надо, — возразил Спенс.

Глава 4

С глубоким отвращением Пуаро осмотрел комнату, в которой находился. Пропорции в ней были соблюдены, но тем все прелести ее и исчерпывались. Пуаро состроил красноречивую гримасу и подозрительно провел пальцем по крышке книжного шкафа. Так и есть: пыль! Он осторожно присел на диван; полопавшиеся пружины уныло провисли под тяжестью его тела. Два блеклых кресла выглядели не лучше, из третьего, на вид сравнительно удобного, на него зарычал огромный, злобный и, похоже, паршивый пес.

Комната была большая, стены оклеены выгоревшими обоями от Морриса. Перекосившиеся неинтересные эстампы на стенах висели вперемежку с парой написанных маслом картин. Чехлы на стульях давно потеряли первоначальный цвет и засалились, ковер был в дырах. По всей комнате разбросано без намека на вкус, множество разнородных безделушек. Лишенные поперечин столики угрожающе покосились. Окно было открыто, и казалось, никакая на свете сила не в состоянии была его закрыть. Дверь была пока притворена, но скорее всего ненадолго, так как защелка ее не держала.

Дверь распахнулась, в комнату одновременно ворвались холодный вихрь и миссис Саммерхейз. Она держала в руках эмалированную миску и кухонный нож.

С улицы донесся мужской голос:

— Морин, кота опять тошнит. Что мне с ним делать?

— Иду, дорогой! — крикнула хозяйка, бросила на пол миску и нож и выскочила наружу.

Пуаро поднялся и закрыл дверь.

«Какие муки я терплю!»

Мимо дома протарахтел автомобиль. Пес вскочил с кресла, отчаянно залайл и вспрыгнул на столик у окна; столик с грохотом опрокинулся.

«Ну, все, — подумал Пуаро. — Больше я этого не вынесу!»

Дверь распахнулась, в комнату ворвался холодный ветер, пес выскочил на улицу, продолжая громко лаять. Снаружи послышался звонкий и чистый голос Морин:

— Джонни, какого дьявола ты оставил открытым черный ход? Проклятые куры забрались в кладовку!

— И за все это, — с чувством произнес Пуаро, — я плачу семь гиней в неделю!

Оглушительно хлопнула сама собой закрывшаяся дверь. Через приоткрытое окно с улицы донеслось громкое кудахтанье потревоженных кур. Дверь вновь раскрылась, на пороге ее возникла Морин, с радостным криком она кинулась к миске.

— Никак вспомнить не могла, куда ее подевала. Вас не потревожит, мистер... э... хм... Я хочу сказать, я вам не помешаю, если полущу здесь фасоль? На кухне стоит ужасная вонь.

— Мадам, я в восторге.

Возможно, фраза эта была не совсем уместна, зато близка к истине. Впервые за сутки пребывания в «Лугах» — так назывался дом Саммерхейзов — у Пуаро появился шанс завести разговор, который мог продлиться более шести секунд.

Миссис Саммерхейз плюхнулась в кресло и принялась неловко, но с бешеной энергией лущить бобы.

— Надеюсь, — сказала она, — вам здесь не слишком неуютно? Если надо что, вы скажите.

Пуаро уже пришел к выводу, что с должным терпением в «Лугах» он мог относиться лишь к хозяйке дома.

— Вы очень добры, мадам, — вежливо ответил он. — Сожалею, что не могу подыскать вам подходящую прислугу.

— Прислугу! — прыснула Морин. — Что за мысль! Я не могу найти даже подходящую домработницу. Была одна, так и ту убили. Такое уж мое везение.

— Это, наверное, была миссис Магинти, — быстро подхватил Пуаро.

— Она, она. Господи, как мне ее не хватает! Тогда, конечно, интересно было: как-никак, а это — первое убийство, можно сказать, в нашей семье, но я сразу заявила Джонни, что это просто ужасное невезение. Без нее я не успеваю управляться по дому.

— Вы благоволили ей?

— На нее можно было положиться. Она приходила по понедельникам после ленча и по четвергам — утром — как часы. Теперь у нас работает эта Берпиха, что у станции живет. У нее на руках пятеро детей и муж. Естественно, ее здесь не увидишь. То с мужем что случится, то с матерью, то ребенок заболит. У миссис Магинти, если что и могло случиться, так только с ней самой, а я что-то такого не припоминаю.

— Вы никогда не сомневались в ее порядочности? Вы верили ей?

— О, она никогда ничего не трогала, даже еду. Ну, любопытствовала, не без этого — в письма заглядывала и все такое. Но это естественно, ведь жизнь у нее такая серая, верно?

— И миссис Магинти так жила?

— Наверное. Ну, сами представьте — всю жизнь на коленях драить полы. Сегодня мыть, завтра стирать чужое белье и так без конца. Если б мне пришлось заниматься этим ежедневно, я была бы рада, чтобы меня убили. Честное слово, рада была бы.

В комнату заглянул хозяин. Миссис Саммерхейз вскочила на ноги, рассыпав фасоль, бросилась к окну и подняла раму до отказа. Затем перемахнула через подоконник, и супруги вместе удалились.

— *Nom d'um nom d'um nom!** — пробормотал Пуаро. Он

* Ну и семейка! (франц.)

подошел к окну и попытался прикрыть его как можно плотнее. Ветер донес до его ушей слова майора:

— Как тебе наш новый постоялец? По мне, так странный он какой-то. Как, говоришь, его фамилия?

— Я только что не могла ее вспомнить и назвала его «мистер Э-хм». Ах, да: Пуаро. Он француз.

— Знаешь, по-моему, я ее где-то слышал.

— В рекламе какой-нибудь прочитал. «Перманент на дому», например. Он похож на парикмахера.

Пуаро поморщился.

— Н-нет. Может быть, «соленья-маринады»? Не помню. Но фамилия знакомая. Ты бы лучше взяла с него семь гиней за первую неделю. На всякий случай.

Голоса стихли.

Пуаро собрал разлетевшиеся во все стороны бобы и стручки. Едва он успел справиться с этой задачей, как в комнате опять объявилась миссис Саммерхейз.

Он с вежливым видом протянул ей миску.

— *Voici, madame* *.

— Ах, огромное вам спасибо! Фасоль немного почернела. Мы хранили ее в глиняных горшках с солью. Но эта, похоже, начала портиться. Боюсь, и на вкус она будет не та.

— Я тоже боюсь. Вы позволите прикрыть дверь? Здесь сквозит.

— Да, конечно. Я их, по-моему, всегда оставляю открытыми.

— Я заметил.

— А эта дверь все равно сама распахивается. Весь дом, по сути, на части разваливается. Здесь жили родители Джонни, достатка у них не было, они ни разу его не ремонтировали. Мы тоже, когда из Индии вернулись, не в состоянии были что-либо сделать. А детям нравится, когда на каникулы приезжают, носятся по комнатам и саду как угорелые. Мы пускаем постояльцев — все подмога какая-то, хотя попадались и такие, что ужас просто!

— А, кроме меня, сейчас никого нет?

— Старушка одна наверху. Как легла в постель в день приезда, так и лежит. Не пойму, что с ней, на вид все в порядке. Четыре раза в день отношу ей поднос с едой, аппетит у нее отменный. Но — лежит. Правда, завтра собирается съездить куда-то, к племяннице, кажется.

Миссис Саммерхейз прервалась на секунду, но тут же продолжила уже иным, наигранным голосом:

— С минуты на минуту придет торговец рыбой. Вы не будете возражать, если я... э-э попрошу вас заплатить за первую неделю? Вы же приехали на неделю, так?

— Возможно, и больше.

— Извините, что я пристаю, но в доме сейчас нет наличных, а вы знаете, что за народ торговцы, прилипнут как банный лист: плати да плати..

— Ради Бога, не надо извиняться, мадам.

* Пожалуйста, мадам (франц.).

Пуаро отсчитал шесть фунтовых бумажек и прибавил к ним шесть шиллингов. Миссис Саммерхейз с живостью схватила деньги.

— Большое спасибо.

— Мне, наверное, следовало поподробнее рассказать о себе, мадам. Я — Эркуль Пуаро.

Однако откровение это оставило миссис Саммерхейз совершенно равнодушной.

— Какое красивое имя, — вежливо ответила она. — Греческое, да?

— Как вам, должно быть, известно, я сыщик. — Он постучал себя в грудь кулаком. — Пожалуй, самый знаменитый сыщик на свете.

Миссис Саммерхейз аж взвизгнула от удовольствия.

— Я вижу, вы большой шутник, мсье Пуаро. И что же вы ищете? Сигаретный пепел и следы ног?

— Я расследую убийство миссис Магинти, — ответил Пуаро. — И я не шучу.

— Ой! — вскрикнула хозяйка. — Я порезалась.

Она подняла руку, осмотрела пораненный палец и перевела взгляд на своего постояльца.

— Послушайте, вы это серьезно? Я хочу сказать, что все ведь в прошлом. Ее жильца арестовали, судили, признали виновным. Уже и повесили, наверное.

— Нет, мадам, не повесили. Пока. И дело еще не завершено. Позволю напомнить вам строку из стихотворения вашего поэта: «Вопрос не решен, пока не решен справедливо».

— Ай! — Миссис Саммерхейз переключила внимание с гостя на миску. — Кровь капает прямо на фасоль. А я хотела приготовить ее на второй завтрак. Ну, да не важно, все равно она будет вариться в кипятке. А вареное все годится, даже консервы.

— Вы знаете, — тихо сказал Пуаро, — я, наверное, к завтраку не вернусь.

Глава 5

— Не знаю, не знаю, — говорила миссис Берч. Эту фразу она произнесла в третий раз. Не так легко ей было преодолеть естественное недоверие к этому похожему на иностранца джентльмену с черными усищами и в длинном пальто с меховым воротником. — Все это было очень неприятно. Убийство тетушки, полиция повсюду пныряет, вынюхивает что-то, вопросы, допросы... Соседи любопытствуют. Думала, что это никогда не кончится. А свекровь моя, так та вообще из кожи вон лезла, все уши прожужжала, что в ее роду ничего подобного никогда не случилось. Но я, откровенно говоря, считала, что все уже в прошлом.

— А если предположить, что Джеймс Бентли все же невиновен?

— Чепуха, — отрезала миссис Берч. — Как он может быть невиновен? Виновен, виновен, да еще как виновен. Мне он никогда не нравился. Бродил все, бормотал что-то себе под нос.

Я так тетушке и заявила: «Нельзя держать в доме такого типа. Он в любой момент спятить может». А она отвечает, что человек он тихий, вежливый, спокойный. Не пьет, говорит, и даже не курит. Вот и доигралась, бедняжка.

Пуаро задумчиво смотрел на хозяйку дома. Бесси Берч была крупной, полной, пышущей здоровьем женщиной с приветливой улыбкой на лице. Небольшой ее домик был опрятен и чист, в нем пахло мебельным лаком и «Брассо» — средством для натирки медной посуды. Со стороны кухни до него доносился аппетитный аромат готовящегося ленча.

«Хорошая жена, заботливая и чистоплотная», — подумал он с одобрением. Пусть отнеслась она к нему поначалу с предубеждением и была сдержанна, но можно ли было требовать от нее чего-либо иного? Во всяком случае, трудно представить, что эта женщина могла зарубить свою тетку секачом, подтолкнуть к этому преступлению мужа или промолчать о нем. Спенс считал, что она на это не способна, и Пуаро — с определенной долей разочарования — вынужден был согласиться с ним. Спенс внимательно изучил финансовое положение Берчей и мотива для убийства не нашел, а Спенс был добросовестным полицейским.

О своей тетушке Бесси, как оказалось, знала немного. Их связывали родственные узы, о них не забывали, но особой близости в их отношениях не было. Время от времени — приблизительно раз в месяц или около того — Бесси с мужем отправлялись в воскресенье навестить ее, вместе обедали, реже тетушка навещалась к ним. На Рождество они обменивались подарками. О том, что у тетушки что-то там отложено на черный день, они знали, как знали и то, что получают эти деньги в случае ее смерти.

— Но это вовсе не значит, что мы в них нуждались, — уточнила Бесси, краснея. — У нас самих кое-что отложено. А похороны мы организовали торжественные, с цветами, все как у людей.

Тетушка любила вязать. Она не любила собак, от них сплошной беспорядок, зато у нее был рыжий кот. Однажды он ушел из дому и не вернулся — заблудился, должно быть, но женщина, что на почте работает, обещала принести ей котенка. Медная посуда у нее всегда блестяла, а полы на кухне она скребла ежедневно. Хорошо она делала, что подрабатывала у соседей, платили ей по шиллингу и десяти пенсов в час, а в «Хомли» — по два, это мистер Карпентер, промышленник. У них денег куры не клюют, у Карпентеров. Он уговаривал тетушку приходить к ним чаще, но она не хотела обижать женщин, которым помогала еще до того, как нанялась к Карпентерам.

Пуаро упомянул Саммерхейзов из «Лугов».

— Да-да, тетушка ходила к ним дважды в неделю. Они приехали из Индии, где имели массу слуг из местных жителей, и потому миссис Саммерхейз совершенно не умеет вести домашнее хозяйство. Пробовали они выращивать овощи на продажу, но из этого ничего не вышло. А когда их дети приезжают на каникулы, дом вообще превращается в ад кромешный. Но сама миссис Саммерхейз — приятная женщина, тетушке она нравилась.

Постепенно портрет миссис Магинти приобретал все более ясные черты. Она вязала, драила полы, начищала медную утварь, любила котов и ненавидела собак. Она любила детей, однако не слишком. Держалась особняком.

По воскресным дням посещала церковь, но в церковных мероприятиях участия не принимала. Изредка ходила в кино. С неблагоприятными поступками, непристойным — по ее меркам — поведением не мирилась: отказалась работать у художника, узнав, что брак его должным образом не оформлен. Она не читала книг, но любила воскресные газеты и старые журналы, которые ей давали в домах, где она убирала. Несмотря на то, что в кино ходила редко, интересовалась жизнью кинозвезд. Не интересовалась политикой, но голосовала за консерваторов, как голосовал ее покойный муж. На одежду почти не тратилась, в основном довольствовалась тем, что дарили ей женщины, которым помогала; дарили, впрочем, немало. Была экономна.

Другими словами, миссис Магинти в реальности оказалась той миссис Магинти, какой ее Пуаро себе и представлял. А Бесси Берч, ее племянница, оказалась той Бесси Берч, какой она была изображена в записях Спенса.

Пуаро уже собирался уходить, когда домой на ленч пришел Джо Берч. Небольшого роста, грубоватый, смышленный, он, однако, чувствовал себя менее уверенно, чем его супруга. В поведении его ощущалась некая нервозность. Но подозрительности или враждебности к иностранцу в нем было меньше, чем у жены. Он проявил горячее желание помочь вновь открывшемуся следствию, а Пуаро это показалось странным. Ибо почему вдруг должен Джо Берч так стараться задобрить незнакомого ему иностранца? Все дело, должно быть, в письме суперинтенданта Спенса, которое Пуаро принес с собой.

Таким образом Джо Берч старался поддерживать хорошие отношения с полицией? Он что, в отличие от супруги, не мог позволить себе относиться к ней критически? Его беспокоит совесть? Почему? Ответов может быть великое множество. Но ни один из них, может статься, не связан со смертью миссис Магинти. А может, его киноалиби все же было каким-то образом сфальсифицировано и это он, Джо Берч, постучал в дверь домика миссис Магинти и убил ничего не подозревавшую старушку? Выдвинул ящики, имитируя ограбление, спрятал во дворе тридцатку, направляя подозрение на Джеймса Бентли, а сам все время при этом думал о тех двухстах фунтах, что лежали у нее в сбербанке? Двухстах фунтах, которые получит его жена и которые ему зачем-то позарез понадобились? Орудие убийства, помнил Пуаро, так и не нашли. Почему оно тоже не осталось на месте преступления? Теперь ведь каждый дурак знает, что надо надевать перчатки или вытирать отпечатки пальцев. Так почему орудие, по всей видимости тяжелое, убийца унес? Не потому ли, что легко было доказать его принадлежность семейству Берчей? Может быть, оно, отмытое от крови, висит сейчас где-то здесь, в этом доме? Что-нибудь вроде топорика или секача для рубки мяса, как сказал полицейский врач, но на самом деле нечто иное? Такое, что люди узнали бы? Полиция искала его, но

не нашла. Искала в лесу, искала в прудах. Ничего не пропало из кухни миссис Магинти, никто не видел ничего подобного у Бентли. Интересовались в магазинах, кто покупал в последнее время топорик или секачи, — это тоже не дало результатов. Факт незначительный, но говорит он в пользу Бентли. Пройгнорированный под грузом остальных улик, и тем не менее — факт...

Пуаро оглядел гостиную.

Так не здесь ли оно, орудие убийства, не в этом ли доме? Не потому ли Джо Берч столь беспокоен и дружелобен?

Ответа Пуаро не знал. Он склонен был считать, что это не так, но абсолютно уверен не был...

Глава 6

Пуаро явился в контору «Бредер и Скаттл» и после некоторых препирательств был допущен в кабинет самого главы фирмы.

Мистер Скаттл оказался человеком бойким, подвижным и радужным.

— Добрый день, добрый день, — приветствовал он посетителя, потирая руки. — Вам понадобилась наша помощь? Чем могу служить?

Он окинул Пуаро профессиональным взглядом, определяя, кто перед ним находится, мысленно регистрируя отдельные детали.

Иностранец. Одежда хорошего качества. Вероятно, богат. Владелец ресторана? Хозяин отеля? Киношник?

— Я бы не хотел отнимать у вас много времени. Меня интересует ваше мнение о бывшем сотруднике фирмы Джеймсе Бентли.

Выразительные брови Скаттла на целый дюйм подскочили вверх и упали на место.

— Джеймс Бентли, Джеймс Бентли... Джеймс Бентли? Вы из прессы?

— Нет.

— Из полиции?

— Нет. Во всяком случае, не этой страны.

— Не этой страны. — Скаттл мысленно зафиксировал полученную информацию для будущего пользования. — А зачем вам это нужно?

— По просьбе родственников Джеймса Бентли расследование по его делу возобновлено.

— Не знал, что у него есть родственники. Но как бы то ни было, а Бентли признан виновным и приговорен к смертной казни.

— Но еще не казнен.

— Пока дышу, надеюсь, так? — Скаттл покачал головой. — Сомневаюсь, однако, в успехе. Доказательства были веские. А кто его родственники?

— Могу сказать лишь, что оба они богаты и могущественны. Необычайно богаты.

— Вы меня удивляете. — Скаттл невольно подобрел. Слова

«необычайно богаты» обладали гипнотическим свойством.—
Право слово, удивляете.

— Мать Джеймса, покойная миссис Бентли,— пояснил Пуаро,— вместе с сыном была лишена наследства.

— Семейная ссора. Ну-ну. А Бентли-младший остался без гроша за душой. Жаль, что эти родственнички не пришли ему на помощь чуть раньше.

— Они совсем недавно узнали о случившемся,— разъяснил Пуаро,— тут же обратились ко мне, предложили немедленно ехать в Англию и сделать все возможное для его спасения.

Скаттл откинулся на спинку стула, приняв непринужденную позу.

— Даже не знаю, что вы тут сумеете сделать. Попробуете доказать, что он невменяем? Поздновато, конечно, но если вам удастся заручиться поддержкой именитых медиков, то все может быть. Однако я в этом не силен.

Пуаро подался вперед.

— Мсье, Джеймс Бентли работал у вас. Между нами, только между нами, как вы считаете: это он убил старуху?

Скаттл удивленно посмотрел на Пуаро.

— Конечно.

— И вы считаете, что психологически он был готов к этому?

— Ну... если вы так ставите вопрос, то нет, пожалуй. Никогда бы не подумал, что он может осмелиться на такое. Вот что я вам скажу, если уж вы спрашиваете: он ненормальный. Согласитесь с этим, и все станет на место. У него вообще с головой не в порядке было, а тут еще потеря работы, волнение, то да се — ну, вот он и рехнулся окончательно.

— У вас были особые основания увольнять его?

Скаттл покачал головой.

— Сезон был неудачный. Работы мало. Мы решили уволить наименее компетентного. Им оказался Бентли. Дали ему хорошую рекомендацию. Но он другой работы все равно не нашел. Пассивный человек, предприимчивости ему не хватает. На людей производил неблагоприятное впечатление.

«Всегда возвращается к одному и тому же,— думал Пуаро, покидая контору.— Джеймс Бентли производил неблагоприятное впечатление на людей».

Он утешил себя воспоминаниями об известных ему убийцах, производивших на людей неотразимое впечатление.

— Простите, вы не станете возражать, если я присяду здесь и немного побеседую с вами?

Пуаро, удобно устроившийся за столиком в «Синей кошке» и углубившийся в изучение меню, вздрогнул и поднял голову. В зале, отделанном дубом, царил полумрак, но присевшая напротив девушка на темном фоне светилась ярким пятном. У нее были золотистые волосы, одета она была в джемпер цвета электрик. Пуаро показалось, что он ее совсем недавно где-то видел.

— Извините, волей-неволей, но я слышала часть вашего разговора с мистером Скаттлом.

Пуаро кивнул. Он понял, что перегородки в конторе Бредера

и Скаттла устроены были скорее для проформы и не обеспечивали конфиденциальности переговоров. Однако это его не беспокоило, поскольку реклама ему и была нужна.

— Вы машинистка, — сказал он. — Сидели справа у дальнего окна.

Теперь кивнула она. В темноте блеснули ее зубы: собеседница улыбнулась. Пышущая здоровьем, пухленькая, полногрудая молодая женщина — Пуаро такие нравились. Лет тридцати трех — тридцати четырех, решил он; натуральная брюнетка, но не из тех, кто идет на поводу у природы.

— Я хотела спросить о Бентли, — сказала она.

— Что именно?

— Он будет подавать апелляцию? Что означают ваши действия? всплыли новые факты? Я так рада! Я не могла, никак не могла поверить, что он мог такое совершить.

Брови Пуаро поползли вверх.

— Значит, вы не верили в его виновность?

— Сначала не верила. Думала, это ошибка какая-то. Но потом доказательства...

— Да, доказательства... — повторил Пуаро.

— Судя по всему, кроме него, и убивать некому было. У меня даже мысль такая мелькнула: а вдруг он свихнулся?

— Вам и раньше казалось, что он — назовем это так — со странностями?

— Нет-нет, что вы! Я вовсе не это имела в виду. Он застенчив и неловок, но таких среди нас немало. Дело в том, что он не проявил свои способности. Не верил в свои силы.

Пуаро внимательно всмотрелся в сидевшую напротив женщину. Уж она-то в себе уверена. Ее уверенности на двоих хватит.

— Он вам нравился?

Она вспыхнула.

— Да, нравился. Эми — она тоже в нашей конторе работает — подтрунивала над ним, называла мокрой курицей, но мне он нравился. Он добрый, ласковый, вежливый, начитанный — сколько всего знал! И очень грустил по матери. Она долго болела — ну, не болела, просто слабая была, он за ней ухаживал. Она, конечно, тоже о нем заботилась. О здоровье, о питании.

Пуаро кивнул и спросил:

— Вы дружили?

— Не знаю. Вряд ли наши отношения можно назвать дружбой. Иногда беседовали. Но после того, как его уволили, мы редко виделись. Один раз я написала ему, но он не ответил.

— И все же он вам продолжает нравиться? — мягко уточнил Пуаро.

— Да, — с вызовом ответила она.

— Прекрасно.

Пуаро припомнил встречу с осужденным. Бентли он представлял отчетливо. Мышиного цвета волосы, нескладная фигура, худые руки с выпирающими суставами, тонкая шея, острый кадык. Смущенный, вороватый взгляд украдкой, который вполне можно принять за хитрый. Не было в нем прямоты, искренности; подобным ему людям на слово не верят: он производил

впечатление человека скрытного, вероломного, жуликоватого. И говорил он, в дополнение ко всему, грубовато, невнятно... Аналогичное впечатление Бентли производил на всех не знакомых с ним близко людей, в том числе и на тех, кто присутствовал во время процесса в зале суда. Такой способен и лгать, и воровать, и стукнуть по голове старую женщину...

Однако на суперинтенданта Спенса, разбиравшегося в людях, Бентли такого впечатления не произвел. На Эрколея Пуаро тоже.

А теперь, оказывается, и на эту девушку.

— Как вас зовут, мадемуазель?

— Мод Вильямс. Скажите, я могу чем-нибудь помочь вам... ему?

— Думаю, что можете. Видите ли, мисс Вильямс, есть люди, которые не верят в виновность Джеймса Бентли. И они пытаются это доказать. Расследование поручено мне, и могу вам сказать, что я уже немалого добился, значительно продвинулся вперед.

Он произнес эту ложь, даже не покраснев. Он считал ее совершенно необходимой. Ему надо было, чтобы притаившийся где-то Некто забеспокоился, почувствовал надвигающуюся на него опасность. Мод, естественно, молчать не будет, а разговоры сродни брошенному в пруд камню: во все стороны от него расходятся круги.

— Расскажите мне, о чем вы с ним беседовали, — предложил Пуаро. — Бентли рассказывал вам о матери, о доме, о жизни? Не упоминал о тех, с кем сам или его мама не ладили?

Мод задумалась.

— Нет... Не совсем так. Как я понимаю, его мама недолюбливала молодых женщин.

— Матери преданных сыновей никогда не любят молодых женщин. Но я о другом. О какой-то семейной вражде, недоброжелателях, злонамеренных чувствах.

Она покачала головой.

— Он никогда ничего подобного не говорил.

— А о своей хозяйке, миссис Магинти?

Она слегка вздрогнула.

— Немного. По имени ее не называл. Однажды заметил, что она слишком часто кормит его селедкой. И еще, что она переживает пропажу кота.

— Он никогда не говорил, что знает, где она прячет деньги? Только будьте искренни.

Девушка побледнела, но тут же гордо вскинула подбородок.

— Говорил. Как-то раз речь зашла о людях, которые не доверяют банкам, и он сказал, что хозяйка его прячет деньги в спальне под половой доской. «Я мог бы взять их в любой момент, когда ее нет дома», — сказал он. Не в шутку — он никогда не шутил, а скорее озабоченно, потому что она такая беспечная.

— Ну что ж, это хорошо, — заметил Пуаро. — Я имею в виду, если бы он хотел их украсть, то был бы скрытнее. Он мог бы, например, сказать: «Однажды кто-нибудь ее пришибет за них».

— Но, в любом случае, он не собирался делать этого.

— Нет. Но слова, пусть даже сказанные вскользь, мимоходом, неминуемо раскрывают характер человека. Умный преступник рта лишней раз не раскроет, но умного преступника еще поискать надо, обычно они кичливы и много говорят, потому в большинстве своем и попадают.

— Но кто-то же убил ее, — резко возразила Мод.

— Естественно.

— Кто? Вы знаете? Вы кого-то подозреваете?

— Да, — солгал Пуаро, — подозреваю. Но мы пока лишь в начале пути.

Девушка взглянула на часы.

— Мне пора. Перерыв у нас получасовой. Унылый городишко, этот Килчестер. Раньше я работала в Лондоне. Вы дадите мне знать, если я вам понадобится? Если действительно смогу чем-нибудь помочь?

Пуаро достал визитную карточку и написал на ней название дома Саммерхейзов, указав номер их телефона.

— Мои координаты.

Имя его, как он с огорчением заметил, на собеседницу особого впечатления не произвело. Чувствовалось, что молодое поколение знаменитых людей не знает.

Глава 7

186 Домик, в котором жила миссис Магинти, находился в нескольких шагах от автобусной остановки. На крыльце его Пуаро увидел двух развеселых мальшей. Один грыз червивое яблоко, второй кричал и колотил по двери луженым подносом. Пуаро присоединился к нему и тоже громко постучал.

Из-за угла выглянула женщина с растрепанными волосами, одетая в пестрый халат.

— Прекрати, Эрни, — сказала она.

— Не-а, — ответил малыш и продолжал стучать.

Пуаро сошел с крыльца и направился в ее сторону.

— С детьми не сладишь, — вздохнув, пожаловалась женщина.

«При желании сладишь», — подумал Пуаро, но вслух ничего не сказал.

Женщина кивнула ему на заднюю дверь.

— Парадная у нас на замке, сэр. Входите, пожалуйста.

Миновав грязную буфетную, Пуаро оказался в еще более грязной кухне.

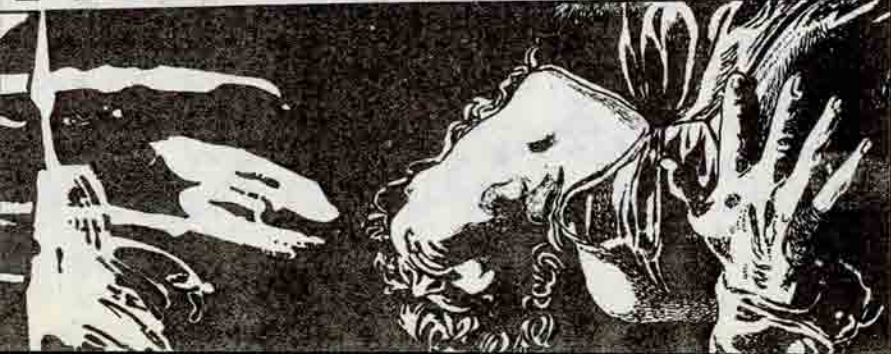
— Ее убили не здесь, — сказала женщина. — В гостиной.

Пуаро от неожиданности мигнул.

— Вы же за этим сюда пришли, да? Вы — тот самый иностранец, что остановился у Саммерхейзов?

— Так вы обо мне знаете? — спросил Пуаро. — Да, это я, миссис...

— Кидл. Мой муж — штукатур. Сюда мы переехали месяц назад. А раньше жили у матери Берта... Нам говорили: «Не станете же вы жить в доме, где произошло убийство!» А я отвечала, что дом есть дом, и это лучше, чем ютиться в задней

комнатушке и спать на стульях. Как ужасно, что людям не хватает домов, правда? У нас, во всяком случае, ничего не случилось.

Миссис Кидл проводила его в маленькую комнатку, чересчур плотно заставленную предметами мебели эпохи короля Иакова. В отличие от остальных эта комната производила впечатление нежилой.

— Она лежала с раскроенным черепом прямо на полу. Миссис Эллиот чуть не свихнулась, когда увидела ее. Привел ее сюда Ларкин, что разносит кооперативный хлеб. А деньги были наверху. Пойдемте, покажу.

Хозяйка повела его на второй этаж, в спальню покойной миссис Магинти, где стояли большой комод, такая же большая кровать с панцирной сеткой и медными шарами на спинках, несколько стульев, на протянутых веревках сушилась детская одежда.

— Здесь она и лежала,— с гордым видом сообщила хозяйка.

Пуаро огляделся. Трудно было представить, что этот кричащий оплот беспорядка и безвкусицы неизвестно откуда взявшихся случайных вещей некогда служил, выскобленный и опрятный, приютом старой женщине; здесь миссис Магинти жила и спала.

— Это, наверное, не ее мебель?

— Нет-нет. Все забрала племянница из Каллавона.

Ничего здесь не напоминало больше о миссис Магинти. Пришли Кидлы и захватили эту территорию. Жизнь сильнее смерти. Снизу донесся жуткий младенческий вопль.

— Младший проснулся,— пояснила зачем-то миссис Кидл и бросилась вниз по лестнице; Пуаро последовал за ней. Здесь ему делать было нечего. Он направился к соседнему дому.

— Да, сэр. Это я ее нашла.

Миссис Эллиот произнесла эти слова драматическим тоном. Она жила в чистеньком домике с опрятными комнатками, в котором, казалось, ничего потрясающего произойти не могло. Драматизм исходил лишь от его хозяйки, высокой, сухопарой брюнетки, с увлечением повествовавшей об одном из эпизодов ее славной жизни.

— Я, помню, услышала стук. То был Ларкин, булочник. Что-то, говорит, с миссис Магинти случилось. Она, говорит, не отвечает нам. Может, ей плохо стало? Ну, думаю, может, и впрямь плохо? Она была уже не молода, далеко не молода. И сердцебиения у нее были, это я точно знаю. Вот и подумала, может, у нее удар сделался? Он, Ларкин, объясняет, что их двое мужчин, никто, естественно, не хочет входить к ней в спальню. Вот я и пошла с ним.

Пуаро что-то одобрительно пробормотал, соглашаясь, что поступили они, как того требовали правила приличия.

— Поднялась по лестнице. Он стоял наверху, на площадке, бледный как смерть. Я тогда на это внимания не обратила, я же еще не знала, что случилось. Постучала в дверь, ответа не было. Тогда я повернула ручку и вошла. В спальне все вверх дном

перевернуто, а половая доска поднята. «Воры! — сказала я. — Но где же сама хозяйка?» И мы решили посмотреть в гостиной. Я сразу поняла, что ее убили. Ограбили и убили! И это у нас, в Бродхинни! Как я кричала, Господи, как кричала! Чуть сознание не потеряла. Пришлось им даже бренди мне принести из «Трех уток». Но и после этого меня еще несколько часов колотило, все не могла в себя прийти. «Ну что вы, дорогая, не надо все так близко принимать к сердцу, — успокаивал меня сержант. — Идите домой, заварите чашечку крепкого чаю». Я так и сделала. А Эллиот приходит с работы, смотрит на меня и спрашивает: «Что с тобой, что случилось?» Меня всю трясло тогда.

Пуаро поспешил прервать ее эмоциональную исповедь.

— Да-да, это заметно, миссис Эллиот. Скажите, а когда вы в последний раз видели миссис Магинти живой?

— За день до смерти: она выходила в огород нарвать мяты. А я как раз птицу кормила.

— Она вам что-нибудь сказала?

— Поздоровалась и спросила, как куры несутся.

— И больше вы ее не видели?

— Нет. Зато его видела. — Миссис Эллиот понизила голос. — В одиннадцать утра. Он шел по дороге. Шаркая ногами, как обычно.

Пуаро ждал, но собеседнице его, судя по всему, добавить к сказанному было нечего. Тогда спросил он:

— Вы удивились, когда его арестовали?

— И да, и нет. Должна сказать, он мне всегда казался немного с приветом, а на таких обязательно находит. У моего дяди сынишка родился умом слабый, так он подчас не дай Бог что вытворял. Силен был — смерть, а того не понимал, что делает. Вот и этот Бентли тоже малость чокнутый, и я не удивлюсь, если его не повесят, а в сумасшедший дом отправят. Да сами подумайте: где он спрятал деньги?! Кто же так прячет деньги, если сам не хочет, чтобы их нашли? Глупо и смешно.

— Если сам не хочет, чтобы их нашли, — повторил Пуаро. — У вас, случайно, не пропал секач или топорик?

— Нет, сэр, у меня все на месте. Полиция уже интересовалась. Всех спрашивали. До сих пор неизвестно, чем он ее убил.

Пуаро отправился на почту.

Итак, убийца хотел, чтобы украденные деньги нашли, но орудие убийства спрятал надежно. Ибо деньги укажут полиции на Джеймса Бентли, а орудие убийства на... кого?

Пуаро вздохнул. После миссис Эллиот он побывал и в двух других домах Бродхинни. Их обитатели были менее плодовиты, чем миссис Кидл, и лишены драматичности ее соседки, миссис Эллиот. Они подтвердили, что миссис Магинти была женщиной порядочной, что, кроме племянницы, живущей в Каллавоне, ее никто не навещал, никто, насколько им известно, не таил на нее зла.

— Ничего я не добился, ничего, — пробормотал Пуаро. — Мрак, никакого просвета. Можно понять отчаяние Спенса. Но мне это не подходит. Спенс — старательный полицейский и хо-

роший детектив, но я, я — Эркюль Пуаро. Я доберусь до истины!

Задумавшись, он не заметил большой дужи, шлепнул в нее лакированной туфлей и поморщился.

Да, он — великий, единственный в своем роде, неповторимый Эркюль Пуаро, но в то же время он и обыкновенный старый человек, а туфли жмут.

Он вошел в помещение почты.

Собственно, почтовым отделением Ее Королевского Величества была стойка справа; на прилавке слева в богатом ассортименте были выставлены разнообразные товары — конфеты, бакалея, игрушки, посуда, канцелярские принадлежности, поздравительные открытки, шерстяные мотки и детское белье.

Пуаро подошел к стойке с почтовыми марками. По другую ее сторону стояла женщина средних лет с пронизательными светлыми глазами.

«Передо мной, без сомнения, мозговой центр Бродхинни», — решил Пуаро.

Фамилия начальницы почтового отделения вполне ей подходила: Суитиман*.

— И двенадцать по пенни, — повторила она. — Итого четыре шиллинга десять пенсов. Хотите еще чего-нибудь, сэр?

Из-за открытой двери за стойкой с живым интересом на них глядела простуженная девушка с растрепанными волосами.

— Я в здешних краях человек, можно сказать, новый, — внушительно произнес Пуаро.

— Да, сэр, — согласилась миссис Суитиман. — Вы приехали из Лондона, верно?

— Не сомневаюсь, что цель моего визита вам известна не хуже моего, — заметил Пуаро с легкой усмешкой.

— Нет, сэр, что вы! Не имею представления, — небрежно ответила она.

— Миссис Магинти, — подсказал Пуаро.

Женщина покачала головой.

— Печальное происшествие. Ужас. Вы, наверное, хорошо ее знали?

— Да, конечно. Как и всех остальных в Бродхинни. Мы частенько говорили с ней, когда она сюда заходила. Страшная трагедия. И до сих пор до конца не раскрытая.

— Кое-кто сомневается в виновности Бентли.

— Что ж, полиции не привыкать хватать не того, кого надо, хотя, по-моему, на этот раз она не ошиблась. Правда, глядя на него, ни за что не скажешь, что такой застенчивый, нескладный, безобидный с виду парень может оказаться бессердечным убийцей. Но чего только на свете не бывает!

Пуаро спросил блокнот.

— Сейчас, сэр. Пройдите на ту сторону, пожалуйста.

— Трудно себе представить, кто ее мог убить, если не Бентли, — продолжала она, заняв место за прилавком и потянувшись к полке с конвертами и бумагой. — Здесь у нас действительно шляются бродяги. Вполне возможно, что кто-то из них мог заметить открытое окно и забраться в дом. Но стал бы он

* Соответствует русскому «Милашка».

оставлять деньги? Уж, во всяком случае, не после убийства. Как их потом забрать? А деньги все в фунтовых бумажках, без номеров, без пометок. Вот, сэр, пожалуйста: симпатичный блокнот и конверты по размеру.

Пуаро расплатился.

— А миссис Магинти не жаловалась, что кого-то боится или что-то ее тревожит?

— Во всяком случае — не мне. Она была не робкого десятка. Иной раз ей приходилось задерживаться у Карпентеров, в «Хомли». Они частенько приглашают кого-нибудь на ужин, вот миссис Магинти и ходила туда по вечерам помочь посуду помыть да в комнатухах убрать, а домой возвращалась затемно, и ничего. Я бы, например, не отважилась. В темноте, с холма — нет!

— А племянницу ее, миссис Берч, вы знаете?

— Мы знакомы, не более того. Она иногда приезжала сюда с мужем.

— Им по наследству достались деньги миссис Магинти.

Миссис Суитиман строго глянула на него.

— А что тут такого? Все естественно, все по закону. С собой их не возьмешь, и очень справедливо, что достаются они родственникам.

— О да, разумеется, полностью с вами согласен. Миссис Магинти любила свою племянницу?

— Любила, по-моему. Но спокойной любовью, сэр.

— А мужа ее?

Уверенность исчезла в глазах миссис Суитиман, и ответ ее на этот раз прозвучал более или менее уклончиво:

— Насколько знаю, да.

— Когда вы видели ее в последний раз?

Женщина задумалась, припоминая.

— Так, сейчас... Когда это было, Эдна?

Эдна за дверью шмыгнула носом.

— В день ее смерти? Нет, накануне. Или еще раньше? Да, в понедельник. Точно. Она зашла купить пузырек чернил.

— Пузырек чернил?

— Наверное, письмо написать хотела.

— Вполне возможно. А как она выглядела? Ничего необычного вы не заметили?

— Н-нет, не думаю.

Простуженная Эдна вышла из своего укрытия и неожиданно присоединилась к разговору:

— Она была довольна чем-то. Не то, что довольна, а... возбуждена, что ли?

— Может быть, — пожала плечами миссис Суитиман. — Я, правда, тогда не обратила внимания, а теперь припоминаю — да, вид у нее был торжествующий.

— Вы не помните, о чем она в тот раз говорила?

— Так бы я, конечно, не вспомнила. Но убийство, полиция — все это как бы заострило память, а потому многое помнится. Она ничего не говорила о Джеймсе Бентли, в этом я уверена. Сказа-

ла что-то о Карпентерах, о миссис Апуард — о тех, у кого работала.

— Вот, кстати: я как раз хотел уточнить, у кого она работала.

Миссис Суитиман ответила сразу, без раздумий:

— По понедельникам и четвергам — у миссис Саммерхейз в «Лугах». Вы у них и остановились, так?

— Да, — вздохнул Пуаро. — Ведь здесь больше нигде, верно?

— В самой Бродхинни больше нигде, вы правы. Вам, наверное, не очень уютно в «Лугах»? Миссис Саммерхейз — приятная женщина, но хозяйка, прямо сказать, завидная. Они все такие, кто приезжает из-за границы. «Такой там вечно беспорядок, так трудно убирать», — жаловалась миссис Магинти. Да, значит, по понедельникам днем и по четвергам утром — у Саммерхейзов, по вторникам с утра у доктора Ренделла, после обеда — у миссис Апуард в «Ракитнике». По средам — у Уэдерби в «Охотничьем дворе», а по пятницам — у миссис Селекерк, теперь она миссис Карпентер. Миссис Апуард в возрасте, живет с сыном. У них есть служанка, но она не справляется, вот миссис Магинти раз в неделю и доводила все до ума. В «Охотничьем дворе» прислуга вообще долго не задерживается: миссис Уэдерби больна, за ней уход требуется. А у Карпентеров замечательный дом, они часто приглашают гостей. Как видите, в Бродхинни живут порядочные люди.

С этим утверждением миссис Суитиман об обитателях деревушки Пуаро и покинул почту.

В целом день принес ему одни разочарования.

Что он узнал?

Что у Джеймса Бентли был друг, точнее — подруга. Что ни у него, ни у миссис Магинти не было врагов. Что за два дня до смерти миссис Магинти была возбуждена и купила пузырек чернил...

Неужто это и есть тот самый неприметный факт, который он искал?

Пуаро спросил мимоходом, зачем миссис Магинти понадобилась чернила, а миссис Суитиман ответила вполне серьезно, что та, должно быть, хотела написать письмо.

В этом что-то было, что-то это значило, а он чуть было не пропустил замечание мимо ушей, поскольку сам, как и большинство людей, письма писал чуть ли не ежедневно, и это было для него обычным занятием.

Но не для миссис Магинти. Написать письмо явилось для нее занятием столь необычным, что пришлось идти на почту за чернилами.

Таким образом, миссис Магинти скорее всего вообще не писала писем. Миссис Суитиман, работавшей на почте, это было достоверно известно. Но за два дня до смерти миссис Магинти все же написала письмо. Кому и почему?

Возможно, все это не имеет никакого значения. Могла написать племяннице, неизвестному другу. Стоит ли придавать такое значение столь пустяковому факту, как покупка чернил?

Но ничего другого в его распоряжении не было, и Пуаро решил пройти по этому следу до конца.

Пузырек чернил...

— Письмо? — Бесси Берч покачала головой. — Нет, я не получила от тетушки никакого письма. О чем она могла мне писать?

— Может, она хотела вам о чем-то сообщить? — предположил Пуаро.

— Тетушка не любила писать. Ей было под семьдесят, и в дни ее молодости образованию особого значения не придавали.

— Но читать-то она умела?

— Конечно! Только читала мало, хотя любила «Ньюс оф де уорлд» и «Санди комет». А вот писала с трудом. Если ей надо было что-то сообщить — например, чтобы мы не приезжали в воскресенье или что она не придет, — тетя звонила мистеру Бенсону, соседу-аптекарю, и тот передавал ее просьбу. Мы ведь живем в одном районе, и звонок стоит всего два пенса. В Брод-хинни на почте есть телефон-автомат.

Пуаро одобрительно кивнул, соглашаясь, что заплатить два пенса гораздо выгоднее, чем потратить на конверт с маркой два с половиной. Он уже понял, что миссис Магинти была рачительной хозяйкой, экономной женщиной и денег попусту не тратила.

— Но время от времени она вам все-таки писала?

— Разве что поздравительные открытки к Рождеству.

— А может, она писала знакомым?

— Таких не знаю. Была у нее невестка, но она уже два года как преставилась. Еще миссис Бердлип, но та тоже померла.

— Другими словами, написать она могла только ответ?

Вновь на лице миссис Берч появилось скептическое выражение.

— Даже не знаю, кто мог написать ей... Ну, конечно, — она просветлела, — тетя могла получить что-то от правительства...

Пуаро согласился, что послания от «правительства», как выразилась Бесси, стали скорее правилом, чем исключением.

— Шутловством занимается, — горячилась миссис Берч. — Анкеты какие-то шлют, да еще с такими вопросами, на которые порядочному человеку и отвечать неприлично.

— Вы хотите сказать, что миссис Магинти могла получить от правительства какую-то бумагу, на которую надо было составить ответ?

— Если бы получила, то приехала бы с ней к Джо. Она всегда так делала.

— Вы не помните, среди ее вещей писем не было?

— Точно не скажу. Во всяком случае, не помню ничего подобного. Но ведь сначала полиция все просмотрела, и лишь затем мне позволили их увезти.

— Что с ними случилось?

— Вот этот комод — ее, он крепкий, из красного дерева; шкаф наверху, кое-что из кухонной утвари. Остальное мы продали: места не хватило.

— Я имел в виду ее личные вещи. Гребни, расчески, фотографии, туалетные принадлежности, одежду...

— Ах, это... Сказать по правде, я упаковала их в чемодан. Он так и лежит наверху. Не знала, что с ним делать. Думала

отнести его на рождественский базар, да забыла. А старьевщикам нести как-то неудобно.

— Скажите, а я могу их посмотреть?

— Ради Бога, смотрите. Только вряд ли вы там что-нибудь найдете полезное для себя. Полница все перебрала.

— Да, я знаю. И все же...

Миссис Берч проводила гостя в крошечную угловую спальню, служившую ей, как определил Пуаро, комнатой для кройки и шитья, и вытащила из-под кровати чемодан.

— Вот они. А меня извините, я пойду, на кухне мясо тушится, посмотреть надо.

Пуаро отпустил ее со словами благодарности, пододвинул чемодан поближе, поднял крышку и поморщился: его приветствовал крепкий запах нафталина.

Вынимая поочередно аккуратно сложенные вещи, он с грустью подумал о старой женщине, которой они некогда принадлежали и которую теперь так ярко характеризовали. Сильно поношенное пальто. Два шерстяных джемпера. Жакет и юбка. Чулки. Белья нет (по-видимому, часть его Бесси взяла себе). Две пары туфель, завернутых в газеты. Расческа и гребень, не новые, но чистые. Старое зеркальце в узорной оправе с посеребренной тыльной стороной. Фотография в кожаной рамке: молодожены в костюмах тридцатых годов — наверное, миссис Магинти с мужем в молодости. Две открытки с видом Маргита. Фарфоровый ценнок. Газетная вырезка с рецептом кабачкового варенья. Еще одна — с заметкой о летающих тарелках, выдержанной в сенсационном тоне. Третья — с пророчеством матери Шиптон, Библия и молитвенник.

Не было в чемодане ни сумочек, ни перчаток. Вероятно, их тоже взяла себе или продала племянница. Одежда же сухощавой, маленькой миссис Магинти на полногрудую Бесси Берч была явно мала.

Пуаро развернул газету с туфлями. Они были хорошего качества и не сильно поношены. Безусловно, Бесси они были не по ноге.

Он уже собирался их снова завернуть, но тут ему в глаза бросилось название газеты.

Это была «Санди комет» за 19 ноября.

Миссис Магинти убили 22 ноября.

Получалось, что эту газету она купила в воскресенье, накануне своей смерти. Газета лежала в ее комнате, и Бесси завернула в нее обувь.

Воскресенье, 19 ноября. А в понедельник миссис Магинти пошла на почту за чернилами...

Не потому ли, что прочла в ней что-то?

Он взял вторую пару туфель. Они были завернуты в «Ньюс оф де уорлд» за то же число.

Разгладив обе газеты, Пуаро уселся с ними на стул и стал читать. И сразу же сделал открытие. В середине внутренней страницы-вкладыша сделалась большая прямоугольная дыра, причем ни одна из найденных им вырезок к ней не подходила.

Пуаро внимательно просмотрел оба выпуска и, не найдя в них

больше ничего интересного, завернул туфли и аккуратно сложил вещи в чемодан.

Затем он спустился вниз.

Миссис Берч хлопотала на кухне.

— Ну как, обнаружили что-нибудь? — спросила она.

— К сожалению, нет, — ответил Пуаро и небрежно добавил: — Вы не помните, в сумочке или кошельке миссис Магинти не было газетной вырезки?

— Не видела. Может, полиция забрала?

Но полиция ее не забирала. Это следовало из записей суперинтенданта Спенса. В списке вещей убитой газетная вырезка не значилась.

— Eh bien, — сказал он сам себе, — следующий шаг нам ясен. А приведет он либо к очередной неудаче, либо позволит наконец продвинуться вперед.

Замерев над стопкой пыльных старых газет, Пуаро думал о том, что интуиция его и на этот раз не подвела, что вовсе не зря заинтересовался он купленным миссис Магинти пузырьком с чернилами.

Статья в «Санди комет» за 19 ноября была посвящена событиям давно минувших дней.

Заголовок на верху вкладной страницы гласил:

ЖЕНЩИНЫ — ЖЕРТВЫ ПЕРЕЖИТЫХ ТРАГЕДИЙ ГДЕ ЭТИ ЖЕНЩИНЫ ТЕПЕРЬ?

Ниже помещались четыре неясных снимка, сделанных, несомненно, много лет назад.

Ничего трагического на этих снимках Пуаро не увидел, ибо изображенные на них женщины были облачены в нелепые одежды прошедшей эпохи, а в мире нет ничего смешнее вчерашней моды, хотя спустя еще лет тридцать она вернется и ее силуэты вновь обнаружат свое очарование.

Все фотографии были подписаны.

«Ива Кейн, «разлучница» в печально знаменитом деле Крейга».

«Джанис Кортланд, «многострадальная жена» истинного дьявола в человеческом обличье».

«Малышка Лили Гамболл, несчастное дитя, жертва демографического взрыва».

«Вера Блейк, ничего не подозревавшая жена убийцы».

И вновь жирным шрифтом набранный вопрос:

ГДЕ ЭТИ ЖЕНЩИНЫ ТЕПЕРЬ?

Пуаро принялся дотошно вчитываться в выдержанный в романтическом духе сопроводительный текст.

Имя Ивы Кейн он помнил, ибо дело Крейга в свое время получило широкую огласку. Альфред Крейг служил секретарем городской корпорации Парминстера и слыл добросовестным работником; был он невзрачным и маленьким, а жениться имел несчастье на женщине нудной и вредной. По вине миссис Крейг он влез в долги, она изводила его, постоянно пилила, а кроме того, страдала нервным недугом (злые языки подзуживали, утверждая, что она притворяется). Ива Кейн служила в доме гувернанткой. Ей было девятнадцать, она была мила и просто-

душна. Так случилось, что они с Крейгом полюбили друг друга. И вот однажды их соседи узнали, что врачи рекомендовали миссис Крейг ехать лечиться за границу. Так утверждал сам Крейг. В один из вечеров он отвез супругу сначала в Лондон, а оттуда «проводил» на юг Франции. Сам же возвратился в Парминстер и время от времени рассказывал всем знакомым о том, что, судя по письмам супруги, здоровье ее не улучшается. Ива Кейн оставалась с ним в доме, вела хозяйство, и вскоре по городку поползли неизбежные слухи. В конце концов Крейг получил сообщение о том, что жена его скончалась. Он уехал и возвратился неделю спустя с рассказом о ее похоронах.

Но он оказался недостаточно дальновидным человеком и допустил ошибку, назвав место смерти жены. Это был сравнительно известный курорт французской Ривьеры. У кого-то из его соседей, как оказалось, там жил то ли родственник, то ли друг, он написал ему письмо и получил ответ: никакой миссис Крейг в указанное время там не хоронили. Пошли толки, дошли они и до полиции, и вскоре выяснилось, что миссис Крейг на Ривьеру не уезжала, а, аккуратно разрезанная на кусочки, была закопана в подвале своего дома. Аутопсия останков показала, что умерла она от отравления растительным ядом.

Крейг был арестован и предстал перед судом. Ива Кейн вначале проходила по делу как соучастница, но обвинение в конце концов было снято, поскольку выяснилось, что она ни сном ни духом не ведала о преступлении. Крейг в конечном счете во всем признался, был приговорен к смерти и казнен.

Ива Кейн, ожидавшая ребенка, покинула Парминстер; по этому поводу «Санди комет» сообщила следующее: «Сострадательные родственники в Новом Свете предоставили ей кров. Сменив фамилию, несчастная, доверчивая девушка, соблазненная хладнокровным убийцей, навсегда покинула наш край и начала новую жизнь, храня в сердце и в тайне от дочери имя ее отца.

«Моя дочь вырастет счастливой и непорочной. Ее жизнь не омрачат воспоминания о жестоком прошлом. Я поклялась в этом. Они останутся лишь со мной».

Бедная Ива, ей в нежном возрасте пришлось познать, до какой подлости и мерзости способен опуститься человек! Где она теперь? Живет ли где-то за морями, в небольшом городке пожилая, тихая женщина с печальными глазами?.. Навещает ли «мамочку» молодая, счастливая и жизнерадостная дочь, у которой, вероятно, уже есть свои дети, делится ли с ней своими маленькими невзгодами, даже не подозревая о страшной трагедии, которую ее матери пришлось пережить в молодые годы?»

— О-ля-ля! — покачал Пуаро головой и перешел к следующей Трагической Судьбе.

«Многострадальной» Джанис Кортланд с мужем действительно не повезло. Человек со странностями, он проделывал над ней такое, о чем газета писать не могла, но рассыпанные в изобилии аллегории и недомолвки должны были вызвать немедленный интерес читателя. Она страдала восемь лет. Восемь лет сплошного мученичества, утверждала «Санди комет». Потом у Джанис

появился молодой друг, идеалист и мечтатель. Придя в ужас от сцены между мужем и женой, случайным свидетелем которой он стал, друг ударил мужа с такой силой, что тот упал и ударился головой о каминную решетку. Суд присяжных решил, что нападение было спровоцировано жертвой, что убийство было непреднамеренным, и приговорил молодого человека к пяти годам тюремного заключения.

Несчастливая Джанис, в ужасе от «славы», принесенной ей процессом, уехала за границу, дабы «забыть весь этот ужас».

«Забыла ли она? — вопрошала «Санди комет». — Мы надеемся, что да. Возможно, где-то живет теперь счастливая жена и мать, которой кошмарные годы молча вынесенных мук сейчас кажутся лишь дурным сном...»

— Ну-ну, — пробормотал Пуаро и перешел к Лили Гамболл, трагическому ребенку, жертве перенаселения.

Судя по всему, Лили передали на воспитание ее тетке, поскольку в квартире Гамболлов стало слишком тесно. Лили хотела пойти в кино, тетья сказала ей «нет». Лили схватила лежавший под рукой секач для рубки мяса и ударила им тетю по голове. Тетя, несмотря на деспотические замашки, была женщиной маленькой, хрупкой и от этого удара умерла. В свои двенадцать лет Лили была развитой, мускулистой девочкой. Перед ней открылись двери исправительной колонии, где она и исчезла.

«Теперь это взрослая женщина, свободная, независимая, имеющая все права занять свое место в нашем обществе. Сообщалось, что во время пребывания в колонии и испытательного срока она отличалась примерным поведением. Не свидетельствует ли это о том, что виновно не дитя, а сама система, и только ее мы должны винить? Возвращенная в невежестве, в ужасных жилищных условиях, малышка Лили стала жертвой среды, в которой росла.

Теперь же, искупив свой грех, она, должно быть, живет счастливой жизнью, как всякий добропорядочный гражданин нашей страны, став кому-то хорошей женой и доброй матерью. Бедная, милая Лили Гамболл».

Пуаро покачал головой. Двенадцатилетняя девочка, секачом раскrojившая череп родной тетке, по его мнению, милым ребенком считаться не могла. В данном случае его сочувствие было на стороне тетки, а не Лили.

Далее следовало описание Трагической Судьбы Веры Блейк. Пуаро внимательно прочел и его.

Вера Блейк была, без сомнения, одной из тех женщин, которым постоянно и катастрофически не везет. Вначале она познакомилась с молодым человеком, который неожиданно оказался налетчиком, разыскиваемым полицией по обвинению в убийстве банковского сторожа. Тогда она вышла замуж за почтенного торговца, который на самом деле оказался обыкновенным барыгой, скупщиком краденого. Оба ее ребенка в свое время тоже привлекли внимание полиции.

Они ходили с мамой по магазинам самообслуживания и крали там товары. В конце концов на ее горизонте появился «хороший человек». Он предложил Вере переехать с ним в доминион.

Таким образом, ей с детьми предстояло покинуть эту изнеженную страну.

«Их ожидала Новая Жизнь. Наконец-то после всех ударов судьбы, которые в течение долгих лет сносила Вера, ее горести были позади».

— Как сказать, — пробормотал Пуаро. — Вполне возможно, что она вдруг открыла для себя, что вышла за мошенника, промышлявшего на океанских лайнерах!

Он откинулся на спинку стула и занялся изучением фотографий.

Ива Кейн снята была в огромной шляпе, из-под которой выбивались, прикрывая уши, непослушные кудряшки; в руке она держала поднятый к уху, наподобие телефонной трубки, букет роз. Джанис Кортланд позировала в натянутой на уши шляпке-колпаке и в платье с талией на бедрах. Лили Гамболл оказалась простужкой с открытым ртом, что навело на мысль о больных миндалинах и дурном запахе изо рта; черты ее лица сильно искажали очки с толстыми стеклами. Портрет Веры Блейк был настолько трагически черно-белым, что разобрать на нем что-либо было мудрено.

По каким-то причинам миссис Магинти вырезала из газеты все эти фотографии вместе с текстом. Зачем? Решила сохранить, потому что материал показался ей интересным? Вряд ли. Она прожила шестьдесят с лишним лет, но ничего лишнего не хранила. Пуаро в этом убедился, изучив составленную полицией опись ее имущества.

Она вырезала статью в воскресенье, а в понедельник купила пузырек чернил, вероятнее всего, с тем, чтобы написать письмо, но ведь писем она не писала! Появись необходимость составить деловую бумагу, она скорее всего обратилась бы за помощью к Джо Берчу. Значит, письмо не было деловым. Что она написала?

Пуаро еще раз взглянул на фотографии.

«Где, — спрашивала газета, — эти женщины теперь?»

Одна из них, подумал Пуаро, могла быть в прошлом ноябре в Бродхинни.

Только на следующий день удалось Пуаро побеседовать с мисс Памелой Хорсфолл тет-а-тет.

Мисс Хорсфолл была высокой и мужеобразной, крепко выпивала, много курила, и, глядя на нее, трудно было поверить, что это из-под ее пера появились на свет слащавые строки, опубликованные в «Санди комет». Тем не менее это было так.

— Валяйте, валяйте, — торопила его мисс Хорсфолл. — Мне пора ехать.

— Я по поводу серии ваших очерков, напечатанных в ноябре прошлого года в «Санди комет». О «Женщинах с Трагической Судьбой».

— Ах, серии! Гадость, правда?

Пуаро предпочел на сей счет не высказываться.

— Конкретно меня интересует статья о женщинах, судьбы которых связаны с преступлениями. Она опубликована девятна-

дцатого ноября, речь в ней идет об Иве Кейн, Вере Блейк, Джанис Кортланд и Лили Гамболл.

Мисс Хорсфолл ухмыльнулась.

— «Где эти женщины теперь?» Помню.

— Вы, наверное, после опубликования подобных материалов получаете письма от читателей?

— Еще бы! Кое-кому, похоже, делать больше нечего, кроме как письма писать. Кое-кто видел Крейга на улице, кое-кто хотел рассказать историю своей жизни, куда более трагической, чем я могу себе представить.

— Вы не получали после этого очерка письма некой миссис Магинти из Бродхинни?

— Да вы сами подумайте, дорогой мой человек, как могу я все упомянуть? Мне их мешками приносят, а вы хотите, чтобы я авторов по фамилии знала.

— Я надеялся, что миссис Магинти вы запомните. Потому что ее тогда же убили.

— Ах, вот оно что... — Мисс Хорсфолл забыла о том, что куда-то торопилась, и оседлала стул. — Магинти, Магинти... Да, я помню эту фамилию. Квартирант ее по голове тюкнул. Ничего интересного, с точки зрения читателя, сексуальных мотивов нет. Так, говорите, она мне написала?

— Вероятнее всего, она писала в «Санди комет».

— Это одно и то же. Письмо все равно ко мне должно было попасть. Но убийство... Фамилия... Минуточку. — Она просветлела. — Ну да, было, только не из Бродхинни, а из Бродвей.

— Вы уверены?

— Не совсем... Но фамилия... Смешная фамилия, вы не находите? Магинти! Да, отвратительный почерк и полная безграмотность. Если б я только тогда сообразила... И все же оно пришло из Бродвей.

— Вы сами сказали, что почерк был ужасный. Бродхинни, Бродвей — они немного схожи.

— Возможно. В конце концов, разве можно запомнить все эти дурацкие сельские названия? Магинти... Ну да. Наверное, убийство и зафиксировало ее в моей памяти.

— Вы помните, о чем она писала?

— Что-то о фотографиях. Ей известно, где есть такой же снимок, как в газете, заплатим ли мы ей за эти сведения и сколько.

— Вы ответили?

— Послушайте, уважаемый, нам ничего этого не нужно. В подобных случаях мы даем стандартный ответ. Вежливый отказ. Но отправлен он был в Бродвей, вряд ли она его получила.

«Ей известно, где есть такой же снимок...»

Пуаро вспомнилась оброненная миссис Саммерхейз фраза: «Ну, любопытствовала, не без этого...»

Миссис Магинти «любопытствовала». Она была честна, но интересовалась жизнью чужих людей. А люди хранили вещи — бессмысленные, глупые, ничего не значащие вещи из прошлого. Хранили либо по сентиментальности, либо просто позабыв об их существовании.

Миссис Магинти где-то увидела старую фотографию, потом узнала ее в газете и решила проверить, не пахнет ли тут деньгами...

Он быстро поднялся.

— Благодарю вас, мисс Хорсфолл. Вы меня извините, но материалы в вашем очерке — они соответствуют действительности? Я заметил, например, что дата суда над Крейгом указана неверно: на самом деле процесс прошел годом позже. Мужа Джанис Кортланд звали, помнится, Гербертом, у вас он — Губерт. Тетя Лили Гамболл жила в Букингеме, а не в Беркшире.

Мисс Хорсфолл махнула сигаретой.

— Не в этом суть. Какой толк в точности? Там вообще все чепуха. Я просто взяла кое-какие факты, «попричесала» и запустила в свет, не вдаваясь в детали.

— Я говорю о том, что и сами героини в жизни могли быть вовсе не такими, какими изобразили их вы.

Памела громко, по-лошадиному, фыркнула.

— Конечно, нет. А вы как думали? Я ни секунды не сомневаюсь в том, что Ива Кейн была порядочной сучкой, невинностью там и не пахло. А Кортланд? Почему она восемь лет молча сносила издевательства садиста? Да потому, что он в деньгах купался, а у романтического молодого человека их вовсе не было.

— А Лили Гамболл?

— Я бы ее близко к себе с секачом не подпустила.

Пуаро кивнул.

— Все они уехали — в Новый Свет, «за границу», «в доминион», где «начали новую жизнь». И нет никаких свидетельств, что кто-то вернулся в Англию?

— Никаких, — подтвердила мисс Хорсфолл. — А теперь извините, но мне действительно пора бежать...

Вечером Пуаро позвонил Спенсу.

— Я вспоминал о вас, Пуаро, — услышал он в трубке. — Что-нибудь нашли? Хоть что-нибудь?

— Я расспрашивал тут кого мог, — с грустью сообщил бельгиец.

— И что же?

— Вывод следующий: в Бродхинни живут исключительно порядочные люди.

— Что вы хотите этим сказать?

— А вы пораскиньте мозгами, Спенс. «Порядочные люди». До сих пор это было мотивом для убийства.

Глава 9

— Исключительно порядочные люди, — пробормотал Пуаро, подходя к воротам «Перекрестка» неподалеку от станции.

Начищенная медная пластинка уведомляла, что здесь проживает доктор Ренделл.

Доктор Ренделл оказался крупным, жизнерадостным мужчиной лет приблизительно сорока. Гостя он встретил весьма радушно.

— Наша небольшая деревушка удостоилась большой чести, — были первые его слова. — К нам приехал великий Эркюль Пуаро. Бельгиец был польщен.

— Так вы, говорите, обо мне слышали?

— Еще бы! Кто о вас не слышал!

Пуаро вежливо заметил:

— Как хорошо, что я застал вас дома.

Хорошего в том было мало, поскольку время визита было выбрано крайне неудачно, и тем не менее доктор Ренделл излучал само гостеприимство.

— Вам повезло. Через четверть часа у меня операция. Чем могу быть полезен? Я просто умираю от любопытства: что привело вас в наши края? Отдыхаете? Или у нас совершенно преступления?

— Совершенно, хотя с тех пор прошло уже немало времени.

— Да? Я что-то не припоминаю...

— Миссис Магинти.

— Ах, Магинти! Я уже начал забывать об этом. Только не говорите, что этим делом занимаетесь — сколько воды с тех пор утекло!

— Могу вам в конфиденциальном порядке сообщить, что работаю я по заданию защиты Джеймса Бенгли. Открылись новые обстоятельства, на основании которых можно подать апелляцию.

— Какие новые обстоятельства? — насторожился доктор.

— Этого, к сожалению, я говорить не уполномочен.

— Ну да, разумеется... Извините, не сообразил.

— Но я уже натолкнулся на... как бы это сказать?... любопытные?... наводящие на размышления?... факты. А к вам пришел потому, что, насколько мне известно, миссис Магинти у вас тоже работала, верно?

— Да-да, работала. Хотите выпить? Херес? Виски? Предпочитаете херес? Я тоже.

Доктор принес два бокала и, присев рядом, продолжил:

— Она к нам приходила раз в неделю. У меня хорошая экономка, великолепная, можно сказать, но медная посуда, поль!.. Миссис Скотт не может опускаться на колени, а миссис Магинти замечательно со всем этим справлялась.

— Как по-вашему, она была правдива?

— Правдива? Вопрос, надо признать, неожиданный. Не знаю, что вам на него и ответить, как-то не было случая проверить. Насколько мне известно, правдива.

— И если она кому-то что-то говорила, то ей можно было верить?

Доктор колебался.

— Утверждать этого я не могу. Не так уж хорошо я знал ее. Можно спросить миссис Скотт, они больше общались,

— Нет-нет, этого лучше не делать.

— Вы подогреваете мое любопытство, — весело заметил Ренделл. — О чем это она говорила? Сплетничала, наверное? Клевотала?

Пуаро покачал головой.

— Вы должны понять меня: все держится пока в строжайшей

тайне. Я только-только приступаю к расследованию.

— Вам, наверное, придется поторопиться, — сухо произнес доктор.

— Вы правы. Времени в моем распоряжении в обрез.

— Должен признаться, вы меня немало удивили... Мы все уверены, что убил ее Бентли. Никаких оснований сомневаться в этом не было.

— Другими словами, обычное омерзительное убийство с целью ограбления, так?

— Да.

— Вы знали Джеймса Бентли?

— Он обращался ко мне пару раз, жаловался на здоровье. Мамочка, по-моему, изрядно его избаловала, изнежила. Ничего удивительного, явление распространенное. Далеко за примером ходить не надо, подобная мамаша и у нас в деревне живет.

— Неужели? Кто?

— Миссис Апуард. Лора Апуард. Так и трясется над своим сыночком. Крепко его в руках держит, шагу без нее ступить не дает. Человек он умный, хотя и с излишним самомнением, но в определенной степени одаренный. Наш Робин — подающий надежды драматург.

— Давно они здесь живут?

— Года три-четыре. Старожилов в деревне вообще мало, живут они в домах вокруг «Лугов». Вы, кстати, там остановились?

— Да, — безрадостно подтвердил Пуаро.

— Пансион, называется, — ехидно заметил Ренделл. — Что они понимают, современные женщины, в том, каким должен быть настоящий пансион? Да ничего! Жила в Индии, все там за нее слуги делали. Могу себе представить, каково вам приходится. У них никто долго не задерживается. И с огородничеством у бедняги майора тоже ничего не получится. Приятный он человек, но в коммерции ни в зуб ногой, а по нынешним временам, если захлебнуться не хочешь, надо быть коммерсантом. Взять меня. Разве я исцеляю страждущих? Я всего лишь выписываю рецепты и больничные листы — тем и прославился. Но Саммерхейзы мне нравятся. Она очаровательна, а майор, несмотря на сатанинский свой нрав, как-никак представляет старую гвардию. Нашего круга человек. Видели бы вы его отца, полковника Саммерхейза! Настоящий сорвиголова, надменный дьявол.

— Вы говорите об отце майора?

— Да. Денег старик после себя почти не оставил, да еще им пришлось выплатить налог на наследство, но старое имение они умудрились оставить за собой. Не знаешь, то ли восхищаться ими, то ли за глупцов считать.

Он посмотрел на часы.

— Я вас, наверное, задерживаю? — спросил Пуаро.

— У меня еще несколько минут в запасе. Кроме того, я хотел познакомить вас с женой. Только не знаю, где она. Весть о вашем прибытии вызвала у нас живейший интерес. Мы оба увлекаемся преступлением, много читаем на эту тему.

— Криминологию, детективы или воскресные газеты? — с улыбкой поинтересовался Пуаро.

— И то, и другое, и третье.

— Вплоть до «Санди комет»?

Ренделл рассмеялся.

— Какое без нее воскресенье?

— Месяцев пять назад там поместили любопытный материал.

О женщинах, чьи трагические судьбы так или иначе соприкоснулись с преступлениями.

— Да-да, помню. Такая чушь, откровенно сказать!

— Вы так считаете?

— О деле Крейга я знаю лишь по газетным отчетам, а вот по делу Кортланда могу определенно сказать: никакой невинной жертвой его женошка не была! Обыкновенная распутница. Знаю точно, поскольку мой дядя с Кортландом был знаком и нередко наезжал к нему в гости. Красавцем тот не был, но и она не лучше. Охмурила желторотика и подбила на убийство. Он — в тюрьму, а она, богатая вдова, — замуж за другого.

— В «Санди комет» этого не было. Вы не помните, за кого она вышла?

Ренделл покачал головой.

— По-моему, его имени я никогда не слышал, но кто-то сказал, что вышла удачно.

— Читая газету, задумываешься, где они могут быть сейчас.

— Да где угодно. С любой из них можно встретиться на какой-нибудь вечеринке. Гарантирую лишь, что о прошлом своем они предпочитают помалкивать. А по опубликованным фотографиям их не узнать.

Раздался бой часов, и Пуаро поднялся.

— Не смею вас больше задерживать. Благодарю за беседу.

— Боюсь, что пользы вам от нее было мало. Кто из мужчин знает что-либо о своей домработнице? Но задержитесь, пожалуйста, на минутку, я должен познакомить вас с женой, иначе она мне этого не простит.

Опередив Пуаро, он выскочил в прихожую и громко позвал:

— Шила! Шила!

Откуда-то сверху послышался приглушенный женский голос, однако слов они не разобрали.

— Спускайся к нам. У меня для тебя сюрприз.

По лестнице легко сбежала худенькая белокожая блондинка.

— Позволь представить мсье Эркюля Пуаро, дорогая. Как тебе это нравится?

— Ах!

Миссис Ренделл, казалось, была настолько потрясена — или напугана? — что лишилась дара речи, опасливо глядя на гостя голубыми глазами.

— Мадам, — произнес Пуаро, галантно, как истинный иностранец, склоняясь к ее руке.

— Мы слышали о том, что вы приехали, — сказала хозяйка, — но мы не знали...

Она перевела взгляд на мужа.

«Ага, свое время она отмечает по нему, как по Гринвичу», — подумал Пуаро.

Сказав на прощание несколько цветистых фраз, он удалился.

Доктор Ренделл в целом произвел на него впечатление человека радужного, миссис Ренделл — женщины, сдержанной на слова и встревоженной.

Таковыми, выходит, они были, эти Ренделлы, к которым миссис Магинти приходила убираться с утра по вторникам.

«Охотничий двор» оказался прочным, массивным зданием, построенным в викторианском стиле, к которому вела длинная и неопрятная аллея, сплошь заросшая травой. В прежние годы он большим не считался, по временам нынешним был громоздким и неудобным.

У открытой двери молодой иностранки Пуаро спросил миссис Уэдерби.

Служанка долго молча смотрела на него, потом ответила:

— Я не знаю. Входите, пожалуйста. Может, мисс Хендерсон?

И оставила стоять его в прихожей. Комната эта, как говорилось бы в рекламном проспекте агентов по продаже недвижимости, была «полностью меблирована» свезенными со всего света антикварными вещицами, покрытыми тонким слоем пыли.

Несколько минут спустя иностранка вернулась.

— Пожалуйста, идти, — сказала она и проводила гостя в прохладную комнату с большим письменным столом и камином. На каминной полке Пуаро увидел огромный и уродливый медный кофейник с длиннющим изогнутым носиком, действительно похожим на кривой нос.

Дверь позади него отворилась, в комнату вошла девушка.

— Маме нездоровится, — сообщила она. — Я могу ее заменить?

— Вы — мисс Уэдерби?

— Хендерсон. Мистер Уэдерби — мой отчим.

На вид ей было около тридцати; некрасивая, крупного сложения, нескладная, она настороженно смотрела на посетителя.

— Я хотел попросить вас рассказать мне о миссис Магинти, которая вам в свое время помогала по хозяйству.

Настороженность в ее глазах сменилась удивлением.

— Миссис Магинти? Но ведь она умерла.

— Я знаю, — мягко заметил Пуаро. — И тем не менее я бы очень просил вас рассказать мне о ней.

— Вы из страховой компании?

— Нет, страхование здесь ни при чем. Просто в этом деле открылись новые обстоятельства.

— Новые обстоятельства? Вы имеете в виду обстоятельства ее смерти?

— Я веду следствие по поручению адвокатов мистера Бентли.

Продолжая удивленно на него пялиться, девушка спросила:

— А что, разве это не он убил ее?

— Суд признал Джеймса Бентли виновным. Но, как известно, ошибаться могут и присяжные.

— Так это все же кто-то другой убил ее?

— Может быть.

— Кто? — резко спросила она.

— В том и вопрос, — все так же мягко ответил Пуаро.

— Я ничего не понимаю.

— Не понимаете? Но вы можете мне что-то рассказать о миссис Магинти?

— Наверное... — неохотно произнесла она. — Что вы хотите знать?

— Для начала — что вы вообще о ней думаете?

— Да ничего определенного. Она ничем не отличалась от других.

— Была она разговорчива или молчалива? Любопытна или сдержанна? Общительна или замкнута? Порядочна или... не очень?

Девушка задумалась.

— Работала она хорошо, но... много говорила. Иной раз несла такое!.. Я, положа руку на сердце, ее недолюбливала.

Дверь открылась, в комнату заглянула служанка.

— Мисс Дейдрде, ваша мама говорит: пожалуйста, приводить.

— Мама хочет, чтобы я привела этого джентльмена к ней?

— Да, пожалуйста, спасибо.

Дейдрде нерешительно посмотрела на Пуаро.

— Вы подниметесь со мной к маме?

— Ну, конечно!

Дейдрде проводила его к лестнице и поднялась на второй этаж. По дороге она неожиданно, как-то не к месту, заметила:

— Господи, от этих иностранцев с ума можно сойти!

Поскольку замечание относилось не к нему, а к прислуге, Пуаро обижаться не стал. Он просто подумал, что Дейдрде Хендерсон довольно простодушна, простодушна до бестактности.

Комната наверху была сплошь заставлена различными безделушками. Они, без сомнения, принадлежали женщине, объездившей множество стран, возвращавшейся из каждого путешествия с обязательными сувенирами. Большинство из них были специально изготовлены для туристов и ради содержимого их кошельков. Здесь было множество диванчиков, столиков, кресел и стульев, слишком мало воздуха и чересчур много драпировки, а в центре всего этого изобилия возлежала сама миссис Уэдерби.

Пуаро она показалась маленькой печальной миниатюрной женщиной в огромной комнате. Таков был эффект. На самом же деле миссис Уэдерби была отнюдь не такой маленькой, какой хотела казаться. Женщинам даже среднего роста удается иногда выглядеть крохотными и «беспомощными».

Она удобно расположилась на диване, рядом с ней лежали книги, мотки шерсти для вязания, коробка шоколадных конфет, стоял стакан с апельсиновым соком.

— Вы уж извините, что я не поднимаюсь, — весело проговорила хозяйка, — но доктора настаивают, чтобы я ежедневно отдыхала, и начинают меня бранить, если я их не слушаюсь.

Пуаро взял протянутую руку и склонился над ней с подобающими случаю почтительными выражениями.

— Он спрашивает о миссис Магинти, — произнесла у него за спиной бескомпромиссная Дейдрде.

Тонкая кисть, до того момента такая расслабленная, дрогнула в его руке и напряглась, напомнив на мгновение птичью лапку. Не гладкую фарфоровую — хищную, когтистую...

— Какая ты нелепая, Дейдрэ, милая! — улыбнулась миссис Уэдерби. — Кто такая эта миссис Магинти?

— Мама, ты же помнишь ее. Она у нас убирала. Ну, та, которую убили.

Миссис Уэдерби прикрыла глаза и затрепетала.

— Ах, не надо, дорогая. Ужасный случай! Я так перенервничала, неделю в себя прийти не могла. Бедная женщина, но ведь глупо прятать деньги под половой доской. Надо было положить их в банк. Разумеется, я все помню, просто я забыла ее фамилию.

— Он хочет поговорить о ней, — флегматично повторила Дейдрэ.

— Присаживайтесь же, мсье Пуаро. Я буквально снедаема любопытством. Мне недавно позвонила миссис Ренделл, она рассказала, что к нам приехал знаменитый криминалист, описала вас. А когда идиотка Фрида обрисовала гостя, я поняла, что это, должно быть, вы, и попросила привести вас ко мне. Так расскажите же мне, что все это значит?

— Ваша дочь сказала вам правду: меня интересует миссис Магинти. Она работала у вас, приходила, насколько мне известно, по средам. В среду она и погибла. Таким образом, в тот день, перед смертью, она была у вас?

— Наверное. Но утверждать не стану, слишком много времени прошло с тех пор.

— Да. Несколько месяцев. А в тот день она ничего не говорила вам... странного?

— Люди ее сословия всегда много говорят, — неприязненно произнесла миссис Уэдерби. — Обычно их не слушают. Да и не могла же она сообщить, что ее вечером ограбят и убьют, верно?

— Существуют причина и следствие, — заметил Пуаро.

Миссис Уэдерби удивленно наморщила лоб.

— Не понимаю, о чем вы?

— Возможно, я и сам этого не понимаю, — пока. Приходится в полной темноте искать выход к свету... Вы читаете воскресные газеты, миссис Уэдерби?

Ее синие глаза широко раскрылись.

— Да, конечно. «Обсервер» и «Санди комет». Почему вы об этом спрашиваете?

— Так. Миссис Магинти читала «Санди комет» и «Ньюс оф де уорлд».

Он замолчал, но и они молчали тоже. После долгой паузы миссис Уэдерби вздохнула и вновь прикрыла глаза.

— Печальное происшествие нам пришлось пережить. Надо же ей было взять такого квартиранта, это чудовище! По-моему, у него с головой не все в порядке. С другой стороны, он был высокообразованным молодым человеком, но это лишь усугубляет его вину.

— Вы так считаете?

— Конечно! Каким надо быть жестоким — ударить женщину по голове ножом для рубки мяса. Фу!

— Полиция орудие убийства так и не нашла.

— Он, наверное, в пруд его выбросил.

— В прудах искали, воду откачивали, — сказала Дейрдре. — Я сама видела.

— Не надо этих ужасных подробностей, милая, — вздохнула миссис Уэдерби. — Ты же знаешь, сколь неприятно мне думать о таких вещах. Ах, как разболелась голова!

Девушка с гневом повернулась к Пуаро.

— Вам не следует продолжать этот разговор. Сами видите, как дурно он действует на маму. Она ужасно чувствительна. Она даже детективы читать не может.

— Приношу свои извинения, — сказал Пуаро и поднялся. — У меня только одно оправдание: через три недели должны повесить человека. И если он не...

Миссис Уэдерби приподнялась на локте и пронзительно выкрикнула:

— Виновен! Он убил! Он!

Пуаро покачал головой.

— Я в этом не уверен.

Спускаясь по лестнице, он услышал, как следом за ним из комнаты выскочила девушка. Она догнала его уже в прихожей.

— Что вы хотели этим сказать? — был ее вопрос.

— Только то, что сказал, мадемуазель.

— Да, но...

Она не договорила. Пуаро тоже молчал.

— Вы расстроили маму, — медленно проговорила Дейрдре. — Она не переносит разговоров на подобные темы — об ограблениях, убийствах и вообще насилии.

— Наверное, убийство своей домработницы она тяжело переживала?

— О да, конечно. Она слегла, ничего об этом слышать не желала... Мы... я стараюсь ограждать ее от всякой гадости, от зверства, щадить ее чувства.

— А как же война?

— К счастью, нас не бомбили.

— А вы чем в те годы занимались, мадемуазель?

— Работала в добровольческом отряде содействия в Килчестере. Водила машину. Оставить дом, как вы понимаете, я не могла. Мама нуждалась в моей помощи. Она вообще противилась тому, чтобы я надолго исчезала. Было непросто. Да еще проблема с прислугой — мама слаба здоровьем, и по хозяйству, естественно, ничего делать не могла. А прислугу найти было очень трудно. Поэтому миссис Магинти нам даром Божиим показалась; с тех пор она у нас и работала, свои обязанности выполняла великолепно. Хотя, конечно, все изменилось, такого, как раньше, уже нет.

— А вас это сильно беспокоит, мадемуазель?

— Меня? Нет. — Дейрдре, казалось, была удивлена. — А вот мама — да. Она... живет в прошлом.

— Это мне знакомо, — заметил Пуаро.

Он мысленно представил себе комнату, в которой только что побывал. Там стоял комод, один из ящиков его, доверху набитый всякой всячиной, был выдвинут. Чего там только не было! И подушечки для булавок, и серебряный кофейник, и старые журналы — столько всего, что ящик не закрывался.

— Характерно, что люди ее склада хранят множество вещей, напоминающих им о минувших временах: программы танцевальных вечеров, веера, фотографии старых друзей, ресторанные меню и театральные программы, поскольку все они воскрешают память о прожитых днях, — негромко продолжил он.

— Вы, наверное, правы, — согласилась Дейрдре. — Мне этого не понять. Я ничего не храню.

— Вы смотрите в будущее, не в прошлое?

— Не знаю, смотрю ли вообще куда-нибудь... — ответила девушка. — Для жизни достаточно, по-моему, настоящего.

В этот момент открылась дверь, в прихожую с улицы вошел пожилой мужчина. Увидев Пуаро, он словно прирос к полу, взглянул на Дейрдре, и брови его удивленно поползли вверх.

— Это мой отчим, — сказала Дейрдре. — Простите, я не спросила вашу фамилию.

— Я — Эрколь Пуаро, — представился он со свойственной ему скромностью члена королевской семьи.

На мистера Уэдерби его имя, однако, не произвело никакого впечатления. Он молча повернулся и протянул руку с пальто к вешалке.

— Он пришел порасспросить о миссис Магинти, — объяснила Дейрдре.

Ее отчим на секунду замер, затем повесил пальто и недовольно заметил:

— Мне это кажется довольно странным. Женщина погибла несколько месяцев назад, и, хотя она здесь работала, мы не располагаем сведениями ни о ней, ни о ее семье. Иначе мы бы давно рассказали все полиции.

Судя по тону, мистер Уэдерби считал разговор оконченным. Он взглянул на часы.

— Ленч, как я понимаю, будет подан через четверть часа?

— Боюсь, сегодня он запоздает.

Брови мистера Уэдерби вновь поползли вверх.

— Вот как? Почему, позвольте вас спросить?

— Фрида была очень занята.

— Дорогая моя Дейрдре, мне очень неприятно напоминать тебе об этом, но обязанности по дому возложены на тебя. И в этом плане я просил бы быть порасторопнее.

Пуаро открыл входную дверь, вышел на улицу и на пороге оглянулся.

Мистер Уэдерби смотрел на падчерицу с холодной неприязнью. Ответный взгляд был полон ненависти.

Глава 10

Пуаро неспешно поднимался по склону к вершине холма. Вскоре он поравнялся с «Ракитником» — двумя составленными

вместе коттеджами, перестроенными в современном стиле. Здесь проживали миссис Апуард и ее сын, подающий надежды молодой драматург Робин Апуард.

Пуаро приостановился на секунду у ворот, дабы пригладить пышные усы; в этот момент из-за поворота выехал легковой автомобиль, и в цеку ему совершенно неожиданно ударил с силой брошенный в него огрызок яблока.

Перепуганный Пуаро громко и протестующе вскрикнул. Машина остановилась, в ее окошке показалась голова водителя.

— Извините. Я попала в вас?

Пуаро готов был разразиться гневной тирадой, но не издал ни звука. Он смотрел на исполненное благородства лицо сидевшей за рулем женщины, на ее массивный лоб, растрепанные ветром седые волосы и вспоминал. Благополучному исходу этого мыслительного процесса способствовал и пущенный в него яблочный огрызок.

— Ну, конечно! — воскликнул он. — Это же миссис Оливер!

Действительно, перед ним была знаменитая сочинительница детективных историй.

С возгласом: «Ба, да ведь это мсье Пуаро!» — писательница попыталась выбраться из автомобиля, но он был маленький, а миссис Оливер — большая, и Пуаро поспешил к ней на помощь.

Пробормотав виновато: «Засиделась, пока ехала», — она вдруг вылетела на дорогу, как пробка из бутылки. Вместе с ней посыпались на землю и покатались, подсакаивая, вниз по склону холма румяные яблоки.

— Пакет разорвался, — пояснила миссис Оливер, смахнула с необъятного бюста несколько заблудших крошек недоеденного плода и встряхнулась на манер крупного ньюфаундленда. Еще одно яблоко, притаившееся в укромном уголке ее пышного тела, покатилося вдогонку за своими братьями и сестрами.

— Как жаль, что он лопнул, — посетовала миссис Оливер. — Хорошие были яблоки, от Кокса. Хотя здесь, в деревне, их должно быть в достатке. Или нет? Их не все отсюда вывозят? В наши дни все так странно. Ну, а вы как, мсье Пуаро? Вы здесь живете? Нет, конечно. Значит, опять убийство? Надеюсь, не мою хозяйку прикончили?

— Вашу хозяйку?

— Отсюда, — кивнула на дом миссис Оливер. — Если, конечно, это «Ракитник». Судя по тому, как мне объяснили, это он и есть. Что она из себя представляет?

— Вы с ней не знакомы?

— Нет. Я приехала сюда по делу. По моей книге пишется сценарий, им занимается Робин Апуард. Надо поработать над ним вдвоем.

— Примите мои поздравления, мадам.

— Хелло! — услышали он приятный тенорок. — Уж не миссис ли Оливер?

— Я самая! — крикнула она в ответ и тихо сказала, обращаясь к Пуаро: — Не волнуйтесь. Я буду держать язык за зубами.

— О, нет, мадам, не надо. Я вовсе не хочу, чтобы вы держали язык за зубами. Как раз наоборот.

Робин Апуард спустился по ступеням на дорожку и направился к калитке. Он был без шляпы, в старых серых фланелевых штанах и потрепанной спортивной куртке. И если бы не склонность к полноте, его можно было бы назвать красавцем.

— Ариадна, драгоценность моя! — воскликнул Робин, сердечно обнял ее, затем отстранился, держа руки на ее плечах. — Дорогая, у меня появилась великолепная мысль по второму акту.

— Неужели? — без всякого энтузиазма отозвалась миссис Оливер. — Познакомьтесь: мсье Эркюль Пуаро.

— Чудесно! Вы с вещами?

— Да, они в багажнике.

Робин вынул из машины два чемодана и вздохнул.

— Тоска! У нас нет прислуги. Только старая Джанет, а какой от нее прок? Такая досада! Ух, какие тяжелые у вас чемоданы. Что в них? Бомбы?

Нетвердой походкой он пошел по дорожке, крикнув через плечо:

— Заходите в дом, налейте себе чего-нибудь с дороги!

— Это он вам, — пояснила миссис Оливер, беря с переднего сиденья сумочку, книгу и пару старых туфель. — Что это вы мне сказали? Вы хотите, чтобы я ничего не скрывала, я вас правильно поняла?

— Чем меньше вы будете скрывать, тем лучше.

— Как скажете. Я бы сделала наоборот, но дело ваше.

На крыльце вновь появился Робин.

— Входите, входите, — позвал он. — Машину загоним потом. Мадре не терпит увидеть вас.

Миссис Оливер устремила по дорожке к дому, Пуаро последовал за ней.

«Ракитник» восхищал великолепием интерьера. Пуаро догадался, что в него была вложена немалая сумма, но результатом стала очаровательная и богатая простота. Все, вплоть до малейшей детали, было на своем, только ей предназначенном месте.

Из кресла-каталки у камина в гостиной их встречала улыбкой Лора Апуард. Ей было за шестьдесят, седые волосы, волевой подбородок, бодрый вид.

— Рада познакомиться с вами, миссис Оливер, — сказала она. — Вы, наверное, терпеть не можете разговоров о ваших книгах, но на протяжении уже многих лет я находила в них утешение, особенно с тех пор, как превратилась в инвалида.

— Вы очень любезны, — как школьница, смущенно ломая руки, ответила гостья. — А это — мсье Пуаро, мой старый друг. Мы случайно встретились с ним перед вашим домом. Я попала в него огрызком яблока. Как Вильгельм Телль, только наоборот.

— Здравствуйте, мсье Пуаро. Робин!

— Да, мадре.

— Принеси спиртное. Где сигареты?

— На том столике.

— Вы тоже писатель, мсье Пуаро? — спросила хозяйка.

— Ах, нет, — ответила за него миссис Оливер. — Он детектив.

Типа Шерлока Холмса, знаете ли: охота на оленей, скрипка и все такое. Сюда он приехал расследовать убийство.

Послышался тихий звон разбитого стекла.

— Да осторожнее ты, Робин, — грубовато отреагировала миссис Апуард и тут же вновь обернулась к Пуаро. — Это очень интересно, мсье.

— Значит, Морин Саммерхейз сказала правду! — воскликнул Робин. — Она что-то долго и радостно толковала мне об остановившемся у них сыщике. А это, выходит, вы. И что, дело действительно серьезное?

— Конечно, серьезное, — опять опередила Пуаро миссис Оливер. — Среди вас гуляет на свободе настоящий преступник.

— Хорошо, пусть так, но кто все-таки убит? Или все это из сферы жутких тайн?

— Никаких тайн, — ответил Пуаро. — Об этом убийстве вам давно известно.

— Миссис Мак... как-то, поденщица, прошлой осенью, — подсадила миссис Оливер.

— А! — разочарованно произнес Робин. — Но ведь это дело конченное.

— Вовсе нет, — возразила миссис Оливер. — Арестован невиновный, и его повесят, если Пуаро вовремя не найдет настоящего убийцу. Захватывающая история.

Робин наполнил бокалы и рюмки.

— Тебе «Белую леди», мадре?

— Спасибо, милый.

Пуаро слегка нахмурился. Робин подал напитки миссис Оливер и ему.

— Что ж, за преступление!

А выпив, добавил:

— Она и у нас работала.

— Миссис Магинти? — уточнила Ариадна.

— Да. Так, мадре?

— Она приходила раз в неделю. Если ты называешь это работой...

— Иногда мы приглашали ее чаще.

— Что она из себя представляла? — спросила миссис Оливер.

— Ужасно порядочная и невыносимо аккуратная. У нее была кошмарная привычка все протирать и рассовывать по ящикам, так что потом ничего невозможно было найти.

— Если бы кто-то не рассовывал вещи по местам, хотя бы раз в неделю, — с мрачным юмором заметила миссис Апуард, — то сейчас в этом домишке и передвигаться было бы невозможно.

— Знаю, мадре, знаю. Но если вещи исчезают оттуда, куда я их кладу, то как я могу работать? Все мои записи путаются.

— Ужасно быть такой беспомощной, как я, — пожаловалась хозяйка. — У нас верная служанка, но она стара и может лишь немного готовить.

— Что с вами? — поинтересовалась миссис Оливер. — Артрит?

— Нечто в этом роде. Боюсь, мне в скором времени понадобится постоянная сиделка. Грустно! Я люблю независимость.

— Ну-ну, мадре, не расстраивай сама себя.

Робин похлопал ее по руке.

Она неожиданно нежно улыбнулась ему в ответ.

— Робин ласков со мной, как дочь. Все делает, все предусмотрит. Такого заботливого сына поискать надо.

Они одарили друг друга улыбками.

Пуаро поднялся.

— Увы, мне пора. Надо зайти еще в одно место, а потом поспеть на поезд. Мадам, благодарю за гостеприимство. Мистер Апуард, желаю успеха вашей пьесе.

— А вам — успеха с расследованием, — вставила миссис Оливер.

— Так это все-таки серьезно? Это не розыгрыш? — спросил Робин.

— Конечно, серьезно, — подтвердила Ариадна. — Какие уж тут розыгрыши! Вот только не хочет мне сказать, кто убийца, а ведь знает, правда?

— Нет-нет, мадам, что вы, — достаточно неубедительно запротестовал Пуаро. — Пока не знаю.

— Это вы так говорите, но я уверена, что знаете... Вы же такой скрытный.

— Неужели все это правда? — спросила миссис Апуард. — Или вы все же шутите?

— Не шучу, мадам, — ответил Пуаро.

Откланявшись, он удалился.

Уже на дорожке до него донесся из открытого окна голос Робина:

— Хорошо, хорошо, Ариадна, милая, согласен, но с такими усищами и вообще... Как можно принимать его всерьез? Вы уверены, что он способный?

Пуаро усмехнулся. «Способный», надо же!

Выйдя за калитку, он вовремя отскочил назад: мимо, качаясь и грохоча, пронесся фургончик Саммерхейзов. За рулем сидел майор.

— Извините, — высунулся он из окна. — Тороплюсь к поезду!

И тише, удаляясь:

— Ковент гарден...

Пуаро тоже намеревался в тот день ехать местным поездом в Килчестер, где назначил встречу суперинтенданту Спенсу.

У него оставалось время для еще одного, последнего, визита.

Поднявшись на вершину холма, он зашагал по хорошо ухоженной подъездной дороге к современному бетонному дому с плоской крышей и огромными окнами. Здесь жили мистер и миссис Карпентер. Гай Карпентер был совладельцем большого предприятия — «Карпентер энжиниринг уоркс» — и богатым человеком, недавно занявшимся политикой. Женаты они были не так давно.

Открывший ему дверь слуга не был ни иностранцем, ни «старым преданным другом семьи». Он был невозмутим и не желал пускать Пуаро даже на порог. С его точки зрения, подобным типам в доме делать нечего. Он, без сомнения, подозревал, что Пуаро пришел с намерением всучить хозяевам что-нибудь ненужное.

— Мистера и миссис Карпентер нет дома.

— Тогда, если позволите, я подожду.

— Я не знаю, когда они вернутся.

И закрыл дверь.

Пуаро, однако, и не подумал ретироваться. Вместо этого он обогнул угол дома и едва не налетел при этом на высокую молодую женщину в норковой шубе.

— Какого черта вам здесь надо? — воскликнула она.

Пуаро галантно приподнял шляпу.

— Я надеялся поговорить с мистером или миссис Карпентер. Имею ли я честь и удовольствие видеть миссис Карпентер?

— Да, это я, — все так же недобезно ответила женщина, но тон ее все же чуточку смягчился.

— Я Эркюль Пуаро.

— И что же?

— Я хотел увидаться с мистером Карпентером, но вы, мадам, устраиваете меня больше. Ибо меня интересуют вопросы домашнего хозяйства.

— Нам ничего не нужно, у нас все есть, — торопливо проговорила миссис Карпентер, подозрительно глядя на него.

Пуаро рассмеялся.

— Нет, нет, вы меня неправильно поняли. Я всего лишь хочу задать вам несколько вопросов по домашнему хозяйству.

— А, анкеты дурацкие, — она осеклась. — Может, нам лучше войти в дом?

Миновав прихожую, они оказались в просторной комнате с видом на ухоженный сад. Обстановка здесь была современная: набор из большого обитого парчой дивана и двух кресел с подлокотниками, три-четыре стула под чиппендейль*, секретер, письменный стол.

Миссис Карпентер обернулась, и Пуаро посмотрел на нее оценивающим взглядом. Дорогая и красивая молодая женщина. Очень светлые, «платиновые» волосы, тщательно наложенный грим, огромные васильковые глаза — застывшие, прекрасные, влажные глаза.

— Присаживайтесь, прошу вас, — предложила она вежливо, но в голосе ее прозвучала плохо скрытая скука.

Он сел.

— Вы очень любезны, мадам. Разрешите перейти к моим вопросам. Они касаются некой миссис Магинти, скончавшейся — то есть убитой — в ноябре прошлого года.

— Миссис Магинти? Я вас не понимаю.

Она вновь смотрела на него подозрительно.

— Вы помните миссис Магинти?

— Нет. Я ничего о ней не знаю.

— Вы не помните ее убийства? Или убийства здесь настолько заурядное явление, что вы их попросту не замечаете?

— Ах, убийство. Ну да, конечно. Я забыла ее фамилию.

— Несмотря на то, что она у вас работала?

* Стиль английской мебели XVIII века.

— Вовсе нет. Меня здесь тогда не было. Мы с мистером Карпентером вступили в брак три месяца назад.

— Но она все же работала у вас. По пятницам. Вы тогда были миссис Селкрек и жили в «Розовом коттедже».

— Если вам известны все ответы, то зачем задавать вопросы? — обиделась она. — И вообще к чему все это?

— Я провожу расследование по делу об ее убийстве.

— Почему? Зачем? И при чем тут я?

— Вы можете что-то знать и рассказать мне.

— Я ничего не знаю. Почему я должна что-то знать? Она была всего-навсего глупой поденщицей, хранила деньги под половиной доской, кто-то ограбил ее и убил. Омерзительное, зверское преступление. О таких часто пишут в воскресных газетах.

Пуаро тут же подхватил:

— Верно, в воскресных газетах. В таких, например, как «Санди комет». Вы читаете «Санди комет»?

Хозяйка подскочила и неверной походкой бросилась к открытой застекленной двери. Двигалась она до того неуверенно, что по дороге налетела на открытую створку, напомнив Пуаро красивую ночную бабочку, слепо бьющуюся в стеклянный абажур включенной лампы.

— Гай! Гай! — позвала она.

— Да, Ив? — ответил мужской голос.

— Иди скорее сюда.

В поле зрения Пуаро возник высокий мужчина лет тридцати пяти. Он ускорил шаги, пересек террасу и приблизился к двери.

— Здесь какой-то человек, иностранец, — заговорила она быстро и возбужденно. — Он задает мне разные вопросы об этом ужасном убийстве прошлой осенью. Помнишь, убили какую-то старуху поденщицу? Подобные разговоры действуют мне на нервы.

Мужчина нахмурился и вошел в гостиную. Его удлиненное, лошадиное лицо было бледным и надменным.

Эркюлю Пуаро он не понравился.

— Что все это значит, хотел бы я знать? Почему вы позволяете себе беспокоить мою жену?

Пуаро развел руками.

— Менее всего я желал бы беспокоить такую очаровательную леди. Я просто надеялся, что мадам — поскольку погибшая работала у нее — сможет помочь мне в расследовании, которое я провожу.

— Что еще за расследование?

— Да-да, спроси его об этом.

— Возобновлено следствие по делу об убийстве миссис Магинти.

— Чепуха. Дело закрыто.

— Нет, вы ошибаетесь. Оно не закрыто.

Карпентер нахмурился.

— Возобновлено? Кем? Полицией? Ерунда. Вы не из полиции.

— Это верно. Я работаю независимо от нее.

— Он из прессы, — вмешалась Ив. — Из какой-то гадкой воскресной газетенки. Он сам сказал.

Карпендер насторожился. В его положении портить отношения с прессой было неблагоприятно, и потому следующие слова он произнес на много миролюбивее:

— Моя супруга чрезвычайно ранима. Уверю вас, вам не имеет смысла ее беспокоить. Покойную она почти не знала.

— Она была обыкновенной глупой поденщицей, — с жаром повторила миссис Карпендер. — Я уже сказала ему. И страшной лгуньей к тому же.

— О, вот это уже интересно. — Пуаро сиял, переводя взгляд с хозяина на его супругу и обратно. — Значит, говорите, она лгала. Что ж, замечание ваше может оказаться весьма ценным.

— Почему? Для чего? — хмуро спросила Ив.

— Для определения мотива преступления. Именно этим я сейчас и занимаюсь.

— Ее ограбили, — вмешался Карпендер. — Деньги и были мотивом.

— Ой ли? — усомнился Пуаро и поднялся, как актер, произнесший заключительную реплику. — Сожалею, если невольно причинил мадам огорчения, — сказал он вежливо. — Подобные истории всегда доставляют одни неприятности.

— Да, происшествие было ужасное, — быстро сказал Карпендер. — Естественно, моей жене не хотелось о нем вспоминать. Очень жаль, что мы ничем не можем вам помочь.

— Но вы мне помогли.

— Извините, я не понял.

— Миссис Магинти лгала. Очень ценный факт. А как она лгала, мадам, вы могли бы уточнить?

Он вежливо ждал ответа. Ив долго молчала, потом наконец сказала.

— Так, ничего определенного... Я не помню.

Осознав, вероятно, что оба мужчины смотрят на нее с ожиданием, она добавила:

— Глупости разные... о людях. Не может быть, чтобы это было правдой.

— Ага, понимаю. Она была опасна на язык, — после очередной длительной паузы высказал предположение Пуаро.

Ив сделала порывистое движение к нему.

— Ах, нет, этого я не говорила. Просто она... сплетничала.

— Просто сплетничала, — тихо повторил Пуаро и взмахнул прощально рукой.

Гай Карпендер проводил его в прихожую.

— Вы говорили о газете... воскресной. Что это за газета?

— Мадам я назвал «Санди комет», — уклончиво ответил Пуаро.

— «Санди комет», — задумчиво повторил Карпендер. — Боюсь, я редко ее читаю.

— В ней печатают иной раз любопытные материалы. С интересными иллюстрациями.

Не дав паузе затянуться, он откланялся:

— Au revoir *, мистер Карпендер. Извините, если я... побеспокоил вас.

* До свидания (франц.).

Выйдя за ворота, Пуаро оглянулся.

— Интересно,— пробормотал он в усы.— Интересно...

Глава 11

Спенс тяжело вздохнул.

— Я вовсе не хочу сказать, мсье Пуаро, что вам ничего не удалось найти,— медленно проговорил он.— Скорее наоборот. Но все это неубедительно, шатко. Ужасно шатко!

Пуаро кивнул.

— Сами по себе мои находки не доказательство, верно. Нужно что-то еще.

— Сержант или я должны были обратить внимание на газету.

— Не терзайтесь, Спенс, все было настолько очевидно! Ограбление с убийством. Вещи перерыты, деньги исчезли. Какое значение для вас могла иметь порванная газета среди остальных ее пожитков?

— Я должен был обратить на нее внимание,— упрямо повторил Спенс.— А чернила?

— Я услышал о них совершенно случайно.

— Что привлекло к ним ваше внимание?

— Случайная фраза о письмах. И вы, и я, Спенс, мы пишем множество писем, для нас это вполне обычное дело.

Спенс еще раз вздохнул и положил на стол четыре снимка.

— Это фотографии, которые вы просили. Оригиналы опубликованных в «Санди комет». Они по качеству чуть лучше, чем в газете, но все равно почти ничего не разберешь — старые, выцветшие, а женщине стоит лишь прическу сменить — и перед вами другой человек. По этим снимкам ничего не определишь, нет профилей, не видно ушей. А этот колпак, а завивка, а розы! Бесполезно.

— Вы согласны со мной, что Веру Блейк мы можем исключить?

— Пожалуй. Появись она в Бродхинни — об этом знали бы все. Рассказы о собственной трагической судьбе — ее ампула.

— Что вы можете сказать об остальных?

— Времени было немного, собрал, что успел. Ива Кейн уехала за границу после приговора Крейгу. Могу назвать и фамилию, которую она себе взяла. Хоуп*. Улавливаете?

— Да-да, романтика ощущается. «Нет среди нас прекрасной Ивлин Хоуп». Строка из стихотворения кого-то из ваших поэтов. Уверен, она об этом думала. Кстати, ее полное имя — Ивлин?

— Наверное. Но звали ее все Ивой. Да, Пуаро, если уж мы заговорили об этом, мнение полиции об Иве Кейн не совпадает с тем, что напечатано в «Санди комет». Расхождение полное.

Пуаро улыбнулся.

— Мнение полиции не доказательство. Но ориентир верный. Так что же думает о ней полиция?

— Что она ни в коем случае не невинная жертва, как считала

* Надежда.

публика. Я тогда был очень молод и помню, что об этом говорил мой старый шеф и инспектор Трейлл — ему поручено было расследование. Трейлл считал (но доказательств тому не было, заметьте), что идея убраться с дороги миссис Крейг целиком и полностью принадлежала ей и что она не только задумала это, но и сама исполнила. А Крейг однажды вернулся домой и обнаружил, что его подружка избрала кратчайший путь к решению своих проблем. Надеялась, наверное, что смерть примут за естественную. Но Крейг оказался рассудительнее. Он здорово струхнул и решил избавиться от трупа, зарыв его в подвале, а затем убедил всех в том, что жена умерла за границей. Когда же все всплыло наружу, он стал твердить, что сделал все сам, а Ива Кейн ничего о том не знала. — Спенс пожал плечами. — Никто ничего доказать не мог. Яд находился в доме, любой из них мог им воспользоваться. Ива Кейн сама невинность, она трепетала от ужаса. И хорошо играла, талантливая артисточка. У инспектора Трейлла были подозрения на ее счет, но ухватиться было не за что. За достоверность своего рассказа не ручаюсь. Это не доказательство.

— Но он дает основание предположить, что по крайней мере одна из этих «женщин с трагической судьбой» была отнюдь не столь несчастна, как считалось, что она была убийцей и в определенных обстоятельствах могла убить опять... А теперь — к следующей. Джанис Кортланд. Что вы о ней можете поведать?

— Я просмотрел карточки. Хороша штучка. Если уж повесили Эдит Томпсон, то следовало повесить и Джанис Кортланд. Два сапога пара, она и муженек ее, а мальчишку она просто окрутила. Причем, заметьте, он ей совсем был не нужен, на ее горизонте постоянно маячил другой человек, богатый, а чтобы выйти за него замуж, надо было избавиться от мужа.

— Ей это удалось?

Спенс пожал плечами.

— Представления не имею.

— Она уехала за границу, а потом?

Спенс опять пожал плечами.

— Она была свободной. Никаких обвинений ей не предъявили. Вышла ли замуж, что с ней случилось в дальнейшем — не знаю.

— Вот так, случайно, с ней можно встретиться на какой-нибудь вечеринке, — сказал Пуаро, вспомнив замечание доктора Ренделла.

— Точно.

Пуаро перевел взгляд на последнюю фотографию.

— А ребенок? Лили Гамболл?

— Она была еще мала, и обвинение в убийстве ей предъявить не могли. Отправили в колонию. Там у нее хорошие характеристики. Обучена стенографии и машинописи. Последний раз ее видели в Ирландии. Я думаю, Лили Гамболл мы тоже можем исключить, как и Веру Блейк. В конце концов она исправилась, а люди не держат зла на ребенка за то, что он сотворил в порыве гнева. Вы как считаете?

— Я бы с вами согласился, — ответил Пуаро, — если бы не секач. Сомнений в том, что Лили Гамболл ударила тетю сека-

чом, ни у кого нет. Убийца миссис Магинти тоже использовал оружие, как говорят, типа секача.

— Возможно, вы и правы. Но сменим тему. Вас, как вижу, никто прикончить не пытался. Я рад.

— Н-нет, — не совсем уверенно подтвердил Пуаро.

— Не стану скрывать, я много раз со страхом о вас думал после нашей встречи в Лондоне. Что вы можете сказать о жителях Бродхинни?

Пуаро раскрыл блокнот.

— Иве Кейн, если она еще жива, должно быть под шестьдесят. Ее дочери, о которой с такой заботой пишет «Санди комет», должно быть за тридцать. Лили Гамболл — приблизительно столько же. Джанис Кортланд — около пятидесяти.

Спенс согласно кивнул.

— Теперь конкретно об обитателях деревни и в первую очередь о тех, у кого работала миссис Магинти.

— Это условно, насколько я понимаю.

— Да. Сложность в том, что миссис Магинти работала у многих, но пока будем считать, что она увидела то, что увидела — скорее всего фотографию, — в одном из домов, где работала постоянно.

— Согласен.

— В таком случае по возрасту нам подходят, во-первых, Уэдерби — у них миссис Магинти работала в день своей смерти. По возрасту миссис Уэдерби подходит Иве Кейн, у нее есть дочь, ей столько же, сколько должно быть дочери Ивы. Говорят, что это дочь от первого брака.

— А фотография?

— Друг мой, по фотографии опознать кого-либо невозможно. Слишком много времени прошло, слишком много, как вы говорите, воды утекло. Одно можно сказать с определенностью. Миссис Уэдерби, безусловно, в свое время была красивой женщиной. Об этом говорит и ее манерность. На вид она слишком слаба и беспомощна для того, чтобы совершить убийство, но ведь и Ива Кейн, насколько я понимаю, была такой же в глазах людей. Трудно сказать, сколько вообще понадобилось силы, чтобы убить миссис Магинти, не зная точно, каким орудием был нанесен удар, остроты его лезвия и так далее.

— Да, верно. Почему мы его так и не нашли? Но продолжайте.

— Что я еще могу сказать о семействе Уэдерби, так это то, что ее глава может при желании быть пренеприятнейшим типом — и бывает таковым. Дочь фанатически предана матери и ненавидит отчима. Я не комментирую эти факты, я лишь представляю их для размышлений. Дочь могла совершить убийство для того, чтобы не дать отчиму узнать о прошлом матери. По той же причине могла убить и сама мать. Отчим мог сделать это для того, чтобы предотвратить скандал. Сколько убийств было совершено в целях сохранения «респектабельности»! Сказать кому — не поверят. А Уэдерби — «почтенные люди».

Спенс кивнул.

— Если — я говорю «если» — в этой версии с «Санди комет»

вообще есть смысл, то подозрение, безусловно, падает в первую очередь на Уэдерби.

— Совершенно верно. Ну, а кроме нее, по возрасту Иве Кейн в Бродхинни подходит только миссис Апуард. Тому, что миссис Апуард, она же Ива Кейн, убила миссис Магинти, есть два возражения. Во-первых, она больна артритом и с кресла-каталки почти не поднимается...

— В детективном романе, — с грустью заметил Спенс, — ее артрит с коляской оказались бы фикцией, другое дело — реальная жизнь.

— Во-вторых, — продолжал Пуаро, — она человек сильный, догматического склада, твердой воли, склонная скорее запугивать, чем просить, а это расходится с описанием Ивы Кейн. Следует, конечно, помнить, что характеры людей меняются, самоуверенность зачастую приходит с возрастом.

— Что верно, то верно, — согласился Спенс. — Можно считать, что миссис Апуард — вариант возможный, но маловероятный. Пойдем дальше. Джанис Кортланд.

— Эту, я думаю, можно исключить. В Бродхинни нет никого ее возраста.

— Если только кто-то из местных женщин не сделал пластическую операцию. Это просто, стоит только слегка подтянуть кожу лица. Шучу, шучу, не обращайтесь внимания.

— В деревне трем женщинам за тридцать. Дейрдре Хендерсон, жене доктора Ренделла и миссис Карпентер. Другими словами, любая из них может быть либо Лили Гамболл, либо дочерью Ивы Кейн, если говорить о возрасте.

— А если иметь в виду вероятность?

Пуаро вздохнул.

— Дочь Ивы Кейн может быть высокой или маленькой, брюнеткой или блондинкой — у нас нет никаких данных о том, как она выглядит. О Дейрдре Хендерсон мы уже говорили, давайте об остальных. Первым делом должен сообщить вам следующее: миссис Ренделл явно напугана.

— Кого она боится? Вас?

— Думаю, что да.

— Знаменательно. Вы предполагаете, что миссис Ренделл может оказаться дочерью Ивы Кейн или Лили Гамболл? Она брюнетка, шатенка или блондинка?

— Блондинка.

— Лили Гамболл в детстве была светленькой.

— Миссис Карпентер тоже блондинка. И носит много грима. Не знаю, действительно ли она миловидна, но глаза у нее замечательные. Большие синие глаза.

— Ну что вы, Пуаро, в самом деле...

Спенс укоризненно покачал головой.

— Вы знаете, кого она мне напомнила, когда бежала из комнаты? Ночную бабочку. Она натыкалась на мебель и разводила руками, как слепая.

Спенс посмотрел на него снисходительно.

— Вы романтик, Пуаро, с вашей порхающей бабочкой и большими синими глазами.

— Вовсе нет, — возразил сыщик. — Романтиком был мой друг Гастингс, я — нет! Я человек сугубо практический. Просто пытаюсь разъяснить вам, что если красота женщины заключена в основном в ее глазах, то как бы близорука она ни была, а от очков все равно откажется, научится ходить без них, пусть очертания предметов расплываются и расстояние до них определяется с трудом.

И он постучал указательным пальцем по фотографии Лили Гамболл в очках с толстыми стеклами, искажавшими черты ее лица.

— Так вот оно что! Лили Гамболл?

— Нет, я говорю только, что это не исключено. Когда миссис Магинти умерла, миссис Карпентер еще не была миссис Карпентер. Она была молодой вдовой погибшего на войне летчика, жила бедно, в плохоньком домике для фермерских работников. Но вот она обручается с богатым человеком, живущим по соседству, — человеком крайне честолюбивым и с большими политическими амбициями. Если бы только Гай Карпентер узнал, что собирается жениться на женщине низкого происхождения, «прославившейся» в детстве убийством родной тетки, или, скажем, на дочери Крейга, одного из самых печально знаменитых преступников века — не случайно его восковая фигура выставлена у вас в «Палате ужасов», — возникает вопрос: как бы он в этом случае поступил? Вы, вероятно, скажете, что если он любил ее, то решения своего не изменил бы. Но Гай — человек иного склада. Я назвал бы его честолюбивым эгоистом, чересчур заботящимся о своей репутации. Я считаю, что если миссис Селкерк, как ее тогда звали, жаждала заключить этот брак, то ей бы очень не хотелось, чтобы факты ее неудачной биографии достигли ушей жениха.

— Понятно. Вы считаете, что это она, так?

— Повторяю: я не знаю. Я просто анализирую различные варианты. Со мной она была начеку, настроже, встревожена.

— Это подозрительно.

— Да, но все не так просто. Однажды я гостил у друзей в сельской местности; они отправились на охоту. Знаете, как это делается? Идешь с собакой и ружьем, собака поднимает дичь, та взлетает, а ты стреляешь — пиф-паф. Так и мы. Но поднимаем мы не одну птицу, в траве могут прятаться и другие, из тех, что нам, возможно, и не нужны. Но сами птицы этого не знают, и потому нам надо точно знать, какая из них наша. Пока миссис Карпентер вдовствовала, она могла совершить неосторожный поступок, не более того, но он тем не менее может доставлять ей теперь беспокойство. Без сомнения, чем-то должна быть вызвана ее фраза о том, что миссис Магинти лгала.

Спенс потер нос.

— Послушайте, Пуаро, вы можете мне ясно и определенно сказать, что вы по этому поводу думаете?

— Что я думаю — не важно. Я должен знать. А пока охота лишь начинается.

— Если бы нам только удалось найти что-нибудь конкретное, — пробормотал полицейский. — Какой-нибудь действительно

подозрительный факт. А пока одни догадки и предположения, причем притянутые за уши. Нить тонка. Могут ли вообще причины, о которых мы говорим, служить мотивом для убийства?

— Как сказать. Все зависит от множества факторов, семейных обстоятельств, о которых мы ничего не знаем. Одно бесспорно: в стремлении сохранить положение в обществе человек способен на многое. Это не художники и не богемы. В Бродхинни живут очень порядочные люди — так сказала моя знакомая на почте. А порядочные люди стараются уберечь свою репутацию. Представьте себе: годы спокойной супружеской жизни, никто не подозревает, что ты когда-то «прославилась» в одном из самых сенсационных процессов века, что твоя дочь — дочь знаменитого убийцы. О чем думает эта женщина? «Да лучше я умру, чем допущу, чтобы муж узнал правду». Или: «Я скорее умру, чем позволю дочери узнать, кто она на самом деле!» Но затем ей в голову может прийти другая мысль: пусть лучше умрет миссис Магинти...

— Так вы считаете, что это Уэдерби.

— Нет. Они лучше остальных вписываются в нашу схему, но и только. По характеру миссис Апуард больше подходит на роль убийцы, чем миссис Уэдерби. Она решительна, с характером и просто души не чаёт в своем сыне. Я думаю, она далеко может пойти, чтобы не позволить Робину узнать, что произошло с ней до вступления в брак с его отцом.

— Неужели он сильно расстроился бы?

— Я лично так не считаю. Робин по современному скептичен, порядочный эгоист, и привязанность его к матери, я бы сказал, куда слабее ее нежных чувств к нему. Нет, это не Джеймс Бентли.

— Допустим, что миссис Апуард действительно Ива Кейн; решился бы Робин на убийство Магинти, чтобы сохранить этот факт в тайне?

— Ни в коем случае. Да он бы просто раздул его. Использовал для саморекламы. Не представляю Робина Апуарда совершающим убийство ради сохранения репутации, из преданности или еще чего, кроме корысти.

Спенс вздохнул.

— Н-да, куда ни кинь... Не исключено, что что-то можно откопать в прошлом этих людей. Но на это потребуется время. Война все осложнила. Многие картотеки уничтожены, а те, кто хотел исчезнуть, получили массу возможностей для этого, воспользовавшись чужими удостоверениями, особенно после бомбежек, когда трупы невозможно было опознать. Если бы только мы могли сосредоточить внимание на ком-нибудь одном, но вы называете столько вариантов, Пуаро, что я теряюсь.

— Мы очень скоро сможем сократить их число.

Когда Пуаро покидал кабинет суперинтенданта, на сердце у него было не так легко, как могло показаться постороннему наблюдателю. Его, как и Спенса, тяготил фактор времени. Если бы у него только было время...

А в глубине души терзали сомнения: насколько прочна вы-

строенная им со Спенсом система? А что, если Джеймс Бентли все же виновен?..

Как мог, он противился возникшим гнетущим мыслям, но они беспокоили его.

Снова и снова он в деталях припоминал свою беседу с осужденным. Он думал о ней и сейчас, стоя на перроне килчестерского вокзала в ожидании поезда. День был базарный, на платформе толпились люди, и с каждой минутой все больше народу выходило на перрон через турникеты.

Пуаро наклонился, посмотрел вдоль путей. Поезд приближался. Не успел он выпрямиться, как кто-то вдруг толкнул его по пояснице. Толчок оказался настолько сильным и неожиданным, что Пуаро не удержался и начал валиться вниз; еще мгновение, и он бы оказался на рельсах, но стоявший рядом мужчина вовремя его подхватил и дернул назад.

— Что случилось? — спросил его спаситель, оказавшийся здоровенным армейским сержантом. — Голова закружилась? Вы же чуть под поезд не угодили.

— Благодарю вас. Тысячу раз благодарю.

Толпа вокруг них закружилась, люди засуетились. Одни сходили с поезда, другие занимали в нем места.

— Очухались? Давайте помогу вам подняться в вагон.

Потрясенный Пуаро опустил на свободное сиденье.

Бесплезно говорить «меня толкнули», но его действительно толкнули. До этого момента он был постоянно настороже, но после разговора со Спенсом, после добродушного вопроса суперинтенданта о том, не покушался ли кто на его жизнь, он как-то незаметно утратил чувство опасности, решил, что все позади и вряд ли ему что-либо грозит.

Но как он ошибался! Из тех бесед, которые он провел, одна достигла цели. Кого-то он встревожил, кто-то попытался положить конец его опасным попопзновениям воскресить закрытое дело.

Из телефонной будки в Бродхинни Пуаро позвонил Спенсу.

— Это вы, топ ами? Слушайте, у меня для вас прекрасная новость. Кто-то пытался меня убить...

Он с удовольствием выслушал поток критических замечаний и упреков на другом конце провода.

— Нет, я не пострадал. Но был на волосок от гибели... Да, под поездом. Нет, я не видел, кто толкнул. Но будьте уверены, мой друг, я докопаюсь. Теперь мы знаем, что находимся на верном пути.

Глава 12

За манипуляциями электромонтера со счетчиком наблюдал слуга Гая Карпентера.

— Отныне все будет по-другому, — объяснял техник. — Плата за электричество станет дифференцированной в зависимости от доходов.

— Все, что вы говорите, — скептически заметил слуга, — означает лишь очередное повышение цен. Все дорожает.

— Как сказать. Просто справедливая плата для всех, я так бы выразился. Вы были вчера на митинге в Килчестере?

— Нет.

— Говорят, ваш хозяин, мистер Карпентер, здорово там выступал. Как считаете, его изберут?

— В прошлый раз он едва не победил, совсем немного голосов не добрал.

— Да, набрать надо было сто двадцать пять или что-то в этом роде. А на митинг вы его отвозите или он сам ездит?

— Обычно сам. Он любит водить автомобиль. У него «роллс-бентли».

— Хорошая машина. Миссис Карпентер тоже водит?

— Да. Но слишком быстро, по-моему.

— Это свойственно женщинам. Она тоже была на вчерашнем митинге? Или политика ее не интересует?

Слуга ухмыльнулся.

— Делает вид, что интересует. Но вчера она до конца не досидела. Голова у нее разболелась или еще что, но только она с середины уехала.

— Вот как! — Монтер заглянул в коробку с предохранителями. — Порядок. Можете пользоваться.

Собирая инструмент, он задал мимоходом еще несколько вопросов и направился к выходу.

По подъездной дороге он шагал быстро, но за воротами остановился, вынул из кармана блокнот и записал в него:

«К. возвратился вчера домой в 10.30 (прибл.). В указанное время вполне мог находиться на Центральном вокзале в Килчестере. Миссис К. уехала с митинга раньше. Домой приехала за десять минут до К. Сказала, что приехала поездом».

Это была уже вторая запись. А первая гласила:

«Д-р Р. вчера вечером выезжал на вызов. Отправился в сторону Килчестера. Мог быть на Центральном вокзале в указанное время. М-с Р. весь вечер провела дома в одиночестве (?). Подав кофе, м-с Скотт ее больше не видела (экономка). У нее есть свой маленький автомобиль».

Расследование миссис Оливер начала с того, что, спустившись с холма, зашла на почту, купила два фунта яблок и вступила в разговор с миссис Суитман.

— Да, да, я знаю. Вы из Лондона и пишете книги об убийствах. У меня сейчас в продаже три из них, изданные «Пингвином».

— У вас тут тоже было убийство, я слышала?

— Да, в ноябре прошлого года. Совсем рядом, по соседству, можно сказать.

— Мне говорили, что расследовать его приехал сыщик?

— А, вы имеете в виду маленького иностранца, что остановился в «Лугах»? Он вчера заходил сюда и...

Миссис Суитман не договорила: к ней за марками зашла покупательница. Начальница почтового отделения быстро переместилась за противоположную стойку.

— Доброе утро, мисс Хендерсон. Теплый сегодня денек для этого времени года, как вы считаете?

— Да, на редкость.

Миссис Оливер уперлась взглядом в спину высокой девушке с вертлявым силихэм-терьером на поводке.

— Беда, если заморозки побьют цветы плодовых, — с оттенком наслаждения, словно смакуя мрачное пророчество, заявила миссис Суитиман. — Как себя чувствует миссис Уэдерби?

— Хорошо, спасибо. Она почти не выходит из дома. Последние дни дует ужасный восточный ветер.

— В Килчестере на этой неделе идет великолепный фильм, мисс Хендерсон. Вам надо съездить посмотреть его.

— Я хотела съездить вчера, да передумала.

— А на следующей неделе фильм с Бетти Грейбл... У меня закончились пятишиллинговые марки. Вас устроит пара по два шиллинга шесть пенсов?

— Я правильно поняла, что миссис Уэдерби больна? — спросила миссис Оливер, когда девушка вышла.

— Возможно, — ехидно заметила миссис Суитиман. — Но многим из нас просто некогда валяться в постели.

— Я полностью согласна с вами, — откликнулась Ариадна. — Если бы миссис Апуард старалась чаще вставать на ноги, она бы чувствовала себя лучше.

Миссис Суитиман развеселилась.

— Когда ей надо, она ходит — так, во всяком случае, мне говорили.

— Неужели?

Миссис Оливер подумала о том, кто мог служить почтальонше источником информации.

— Джанет? — рискнула она.

— Джанет Грум ворчит понемногу, — ответила миссис Суитиман. — Да и неудивительно, правда? Мисс Грум не так уж молода, у нее ревматизм, особенно он разыгрывается при восточном ветре. Когда он у господ, его называют артритом; у них и коляски инвалидные, и все, что надо. Не-ет, я бы ни за что не рискнула перестать пользоваться моими ногами, извините. Хотя куда там, сейчас и с ознобом бегут к врачу, дабы сполна получить то, что причитается по линии министерства здравоохранения. Слишком уж у нас носятся с этим здоровьем. Чем больше думаешь о своих болезнях, тем хуже себя чувствуешь.

— Наверное, вы правы, — согласилась миссис Оливер.

Она взяла купленные яблоки и поспешила вслед за Дейдре. Догнать девушку не составляло труда, ибо силихэм был стар и жирен, он лениво обнюхивал каждую поросшую травкой кочку на своем пути, наслаждаясь приятными запахами.

Собаки, по мнению миссис Оливер, всегда служили замечательным предлогом для знакомства.

— Какая прелесть! — воскликнула она, доставив истинное удовольствие некрасивой девушке.

— Он у нас бесподобный, — подтвердила та. — Правда, Бен?

Бен посмотрел на хозяйку, вильнул сарделеобразным телом и вернулся к прежнему занятию — обнюхал очередной кустик чертополоха, решил, что с ним все в порядке, и отметил его обычным манером.

— Он драчлив? — поинтересовалась миссис Оливер. — Силхэмы обычно задиристы.

— О, он такой забияка! Потому я и держу его на поводке.

— Я так и подумала.

Женщины посмотрели на пса.

— А вы — Ариадна Оливер, да?

— Да. Я остановилась у Апуардов.

— Я знаю. Робин говорил нам, что вы должны были приехать.

Скажу честно, мне очень нравятся ваши книги!

Миссис Оливер, как обычно в таких случаях, густо покраснела.

— О! — меланхолично произнесла она и добавила грустно: — Я рада.

— Я не так уж много прочла их, как хотелось бы, потому что книги мы выписываем из «Таймс-бук-клуба», а мама детективы не любит. Она ужасно впечатлительная и, прочитав их, не спит по ночам. А я их обожаю.

— У вас в деревне было настоящее убийство, я слышала? — спросила миссис Оливер. — Где? В одном из этих домиков?

— Вон в том, — показала девушка; голос ее прозвучал сдавленно.

Миссис Оливер посмотрела на бывшее жилище миссис Магинти, на ступенях которого два малосимпатичных сынишки миссис Кидл терзали кота. Старший из них, жестоко испарипанный, завыл.

— Так тебе и надо, — заметила миссис Оливер и снова обернулась к Дейдрре Хендерсон. — Не похож он на дом, в котором могло произойти убийство, правда?

— Не похож.

Обе женщины, по-видимому, сошлись в этом мнении.

— Она была поденщицей? И кто-то ее ограбил?

— Ее же квартирант. У миссис Магинти было немного денег, она прятала их под половиной доской.

— Вот оно что. Понятно.

— А может, это вовсе и не он! — заявила вдруг Дейдрре. — К нам приехал странный человечек, иностранец. Его зовут Эркуль Пуаро...

— Эркуль Пуаро? Я его очень хорошо знаю.

— Он и вправду детектив?

— Дорогая моя, он же знаменит. И ужасно умен.

— Тогда, наверное, ему удастся доказать, что он не убивал.

— Кто?

— Ну, квартирант. Джеймс Бентли. Я так надеюсь, что его оправдают!

— Да? Почему?

— Потому что не хочу, чтобы убийцей был он. И никогда не хотела.

Миссис Оливер, удивленная страстью, прозвучавшей в голосе девушки, взглянула на нее с любопытством.

— Вы дружили?

— Нет. Но как-то Бен попал лапой в капкан, и Джеймс помог освободить его. А потом мы поговорили немного...

— Каким он был?

— Ужасно одиноким. Незадолго до этого умерла его мама. Он ее страшно любил.

— А вы свою любите?

— Да. Поэтому я его поняла. Поняла, что он чувствовал. Как мы с мамой — у нее есть я, у меня она, мы нужны друг другу.

— Мне кажется, Робин говорил, что у вас есть отчим?

— Вот именно, отчим, — горько подчеркнула девушка.

— Отчим, конечно, не отец, — неопределенно высказалась миссис Оливер. — Вы помните своего отца?

— Нет, он умер до моего рождения. Мама вышла за мистера Уэдерби, когда мне было четыре года. Я... всегда ненавидела его. А мама... — Она помолчала. — У мамы жизнь сложилась несладко. Ни сочувствия ей нет, ни понимания. Мой отчим — черствый человек, жестокий и холодный.

Миссис Оливер кивнула.

— Судя по рассказам, этот Джеймс Бенгли совсем не похож на убийцу.

— Никогда бы не подумала, что его арестуют. Я уверена, что ее убил какой-то бродяга. По нашей дороге ходят иной раз отвратительные типы. Кто-то из них, должно быть, и убил.

— Будем надеяться, Эркуль Пуаро доберется до истины.

— Будем надеяться...

Она резко повернулась и вошла в калитку «Охотничьего двора».

Несколько мгновений миссис Оливер смотрела ей вслед, затем достала из сумочки блокнот с карандашом, записала в нем: «Не Дейдрэ Хендерсон», — и подчеркнула «не» с такой силой, что грифель сломался.

На обратном пути ей повстречались Робин с миловидной блондинкой; они шли по направлению к деревне.

Робин представил женщин друг другу:

— Это несравненная Ариадна Оливер, Ив. Ей-богу, не понимаю, как ей удается писать такие вещи! На вид такая добродушная, правда? Никогда не скажешь, что она просто-напросто погрязла в криминальных грехах. Это Ив Карпентер. Ее супруг, по-видимому, вскоре станет нашим новым членом парламента. Нынешний, сэр Джордж Картрайт, совсем спятил по старости, бедняга. Прячется за дверьми и пугает девочек.

— Робин, не выдумывайте. Вы дискредитируете партию.

— А мне-то что? Это не моя партия. Я либерал. Только в этой партии можно сегодня состоять — маленькая, доступная немногим, не имеющая никаких шансов прийти к власти. Обожаю безнадежные дела. Кстати, Ариадна, Ив приглашает вас сегодня на коктейль. Вечеринка в вашу честь. «Знакомьтесь: Знаменитость». Мы все здесь так рады вашему приезду! Вы могли бы местом следующего убийства избрать Бродхинни?

Они приблизились к воротам «Лугов», навстречу им от дома неслись, оглушительно лая, две овчарки.

В огороженном дворике свинарника появилась хозяйка с бадьей в руках.

— Лежать, Флин! Назад, Кормик! Привет. А я уборкой занимаюсь.

— Мы догадались,— сказал Робин.— Запашок и сюда доносится. Как дела у вашего Хрюши?

— Вчера он нас здорово напугал. Лег и отказался от завтрака. Чего мы только не передумали, все болезни перебрали, целую книгу с Джонни по свиноводству прочли, ночь не спали, волновались, а сегодня с утра он жив-здоров и весел; Джонни принес ему еду, а он ка-ак бросится на него, аж с ног сбил. Пришлось Джонни идти купаться.

— Как интересно вы с Джонни живете! — заметил Робин, а Ив предложила:

— Приходите к нам вечером на коктейль, Морин.

— С удовольствием.

— Это будет вечер знакомства с миссис Оливер,— пояснил Робин.— Хотя познакомиться с ней вы можете и сейчас. Она с нами.

— Неужели это вы? — воскликнула Морин.— Как интересно! Вы ведь с Робиним пишите пьесу, да?

— Пишем, пишем, и пока все великолепно получается,— ответил Робин.— Кстати, Ариадна, утром, когда вы ушли, у меня родилась гениальная идея. По актерскому составу.

— Ах, по составу,— облегченно вздохнула писательница.

— Я знаю, кто должен играть Эрика. Сесил Лич, актер «Малого репертуарного» в Калленки. Как-нибудь вечером съездим, посмотрим их спектакль.

— А ваш постоялец дома, Морин? — спросила Ив.— Мы его тоже хотим пригласить.

— Мы придем с ним,— пообещала Морин.

— Лучше бы мне пригласить его лично. Дело в том, что вчера я ему нагубила.

— А! Он где-то здесь. В саду, наверное... Кормик! Флин! Проклятые псы!

Она бросила бадью и побежала к птичнику у пруда, где поднялся отчаянный утиный гвалт.

Глава 13

Миссис Оливер с бокалом в руке подошла к Пуаро лишь к концу устроенной Карпентерами вечеринки. До этого момента оба находились в центре внимания любопытных почитателей их талантов. Теперь, когда джина было выпито достаточно и у жителей деревушки отчетливо проявилось желание пообсуждать в тесном кругу местные новости, у их гостей появилась наконец возможность побеседовать наедине.

— Выйдем на террасу,— заговорщицки прошептала миссис Оливер, незаметно втискивая ему в руку клочок бумаги.

Они вышли из дома и направились к противоположному концу террасы. Пуаро развернул записку и прочел: «Д-р Ренделл». Он вопросительно взглянул на спутницу, та энергично кивнула, при этом большая прядь седых волос упала ей на лицо.

— Убийца — он,— сказала миссис Оливер.

— Вы так думаете? Почему?

— Я просто знаю это. Именно таким и должен быть убийца: радушным, приветливым, веселым и все такое.

— Возможно, — неуверенно произнес Пуаро, убедить которого было трудно. — Каков же был мотив?

— Нарушение профессиональной этики. И миссис Магинти стало об этом известно. Но, каковы бы ни были мотивы, будьте уверены: это он. Я наблюдала за всеми и говорю вам твердо: это он.

Вместо ответа Пуаро обиденным тоном сообщил:

— Вчера вечером на вокзале в Килчестере кто-то пытался столкнуть меня на рельсы.

— Боже мой! Убить вас?

— Не сомневаюсь.

— А доктор Ренделл выезжал на вызов к больному, я точно знаю.

— Я понимаю так, что доктор Ренделл... действительно выезжал, дома его не было.

— Тогда все ясно, — удовлетворенно заключила миссис Оливер.

— Не совсем, — возразил Пуаро. — Мистер и миссис Карпентер тоже были вчера в Килчестере, а домой возвратились порознь. Миссис Ренделл, возможно, сидела дома и слушала радио, а может быть, нет — кто подтвердит? Мисс Хендерсон часто ездит в Килчестер в кино.

— Вчера она не ездила, сама мне об этом сказала.

— Нельзя же верить на слово всему, что вам говорят, — неодобрительно заметил Пуаро. — А служанка их, Фрида, вчера была в кино и потому не может нам сказать, кто был дома, кто нет! Как видите, сузить круг отнюдь не просто.

— Я, во всяком случае, могу поручиться за Апуардов. В котором, говорите, часу это случилось?

— Ровно в девять тридцать пять.

— Тогда хоть обитателей «Ракитника» можно считать вне подозрений. С восьми до половины одиннадцатого Робин, его мать и я раскладывали пасьянс.

— Я подумал, что вы с Робинсом могли сыграть в паре.

— А его матушка в это время вскочила на спрятанный в кустах мотоцикл и помчалась в Килчестер? — рассмеялась миссис Оливер. — Нет, матушка была у нас перед глазами. — Она грустно вздохнула. — В паре! Вы не представляете себе, какой это кошмар! Все равно что показать вам суперинтенданта Баттла с наклеенными огромными черными усами и сказать, что это вы.

Пуаро мигнул.

— Какая дикая идея!

— Теперь вы знаете, как я страдаю.

— Я тоже страдаю, — произнес Пуаро. — Кулинарные способности миссис Саммерхейз не поддаются описанию. Это вообще не способности. А сквозняки, холод, расстройство желудка у котов, собачья шерсть, стулья с поломанными ножками, ужасная кровать, на которой мне приходится спать... — Он прикрыл глаза, припоминая муки, которые ему выпало испытать. — Едва теплая

вода в ванне, дырявые дорожки на лестнице, а кофе — словами не опишешь эту жидкость, которую подают в качестве кофе! Иначе как оскорблением желудка не назовешь.

— Какой ужас! — воскликнула миссис Оливер. — И тем не менее она очень мила.

— Миссис Саммерхейз? Она очаровательна, просто очаровательна, но от этого не легче.

— А вот и она сама идет к нам.

Действительно, к ним направлялась Морин Саммерхейз; лицо ее выражало полный восторг, глаза блестящие, в руке она держала высокий стакан.

— По-моему, я захмелела, — одарив их радостной улыбкой, объявила она. — Столько джина выпила! Обожаю вечеринки. В Бродхинни они редки. А эта ради вас устроена, вы оба такие знаменитые! Как жаль, что я не умею писать книги. Беда в том, что я вообще ничего толком делать не умею.

— Вы хорошая мать и жена, — вполне официально заявил Пуаро.

Глаза Морин широко раскрылись. Прекрасные светло-карие глаза на конопатом личике. «Сколько ей лет? — подумала миссис Оливер. — На вид не более тридцати».

— Неужели? — спросила Морин. — Не знаю. Я их ужасно люблю, но достаточно ли этого?

Пуаро деликатно кашлянул в кулак.

— Не считите меня бесцеремонным, мадам, но любящая жена должна заботиться о животе супруга. Это очень важно.

— У Джонни прекрасный живот, — обиженно проговорила она. — Совершенно плоский. Фактически никакого живота у него вообще нет.

— Я имел в виду то, что в него попадает.

— А, вы говорите о том, как я готовлю, — сообщила Морин. — По-моему, что человек ест — не так уж важно.

Пуаро тихо простонал.

— Или что он носит, как одевается, — задумчиво продолжала Морин. — Или чем занимается. Это все несущественно.

Она помолчала немного, глядя куда-то вдаль затуманенными алкоголем глазами.

— На днях в газете опубликовали письмо одной женщины, — сказала она неожиданно. — Глупейшее письмо. Она спрашивала, что лучше: отдать ребенка в семью, где он будет полностью обеспечен всем необходимым — полностью обеспечен, так она написала, имея в виду хорошее образование, одежду и тому подобное, — или оставить его в родной семье, где возможности крайне ограничены. По-моему, это глупо, причем в высшей степени глупо. Главное — накормить ребенка, остальное не важно.

Она уставилась в пустой стакан, словно это был магический кристалл.

— Я хорошо это знаю. Я была приемным ребенком. Моя мать отдала меня, я была, можно сказать, всем обеспечена. Но больно, очень больно сознавать, что ты оказалась нежеланным ребенком, что мать смогла от тебя отказаться.

— Может быть, это была жертва с ее стороны во имя вашего счастья? — высказал предположение Пуаро.

Морин посмотрела ему в глаза.

— Такого не бывает, не верю. Это просто... простое оправдание, которое они сами себе находят. А на деле это означает одно: они могут прекрасно обойтись без нас... А это больно. Я бы никогда не рассталась со своими детьми, ни за какие богатства на свете.

— Мне кажется, вы абсолютно правы, — согласилась с ней миссис Оливер.

— Я тоже полностью на вашей стороне, — поддержал Пуаро.

— Тогда все в порядке, — повеселела Морин. — О чем мы в таком случае спорим?

Подошедший к ним Робин спросил:

— Да, о чем вы спорите?

— О проблеме приемных детей, — ответила миссис Саммергейз. — Мне вовсе не по душе быть приемным ребенком, а вам?

— Во всяком случае, это лучше, чем быть сиротой, согласны? Но нам, наверное, пора, как вы считаете, Ариадна?

Гости покинули устроителей вечеринки одновременно, раньше ушел лишь доктор Ренделл. Они вместе спустились с холма, оживленно беседуя, что было естественно после выпитых у Карпентеров многочисленных коктейлей.

У «Ракитника» Робин настоял, чтобы все заглянули к нему.

— Расскажем только маме, как прошла вечеринка. Ей так обидно, что она не смогла пойти с нами, ведь она любит общество.

Веселой гурьбой они ввалились в дом; миссис Апуард, казалось, была им очень рада.

— Кто там еще был? — спросила она. — Уэдерби?

— Нет, миссис Уэдерби неважно себя чувствует, а мисс Хендерсон без нее не пошла.

— Она всегда такая жалкая, правда? — заметила Шила.

— До патологии, по-моему, — изрек Робин.

— Это все ее мать виновата. Некоторые матери буквально поедом едят своих детей, — сказала Морин и тут же вспыхнула, встретившись глазами с вопросительным взглядом миссис Апуард.

— Я терзаю тебя, Робин? — спросила она.

— Маме! Как ты можешь! Конечно, нет.

В попытке скрыть смущение Морин поспешила сменить тему и принялась делиться своим опытом разведения породистых ирландских овчарок.

— От наследственности никуда не денешься, что в людях, что в животных, — авторитетно заявила миссис Апуард.

— А вы не допускаете, что особое влияние на формирование личности оказывает среда? — тихо спросила Шила, но миссис Апуард тут же перебила ее:

— Нет, дорогая, не допускаю. Среда может способствовать лишь внешним проявлениям характера, не более того. Главное — что в человеке заложено с рождения.

Пуаро с любопытством взглянул на миссис Ренделл.

— Но это жестоко, несправедливо! — с чувством воскликнула она.

— Жизнь несправедлива, — заверила ее хозяйка дома.

— Я согласен с миссис Апуард, — ответил Джонни Саммерхейз. — Все дело в породе.

— Вы хотите сказать, что судьбы наши предопределены свыше? — спросила миссис Оливер. — «До третьего или четвертого поколения...»

— Но цитата имеет продолжение: «И окажи милость тысячам», — неожиданно выпалила прелестным тонким голоском Морин.

Вновь наступила неловкая тишина — вероятно, оттого, что все вдруг ощутили, как в разговор их незаметно вкрались серьезные темы. И тогда они атаковали Пуаро.

— Расскажите нам о миссис Магинти. Почему вы считаете, что этот меланхолик ее не убивал?

— Он вечно что-то бормотал, — сказал Робин. — Бродил в одиночестве — я часто его видел. Честное слово, он был какой-то странный, чтобы не сказать большего.

— У вас должны быть какие-то основания считать его невиновным, мсье Пуаро. Расскажите о них.

Пуаро теребил усы и улыбался.

— Если это не он убил миссис Магинти, то кто?

— Да, кто?

— Не смущайте его, — сухо сказала миссис Апуард. — Он, наверное, подозревает кого-то из нас.

— Из нас? О-о!

В общем шуме Пуаро встретился взглядом с глазами миссис Апуард. В них веселье смешалось с... чем? С вызовом?

— Он подозревает кого-то из нас, — оживленно повторил Робин и тоном королевского прокурора, наводящим страх на свидетелей, обратился к миссис Саммерхейз: — А ну-ка, Морин, где вы были вечером... какого это случилось числа?

— Двадцать второго ноября, — подсказал Пуаро.

— ...вечером двадцать второго ноября?

— Господи помилуй, да разве ж я помню?

— Кто сейчас вспомнит, столько времени прошло, — заметила миссис Ренделл.

— Я помню, — сказал Робин. — Потому что в тот вечер я уехал в Коулпорт и рассказывал по радио о некоторых аспектах театральной жизни. Запомнил потому, что много говорил о поденнице из «Серебряной шкатулки» Голсуорси, а на следующий день узнал о смерти миссис Магинти и подумал: не на нее ли была похожа уборщица из пьесы?

— Все верно! — воскликнула вдруг Шила Ренделл. — Я вспомнила: вы еще сказали, что мама одна останется, потому что у Джанет выходной, и я пришла после обеда составить ей компанию, но, к сожалению, не смогла докричаться.

— Одну минутку, я тоже припоминаю, — сказала миссис Апуард. — Ну да, конечно. У меня разболелась голова, и я рано легла, а окна моей спальни выходят в сад.

— А на следующий день, — продолжила Шила, — узнав о смер-

ти миссис Магинти, я еще подумала, что, возможно, встретила убийцу где-нибудь по дороге, потому что первая мысль была, что убийца — бродяга.

— А я так и не вспомнила, чем занималась, — сказала Морин. — Зато хорошо помню следующее утро. О происшествии нам рассказал булочник. «Миссис Магинти кокнули», — сказал он. Вот тебе и на, а я все думала, почему она не пришла, как обычно. — Морин вздрогнула. — Ужасно, правда?

Миссис Апуард все еще наблюдала за Пуаро.

«Она очень умна и жестока, — думал он. — Еще эгоистична. В своих поступках всегда была решительна и никогда не раскаивалась...»

— Вы нашли какие-нибудь ключи, мсье Пуаро? — услышал он тонкий, настойчивый и жалобный голосок. Это спросила Шила Ренделл.

Темное лицо Джонни Саммерхейза просветлело от восторга.

— Да, да, ключи. Это мне и нравится в детективных романах. Ключи, которые так много говорят сыщику и ничего читателю, пока не доберешься до конца. Вы могли бы дать нам такой ключ, мсье Пуаро.

Его окружили веселые лица — для них это была забава (возможно, для всех, кроме одного). Но убийство не потеха, с убийством шутки плохи.

Решительным движением Пуаро вынул из кармана четыре фотографии и театральным жестом бросил их на стол.

— Вы хотели ключи? Пожалуйста!

Гости окружили стол и склонились над ним.

— Взгляните!

— Какие они ужасно старомодные!

— А посмотрите на розы. «Розы, розы все кругом!»

— О Боже, что за шляпка!

— Какой некрасивый ребенок!

— А кто это?

— Что за нелепые одежды!

— Эта женщина, должно быть, когда-то была хорошенькой.

— Но где ключи?

— Кто это?

Пуаро медленно обвел их лица взглядом, но не увидел ничего сверх того, что ожидал увидеть.

— Вы никого из них не узнаете?

— Узнаем?

— Скажем так: вы не видели этих фотографий раньше? Вы, миссис Апуард? Мне показалось, вы узнали одну из них?

Миссис Апуард заколебалась.

— Да... кажется...

— Какую?

Ее указательный палец лег на конопатое лицо Лили Гамболл.

— Когда вы ее видели?

— Совсем недавно... Но где? Нет, не помню. Однако уверена, что видела такую же.

Она задумалась, хмуря брови, и очнулась лишь тогда, когда к ней подошла миссис Ренделл.

— До свидания, миссис Апуард. Надеюсь в ближайшие дни видеть вас у себя к чаю.

— Спасибо, милая. При условии, что Робин поможет мне въехать на вершину холма.

— Конечно, мадре. Я накачал железные мускулы. Помнишь, как мы отправились в Уэдерби, а грязь была по колено...

— Ах! — неожиданно воскликнула миссис Апуард.

— Что случилось, мадре?

— Ничего. Продолжай.

— Так вот, я толкал коляску в гору. Сначала соскальзывала она, а потом скóльзил я и думал, что домой никогда не попаду.

С шутками и смехом гости вышли на улицу, а Пуаро подумал, что алкоголь развязывает языки.

Правильно ли он поступил, показав фотографии? Не сделал ли он это, будучи «под мухой»?

Кто его знает...

Толкнув калитку, он пошел назад, к дому. Из открытого окна до него донеслись негромкие голоса. Говорили Робин и миссис Оливер. В основном Робин.

Пуаро вошел в прихожую и повернул направо, распахнув дверь в гостиную, которую недавно оставил. Миссис Апуард с хмурым видом сидела у камина. Она настолько глубоко ушла в свои мысли, что не заметила его, а когда он вежливо кашлянул, вздрогнула.

— Ах, это вы, мсье. Вы меня напугали.

— Извините, мадам. Вы подумали, это кто-то другой? Кто же?

— Вы что-то забыли? — вместо ответа спросила она.

— Не забыл. Оставил.

— Что?

— Опасность.

— Опасность?

— Да, для вас. Потому что вы только что опознали одну из фотографий.

— Я бы не сказала, что опознала ее. Все старые фотографии похожи одна на другую.

— Послушайте меня, миссис Апуард. Миссис Магинти, как мне кажется, тоже узнала эту фотографию, и она умерла.

Неожиданно ее глаза блеснули, и она процитировала:

— «Что с миссис Магинти? Она умерла. Как? Сунув голову в петлю, так же, как я». Вы это имеете в виду?

— Да. Если вам что-нибудь известно, хоть что-нибудь, расскажите мне об этом сейчас, немедленно. Так будет безопаснее для вас.

— Извините меня, дорогой мой человек, но все далеко не так просто. Я вовсе не уверена, что знаю что-либо, во всяком случае, фактом это назвать нельзя. Смутные воспоминания могут сыграть любую шутку. Надо все же точно знать, при каких обстоятельствах, когда и где ты видел или слышал это. Надеюсь, вы меня понимаете.

— Но мне кажется, что вы уже вспомнили.

— Этого недостаточно. Есть немало других факторов, которые необходимо учитывать. Не стоит меня подгонять, мсье Пуаро,

я не из тех, кто принимает скороспелые решения. У меня своя голова на плечах, я должна собраться с мыслями. И лишь затем начну действовать, не раньше.

— Вы довольно-таки скрытная женщина, миссис Апуард.

— Возможно — до определенных пределов. Знание — сила. А силу следует применять только по назначению. Извините, но вам, по-моему, не по душе манеры сельских жителей Англии.

— Другими словами, вы хотите подчеркнуть, что я здесь всего-навсего жалкий чужеземец.

Она улыбнулась.

— Такой грубости я бы себе не позволила.

— Если не хотите сказать мне, скажите суперинтенданту Спенсу.

— Только не полиции, мсье Пуаро. По крайней мере не сейчас.

Он пожал плечами.

— Я вас предупредил.

Он был уверен, что миссис Апуард уже вспомнила, когда именно и где она видела фотографию Лили Гамболл.

Глава 14

— Бесспорно, весна, — пробормотал Пуаро на следующее утро, неторопливо вышагивая по садовой дорожке.

Вчерашние опасения казались ему теперь лишними всяких оснований. В конце концов миссис Апуард — женщина здраво-мыслящая, она сумеет о себе позаботиться.

И все же Пуаро она в определенном смысле заинтересовала. Он не понимал ее реакций, а она того и желала. Узнав фотографию Лили Гамболл, миссис Апуард решила сыграть свою партию в одиночку.

— Мсье Пуаро, — услышал он за спиной и невольно вздрогнул.

Миссис Ренделл подошла к нему совершенно бесшумно, застав врасплох. А Пуаро с предыдущего вечера пребывал в нервном состоянии.

— Pardon, мадам. Вы заставили меня вздрогнуть.

Миссис Ренделл машинально улыбнулась. Пуаро внимательно посмотрел на нее. Если уж у него нервы пошаливали, подумал он, то у миссис Ренделл и подавно. Одно веко у нее подергивалось, пальцы рук инстинктивно сплетались и расплетались, не зная покоя.

— Надеюсь, я вам не помешала. Или вы заняты?

— Нет, нет, я вовсе не занят. День сегодня хороший. Люблю весну, люблю свежий воздух. А в доме у миссис Саммерхейз постоянно дует.

— Дует...

— Сквозняки.

— Ах, да. Наверное.

— Окна у нее не закрываются, а двери все время распахиваются сами собой.

— Дом ветхий, это верно, а денег на ремонт у них не хватает. Я бы на их месте его продала. Знаю, что это родовое имение, ему

сотни лет, но в наши дни нельзя быть чересчур сентиментальным.

— Это правильно, мы все давно уже не сентиментальны.

Они помолчали. Краем глаза Пуаро наблюдал за ее беспокойными белыми руками и ждал, когда она решится наконец на разговор, ради которого пришла. Но, когда она заговорила, получилось это все равно неожиданно.

— Скажите, когда вы приезжаете расследовать дело, вам для этого всегда нужен предлог, так?

Пуаро обдумал ее вопрос. Он не смотрел на миссис Ренделл, но твердо знал, что она напряженно следит за ним.

— Иметь предлог, конечно, удобно, — ответил он уклончиво.

— Вам же надо как-то объяснить свой приезд и... вопросы.

— Это рациональный вариант.

— Зачем... Зачем вы приехали в Бродхинни, мсье Пуаро?

Он удивленно обернулся к ней.

— Но, леди, я же говорил: расследовать убийство миссис Магинти.

— Вы всем так говорите. Но это ведь смешно.

Пуаро поднял брови.

— Вы так считаете?

— Разумеется. Никто в это не верит.

— И тем не менее, уверяю вас, это суцая правда.

Мигнув голубыми глазами, она отвернулась.

— Вы не хотите мне сказать.

— Что вам сказать, мадам?

Она заговорила о другом.

— Я хотела спросить вас об... анонимных письмах.

— Слушаю вас.

— Ведь в них всегда ложь, верно?

— Скажем так: они нередко лживы, — осторожно ответил Пуаро.

— Обычно и насквозь, — настаивала она.

— Я бы этого утверждать не стал.

— Они трусливы, коварны, гадки!

— С этим я полностью согласен.

— И верить им нельзя, правда?

— Это очень сложный вопрос, — глубокомысленно произнес Пуаро.

— Я бы не поверила. Ни за что не поверила этой гадости, — горячо проговорила она и добавила: — Я знаю, зачем вы здесь. Но это неправда, говорю вам — неправда.

Резко развернувшись, она ушла прочь.

Пуаро удивленно поднял брови.

— А дальше что? — обратился он сам к себе. — Прощай, прогулка? Или эта птица другого цвета? Как все запутано!

Итак, миссис Ренделл выразила уверенность, что убийство миссис Магинти — лишь прикрытие, приехал же он в Бродхинни с совершенно иной целью.

Неужели она действительно в это верила?

Была ли миссис Ренделл той самой девочкой, портрет которой, как заявила миссис Апуард, она «недавно видела»?

Другими словами, была ли миссис Ренделл Лили Гамболл? В последний раз Лили Гамболл, реабилитированного члена общества, видели в Ирландии. Не там ли встретил доктор Ренделл свою будущую жену, оставаясь в неведении о ее прошлом? Лили Гамболл обучили стенографии. Их жизненные пути вполне могли сойтись.

Пуаро покачал головой и вздохнул.

Все возможно. Но этого мало. Ему нужна уверенность.

По саду пробежал холодный ветерок, солнце спряталось.

Пуаро зябко повел плечами и пошел назад, к дому.

Да, ему нужна уверенность. Если бы только ему удалось найти орудие убийства...

И в этот момент он увидел его.

Позднее Пуаро часто думал, не заметил ли он его подсознательно гораздо раньше. Оно лежало там, наверное, уже тогда, когда он впервые шагнул через порог этого дома.

Там, на книжной полке у окна, среди множества прочих вещей.

«Почему я раньше не замечал его?» — подумал Пуаро.

Он снял его, взвесил на руке, повертел, взял за ручку, поднял для удара...

В комнату ворвалась — именно ворвалась, как обычно, — Морин в сопровождении двух псов.

— Забавляйтесь колунок? — беззаботно спросила она.

— Вот как? Это называется колунок?

— Да. Или сахарный молоток, не знаю, как правильно. Интересная штучка, правда? Похож на детскую игрушку с птичкой.

Пуаро еще раз внимательно его осмотрел. Сделан из меди, со множеством украшений, по форме напоминает тесак, увесистый, острый. Усыпан самоцветами, голубыми и красными. А сверху украшен легкомысленной птичкой с бирюзовыми глазками.

— Незаменимая вещь, если кого на тот свет отправить требуется, как считаете? — все так же беспечно прощбетала миссис Саммерхейз.

Она взяла колунок у него из рук и занесла для удара.

— Ужасно просто. Как это в «Королевской идиллии»? «Ступай! — сказал и голову рассек». Такой штукой, по-моему, любой череп можно раскроить.

Пуаро посмотрел ей в лицо. Оно было безмятежно и весело.

— Я уже предупредила Джонни, что его ждет, если он мне надоест. Этот колунок я называю «лучшим другом жены».

Она рассмеялась, положила колунок и обернулась к двери.

— Зачем я сюда пришла? Не помню... Черт побери! Надо посмотреть, достаточно ли воды в кастрюле с пудингом.

Она кинулась к выходу, но вопрос Пуаро остановил ее.

— Вы эту вещицу привезли, наверное, из Индии?

— О нет. Я купила ее на рождественском базаре «ПИП».

— «ПИП»?

— «Приноси и покупай», — бойко разъяснила Морин. — У викаррия. Туда приносишь, что тебе не нужно, и что-нибудь покупаешь. Не слишком страшное, если получится. Разумеется, так

никогда не бывает. Я купила этот колунок и кофейник. Мне его носик понравился, а на молоточке — птичка.

Кофейник был небольшой, из листовой меди, с длинным изогнутым носиком — он что-то напомнил Пуаро.

— Их, наверное, привезли из Багдада, — высказала предположение Морин. — Во всяком случае, так, кажется, сказали Уэдерби. А может, из Персии?

— Значит, они попали на базар из дома Уэдерби?

— Да. У них прорва такого барахла. Но мне надо идти, а то пудинг подгорит.

Она выскочила наружу, дверь хлопнула. Пуаро взял колунок и подошел с ним к окну.

Лезвие в одном месте едва заметно потемнело.

Пуаро задумчиво кивнул.

После недолгих размышлений он отнес колунок в свою комнату, уложил в коробку, аккуратно ее завернул, перевязал, спустился вниз и вышел из дому.

Он надеялся, что пропажи никто не заметит. Порядка в доме все равно не было.

Прекрасное утро не оправдало радужных надежд, набежавшие днем тучи ступились и грозили дождем.

Шагая по аллее меж густых кустарников к «Охотничьему двору», Пуаро решил, что ни за что на свете не согласился бы жить в доме у подножия холма.

Плотно обступившие особняк деревья скрывали его от глаз постороннего, стены душил плющ. Пуаро подумал, что здесь явно не хватает топора дровосека.

(Топора. Сахарного колунка?)

Он позвонил и, не получив ответа, нажал на кнопку во второй раз.

Дверь открыла Дейдрэ.

— Вы? — удивилась она.

— Можно мне войти и побеседовать с вами?

— Я... Да, входите.

Она проводила гостя в небольшую темную гостиную, в которой он уже побывал в прошлый раз. На камине Пуаро увидел старшего брата маленького кофейника, стоявшего на полке у Морин. Его чудовищно длинный носик, казалось, с восточным варварством довлел над небольшой комнаткой жителей Запада.

— Извините, но мы сегодня расстроены, — сказала Дейдрэ. — Наша домработница — немка — уходит от нас, прожив всего-то месяц. Похоже, она вообще согласилась на место лишь с тем, чтобы приехать в Англию, потому что у нее здесь жених. Они все оформили, и она сегодня уезжает.

Пуаро прищелкнул языком.

— Очень неразумно.

— Вы тоже так думаете? Отчим говорит, что брак будет противозаконным. Но мне-то от этого не легче, если она — пусть даже противозаконно — все-таки оставит нас и выйдет замуж. Мы бы и не знали, что она собирается, если б я случайно не увидела, как она складывает вещи. Так бы и ушла молча.

- Молодость безрассудна.
- Вы правы, — уныло согласилась Дейрдре и потерла тыльной стороной ладони лоб. — Я устала, очень устала.
- Вижу, — мягко сказал Пуаро.
- Зачем я вам понадобилась, мсье Пуаро?
- Я хотел спросить вас о сахарном молоточке.
- О сахарном молоточке?

Явно ничего не понимая, она растерянно смотрела на него.

- Медный, вернее, латунный, молоточек с птичкой, инкрустированный голубыми, красными и зелеными самоцветами.
- Ах, этот. Поняла, — произнесла она совершенно спокойно, не проявив ни малейшего интереса к теме.
- Насколько я понимаю, он раньше принадлежал вам?
- Да. Мама купила его на базаре в Багдаде. Мы его с другими вещами отнесли на распродажу к викарию.
- Таким образом, до Рождества он хранился здесь, а потом вы отдали его на «ПИП»?

Дейрдре нахмурилась.

- Нет, не до Рождества. Мы отдали его на праздник Урожая.
- Праздник Урожая — когда он был? В октябре? В сентябре?
- В конце сентября.

В комнате воцарилась тишина. Пуаро и девушка смотрели друг на друга и молчали. Лицо ее в тот момент было добрым, но безучастным. Он пытался разгадать, что скрывалось под этой маской безразличия. Возможно, ничего. Может быть, она, как и сказала, просто устала...

И тогда он повторил свой вопрос — тихо, настойчиво.

- Вы уверены, что это был день Урожая, а не Рождество?
- Совершенно уверена.

Она твердо, не мигая, смотрела ему в глаза.

Пуаро ждал, ждал, ждал... Но не дождался.

— Не смею вас долее задерживать, мадемуазель, — сказал он официальным тоном.

Она проводила гостя до дверей.

И вот он снова идет по аллее.

Два противоречащих друг другу заявления. Объединить их невозможно.

Кто из них говорил правду? Морин Саммерхейз или Дейрдре Хендерсон?

Ответ на этот вопрос, если сахарный молоток был использован, как он полагал, в качестве орудия убийства, имел решающее значение. День Урожая отмечался в конце сентября. В промежутке между этим праздником и Рождеством, а именно 22 ноября, была убита миссис Магинти. Кому в этот момент принадлежал молоток?

Он отправился на почту. Уж кто-кто, а миссис Суитиман наверняка могла ему помочь.

Она побывала на обоих базарах. Она вообще ходила на все распродажи. Там всегда можно приобрести разные забавные вещицы. Да, она помогала в их устройстве, раскладывала, что приносили. Хотя, конечно, многие приносили вещи с собой, а не присылали загодя.

Медный молоточек с птицей, украшенный разноцветными камушками? Нет, такого она не помнит. Столько там всего было и такая неразбериха, что за всем не уследить; многие вещи сразу разобрали. Хотя что-то такое она припоминает, за пять шиллингов продавалось вместе с медным кофейником, но у кофейника дно прохудилось, пользоваться им было нельзя — так, только для украшения. Но когда именно они продавались — не помнит, возможно, на Рождество, возможно — раньше.

Она приняла у Пуаро бандероль, переписала адрес, и Пуаро заметил, каким интересом блеснули ее пронизательные глаза, когда она вручала ему квитанцию.

Поднимаясь на вершину холма, Пуаро продолжал размышлять над возникшей дилеммой.

Скорее всего ошибиться могла Морин Саммерхейз — ей, легкомысленной, все равно, что Рождество, что праздник Урожая. Неторопливая, не слишком сообразительная, нескладная Дейдрэ в определении дат должна быть точнее.

Вот проблема.

Отчего после его расспросов она сама не спросила, почему он этим интересуется? Самый что ни на есть естественный вопрос в такой ситуации, фактически неизбежный.

Но Дейдрэ Хендерсон его не задала.

Глава 15

— Вам кто-то звонил, — крикнула Морин из кухни, как только Пуаро перешагнул порог.

— Звонил? Кто? — удивленно переспросил он.

— Не знаю. Но я записала номер на продуктовых талонах.

— Благодарю, мадам.

Он заглянул в столовую и среди других бумаг нашел у телефонного аппарата рацию книжку, «Килчестер 350» было написано на ее обложке.

Подняв трубку, он набрал номер и тут же услышал женский голос:

— Бредер и Скаттл.

Пуаро все понял.

— Пригласите, пожалуйста, к телефону мисс Мод Вильямс.

Несколько мгновений спустя ему ответил другой голос:

— Мод Вильямс слушает.

— Это говорит Эркюль Пуаро. Вы звонили мне?

— Да... Да, звонила. Я хотела переговорить с вами по поводу того дома, которым вы на днях интересовались.

— Дома? — озадаченно переспросил Пуаро, но сразу понял, что Мод в конторе не одна и не может говорить прямо; возможно, она звонила, когда все были на перерыве.

— Кажется, я вас понял. Вы имеете в виду дело Джеймса Бентли и убийство миссис Магинти.

— Именно. Мы можем чем-то вам помочь?

— Вы не одни, и нас слышат?

— Да.

— Понятно. Слушайте меня внимательно. Вы действительно хотите помочь Джеймсу Бентли?

- Да.
- Вы готовы ради этого оставить вашу работу?
- Да, — не колеблясь, ответила она.
- Вы готовы стать домработницей? Возможно, у людей не слишком приятных?
- Да.
- Вы можете приехать немедленно, не откладывая? Скажем, завтра?
- Да, думаю, что это можно устроить.
- Вы хорошо понимаете, что я вам предлагаю? Вы умеете готовить?
- Очень хорошо, — весело ответила она.
- *Bon Dieu* *, какая редкость! Теперь внимайте! Я немедленно выезжаю в Килчестер, ждать вас буду в том же кафе, в котором мы встретились в первый раз.
- Да, конечно.

Пуаро повесил трубку и восхищенно подумал: «Какая замечательная женщина! Находчивая, смысленная, решительная; возможно даже, действительно умеет готовить...»

Не без труда обнаружив местный телефонный справочник под трактатом о свиноводстве, он отыскал в нем номер телефона Уэдерби.

Ответил ему голос хозяйки дома.

- Алло! Это говорит Пуаро, вы помните меня, мадам?
- Извините, не...
- Мсье Эркюль Пуаро.
- Ах, да, разумеется... Простите. Мы все так расстроены...
- Именно поэтому я вам и звоню. Поверьте, меня самого огорчило известие о ваших бедах.

— Какие же они неблагоприятные, эти иностранки. Чего ей только не хватало?

— Да, да. Я от души вам сочувствую. Это чудовищно, и я спешу сообщить, что, возможно, смогу вам помочь. Совершенно случайно я узнал о девушке, которая ищет место домработницы. Боюсь, однако, что большого опыта у нее нет.

— Ах, где их в наши-то дни найдешь, опытных. Готовить она умеет? Обычно они совсем не умеют готовить.

— Да, да, это она умеет. Прислать ее? По крайней мере вы можете установить ей испытательный срок. Ее зовут Мод Вильямс.

— Пришлите, пришлите, мсье Пуаро, будьте так добры. Вы очень любезны. Уж лучше кто-то, чем никого. Мой муж необычайно аккуратен и пунктуален, его раздражает, если дома что-то не ладится. Мужчине трудно понять, как нелегко стало в наши дни поддерживать порядок...

Миссис Уэдерби прервалась; она говорила с кем-то, зашедшим к ней в комнату, прикрыв микрофон ладонью, однако Пуаро все же слышал ее приглушенные слова:

— Это звонит тот сыщик-коротышка, он говорит, что знает кого-то, кто может заменить Фриду. Нет, не иностранка, англи-

* Боже милостивый (франц.).

чанка, слава Богу. Очень любезно с его стороны, он, кажется, переживает за меня. Ах, не надо, дорогая, не возражай, пожалуйста. Ну и что же? Ты ведь знаешь Роджера. Я все же думаю, что он очень добр, и надеюсь, она не будет несносной.

Закончив переговоры, миссис Уэдерби вновь любезнейшим голосом обратилась к Пуаро:

— Огромное вам спасибо, мсье Пуаро. Вы не представляете, как мы вам благодарны.

Пуаро опустил трубку, взглянул на часы и отправился на кухню.

— Мадам, на ленч меня не будет. Я должен уехать в Килчестер.

— Слава Богу! — обрадовалась Морин. — Я так-таки опоздала к пудингу, и он пересох. Вообще-то, по-моему, он ничего, только подгорел немного. А если вкус будет все же неприятным, я думаю открыть баночку малинового варенья. Оно немного заплесневело сверху, но теперь говорят, что это не страшно. Даже полезно — чистый пенициллин.

Пуаро вышел из дома, довольный тем, что подгорелый пудинг и пенициллин ему на ленч сегодня не достанутся. Уж лучше — куда лучше! — отведать макарон, сладкий крем и сливы на десерт в «Голубой кошке», чем испытывать судьбу импровизациями миссис Саммерхейз.

В «Ракитнике» возникли некоторые трения.

— Ну, конечно, Робин, ты ничего не помнишь, когда работаешь над пьесой.

— Извини, матре, мне ужасно стыдно, — каялся Робин, — но я действительно забыл, что у Джанет сегодня выходной.

— Ладно, не важно, — холодно произнесла миссис Апуард.

— Еще как важно. Я позвоню в театр, скажу, что мы приедем завтра.

— Ничего подобного ты не сделаешь, Робин. Обещал приехать сегодня — и приедешь.

— Но...

— Это решено.

— Попросить Джанет взять выходной в другой вечер?

— Ни в коем случае. Она очень не любит менять свои планы.

— Уверен, она не станет возражать. Во всяком случае, если я сумею ее убедить...

— Ты этого не сделаешь. Будь добр, не расстраивай ее. И довольно об этом. Не желаю чувствовать себя навязчивой старухой, мешающей людям радоваться жизни.

— Матре, милая.

— Достаточно. Езжайте развлекайтесь. Я знаю, кого пригласить составить мне компанию.

— Кого?

— Это мой секрет, — ответила миссис Апуард, демонстрируя, что доброе расположение духа вернулось к ней вновь. — Хватит ныть, Робин.

— Я позвоню Шиле Ренделл...

— Я сама позвоню кому надо, спасибо. Все решено. Приготовь мне кофе и поставь кофеварку здесь, чтобы я могла его сварить. Да, и принеси две чашки на тот случай, если у меня будет гость.

Пуаро закончил инструктаж.

— Вы поняли, что нужно искать?

Мод кивнула.

— В конторе дела уладили?

Она рассмеялась.

— У меня опасно заболела тетушка! Я сама себе послала телеграмму.

— Хорошо. Однако должен сказать вам кое-что. Один из жителей деревни — убийца, но кто — пока неизвестно. А это небезопасно.

— Вы меня предупреждаете?

— Да.

— Я в состоянии о себе позаботиться.

— А это, — сказал Пуаро, — можно записать под заголовком «Знаменитые последние слова».

Пуаро поймал себя на том, что внимательно ее рассматривает. Сильная, уверенная в себе молодая женщина, энергичная, бодрая, готовая выполнить задание. Почему? Он снова подумал о Джеймсе Бентли, припоминая его тихий, подавленный голос, безжизненную апатию. Да, природа загадочна и любопытна.

— Вы же сами предложили мне заняться этим. Почему вдруг пошли на попятную?

— Да потому, что дающий задание обязан предупредить, с каким риском оно связано.

— Не думаю, что мне что-то грозит, — уверенно заявила Мод.

— В данный момент я тоже. Вас не знают в Бродхинни?

Мод задумалась.

— Не-ет. Нет, не думаю.

— Вы там бывали?

— Дважды. По делам фирмы, разумеется. Последний раз — месяцев пять назад.

— С кем встречались, куда ходили?

— С миссис Карстарс — или Карлайл? — не помню точно.

Она хотела купить участок неподалеку отсюда, и я приезжала с документами, топографической картой, вопросами и так далее. Она жила в том самом пансионе, где остановились вы.

— В «Лугах»?

— Точно. Неприглядный дом со множеством собак.

Пуаро кивнул.

— Майора Саммерхейза и его супругу вы видели?

— Наверное, это была миссис Саммерхейз, она проводила меня наверх: старуха лежала в постели.

— Как считаете, миссис Саммерхейз узнает вас?

— Не думаю. А если и узнает — что это меняет? В конце концов всякий волен менять работу, когда ему заблагорассудится. Но она, по-моему, и не взглянула на меня, что в общем-то не редкость для таких, как она, — завершила Мод с едва заметно прозвучавшей в голосе горечью.

— Еще кого-нибудь вы видели в Бродхинни?

— Видела, — после секундного колебания ответила Мод. — Мистера Бентли.

— Вот как? Бентли. Вы его встретили случайно?

Девушка заерзала на стуле.

— Нет. Я послала ему почтовую открытку, где написала, когда приеду, и попросила встретить меня. Там, конечно, пойти куда, дыра глухая — ни кафе, ни кино, ничего. В общем, мы просто поговорили немного на остановке, пока я ждала автобус.

— Это было еще до смерти миссис Магинти?

— Да, но незадолго. Буквально через пару дней я прочитала о ее гибели в газетах.

— Бентли в тот раз говорил что-нибудь о своей хозяйке?

— Нет, по-моему.

— А вы больше ни с кем не разговаривали в Бродхинни?

— Ну... с Апуардом, Робинот Апуардом. Я слышала его выступление по радио. Увидела, как он вышел из дому, узнала по фотографиям в газетах и попросила автограф.

— Он дал вам его?

— Да, причем так вежливо; блокнота у меня с собой не было, но был чистый лист бумаги, на нем он и расписался.

— Кого еще в Бродхинни вы знаете?

— Карпентеров, разумеется. Они часто бывают в Килчестере. У них шикарное авто, а миссис Карпентер красиво одевается. С месяц назад она открыла базар. Говорят, он будет нашим новым членом парламента.

Пуаро кивнул, достал из кармана конверт, который в последнее время постоянно носил с собой, и разложил на столе фотографии.

— Вы узнаете кого-ни... Что с вами?

— Мистер Скэтл. Вышел. Надеюсь, он вас со мной не заметил. А то бы удивился. О вас говорят, знаете ли. Будто прислали вас из Парижа, из Сюретэ* или как там это у них называется.

— Я бельгиец, не француз, но не важно.

— Так что это за фотографии? — Она наклонилась над ними и внимательно рассмотрела. — Довольно-таки старомодные, да?

— Самой старой из них тридцать лет.

— Какие несуразные одежды, просто архаичные! Какими глупыми в них выглядят женщины!

— Вы ни одной из них раньше не видели?

— Что вы имеете в виду: не узнаю ли я кого-нибудь из этих женщин или фотографий?

— И то, и другое.

— Мне кажется, я видела вот эту. — Ее палец лег на снимок Джанис Кортланд в шляпе-колпаке. — В какой-то газете, не помню, в какой. И девочка эта кажется знакомой. Но сказать, когда и где я их видела, не могу: давно, наверное.

— Все эти фотографии были опубликованы в «Санди комет» в воскресенье накануне смерти миссис Магинти.

Мод внимательно посмотрела на него.

— Они имеют какое-то отношение к ее гибели? Поэтому вы и посылаете меня...

* Сюретэ — французская политическая полиция.

— Да, — ответил Пуаро. — Поэтому.

Он вынул из кармана еще что-то, развернул и положил на стол. Это была вырезка из газеты.

— Ознакомьтесь, пожалуйста.

Она внимательно прочла заметку, склонив голову, окруженную, словно венцом, золотистыми волосами.

Дочитав до конца, она подняла голову.

— Так вот они кто! И этот очерк навел вас на мысли.

— Точнее сказать вы не могли.

— Но все равно не понимаю...

Она замолчала, задумалась. Молчал и Пуаро. Как ни доволен он бывал своими мыслями, но всегда готов был послушать и чужие.

— Вы полагаете, что кто-то из них сейчас в Бродхинни?

— Ничего невозможного в этом нет, не так ли?

— Конечно. Кто угодно может появиться где угодно... — Она положила палец на портрет Ивы Кейн. — Ей было бы уж много лет сейчас, как миссис Апуард.

— Приблизительно.

— Знаете, о чем я подумала? Судя по тому, что это была за женщина, врагов она должна была нажить немало.

— Что ж, и это точка зрения, — медленно проговорил Пуаро и спросил: — А вы знаете о деле Крейга?

— Кто не знает? Его фигура даже в музее мадам Тюссо выставлена! Я-то совсем ребенком тогда была, но газеты время от времени упоминают его, сравнивают его преступление с нынешним. Но о нем, мне кажется, никогда не забудут...

Пуаро поднял глаза.

Интересно, что стояло за неожиданно прозвучавшей в ее голосе горечью?

Глава 17

Вконец растерянная и смущенная, миссис Оливер в отчаянии попыталась спрятаться в углу малюсенькой театральной уборной, что с ее фигурой оказалось невозможным — она не только не скрылась в нем, а наоборот, торчала из него наподобие горельефа. Ее окружали молодые люди, стиравшие полотенцами грим и по очереди угощавшие ее теплым пивом.

Миссис Апуард, к вечеру окончательно восстановившая душевное равновесие, поторапливала их с отъездом в Калленки и все желала приятного времяпрепровождения, а Робин продолжал переживать и старался устроить ее как можно удобнее, и даже из машины выскакивал, дабы убедиться, что ничего не забыл, все сделал на совесть.

Во второй раз он возвратился из дома, ухмыляясь во весь рот.

— Мадре только что звонила по телефону, но кому — не говорит. Держу пари, я все равно знаю.

— Я тоже.

— Кому?

— Эркюлю Пуаро.

— И я так думаю. Не терпится поделиться своей тайной. Но Бог с ней, давайте о том, что нас сегодня ждет...

Когда они с Робинсом возвращались домой, у миссис Оливер уже не оставалось никаких сил. Она откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Робин, напротив, продолжал говорить, не прерываясь ни на секунду.

— ... а эта великолепная идея, как считаете? — закончил он.

— Что?

Миссис Оливер вздрогнула и открыла глаза.

В полузабытьи она с тоской думала о доме. Ей виделись стены ее квартиры, все в экзотических птицах и листьях тропических деревьев, сосновый стол, пищащая машинка, черный кофе и яблоки, яблоки повсюду... Какое блаженство, какое упоительное счастье она находила в уединении. И какая ошибка для литератора — покинуть свою цитадель. Писатели — люди застенчивые, а в большинстве своем замкнутые, компенсирующие недостаток социального общения созданием вымышленного мира собеседников и сочинением диалогов.

— Боюсь, что наша вылазка утомила вас, — заметил Робин.

— Не в том дело. Я просто некоммуникабельна.

— Неужели вас не радует общение с людьми?

— Нет, — твердо сказала миссис Оливер.

— Но так нельзя. Откуда берутся герои ваших книг?

— Это совсем другое дело. По-моему, деревья лучше людей, среди них спокойнее.

— А я одиночества не выношу. Люди оказывают на меня стимулирующее воздействие.

Машина подкатила к воротам «Ракитника».

— Вы идите в дом, — сказал он, — я загоню автомобиль.

Миссис Оливер, как всегда, с трудом выбралась из машины и пошла по дорожке к парадному.

— Дверь не заперта! — крикнул ей вслед Робин.

Действительно, она была открыта; миссис Оливер толкнула ее и вошла в прихожую. Там было совершенно темно, и это удивило ее: как могла хозяйка быть к ним такой невнимательной? А может, она выключила свет из экономии? Богачи счет деньгам знают.

Она ощутила аромат духов, экзотических и дорогих. В какое-то мгновение миссис Оливер даже усомнилась, в «Ракитник» ли она попала, но отыскала на стене выключатель и нажала кнопку.

Квадратная и низкая, обшитая дубовыми панелями прихожая ярко осветилась. Дверь в гостиную была приоткрыта, в образовавшейся щели ей была видна нога миссис Апуард. Значит, хозяйка еще не легла. Заснула, должно быть, в кресле, и давно, если свет не зажгла.

Миссис Оливер вошла в комнату и включила люстру.

— Мы вернулись... — начала было она и осеклась, рукой машинально схватилась за горло, где комом застрял не вырвавшийся наружу крик.

Прошло какое-то время, на улице послышались шаги Робина; он что-то насвистывал, и тогда она резко развернулась и бросилась назад, ему навстречу.

— Не входите туда, не входите. Ваша мать... она умерла... Кажется, ее убили...

— Аккуратная работа, — заметил суперинтендант Спенс.

Он смотрел на сидевшего напротив Пуаро, и багровое лицо его пылало гневом.

— Аккуратная и омерзительная. Она задушена шелковым шарфом, ее же собственным, тем самым, что сама днем повязала на шею. Кто-то потянул за концы — и готово. Чисто, быстро, эффективно. Так поступали индийские разбойники. Жертва не сопротивляется, не кричит: сонная артерия передавливается сразу.

— О чем это говорит? Преступник обладал специальными знаниями?

— Возможно, но необязательно. Мог где-нибудь прочитать, если планировал убийство. Это несложно, особенно если жертва ничего не подозревает, а миссис Апуард была застигнута врасплох.

Пуаро кивнул.

— Она знала его. Или ее.

— Знала. Они пили кофе: на столе две чашки. Отпечатки пальцев тщательно стерты, но на чашке гостьи остались следы губной помады — ее удалить сложнее.

— Значит, все-таки женщина?

— Вы этого и ожидали, верно?

— Да. Да, пожалуй.

— Миссис Апуард опознала один из снимков — портрет Лили Гамболл. Так что ее смерть и смерть миссис Магинти можно считать взаимосвязанными, — продолжал Спенс.

— Да. Ее смерть и смерть миссис Магинти взаимосвязаны, — повторил Пуаро; он припомнил веселое выражение лица миссис Апуард, когда она читала детские стишки: «Что с миссис Магинти? Она умерла. Как? Сунув голову в петлю, так же, как я».

— Вы полагаете, что миссис Апуард решила воспользоваться удобными, с ее точки зрения, обстоятельствами: Джанет — выходная, Робин с миссис Оливер отправились в театр, она позвонила кому-то и пригласила его или ее в гости. Вы так это себе представляете? Решила поиграть в детектива.

— Нечто в этом роде. Любопытство ее разобрало. Что-то она знала, но решила до поры до времени никому об этом не говорить, узнать побольше. Ей и в голову не приходило, какую опасную игру она затеяла. — Пуаро вздохнул. — Сколько еще на свете легкомысленных людей, для которых убийство — повод для развлечения. Я предупреждал ее, что это не шутки, но она меня не послушала.

— Не послушала, нам это известно. Когда Робин перед самым отъездом вернулся в дом, его мать как раз закончила с кем-то разговор по телефону, но с кем — не сказала. В тайны играла. Робин и миссис Оливер подумали, что звонила она вам.

— Хотел бы я, чтобы это было так, — сказал Пуаро. — А у вас никаких предположений нет, кому она звонила?

— Никаких. Связь в районе автоматическая.

— Служанка ничем вам не могла помочь?

— Нет. Она возвратилась в половине одиннадцатого, открыла заднюю дверь своим ключом, через кухню поднялась в спальню и сразу легла. В доме было темно, она решила, что хозяйка уже спит, а Робин с гостей еще не вернулись. К тому же Джанет глуха и капризна, ничего вокруг не замечает, старается работать как можно меньше, а ворчать как можно больше.

— Англия славится старыми и преданными слугами.

— К ней это не относится, она у Апуардов работает всего лишь пару лет.

В дверь просунул голову констебль:

— К вам молодая леди, сэр. Хочет что-то сообщить по поводу вчерашнего происшествия.

— По поводу вчерашнего происшествия? Впустите ее.

В кабинет вошла Дейдрэ Хендерсон. Она была бледна, держалась напряженно и, как всегда, неуверенно.

— Я подумала, что мне лучше приехать к вам, — сказала она и добавила, словно извиняясь: — Если, конечно, не помешаю.

— Ни в коем случае, мисс Хендерсон.

Спенс поднялся и придвинул ей стул; она, как скромная школьница, присела на его краешек.

— Вы хотели сообщить мне что-то о вчерашнем вечере? — спросил суперинтендант. — О миссис Апуард?

— Да. Это правда, что ее убили? Так сказали мне на почте миссис Суитиман и булочник. А мама говорит, что этого не может быть...

Она замолчала.

248 — Боюсь, что в данном случае ваша мама не совсем права. Это правда. Итак, вы хотели сделать какое-то... рассказать что-то?

Дейдрэ кивнула.

— Да. Понимаете, я была там.

В поведение Спенса вкрались едва заметные перемены. Он стал словно бы добрее, ласковее, но за этими внешними проявлениями ощущалась твердость официального лица.

— Так. Вы были там. В «Ракитнике». В котором часу?

— Точно не знаю. Между половиной девятого и девятью, наверное. Ближе к девяти, пожалуй. Во всяком случае, после обеда. Она мне позвонила.

— Миссис Апуард позвонила вам?

— Да. Она сказала, что остается одна, поскольку Робин и миссис Оливер уезжают в Калленки, и пригласила выпить с ней чашечку кофе.

— И вы пошли?

— Да.

— И пили кофе?

Дейдрэ покачала головой.

— Нет. Я пришла, постучала, но никто не ответил. Тогда я открыла дверь и вошла в прихожую. Там было темно, не было света и в гостиной. Я ничего не понимала, позвала миссис Апуард, но мне опять никто не ответил, и я подумала, что произошла какая-то ошибка.

— Какая ошибка, по-вашему, могла произойти?

— Я решила, что она в конце концов уехала с ними в театр.
— Не предупредив вас?
— Да, это показалось мне странным.
— Другие толкования вам в голову не приходили?
— Ну, еще я подумала, что Фрида все перепутала, она ведь иностранка. Тем более накануне отъезда она как на иголках была.

— Что вы сделали потом, мисс Хендерсон?

— Я просто ушла.

— Домой?

— Да... То есть я вначале погуляла немного. Вечер был замечательный.

Спенс некоторое время молча смотрел на нее. Он смотрел, как заметил Пуаро, на ее губы.

Наконец он поднялся.

— Что ж, благодарю вас, мисс Хендерсон. Вы правильно сделали, что пришли и все нам рассказали. Мы вам весьма признательны.

И он пожал ей руку.

— Я решила, что должна сделать это. Мама была против.

— Вот как?

— Но я подумала, что лучше рассказать.

— Вы рассудили верно.

Спенс проводил девушку до двери, вернулся, сел и забарабанил пальцами по столу, глядя на Пуаро.

— Помады на губах нет,— сказал он после паузы.— Может, только сегодня.

— Нет, не только. Она вообще не красит губы.

— Большая редкость по нынешним временам, как считаете?

— Что ж, она редкая девушка — не повзрослевшая.

— И запаха духов я не слышал. Миссис Оливер утверждает, что в доме вчера пахло духами, ей вторит Робин, причем уверяет, что такими духами его мать не пользовалась.

— Девушка, по-моему, духами совсем не пользуется,— заметил Пуаро.

— По-моему, тоже,— согласился Спенс.— Она больше похожа на капитана хоккейной команды из архаичной школы для девочек, но ей должно быть не менее тридцати.

— Совершенно верно.

— Инфантилизм?

Пуаро подумал и сказал, что все не так просто.

— Не сходится ничего,— нахмурился Спенс.— Ни помады, ни духов. И поскольку у нее мать жива-здоровая, а родительница Лили Гамболл убита в пьяной драке в Кардиффе, когда Лили было девять лет от роду, то не вижу, как эта девушка может быть Лили Гамболл. Но! Миссис Апуард пригласила ее на чашечку кофе вчера вечером, и от этого никуда не денешься.— Он потер нос.— Не простое это дело.

— Что сказал врач?

— Что к половине десятого она, вероятно, была уже мертва.

— Другими словами, к приходу Дейдрэ Хендерсон она уже могла быть убита?

— Видимо, так, если Дейрдре не кривит душой. Да, либо она говорит правду, либо уж больно хитра. Кстати, она сказала, что миссис Уэдерби не хотела ее к нам пускать. Что-нибудь это значит?

Пуаро задумался.

— Вряд ли. Другого от нее и нельзя было ожидать. Она из тех, кто старается избежать неприятностей.

Спенс вздохнул.

— Итак, у нас есть Дейрдре Хендерсон. Она была на месте преступления. Но кто-то мог там побывать и раньше. Женщина. Красящая губы и пользующаяся дорогими духами.

— Вы поинтересуйтесь... — начал было Пуаро, но Спенс перебил его.

— Интересуюсь! Тактично пока. До поры до времени мы не хотим никого тревожить. Чем занималась прошлым вечером Ив Карпентер? Что делала Шила Ренделл? Десять против одного, что обе сидели дома. А Карпентер, как известно, был на митинге.

— Ив, — задумчиво произнес Пуаро. — Мода на имена меняется, не так ли? Сегодня вряд ли где услышишь имя Ива, оно исчезло. Зато Ив — на каждом шагу.

— Она может себе позволить дорогие духи, — сказал Спенс и снова вздохнул. — Надо будет глубже заглянуть в ее прошлое. Очень удобно быть печальной вдовой военного летчика: никто не лезет в душу, не задает лишних вопросов. А с присланным мне сахарным молотком вы, кажется, угадали, — переменял он тему. — Врачи утверждают, что именно им и был нанесен удар миссис Магинти. И кровь на нем осталась. Убийца его вымыл, разумеется, но ему невдомек, что даже микроскопические следы дают реакцию на современные препараты. Определенно установлено, что на молотке была человеческая кровь. А это вновь указывает на Уэдерби и Хендерсон, верно?

— Дейрдре уверена, что молоток был продан в день Урожая.

— А миссис Саммерхейз утверждает, что купила его на Рождество.

— Миссис Саммерхейз никогда ни в чем не бывает уверена, — уныло возразил Пуаро. — Она обаятельная женщина, но ей не хватает собранности. Я, живущий в «Лугах», могу сказать вам, двери и окна там всегда открыты, и любой — любой! — может войти, взять что угодно, потом возвратиться и положить предмет на место, и ни майор Саммерхейз, ни его супруга ничего не заметят. Исчезни колунок — она решит, что его взял муж разделывать кролика или наколоть дров, а он подумает, что жена режет им мясо для собак. В этом доме вещи по назначению не используются, они хватают что под руку попадется и бросают потом где попало. И никто никогда ничего не помнит. Я бы так жить не смог, я бы постоянно нервничал, а они — им хоть бы что!

Спенс еще раз вздохнул.

— Что ж, одно радует в данной ситуации: Бентли не повесят, пока мы во всем не разберемся. Мы уже отправили в министерство внутренних дел соответствующее письмо. Мы получили то, чего нам так не хватало: время.

— Думаю, теперь, когда мы знаем больше, — сказал Пуаро, — мне надо повидаться с ним еще раз.

Джеймс Бентли почти не изменился. Похудел, пожалуй, руки больше двигались, но в остальном он оставался все тем же Джеймсом Бентли, каким бельгиец увидел его в первый раз.

Пуаро в своих высказываниях был осторожен. Найдены новые улики. Полиция пересматривает дело. Поэтому появилась надежда...

Надежда Бентли не обрадовала.

— Все бесполезно, — сказал он. — Что они могут найти нового?

— Ваши друзья стараются вам помочь.

— Мои друзья? — Он пожал плечами. — У меня нет друзей.

— Не следует так говорить. У вас есть по крайней мере два друга.

— Два друга? Хотел бы я знать, кто они такие.

В его голосе не прозвучало никакого интереса, лишь усталое недоверие.

— Во-первых, суперинтендант Спенс...

— Спенс? Спенс? Тот самый полицейский, что состряпал против меня дело? Можно смеяться?

— Не вижу ничего смешного. Вам просто повезло. Суперинтендант Спенс — пронизательный и честный полицейский. Он не любит сомнений, он делает все возможное, чтобы убедиться в виновности арестованного.

— В моей виновности он совершенно уверен.

— Как это ни странно — нет. Поэтому, как я сказал, он ваш друг.

— Ну и друг!

Пуаро ждал. Даже Джеймс Бентли, думал он, не может быть начисто лишен всех человеческих чувств. Даже Джеймс Бентли должен быть хоть чуть-чуть любопытным.

И не ошибся.

— Ну, а второй кто?

— Мод Вильямс.

Никакой видимой реакции.

— Мод Вильямс? Кто это?

— Она работала с вами у Бредера и Скаттла.

— Ах, эта Мод Вильямс.

— *Precisement* *, эта Мод Вильямс.

— А ей-то что за дело до меня?

В отдельные моменты Джеймс Бентли был способен раздражать Пуаро до такой степени, что хотелось поверить в его виновность. Но чем больше Бентли раздражал его, тем больше он разделял точку зрения суперинтенданта Спенса. Ему было все труднее представить этого молодого человека в роли убийцы. С точки зрения парня, как подозревал Пуаро, убийство все равно ничему не поможет. И если, как утверждал Спенс, убийцам свойственна наглость, то Бентли убийцей быть не мог.

— Мисс Вильямс интересуется этим делом. Она убеждена в вашей невинности, — сказал Пуаро, сдерживая гнев.

* Именно (франц.).

— Не понимаю, что она может обо всем этом знать.

— Она знает вас.

Бентли прищурился и нехотя буркнул:

— Знает, наверное, да не слишком хорошо.

— Вы же вместе работали, разве не так? Вы даже иногда вместе обедали?

— Ну, да... пару раз. В «Синей кошке» — очень удобно, из конторы через дорогу.

— Вы никогда с ней не гуляли?

— Прогулялись однажды. По дюнам.

Пуаро взорвался.

— *Ma foi* *, я что, требую от вас, чтобы вы мне в преступлении признались? Разве не естественно прогуляться с красивой девушкой? Разве не приятно? Вы недовольны собой?

— А чему радоваться?

— В вашем возрасте надо радоваться встречам с девушками.

— У меня мало знакомых девушек.

— Тем хуже для вас! И не гордиться этим надо, а стыдиться!

Вы были знакомы с мисс Вильямс. Вы работали вместе, говорили, иногда вместе обедали, а однажды даже пошли на прогулку. А когда я называю ее имя, вы даже не понимаете, о ком идет речь!

Бентли вспыхнул.

— Видите ли... я мало общался с девушками. А она... ее нельзя назвать леди, ведь так? Да, она отзывчива и все такое, но я не могу отделаться от мысли, что мама назвала бы ее вульгарной.

— Важно, что вы о ней думаете.

Бентли покраснел еще больше.

— Ее прическа... И одежда... Мама, конечно, была старомодной...

Он замолчал.

— Но не станете же вы отрицать, что она... добра?

— Она всегда была добра, это верно. Но... не понимала. Ее мама умерла, когда она была совсем маленькой.

— Потом вы потеряли работу, — продолжал Пуаро. — Другую найти не могли. Однажды вы встретились с Мод в Бродхинни, насколько мне известно.

— Да... Да. Она приезжала по делу и прислала мне открытку, — с несчастным видом пролепетал Бентли. — Попросила встретиться ее. Не знаю, почему. Не сказать, чтобы мы были друзьями.

— Но вы ее встретили?

— Да. Не хотел показаться невоспитанным.

— Вы пошли с ней в кино, в кафе?

— Нет, что вы, ничего подобного, — возмутился Бентли. — Мы... просто побеседовали, пока она ждала свой автобус.

— Ах, как весело, должно быть, было бедной девушке!

— У меня не было денег, — вдруг огрызнулся Бентли. — Вам следует об этом помнить. У меня не было ни пени.

* Честное слово (франц.)

— Ну да. Это случилось за несколько дней до убийства миссис Магинти?

Бентли кивнул и неожиданно уточнил:

— Да. Мы встретились в понедельник. Ее убили в среду.

— Еще один вопрос. Ваша хозяйка покупала «Санди комет»?

— Да.

— Вы ее просматривали?

— Она иногда предлагала, но я чаще отказывался. Мама такие газеты не уважала.

— Последний номер перед ее смертью тоже не читали?

— Нет.

— А миссис Магинти ничего вам о нем не говорила?

— Говорила, — неожиданно для Пуаро ответил Бентли. — Мало того, что-то в нем ее буквально захватило, она все успокоиться не могла.

— О-ля-ля! Захватило. А что именно она говорила? Постарайтесь припомнить поточнее, это очень важно.

— Да я почти ничего уже не помню. О каком-то стародавнем убийстве. О деле Крейга, по-моему, или нет? В общем, о том, что кто-то, имевший касательство к убийству, живет теперь в Бродхинни, и это не давало ей покоя. Не понимаю, ей-то какое дело до всего этого было?

— Она не говорила, кто именно живет в Бродхинни?

— Кажется, называла женщину, чей сын пишет пьесы.

— Она называла ее по фамилии?

— Нет... не помню... столько времени прошло.

— Подумайте, постарайтесь вспомнить. Вы хотите опять быть свободным?

— Свободным? — удивленно переспросил Бентли.

— Да, свободным.

— Ну, да, наверное... Конечно, хочу.

— Тогда думайте! Что сказала миссис Магинти?

— «Ишь, какая она самодовольная, какая гордая... Да стань оно известным, гордыни б поубавилось». Что-то в этом роде. И еще: «На этой фотографии ее и не узнать. Но, понятно, портрет-то давний».

— А почему вы решили, что она говорила о миссис Апуард?

— Не знаю, честное слово, не знаю... Такое впечатление у меня сложилось. Она начала говорить о миссис Апуард, мне стало скучно, я не слушал ее, а потом... Нет, я не знаю, о ком она говорила, она вообще любила поболтать.

Пуаро вздохнул.

— Я лично сомневаюсь, что говорила она о миссис Апуард. По-моему, она имела в виду кого-то другого. Обидно думать, что вас могут повесить из-за того, что вы не умели внимательно выслушать человека... Миссис Магинти рассказывала вам о домах, где работала, о женщинах?

— Да, что-то рассказывала, но меня бесполезно об этом спрашивать. Вы, я вижу, не понимаете, мсье Пуаро, что у меня в то время своих забот был полон рот. Представьте, в каком я пребывал состоянии, как нервничал.

— Во всяком случае, не больше, чем сейчас. Говорила ваша

хозяйка о миссис Селкерк — теперь она миссис Карпентер — или миссис Ренделл?

— Карпентер живет в доме на вершине холма, у него большая машина, да? Он был помолвлен с миссис Селкерк — моя хозяйка страшно ее не любила, не знаю, почему. Называла ее «высочкой». Представления не имею, что она имела в виду.

— А о Ренделлах?

— Это доктор? Не помню.

— Об Уэдерби?

— О них помню. «Терпеть не могу ее нытье и капризы» — это о ней. «Ни слова от него не услышишь, ни хорошего, ни плохого» — это о нем. «Нет у них счастья в доме» — это о всей семье.

Новые нотки прозвучали в голосе Бентли, и Пуаро поднял голову. Молодой человек не просто повторил, что слышал, на какое-то мгновение он по непонятным причинам вышел вдруг из состояния апатии. Он подумал об «Охотничьем дворе», о жизни его обитателей, о том, счастливы ли они.

— Вы знали их? — тихо спросил Пуаро. — Мать? Отчима? Дочь?

— Сказать, что знал, нельзя, наверное. Просто однажды их пес попал лапой в капкан. Мисс Дейдрде не могла его освободить, и я помог ей.

И вновь в его голосе прозвучали новые интонации. «Я помог ей», — сказал Бентли, и Пуаро услышал в этих словах едва приметную гордость. Он припомнил рассказ миссис Оливер о ее встрече с Дейдрде Хендерсон.

— Вы разговорились?

— Да. Она рассказала о своей маме, ее болезни. Она очень любит маму.

— А вы ей рассказывали о своей?

— Да, — коротко ответил Джеймс.

Пуаро молча ждал.

— Жизнь жестока и очень несправедлива, — продолжил Бентли. — Слишком много людей на земле лишены счастья.

— Вполне возможно.

— Не думаю, что и ей его много досталось. Я имею в виду мисс Уэдерби.

— Хендерсон.

— Ах, да. Она мне сказала, что у нее отчим. Вы тоже.

— Дейдрде Хендерсон, — повторил Пуаро. — Скорбная Дейдрде*. Красивое имя, но не очень красивая девушка, как по вашему?

Бентли покраснел.

— Мне она показалась красивой...

Глава 19

— Нет, ты слушай, что я тебе говорю, — сказала миссис Сунтиман.

* Пуаро имеет в виду Дейдрде, главное действующее лицо ирландской героической саги «Изгнание сыновей Уснеха».

Эдна шмыгнула носом. Она уже долго слушала миссис Суитиман, но разговор успеха не имел, шел по кругу, хозяйка почтового отделения часто повторялась, слегка меняя выражения, но и то незначительно. Эдна шмыгала носом, сопела, время от времени пускала слезу и снова и снова повторяла два своих главных аргумента в их споре: во-первых, ни за что! Во-вторых, ее отец с нее шкуру спустит, если узнает, ей-Богу, спустит!

— Это еще как сказать,— стояла на своем миссис Суитиман,— а убийство есть убийство, и то, что ты видела,— ты видела, и никуда от этого не денешься.

Эдна шмыгнула носом.

— И тебе следует...

Миссис Суитиман недоговорила, обернувшись к миссис Уэдерби, зашедшей за спицами и шерстью для вязания.

— Давненько не видела вас, мэм,— приветствовала ее миссис Суитиман.

— Что правда, то правда. Я слишком плохо себя чувствовала в последнее время. Сердце, знаете ли.— Она вздохнула.— Врачи рекомендуют постельный режим.

— Слышала, у вас появилась новая домработница,— заметила миссис Суитиман.— Для такой светлой шерсти нужны спицы потемнее.

— Да. Расторопная девица и готовит неплохо. Но манеры! Но внешность! Она красит волосы и носит облегающие джемпера.

— Что поделаешь! Девушек теперь в прислуги не готовят. Моя мама начала работать в тринадцать лет и каждый день поднималась без четверти пять. В конце концов она стала старшей горничной, ей подчинялись три младшие. И она их учила. Но сейчас этого нет, девушки не обучены, они лишь получают образование, как Эдна.

Обе женщины посмотрели на Эдну; девушка облокотилась на стойку и с отсутствующим видом сосала леденец, время от времени шмыгая носом. Плод просвещения, она в данный момент чести системе образования не делала.

— Какое страшное несчастье случилось с миссис Апуард,— заметила мимоходом миссис Суитиман, пока покупательница перебирала разноцветные спицы.

— Ужас! — согласилась миссис Уэдерби.— Мне не хотели об этом говорить, а когда сказали, сердце у меня так и забилося. Я невероятно впечатлительна.

— Мы все были потрясены. А молодой Апуард, так тот чуть не кончился. Этой писательнице, что у них гостила, пришлось с ним повозиться, пока доктор не приехал и не дал ему успокаивающее. Теперь он перебрался в «Луга»: не может жить дома, и понять его можно. Джанет Грум уехала к племяннице, а ключи забрала полиция. Женщина, что пишет детективы, возвратилась в Лондон, но она приедет на следствие.

Миссис Суитиман поделилась всей этой информацией с большим удовольствием. Она гордилась своей осведомленностью. Миссис Уэдерби, чей интерес к вязальным спицам был скорее всего вызван желанием поразузнать, что творится в деревне, расплатилась.

— Печальное происшествие, — заключила она. — Здесь стало небезопасно. Не иначе, маньяк объявился. Как подумаю, что моя родная дочь в тот вечер тоже из дома уходила, что и на нее могли напасть, даже убить, — прямо оторопь берет!

Миссис Уэдерби закрыла глаза и покачнулась. Продавщица наблюдала за ней с интересом, но спокойно. Миссис Уэдерби открыла глаза и авторитетно заявила:

— В деревне необходимо ввести патрулирование. Молодые люди не должны появляться на улице с наступлением темноты. Все двери и окна следует запирать на замки и задвижки. Вы знаете, миссис Саммерхейз никогда не запирает двери. Даже ночью. А заднюю дверь и окно гостиной постоянно держит открытыми для собак. Я лично считаю, что это чистое безумие, а она утверждает, что они всегда так делали и что, если вору захотят проникнуть в дом, они так или иначе сумеют это сделать.

— Полагаю, поживиться им в «Лугах» все равно будет нечем. Миссис Уэдерби грустно покачала головой и удалилась.

Миссис Суитиман и Эдна возобновили спор.

— Не следует думать, что ты умнее всех, — сказала миссис Суитиман. — Убийство есть убийство, и справедливость должна восторжествовать. Скажи правду и посрами нечистого — мой девиз.

— Папа с меня шкуру спустит.

— Я поговорю с ним.

— Все равно не смогу.

— Миссис Апуард убита, — продолжала убеждать миссис Суитиман. — А ты видела то, о чем полиция не знает. Ты же работаешь на почте, так? Значит, ты — государственный служащий и обязана выполнить свой долг. Ты должна пойти к Берту Хейлингу...

Эдна разрыдалась.

— Только не к Берту, нет. Как я могу пойти к Берту? Завтра вся деревня обо всем знает будет.

— Можно пойти к этому джентльмену-иностранцу... — неуверенно предложила миссис Суитиман.

— Только не к иностранцу, нет, только не к иностранцу.

— В этом ты, возможно, права.

У дверей почты с визгом затормозил автомобиль. Миссис Суитиман просияла.

— Это майор Саммерхейз! Расскажи все ему, а он посоветует, как поступить.

— Не смогу, — повторила Эдна, однако на этот раз не столь категорично.

Джонни Саммерхейз шагнул через порог, сгибаясь под тяжестью трех картонных коробок.

— Доброе утро, миссис Суитиман, — приветливо поздоровался он. — Надеюсь, их вес не выше установленного.

Миссис Суитиман быстро выписала квитанцию на посылки, а Джонни принялся лизать и наклеивать на них марки.

— Извините, сэр, я хотела спросить вашего совета, — обратилась она к майору.

— Слушаю вас.

— Вы ведь местный житель, сэр, вам, конечно, лучше знать, как следует поступить. Дело касается Эдны.

Эдна шмыгнула носом.

Саммерхейз с опаской взглянул на девушку. Менее располагающей к себе особы видеть ему до сих пор не приходилось, а судя по внешности — она еще и бестолкова. Уж не «в тягости» ли она, как говорится? Да нет, не стала бы миссис Суитиман к нему с таким вопросом обращаться.

— Так, — добродушно произнес он, — в чем затруднения?

— Речь идет об убийстве, сэр. О том вечере. Эдна кое-что видела.

Карие глаза Саммерхейза метнулись с Эдны на миссис Суитиман и обратно.

— Что ты видела, Эдна? — спросил он.

Эдна всхлипнула. Миссис Суитиман взяла инициативу в свои руки.

— Разумеется, говорят об этом разное, слышали мы и сплетни, и правду. Но все утверждают, что у миссис Апуард в тот вечер была в гостях женщина, они пили кофе. Это так, сэр?

— Да, по-моему.

— Я знаю, что это правда, потому что мы слышали об этом от Берта Хейлинга.

Альберт Хейлинг был местным констеблем, и Саммерхейзы его хорошо знали. Говорил констебль медленно, с расстановкой и большим чувством собственного достоинства.

— Но ведь никто не знает, кто она, верно? Так вот, Эдна видела ее.

Саммерхейз посмотрел на Эдну и свел губы, словно свистнуть собирался.

— Значит, ты ее видела, Эдна? Она входила или выходила?

— Входила, — ответила та. Чувство собственной важности развязало ей язык. — Я стояла под деревом. У самого поворота, где темно. Я видела ее. Она вошла в калитку, по дорожке подошла к двери, постояла немного и... вошла в дом.

— Все правильно, — просветлел майор. — То была мисс Хендерсон. Полиции об этом известно. Она сама пришла и все рассказала.

Эдна покачала головой.

— То была не она.

— Вот как. Тогда кто же?

— Не знаю. Лица я не видела. Я видела ее со спины, когда она шла по дорожке и стояла у двери. Но то была не мисс Хендерсон.

— Откуда ты знаешь, если не видела ее лица?

— Потому что она была блондинка, а мисс Хендерсон брюнетка. Майор смотрел на нее недоверчиво.

— Ночь была очень темная, как ты могла разглядеть цвет ее волос?

— Разглядела. Над порожком горел свет. Его оставили для Робина и писательницы, они в театр уехали. А женщина остановилась как раз под лампочкой. Она была в темном пальто, без шляпы, и волосы у нее были светлые. Я видела.

Майор присвистнул, взгляд его карих глаз стал серьезным.

— В котором это было часу?

Эдна шмыгнула носом.

— Точно не знаю.

— Хотя бы приблизительно, — подсказала миссис Суитиман.

— Девяти еще не было, я бы услышала церковные колокола.

Но после половины девятого.

— Между половиной девятого и девятью. Долго она пробыла в доме?

— Не знаю, сэр. Я сразу ушла. И ничего не слышала. Ни стонов, ни криков, ничего, — удрученно ответила Эдна.

Ни стонов, ни криков она не могла слышать, майору об этом было достоверно известно.

Глава 20

Миссис Уэдерби возвращалась с почты на удивление бодро для человека, о котором известно, что он инвалид, и только в прихожей сменила походку на свою обычную, вялую, шаркающую; пройдя в гостиную, она свалилась на диван.

Звонок был под рукой, она воспользовалась им. Поскольку ничего не произошло, она позвонила во второй раз, надолго задержав палец на кнопке.

В конце концов в комнате появилась Мод. Она была в цветастом халате, в руке держала щетку для пыли.

— Вы звонили, мадам?

— Я звонила дважды. Я привыкла, чтобы на мой звонок кто-то немедленно являлся. Я больна, мало ли что со мной может случиться.

— Извините, мадам. Я была наверху.

— Знаю. Вы были в моей комнате. Я слышала, как вы двигали ящики комода. Не пойму, зачем. В ваши обязанности не входит копание в моих вещах.

— Я не копалась в них. Просто навела порядок, убрала кое-что.

— Чепуха. Все вы одним миром мазаны. Но я этого не потерплю. Я неважно себя чувствую. Где Дейдрэ?

— Повела на прогулку собаку.

— Какая глупость! Должна бы знать, что может мне понадобиться. Принесите мне взбитое в молоке яйцо и добавьте немного бренди в буфете на кухне.

— Осталось всего три яйца на завтрак.

— Значит, кому-то придется обойтись без него. Да поторапливайтесь, чего стоите, на меня уставились? Кстати, приличной девушке не подобает краситься, как это делаете вы.

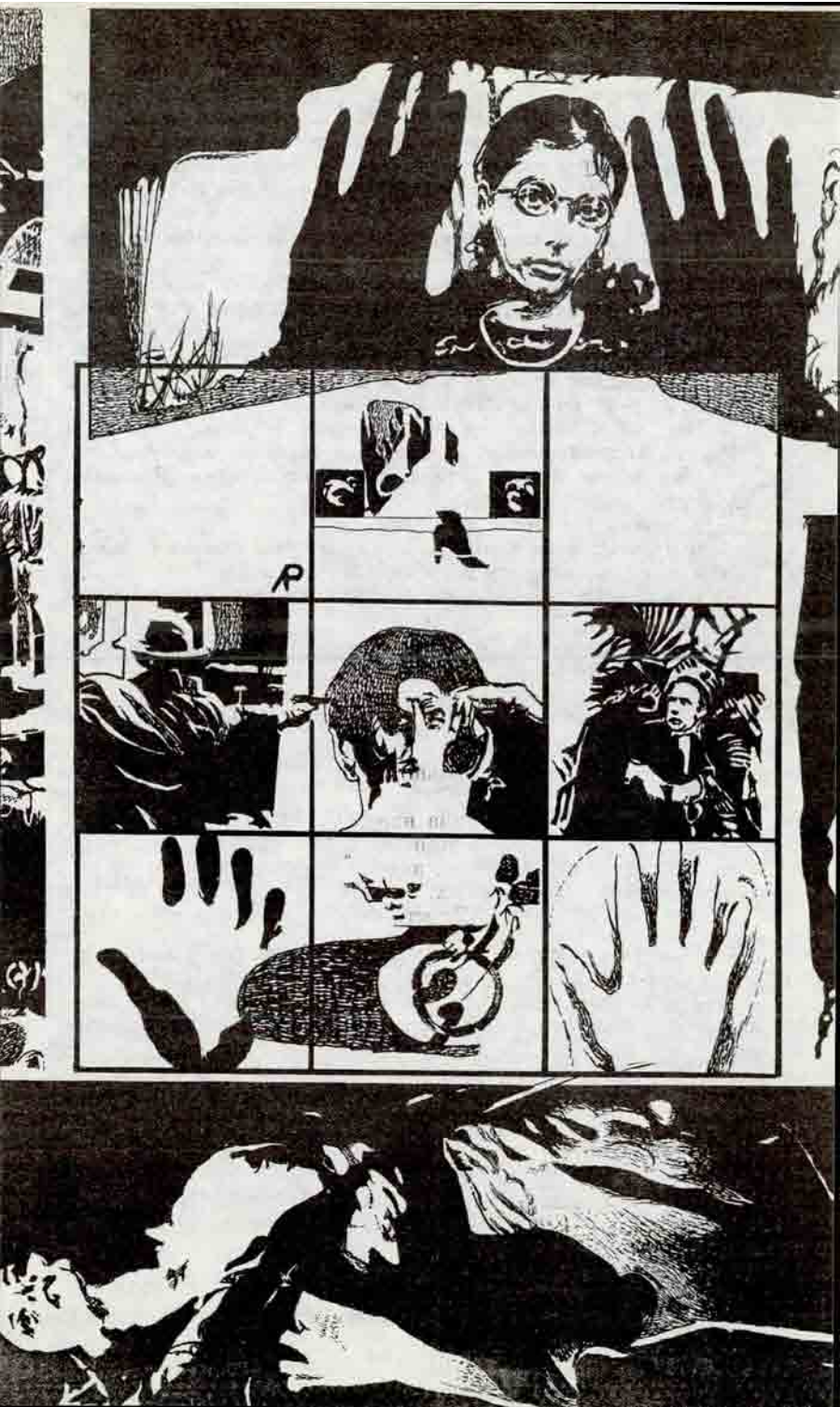
В прихожей послышался лай — вошли Дейдрэ с силихэмом.

— Я слышала твой голос, — сказала запыхавшаяся Дейдрэ. — Что ты ей сказала?

— Ничего.

— Она мрачнее тучи.

— Я поставила ее на место. Нахальная девчонка!

— Ах, мамочка, да надо ли было? Сейчас так трудно найти прислугу. А она хорошо готовит.

— Ну, конечно, какое имеет значение, что она дерзит мне! Что ж, вам недолго осталось маяться со мной. — Миссис Уэдерби закатила глаза и нервно задышала. — Я слишком далеко ходила.

— Тебе не следовало выходить, дорогая. Почему ты меня не предупредила, что уходишь?

— Я решила подышать свежим воздухом, здесь очень душно. Да не важно все это. Просто не хочется жить, зная, что ты всем в тягость.

— Что ты говоришь, кому ты в тягость! Без тебя я умру.

— Ты хорошая девочка, дочь моя, но я вижу, каких хлопот доставляю тебе, как действую на нервы.

— Нет, мама, нет! — горячо возразила Дейдрре.

Миссис Уэдерби тяжело вздохнула и опустила веки.

— Мне трудно много говорить, — произнесла она. — Я должна отдохнуть.

— Я потороплю Мод с «эг-ногом».

Дейдрре вышла из комнаты, задев по пути бронзового идола на столе; тот покачнулся и грохнулся на пол.

— Какая неуклюжая, — пробормотала, поморщившись, миссис Уэдерби.

Дверь распахнулась, в комнату вошел ее супруг. Миссис Уэдерби открыла глаза.

— А, это ты, Роджер.

— Я решил посмотреть, что за шум здесь поднялся. В этом доме невозможно спокойно почитать.

— Это Дейдрре, дорогой. Она возвратилась с прогулки.

Роджер наклонился и поднял с пола бронзового монстра.

— В конце концов Дейдрре уже достаточно взрослая, пора ей научиться аккуратности и не бросать вещи.

— Она просто неловкая.

— Это дико — в ее возрасте оставаться такой нескладной. И не может ли она заставить пса не лаять?

— Я поговорю с ней, Роджер.

— Если уж она живет здесь, то должна считаться с нами, а не вести себя так, словно весь дом принадлежит ей одной.

— Ты, наверное, хочешь, чтобы она уехала, — тихо сказала миссис Уэдерби, наблюдая за ним из-под полуприкрытых век.

— Зачем же? Нет. Естественно, она должна жить с нами. Но я вправе ожидать от нее побольше благоразумия и хороших манер. Ты куда-то ходила, Эдит?

— Да, на почту.

— Новостей по поводу смерти несчастной миссис Апуард нет?

— Полиция до сих пор не знает, кто это сделал.

— Какие-то они беспомощные, тебе не кажется? А мотив? Кто наследует ее деньги?

— Сын, наверное.

— Да... Тогда, похоже, это действительно дело рук какого-то бродяги. Скажи служанке, чтобы не забывала запира́ть входную

дверь. И открывала, не снимая с цепочки с наступлением сумерек. Преступники теперь действуют нагло и жестоко.

— Говорят, у миссис Апуард ничего не пропало.

— Странно.

— В отличие от миссис Магинти.

— Миссис Магинти? Ах, уборщицы. А что у нее общего с миссис Апуард?

— Она работала в «Ракитнике», Роджер.

— Не говори глупости, Эдит.

Миссис Уэдерби опять закрыла глаза, а когда супруг вышел, улыбнулась.

— Ваш «эг-ног», мадам.

Эдит вздрогнула и открыла глаза; перед ней, протягивая стакан с напитком, стояла Мод. Голос девушки прозвучал чисто и звонко, резонируя в затихшем доме. В сердце миссис Уэдерби закралась необъяснимая тревога.

Как высока и негибаема эта девушка; она возвышается над ней словно... словно рок — интересно, почему это сравнение пришло ей в голову?

Приподнявшись на локте, она взяла стакан.

— Спасибо, Мод.

Девушка повернулась и вышла из комнаты.

Непонятная тревога не оставляла Эдит.

Глава 21

Пуаро возвратился в Бродхинни на такси.

Он много думал и потому устал. Мыслительный процесс всегда утомителен, а на этот раз он еще и не дал удовлетворительных результатов. У него было такое ощущение, словно он держит в руках кусок материи с вышитым рисунком и не может его разглядеть.

Но он весь здесь, вот в чем дело. Просто рисунок этот из тех, что, будучи исполнены в самобытных красках и с особой утонченностью, нелегко поддаются осмыслению.

Недалеко от Килчестера им повстречался фургончик Саммерхейзов. Машину вел Джонни, рядом с ним сидел еще кто-то, но Пуаро не обратил на них внимания, настолько был поглощен своими мыслями.

Вернувшись в «Луга», он прошел в гостиную, убрал с лучшего кресла дуршлаг со шпинатом и уселся в него сам. Наверху стучала пишущая машинка — это Робин Апуард трудился над пьесой. Три варианта ее он уже порвал, почему-то не мог сосредоточиться. Так, во всяком случае, он сказал Пуаро.

Драматург, разумеется, мог сильно пережить смерть матери, но он бы не был Робинотом Апуардом, если бы не думал прежде всего о себе.

— Матре хотела бы, — печально сказал он, — чтобы я продолжал работать.

Эркую Пуаро нередко доводилось слышать подобные фразы от многих людей. Знание того, что хотел бы усопший, всегда было одной из самых удобных для них отговорок. Потерявший

близких никогда не сомневался в том, чего желали бы покойники, и желания мертвецов обычно совпадали с их личными устремлениями.

В данном случае, однако, слова Робина могли соответствовать истине. Миссис Апуард верила в его талант и очень им гордилась.

Пуаро откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Он размышлял о миссис Апуард. Он думал о том, какой она была на самом деле. Ему припомнилась сказанная однажды каким-то полицейским фраза:

— А мы разберем его и посмотрим, что там тикает.

Что «тикало» в миссис Апуард?

Раздался грохот, в гостиную вошла Морин. Растрепанные волосы ее развеялись во все стороны.

— Не представляю, что могло случиться с Джонни. Повез на почту посылки и давно уже должен был вернуться. Надо починить дверь в курятнике.

Истинный джентльмен, с опаской подумал Пуаро, немедленно галантно предложил бы ей свои услуги. Но Пуаро этого не сделал. Ему не хотелось прерывать свои думы о двух убийствах и характере миссис Апуард.

— И не могу найти анкету министерства сельского хозяйства, — продолжала Морин. — Где уж только не искала!

— Шпинат на диване, — подсказал Пуаро.

Но Морин шпинат не волновал.

— Анкету мы получили на прошлой неделе, — задумчиво говорила она. — И я куда-то ее положила. Кажется, в тот момент я штопала пуловер Джонни.

Она кинулась к бюро и принялась один за другим выдвигать ящики. Их содержимое полетело на пол. Видеть это было для Пуаро сущей мукой.

— Вот она! — издала вдруг миссис Саммерхейз победный клич и выбежала из комнаты.

Пуаро вздохнул и продолжил свои размышления.

Итак, надо все разложить «по полочкам».

Он нахмурился. Куча барахла на полу отвлекала внимание. Разве можно так искать пропавшую вещь!

Во всем должны быть порядок и система. Это — главное. Порядок и система.

Даже сидя к беспорядочной куче на полу вполоборота, он все равно видел ее краем глаза. Нитки, носки, письма, мотки шерсти, журналы, сургуч, кучи фотографий, пуловер...

Невыносимо!

Пуаро поднялся, подошел к бюро и принялся быстро раскладывать их по ящикам.

Пуловер, носки, шерсть — в один. Сургуч, фотографии, письма — в другой.

Зазвонил телефон, да так резко, что Пуаро вздрогнул. Подойдя к аппарату, он поднял трубку.

— Алло, алло, алло!

Ему ответил суперинтендант Спенс.

— А, это вы, Пуаро! Вас-то мне и нужно.

Голос его был почти неузнаваем: вместо выдержанного и спокойного с детективом говорил человек чрезвычайно взволнованный.

— Нашли время морочить мне голову: не та фотография, — укоризненно сказал он. — Мы получили новые улики. Майор Саммерхейз привез к нам девушку с почты. Говорит, что стояла вечером напротив дома Апуардов и видела, как к ним вошла женщина. Где-то между половиной девятого и девятью. Причем это была не Дейдрэ Хендерсон. Блондинка. Таким образом, мы возвращаемся к исходной позиции: это либо Ив Карпентер, либо Шила Ренделл, кто-то из них. Вопрос только — кто?

Пуаро открыл было рот, но ничего не сказал. Медленно, аккуратно он положил трубку на рычаг. И долго стоял, невидящими глазами уставившись прямо перед собой.

Телефон зазвонил опять.

— Алло! Алло! Алло!

— Могу я говорить с мсье Пуаро?

— Пуаро слушает.

— Я так и подумала. Это Мод Вильямс. На почте через четверть часа?

— Буду.

Он положил трубку и посмотрел на туфли. Переобуться? Ноги немного ныли. А, ладно, не важно.

Надев шляпу, Пуаро вышел на улицу.

По дороге на почту его окликнул полицейский, появившийся из дверей «Ракитника»:

— Доброе утро, мсье Пуаро.

Пуаро вежливо ответил, обратив внимание на взбудораженный вид сержанта Флетчера.

— Супер послал меня еще раз внимательно посмотреть, не упустили ли мы чего. Всякое бывает, правда? Мы уже осматривали письменный стол, но суперу пришла в голову мысль, что в нем может быть потайное отделение — начитался, наверное, детективов. Так вот, никакого отделения там не оказалось, но после стола я взялся за книги. В них часто что-нибудь вкладывают, например, письма.

Пуаро подтвердил, что это ему известно.

— И что вы обнаружили? — вежливо поинтересовался он.

— Только не письмо и вообще ничего в этом роде. Зато нашел нечто любопытное, во всяком случае, мне так кажется. Посмотрите.

Он развернул газету; в ней лежала старая-престарая книга.

— Она стояла на книжной полке. Ветхая, издана много лет назад. Но взгляните сюда.

Сержант раскрыл ее и указал на форзац, где карандашом было выведено «Ивлин Хоуп».

— Интересно, как вы считаете? Это имя, если помните...

— ...приняла Ива Кейн, покидая Англию. Я помню, — сказал Пуаро.

— Похоже на то, что миссис Магинти видела одну из тех фотографий именно в доме у миссис Апуард. Дело, похоже, осложняется, а?

— Осложняется, — с чувством произнес Пуаро. — Уверю вас, когда вы принесете эту улику суперинтенданту Спенсу, он станет рвать на себе волосы с корнями. Именно с корнями.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — возразил Флетчер.

Пуаро не ответил. Он продолжал свой путь вниз по склону холма. Думать он перестал. Все вокруг не имело никакого смысла.

Когда он вошел в помещение почты, Мод уже была там; она разглядывала узоры для вязания. Пуаро направился к почтовой стойке. Когда Мод расплатилась, миссис Суитиман подошла к нему, и он купил несколько марок. Мод вышла.

Миссис Суитиман была задумчива и совсем неразговорчива, поэтому Пуаро удалось выйти на улицу вскоре после Мод. Он быстро догнал девушку и зашагал рядом.

Миссис Суитиман прижалась носом к стеклу и посмотрела им вслед.

— Ох, уж эти иностранцы! Все на один манер, все как один. Ведь он ей в дедушки годится!

— En bien, — сказал Пуаро, — что вы хотели мне сообщить?

— Не знаю, насколько это важно. Кто-то пытался влезть в комнату миссис Уэдерби.

— Когда?

— Сегодня утром. Ее дома не было, дочь пошла гулять с собакой. Старый бесчувственный чурбан, как обычно, засел в своем кабинете. Я в основном крутилась на кухне — она на той же стороне, что и кабинет. В общем, случай представился подходящим... Вы понимаете?

Пуаро кивнул.

— Поэтому я проскользнула наверх, в спальню Ее Вьедливого Величества, а когда вошла — увидела, что к окну с наружной стороны приставлена лестница и какой-то мужчина пытается его открыть. Она после убийства все закрывает на замки и задвижки, свежего воздуха не глотнешь. Увидев меня, человек кубарем скатился с лестницы и смылся. Лестница садовника, он обрезал плющ и в одиннадцать ушел перекусить.

— Кто это был? Вы можете его описать?

— Я лишь мельком успела на него глянуть. Пока подбежала и открыла окно, его след простыл, а когда вошла в комнату и увидела его, солнце светило мне в глаза, и лица видно не было, только темный силуэт.

— Вы уверены, что это был мужчина?

Мод задумалась.

— Одет по-мужски, старая фетровая шляпа на голове... Вообще-то могла быть и женщина...

— Интересно, очень интересно... — пробормотал Пуаро. — Это все?

— Пока все. Но сколько хлама хранит эта женщина! Ненормальная, должно быть. Я не слышала, как она вернулась, и получила выговор за шпионаж. В следующий раз я ее прикончу. Если кто и заслуживает смерти, то она — в первую очередь. Ох, и противная же, стерва!

— Ивлин Хоуп... — тихо произнес Пуаро.

— Что вы сказали? — круто обернулась к нему Мод.

— Вам известно это имя?

— Ну... да. Его взяла себе Ива... как ее там... когда уезжала в Австралию. Об этом писали в... «Санди комет».

— В «Санди комет» писали о многом, только не об этом. Полиция нашла это имя написанным в одной из книг миссис Апуард.

— Так это все же была она!.. — воскликнула Мод. — Значит, она в Австралии не умерла... Майкл был прав.

— Майкл?

— Мне пора, — быстро сказала Мод, — а то не успею подать вовремя второй завтрак. Он в духовке, как бы не подгорел.

И она убежала, а Пуаро остался стоять, некоторое время глядя ей вслед.

«Уж не сделал ли ей этот старикан иностранец определенного свойства предложение?» — подумала наблюдавшая за ними миссис Суитиман.

Возвратившись в «Луга», Пуаро сменил туфли на домашние тапочки. Это был, конечно, не шик, не *comme il faut**, по его мнению, но ногам полагается отдых.

Вновь удобно устроившись в одном из кресел, он продолжил свои размышления, а подумать ему было о чем.

Кое-что он ранее упустил — мелкие детали.

Все компоненты рисунка были налицо, их оставалось только склеить.

Вот Морин со стаканом в руке, говорит задумчиво, задает вопрос... Миссис Оливер рассказывает о вечере в театре и после него... Сесил? Майкл? Да, он почти уверен, что она упомянула некоего Майкла. Ива Кейн, гувернантка у Крейгов...

Ивлин Хоуп.

Ну да, конечно...

Ну да, конечно! Ивлин Хоуп!

Глава 22

Ив Карпентер вошла в дом Саммерхейзов без стука, как входили в него почти все, используя для этого любую удобную открытую дверь.

Она искала Пуаро, а когда нашла, вокруг да около ходить не стала, сказав в лоб:

— Послушайте, вы — сыщик, и, говорят, неплохой. Прекрасно, я вас нанимаю.

— Представьте себе, я не нанимаюсь, я ведь не такси!

— Вы — частный детектив, а частные детективы работают за плату, разве не так?

— Обычно так.

— Об этом я и говорю. Я заплачу вам. Хорошо заплачу.

— За что? Чего вы от меня хотите?

* Прилично, порядочно (франц.).

— Защитите меня от полиции. Они с ума сошли. Им, кажется, пришло в голову, что это я убила миссис Апуард. Все что-то вынюхивают, все что-то выспрашивают... Мне это не нравится. Они хотят свести меня с ума.

Пуаро внимательно посмотрел на нее. Кое-что из сказанного ею соответствовало действительности: миссис Карпентер выглядела на несколько лет старше, чем пару недель назад, когда он увидел ее в первый раз. Круги под глазами свидетельствовали о бессонных ночах. От уголков рта к подбородку пролегли темные линии, а рука, когда она прикуривала сигарету, дрожала.

— Вы должны положить этому конец, — заявила она. — Должны.

— Мадам, что я могу сделать?

— Уберите их как-нибудь от меня! Будь Гай мужчиной, давно бы сам их отвалил, не позволил преследовать меня.

— А он ничего не предпринимает?

— Я его не просила, — хмуро ответила Ив. — От него только и слышишь высокопарные фразы о том, что «полиции надо всячески помогать, полиции надо всячески помогать»... А мне кто поможет? Ему-то хорошо, он в тот вечер был на каком-то противном политическом митинге.

— А вы?

— А я сидела дома. Радио слушала.

— Но если вы можете это доказать...

— Каким образом? Я предложила Крофтам баснословные деньги, только бы они засвидетельствовали, что я была дома, так эти чертовы свиньи отказались.

— Вы совершили очень необдуманный поступок.

— Не понимаю: почему? Это решило бы все проблемы.

— Вполне вероятно, что вы таким образом убедили ваших слуг в своей причастности к убийству.

— Но я бы им заплатила за...

— За что?

— Ни за что.

— Не забывайте, вы просите моей помощи.

— А! Все это мелочи. Просто Крофт передал мне ее просьбу.

— Просьбу миссис Апуард?

— Да. Она позвонила и пригласила меня в тот вечер в гости.

— А вы утверждаете, что не пошли к ней?

— Зачем мне это нужно? Что мне делать у этой старой зануды?

— Когда вам позвонили?

— Не знаю точно: в пять, в шесть — меня как раз не было. Приглашение принял Крофт.

— А вы предложили ему деньги, чтобы он об этом забыл. Почему?

— Не будьте идиотом. Не хотела быть замешанной во все это.

— И обещали заплатить, если он обеспечит вам алиби. Что, по-вашему, должны были подумать он и его жена?

— Кого интересует, что они там думают?

— Присяжных может заинтересовать, — нахмурился Пуаро.

Она оставилась на него.

- Вы это серьезно?
- Вполне.
- Они поверят слугам, не мне?

Пуаро внимательно посмотрел на нее.

Какой сплав откровенного хамства и беспросветной глупости! Это же надо — настроить против себя людей, которые могли оказаться ей полезными. До чего нелепая, близорукая политика! Близорукая...

Что за прелесть — ее большие, синие глаза.

— Почему вы не носите очки, мадам? — спокойно спросил он. — Ведь вам они нужны.

— Что? Ах, очки. Я надеваю их иногда. В детстве носила.

— И ортодантическую пластинку?

Она удивленно уставилась на него.

— Носила. Зачем вы спрашиваете?

— Гадкий утенок превратился в белого лебедя?

— Я действительно была довольно-таки гадкой.

— И ваша мать так считала?

— Я не помню свою мать, — резко ответила она. — И о чем мы вообще говорим? Вы беретесь за дело или нет?

— Сожалею, но не могу.

— Почему?

— Потому, что в данном случае защищаю интересы Джеймса Бенгли.

— Джеймса Бенгли? А, вы имеете в виду того придурка, что убил уборщицу. Какое отношение он имеет к Апуардам?

— Возможно, никакого.

— Так в чем же дело? В деньгах? Сколько?

— Вы всегда все сводите к деньгам, мадам, и в этом ваша самая большая ошибка. У вас есть деньги, и вы считаете, что они все решают.

— У меня они тоже не всегда были.

— Верно, не всегда, — согласился Пуаро, кивая. — И это многое объясняет...

Глава 23

Коронер и жюри вынесли вердикт: убийство, совершенное неизвестным лицом или неизвестными лицами.

После следствия все, кто там присутствовал, по приглашению Эркюля Пуаро собрались в «Лугах».

Прилежно потрудившись, Пуаро сумел навести в продолговатой гостиной видимый порядок. Стулья он выставил идеальным полукругом, пса не без усилий выпроводил на улицу, а сам занял место у дальней стены, отведя себе роль самозванного лектора.

— Дамы и господа, — начал он, многозначительно прокашлявшись, и после паузы неожиданно продекламировал:

— Что с миссис Магинти?

Она умерла.

Как?

Став на колени, так же, как я.

Что с миссис Магинти?

Она умерла.

Как?

Вытянув руку, так же, как я.

Что с миссис Магинти?

Она умерла.

Как?

Вот так.

Ситуация была нелепая, весь вид и слова были комичны, но, увидев выражения лиц собравшихся, Пуаро так же серьезно пояснил:

— Нет, я с ума не сошел. То, что я прочитал вам детские стишки, вовсе не означает, что я впал в детство. Возможно, кто-то из вас сам играл когда-то в эту игру. Миссис Апуард играла. Она прочитала мне эти стихи, слегка изменив их. «Что с миссис Магинти? Она умерла. Как? Сунув голову в петлю, так же, как я» — был ее вариант. Так она сказала и так поступила. Она сунула голову в петлю и, подобно миссис Магинти, умерла...

Для того чтобы достичь поставленной нами цели, придется вернуться к началу этой истории — к миссис Магинти, на коленях скребущей полы в чужих домах. Миссис Магинти была убита, некий Джеймс Бентли арестован, признан виновным в ее смерти и приговорен к высшей мере наказания. Однако суперинтенданта Спенса, которому поручено было расследование, такой исход дела не удовлетворил, и небезосновательно. Он не поверил в виновность Бентли, несмотря на тяжесть улик. Я согласился с ним и приехал сюда с тем, чтобы ответить на вопрос: как умерла миссис Магинти? Почему она умерла?

Не стану мучить вас долгим рассказом, скажу только, что ключом к разгадке убийства стала такая простая вещь, как пузырек чернил. В «Санди комет», которую накануне смерти прочла миссис Магинти, были опубликованы четыре фотографии. Вы уже о них все знаете, так что мне остается лишь подчеркнуть, что миссис Магинти узнала среди них фотографию, которую видела в одном из домов, где работала.

Она рассказала об этом Джеймсу Бентли, но тот не придавал ее рассказу никакого значения — ни тогда, ни позже. Фактически он ее даже не выслушал. Но у него сложилось впечатление, что фотографию миссис Магинти видела в доме миссис Апуард и говорила о женщине, которой бы пришлось поумерить свою гордыню, «стань все известным», при этом имела в виду всю ту же хозяйку «Ракитника». Полагаться на его слова мы не можем, но она, бесспорно, упомянула гордую женщину, а все мы знаем, какой гордой и высокомерной была миссис Апуард.

Как всем вам хорошо известно (кто-то при этом присутствовал, кто-то об этом слышал), я показал фотографии в «Ракитнике» и заметил, что миссис Апуард узнала одну из них и очень удивилась. Она сказала, что видела подобный снимок, но не помнит где. На мой вопрос, какой именно, она показала на портрет Лили Гамболл, но это, позвольте вас уверить, было неправдой. По каким-то личным, одной ей ведомым мотивам, миссис Апуард решила сохранить свое открытие в тайне и, чтобы сбить меня с толку, указала на другую фотографию.

Но одного из присутствовавших она обмануть не могла — убийцу. Он знал, какую фотографию узнала миссис Апуард. Сейчас я уже могу вам точно сказать: речь шла о портрете Ивы Кейн — соучастницы, жертвы или инспиратора знаменитого дела Крейга.

Сутки спустя миссис Апуард была убита. Она была убита по той же причине, что и миссис Магинти. Миссис Магинти протянула руку, миссис Апуард сунула голову в петлю — результат оказался один.

Но, прежде чем миссис Апуард умерла, трем женщинам позвонили по телефону — миссис Карпентер, миссис Ренделл и мисс Хендерсон. Во всех трех случаях миссис Апуард приглашала их вечером к себе. Служанка ее была выходная, а сын и миссис Оливер уезжали в театр в Калленки. Таким образом, можно сделать вывод, что она хотела побеседовать наедине с каждой из них.

Но почему три женщины? Помнила ли она, у кого видела фотографию Ивы Кейн? Или знала, что видела, но забыла, у кого? Что было общего у этих женщин? Ничего, пожалуй, кроме возраста.

Каждой из них около тридцати.

Вы, возможно, читали статью в «Санди комет». Если помните, в ней в сентиментальных выражениях говорится о будущем дочери Ивы Кейн. Все приглашенные к миссис Апуард женщины приблизительно в том же возрасте, в котором должна быть ее дочь.

Таким образом, складывается впечатление, что в Бродхинни живет молодая женщина, которая в действительности является дочерью убийцы Крейга и его любовницы Ивы Кейн, а также, что эта женщина готова пойти на что угодно ради сохранения своей тайны. Готова пойти фактически и на два убийства. Ибо на столе в комнате убитой миссис Апуард стояли две кофейные чашки, обе пустые, а на одной из них остались следы губной помады.

Но давайте вернемся к трем женщинам, получившим приглашения по телефону. Миссис Карпентер утверждает, что в «Ракитник» не пошла. Миссис Ренделл хотела пойти, но проспала. Мисс Хендерсон пошла, но в доме не было света, на стук и зов никто не откликнулся, и она возвратилась домой.

Это их версия, но как быть с уликой — следами губной помады на чашке госты? Кроме того, Эдна утверждает, что видела, как в дом вошла блондинка. Есть и третья улика: аромат духов, дорогих, экзотических, какими из всех присутствующих здесь пользуется лишь миссис Карпентер.

— Это ложь! Грязная, жестокая ложь! — перебив его, воскликнула Ив. — Меня там не было. Гай, да что ты молчишь, в самом деле?

Мистер Карпентер побледнел от гнева.

— Позвольте мне напомнить вам, мсье Пуаро, о существовании закона о клевете, а все присутствующие здесь — свидетели ваших инсинуаций.

— Скажите: то, что ваша жена пользуется определенного сорта духами и губной помадой, — клевета?

— Это возмутительно! Просто возмутительно! — выкрикнул мистер Карпентер.

Но Пуаро спокойно продолжал:

— В доме никого не было, и, казалось бы, никто не мог помешать убийце уничтожить эти улики. Но этого не сделали, и я спросил себя: почему? Ответ напрашивался сам собой: кто-то намеренно пытался показать, что убийца — женщина. Я задумался о телефонных звонках. Никто из приглашенных не говорил непосредственно с миссис Апуард. Так, может быть, звонила не она? А тот, кто хотел связать убийство с женщиной? И вновь я спросил себя: зачем? Ответ опять мог быть лишь один: затем, что убил ее мужчина.

Пуаро оглядел своих слушателей. Они притихли, и только двое отреагировали на его слова.

— Слава Богу, — вздохнула Ив Карпентер. — Теперь вы заговорили разумно.

А миссис Оливер кивала:

— Конечно, конечно.

— Таким образом, я пришел к выводу, что миссис Апуард убил мужчина, он же покончил и с миссис Магинти. Но кто? Причина убийства обеих одна — фотография. Кому она принадлежит? Это главный вопрос. И почему ее хранят?

Второй вопрос не столь важен. Скажем, хранят ее по сентиментальным мотивам. После... ликвидации миссис Магинти избавляться от нее нет никакой необходимости. А вот после второго убийства ситуация меняется. На этот раз фотография напрямую связывается с преступлением, ее становится опасно держать дома. Не сомневаюсь, вы все согласитесь, что ее наверняка уничтожили.

Он вновь оглядел приглашенных, они закивали.

— И тем не менее фотографию опять не уничтожили! Представьте себе, нет! Я это твердо знаю — я нашел ее. Нашел пару дней назад здесь, в этом доме, в ящике бюро у стены. Вот она.

Он поднял над головой выпцветший снимок девушки с глуповатой улыбкой и букетиком роз.

— Да, — продолжал Пуаро. — Это Ива Кейн. А на обороте карандашом написаны два слова — «моя мама».

Его суровый, осуждающий взгляд остановился на Морин Саммерхейз. Она откинула с лица рыжие волосы и широко раскрытыми глазами озадаченно уставилась на него.

— Не понимаю. Я никогда...

— Разумеется, миссис Саммерхейз, вы ничего не понимаете. После второго убийства фотографию можно было хранить лишь по двум причинам. Первая из них — невинная сентиментальность. У вас не было оснований испытывать угрызения совести, поэтому вы могли сохранять портрет. Вы сами признались, что были приемной дочерью. Сомневаюсь, что вы вообще знаете подлинное имя своей матери. Но кто-то его знал. Кто-то, кто очень гордится своим родом — настолько, что эта гордость заставляет его жить в родовом имении; он кичится предками, происхождением. Этот человек скорее умрет, чем позволит людям — или детям — знать, что Морин Саммерхейз на самом деле —

дочь убийцы Крейга и Ивы Кейн. Этот человек, как я сказал, скорее сам умрет. Но ведь это ничего не даст, не так ли? Поэтому мы можем без преувеличения сказать, что среди нас есть человек, готовый на убийство.

Джонни Саммерхейз поднялся со стула.

— А не кажется ли вам, что вы несете чушь, господин хороший? — начал он спокойно, почти по-дружески. — Разглагольствуете, сами собой любуетесь, догадки строите. Бредни какие-то! Жену мою оскорбляете... — Не в силах больше сдержатъ переполнявший его гнев, он вдруг взорвался: — Ах ты, грязная свинья, проклятая...

Рывок его к Пуаро застал всех врасплох; сыщик проворно отступил, Спенс кинулся к ним и вмиг оказался между разъяренным Саммерхейзом и маленьким бельгийцем.

— Ну, ну, майор, успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь...

Саммерхейз пришел в себя и пожал плечами.

— Извините. Но это возмутительно! В конце концов кто угодно мог сунуть фотографию в бюро.

— Совершенно верно, — согласился Пуаро. — Интересно, что на ней нет отпечатков пальцев.

Он помолчал, кивнул каким-то своим мыслям и продолжил:

— Но должны быть. Если снимок принадлежит миссис Саммерхейз, а она невиновна, то отпечатки ее пальцев должны на нем остаться.

— Вы, наверное, с ума сошли! — воскликнула Морин. — Я в жизни этой фотографии не видела, то есть до того, как вы показали ее у миссис Апуард.

— Ваше счастье, — заметил Пуаро, — что я знаю об этом. Фотографию положили в бюро за несколько минут до того, как я ее там обнаружил. Дважды в то утро содержимое бюро вываливалось на пол, дважды я раскладывал вещи по ящикам; в первый раз фотографии там не было, во второй раз она появилась. Ее подложили в этот промежуток времени, и я знаю кто.

Новые нотки прозвучали в его голосе. Он больше не был несурзным маленьким человечком с нелепыми усами и крашенными волосами; он был охотником, вплотную подобранным к добыче.

— Оба преступления были совершены мужчиной, и мотив их был простейшим из мотивов: деньги. В доме миссис Апуард была найдена книга, на форзаце которой написано «Ивлин Хоуп». Хоуп — фамилия, которую взяла Ива Кейн, покидая Англию. Если ее полное имя было Ивлин, то, вероятнее всего, этим же именем она нарекла своего ребенка. Но «Ивлин» — как женское, так и мужское имя. Почему мы решили, что у нее родилась дочь? В основном потому, что так написано в «Санди комет»! Но фактически и в самой газете этого не утверждалось, только предполагалось на основании романтического интервью Ивы Кейн. Но Ива покинула Англию до рождения ребенка, поэтому никто не мог заранее предвидеть, родится у нее девочка или мальчик.

Признаюсь, эта романтическая неточность в «Санди комет» на некоторое время сбила меня с верного пути. Но пойдем дальше.

Ивлин Хоуп, сын Ивы Кейн, приезжает в Англию. Талантли-

вый молодой человек привлекает внимание очень богатой женщины, ничего не знающей о его происхождении, она верит в его сентиментальные измышления (замечательная душещипательная история о молодой балерине, скончавшейся от туберкулеза в Париже).

Богатая леди — тоже одинокая женщина, недавно потерявшая сына. И талантливый драматург берет ее фамилию.

Но настоящее ваше имя Ивлин Хоуп, не так ли, мистер Апуард?

— Конечно, нет! — пронзительно выкрикнул Робин. — Я вообще не понимаю, о чем вы говорите!

— Отрицать все равно бесполезно. Есть свидетели, которые вас знают именно под этим именем. «Ивлин Хоуп» написано в книге вашей рукой, как и «моя мама» на фотографии. Миссис Магинти увидела эту фотографию и надпись, когда убирала в вашей комнате. Она сказала вам об этом после публикации в «Санди комет». Но миссис Магинти решила, что это фотография миссис Апуард в молодости, поскольку даже не предполагала, что вы ей не родной сын. Вы, однако, понимали, что, как только эти сведения достигнут ушей миссис Апуард, для вас все будет кончено. У миссис Апуард были свои взгляды на наследственность, она бы ни секунды не раздумывала, как ей поступить с сыном скандально знаменитого убийцы. И не простила бы ложь.

Поэтому миссис Магинти надо было любой ценой заставить молчать. Вы, наверное, пообещали ей небольшой подарок, заехали к ней по пути на радиостудию и убили. Вот так...

Пуаро неожиданно схватил сахарный колунок, размахнулся им над головой Робина и...

Настолько естественным было его движение, что кое-кто из присутствующих вскрикнул, вскрикнул и сам Робин.

— Нет! Не надо... — тонким голосом завопил он. — Это случайность. Я не хотел ее убивать. Я потерял голову.

— Вы смыли с колунка кровь и завезли его сюда, положили на полку, откуда взяли. Но вы не подумали, что криминалисты уже располагают новыми средствами для обнаружения пятен крови и отпечатков пальцев.

— Уверю вас, я не хотел ее убивать... Это была ошибка. И вообще это не моя вина. Я не виноват. Это наследственность, я ничего не могу с собой поделать. Нельзя же отдавать человека под суд за то, в чем он не виноват...

— Ты так думаешь? Посмотришь, как мы это сделаем, — пробормотал Спенс и громко официальным тоном добавил: — Должен предупредить вас, мистер Апуард, что каждое сказанное вами слово...

Глава 24

— Честное слово, Пуаро, не понимаю, как вы вышли на Робина Апуарда?

Пуаро с довольным видом оглядел обращенные к нему лица. Объяснять он всегда любил.

— Я должен был заподозрить его гораздо раньше. Ключом,

таким простым и ясным, была фраза, произнесенная миссис Саммерхейз на вечеринке. Обращаясь к Робину, она сказала: «Мне вовсе не по душе быть приемным ребенком, а вам?» Эти последние два слова все открыли. Они означали, что Робин не был родным сыном миссис Апуард, и ничего другого означать не могли.

Миссис Апуард сама болезненно тревожилась о том, как бы кто не узнал, что Робин — приемный сын. Она немало слышала, наверное, скабрезных замечаний о молодых людях, живущих со старухами на их содержании. Известно об этом было узкому кругу — тесному театральному *coterie**, где она впервые и увидела Робина. После многих лет жизни за границей у нее осталось в Англии очень мало друзей, тем более что поселиться она решила здесь, вдали от родного Йоркшира. Даже встречаясь со старыми знакомыми, она не поправляла их, когда они принимали драматурга за малыша Робина, которого некогда видели.

Но атмосфера в «Ракитнике» мне с самого начала показалась не совсем обычной. Отношение Робина к миссис Апуард не было похоже на отношение балованного и любящего сына. Это было отношение протеже к покровителю. А его «мадре» отдавало театральностью. В свою очередь, миссис Апуард, как бы она его ни любила, относилась к нему — пусть неосознанно — как к дорогой вещице, кушленной и оплаченной.

Итак, перед нами Робин: он ловко устроился, живет уверенно и без забот, кошелек «мадре» дает ему возможность свободного творчества. Но тут появляется миссис Магинти; в газете она видит снимок, аналогичный хранящемуся в ящике стола Робина с надписью «моя мама». Его мама, та самая талантливая балерина, как рассказал он миссис Апуард, которая умерла от туберкулеза в Париже! Миссис Магинти, разумеется, считает, что это портрет миссис Апуард в молодости, поскольку даже не подозревает, что Робин не ее сын. Не думаю, что миссис Магинти намеревалась пойти на шантаж, но наверняка надеялась на «маленький подарок» как награду за молчание.

Но Робин решает оградить себя от любых случайностей. Он похищает сахарный колунок, который миссис Саммерхейз потом со смехом называет идеальным орудием для убийства, и на следующий вечер по дороге заходит к миссис Магинти. Она, ничего не подозревая, приглашает его в гостиную, и там он ее убивает. Зная, где хранятся ее сбережения — об этом известно всем жителям Бродхинни, — он симулирует ограбление, спрятав деньги за домом. Подозрение падает на Бенгли, его берут под арест. Наш ушлый Робин вне опасности.

Но тут совершенно неожиданно я показываю четыре фотографии, и миссис Апуард узнает в Иве Кейн «балерину», мать Робина! Ей необходимо время, чтобы обдумать ситуацию — как-никак, а речь идет об убийстве. Возможно ли, что Робин?.. Нет, она отказывается этому верить.

Мы не знаем, как бы она в конце концов поступила. Но Робин не ждет. Он тут же продумывает *mise en scene***. Поездка

* Кружок, компания (франц.).

** Постановка (франц.).

в театр в тот вечер, когда у Джанет выходной, телефонные приглашения, следы позаимствованной из сумочки Ив Карпентер помады на кофейной чашке; он даже покупает флакон духов, какими она пользуется. Другими словами, он оформляет сцену, используя весь предназначенный для нее реквизит. Пока миссис Оливер ждет в машине, он дважды возвращается домой. Само убийство заняло несколько секунд, остальное время ушло на «бутафорию». После смерти миссис Апуард он по ее завещанию получает в наследство огромное состояние, оставаясь вне всяких подозрений, поскольку преступление совершено якобы женщиной. В «Ракитник» вечером приглашены три женщины, и подозрение, разумеется, должно пасть на одну из них. Как оно, собственно, и случилось.

Однако Робин, подобно всем убийцам, был небрежен и чересчур самоуверен. Он не только хранил дома книгу с написанным в ней его подлинным именем, но даже не уничтожил по каким-то личным мотивам роковую фотографию. Гораздо безопаснее для него было бы, скажем, ее сжечь, но Робин почему-то решил, что может использовать снимок, дабы в подходящий момент направить подозрения по ложному следу.

Вероятно, тогда же он подумал о миссис Саммерхейз. Потому, наверное, и перебрался сюда. В конце концов сахарный колунок принадлежал ей, сама Морин, насколько он знал, тоже приемный ребенок, и доказать, что она не дочь Ивы Кейн, ей было бы непросто.

274 Когда же Дейдрэ Хендерсон призналась, что приходила в тот вечер в «Ракитник», ему пришла в голову мысль подбросить фотографию ей. Он попытался это сделать, воспользовавшись оставленной садовником лестницей, но перепуганная миссис Уэдерби требовала закрывать все окна на щеколды, поэтому у него ничего не вышло. Вернувшись сюда, он сунул фотографию в ящик бюро, содержимое которого, к его несчастью, я незадолго до этого просмотрел.

Таким образом, я знал, что фотография подброшена, и знал, кем: в доме находился только один человек, и он усердно барабанил наверху по клавишам пишущей машинки.

Поскольку на форзаце найденной в «Ракитнике» книги было написано «Ивлин Хоуп», то имя это могло принадлежать либо миссис Апуард, либо Робину.

Имя «Ивлин» поначалу сбilo меня с толку, я связал его с именем миссис Карпентер — Ива. Но «Ивлин» — имя как женское, так и мужское.

Говоря откровенно, я должен был разобраться в этом деле значительно раньше. Но мне помешала моя же собственная ошибка. Я уверовал в то, что кто-то намеренно пытался столкнуть меня под поезд и что этот «кто-то» был настоящим убийцей миссис Магинти. А случилось так, что именно Робин Апуард из всех жителей Бродхинни никак не мог в тот момент быть на вокзале в Килчестере.

— Торговка какая-нибудь с базара возвращалась, — неожиданно хохотнул Джонни Саммерхейз. — Те толкаются.

— Так вот, Робин был настолько уверен в собственной неуяз-

вимости, что совершенно не опасался меня. Это характерно для убийц. К счастью, наверное. Ибо улик против него было слишком мало.

Миссис Оливер поежилась.

— Вы хотите сказать, что я сидела в машине у дома, а он в это время убивал свою мать? Да когда же он успел?

— Успел. Даже странно иной раз становится, когда видишь, до чего люди плохо знают, что такое время. Засеките как-нибудь, сколько его требуется для полной смены декораций в театре между актами или сценами. А в данном случае речь идет в основном о декорациях, «бутафории».

— Хорош театр, — машинально ответила миссис Оливер.

— Да, это было, можно сказать, театральное убийство, где каждая деталь тщательно продумывается.

— А я сидела в машине и ничего не подозревала!

— Боюсь, — пробормотал Пуаро, — что в тот вечер ваша женская интуиция взяла выходной...

Глава 25

— В «Брендер и Скаттл» я не вернусь, — сообщила Мод. — И не жалею: дрянная фирма.

— Тем более что службу свою она вам отслужила.

— Что вы хотите этим сказать, мсье Пуаро?

— Зачем вы вообще приехали в эти края?

— Как мистер Всезнайка, вы, наверное, знаете ответ и на этот вопрос.

— Я догадываюсь.

— О чем же?

Пуаро задумчиво смотрел на ее волосы.

— Этой стороны я касаться не стал. Все уверены, что женщиной, которую Эдна видела у дома миссис Апуард, была миссис Карпентер и что отрицает она этот факт из страха. Поскольку миссис Апуард убил Робин, то и посещению этому придается не больше значения, чем визиту мисс Хендерсон. Что касается меня, то я не думаю, что она была там. Я полагаю, мисс Вильямс, что Эдна видела вас.

— Почему меня? — резко спросила Мод.

— Почему вас так заинтересовал Бродхинни? — вопросом на вопрос ответил Пуаро. — Зачем, приехав сюда, вы попросили автограф у Робина Апуарда? Вы же их не коллекционируете. Откуда вам известно об Апуардах? Зачем вы вообще сюда приехали? Откуда узнали, что Ива Кейн умерла в Австралии и какую фамилию взяла, покидая Англию?

— Вы очень догадливы, не так ли? Ну что ж, мне нечего скрывать.

Она раскрыла сумочку, достала потертый блокнот и вынула из него потрепанную газетную вырезку. С нее на Пуаро смотрело столь хорошо ему знакомое лицо Ивы Кейн.

Поперек фотографии бежали слова: «Она убила мою маму».

Пуаро вернул снимок Мод.

— Я так и думал. Ваша настоящая фамилия Крейг?

Девушка кивнула.

— Меня воспитали родственники, очень достойные люди. Но когда все это случилось, я была уже достаточно взрослой, чтобы все понять и ничего не забыть. Я много думала о ней. Это была гадкая, мерзкая женщина, поверьте, дети всегда чувствуют это. А отец мой был просто слаб. И опьянен ею. За что и заплатил собственной жизнью, хотя, уверена, то было ее рук дело. О, я понимаю: он был, как это называется, «соучастником после события преступления», но все же не убийцей, а это, как ни крути, не одно и то же, правда? Мне всегда хотелось выяснить, что случилось с нею, как сложилась ее судьба. Повзрослев, я наняла детективов. Они проследили ее путь до Австралии и в конце концов сообщили, что она умерла. После нее остался сын, она назвала его Ивлином.

Казалось, все, вопрос исчерпан. Но потом я познакомилась с одним молодым актером. Он в разговоре упомянул некоего драматурга Ивлива Хоупа, приехавшего из Австралии, но сменившего имя на Робина Апуарда. Меня это заинтересовало. Однажды вечером мне его показали — он был вместе со своей матерью. И я подумала, что Ива Кейн, по-видимому, не только не умерла, но еще и шикует, мощной трясет.

Я подыскала себе работу в Килчестере. Мне было интересно, даже более чем интересно... Ладно, скажу как есть: я рассчитывала с ней как-нибудь расквитаться. Когда вы рассказали мне о Бентли, я тут же решила, что это Апуард убила миссис Магинти. Ива Кейн со старыми своими штучками. От Майкла я узнала, что Робин и миссис Оливер собираются в Калленки на спектакль. Я решила поехать в Бродхинни и... Нет, не знаю, что я хотела сделать. Я ничего от вас не скрываю. В моей сумочке лежал пистолет — он остался у меня с войны. Зачем я взяла его? Попугай ее? Или.. Честное слово, не знаю...

В общем, я пошла к ней. В доме стояла мертвая тишина. Дверь была не заперта. Я вошла. Вы знаете, что я увидела. Она сидела в кресле, мертвая, с багровым и опухшим лицом. Все мои прежние мысли показались мне глупыми и мелодраматическими. Я поняла, что никогда бы никого не убила, если бы до этого дошло... Но поняла я и то, как трудно будет объяснить свое появление там. Вечер был холодный, руки у меня были в перчатках, поэтому я знала, что отпечатков не оставила. Ни секунды я не сомневалась и в том, что меня никто не видел. Вот и все, — завершила она свою исповедь и тут же спросила: — Что вы собираетесь предпринять по этому поводу?

— Ничего, — ответил Пуаро. — Желаю вам счастья в жизни, только и всего.

Эпилог

Эркюль Пуаро и суперинтендант Спенс отмечали успешное окончание дела в «La Vieille Grand' mere».

Когда подали кофе, Спенс откинулся на спинку стула и сыто вздохнул.

— Жратва здесь сносная, — одобрительно заметил он. — Не-

много офранцузенная, конечно, но где еще, скажите, можно найти порядочный бифштекс с хорошим картофелем?

— Я обедал здесь в тот день, когда вы в первый раз пришли ко мне.

— О, с тех пор много воды утекло. Надо отдать вам должное, Пуаро, вы опять оказались на высоте. — На обычно лишенном всякого выражения лице полицейского промелькнула легкая улыбка. — Наше счастье, что тот тип не догадывается, как мало в нашем распоряжении улик против него. Умный адвокат из нас котлету бы сделал! А он совсем потерял голову от страха и раскололся. Раскололся и выдал себя с головой. Нам повезло!

— Дело не только в везении, — с осуждением заметил Пуаро. — Я вываживал его, как вываживают большую рыбу! Ему казалось, что я принимаю улики против миссис Саммерхейз всерьез, а когда вдруг понял, что это не так, растерялся, потерял самообладание. Тем более что он обыкновенный трус. Стоило мне замахнуться, как он решил, что я собираюсь его ударить. В смертельном страхе всегда говорят правду.

— Ваше счастье, что вы не пострадали, когда самообладание потерял майор Саммерхейз, — с ухмылкой сказал Спенс. — Характерец еще тот. Горяч и прыток. Я едва успел встать между вами. Он уже простил вас?

— О, да, мы с ним теперь большие друзья. А миссис Саммерхейз я подарил кулинарную книгу и лично научил ее готовить омлет. *Bon Dieu*, чего я только у них не натерпелся!

Он прикрыл глаза.

— Запутанное дело, — задумчиво произнес Спенс, которого воспоминания Пуаро о перенесенных муках совершенно не трогали. — Лучшее подтверждение справедливости старинной поговорки: «Нет валега без секрета». Миссис Карпентер едва избежала ареста, заподозренная в убийстве. Никогда еще не видел, чтобы женщина так глупо себя вела, навлекая подозрения, и все из-за чего?

— Из-за чего?

— Обычная история: сомнительное прошлое. Ив работала профессиональной партнершей в дансинге — красивая девушка со множеством приятелей. В браке с военным летчиком не состояла, была, что называется, «неофициальной женой». Такой сноб, как Гай Карпентер, этого бы не потерпел, потому она и спела ему совсем другую песню. И страшно перепугалась, когда мы начали выяснять происхождение жителей Бродхинни, интересоваться их прежней жизнью.

Он отхлебнул кофе и негромко хохотнул.

— А Уэдерби! Мрачная семейка, сплошь ненависть и злоба. Нескладная, несчастная дочь. А что за этим? Деньги! Обыкновенные деньги.

— Так просто?

— Девушка богата, очень богата. Тетка ей наследство оставила. Вот мамаша и цепляется за нее: не дай Бог, та замуж соберется. А отчим ненавидит ее за то, что деньги у нее, она платит по счетам. Сам он, по-видимому, не преуспел ни в одном

из своих начинаний. Мерзкий тип. А женушка у него — яд в сахаре.

— Согласен с вами. — Пуаро удовлетворенно кивнул. — Это счастье, что у девушки есть деньги. Так ей легче будет выйти за Бентли.

Спенс удивленно посмотрел на него.

— Она собирается за Бентли? Дейдрре Хендерсон? Кто сказал?

— Я говорю, — ответил Пуаро. — И займусь этим делом. Теперь, когда наше дельце завершено, у меня много свободного времени. Вот и устрою их свадьбу. Правда, они пока об этом не знают, но друг другу нравятся. Вот увидите, дело выгорит!

Спенс ухмыльнулся.

— Вы считаете себя вправе запускать руку в чужой пирог, а?

— Моп шер, вам ли об этом говорить? — с упреком спросил сыщик.

— Поймали, Пуаро. Но все равно, Бентли — никчемный тип.

— Совершенно верно! Сегодня парень, наверное, удручен тем, что его не повесят, как обещали.

— Он на коленях должен вас за это благодарить.

— Скорее вас. Но он думает иначе.

— Странный мальчик.

— Пусть так, и тем не менее сразу две девушки проявили к нему интерес. Природа непредсказуема.

— Я думал, что вы хотели женить его на Мод Вильямс.

— Выбор за ним. Он сам — как вы говорите? — «вручит яблоко». Но, думаю, это будет Дейдрре Хендерсон. Мод чересчур для этого энергична, слишком жива. С ней он еще глубже уйдет в свою раковину.

— Не понимаю, что они могли в нем найти?

— Пути Господни неисповедимы.

— Все равно, у вас из этого ничего не выйдет. Сначала придется его довести до кондиции, потом вырвать девушку из когтей ядовитой мамыши — та не на жизнь, а на смерть будет за нее драться.

— Она одна, нас много. Победу всегда одерживают большие силы.

— На этот раз вы, наверное, имеете в виду большие усы, — расхохотался Спенс.

Пуаро самодовольно пригладил их и предложил коньяк.

— Не возражаю.

Пуаро сделал заказ.

— Да, чуть не забыл! — воскликнул Спенс. — Вы помните Ренделлов?

— Разумеется.

— Так вот, когда мы проверяли их, всплыли любопытные факты. Его первая жена умерла в Лидсе, где он ранее практиковал, после ее смерти в полицию пошли подлые анонимки, обвинявшие доктора в том, что он якобы отравил свою супругу. Подобные слухи не редкость. Лечил ее другой врач, с хорошей репутацией, в ее естественной смерти никто не сомневался. Проверили — никаких улик, разве что свои жизни они застрахо-

вали в пользу друг друга, но люди часто так поступают. В общем, зацепиться было не за что, и все же... Вы что по этому поводу думаете?

Пуаро припомнил, с каким страхом отнеслась к нему миссис Ренделл. Вспомнил ее слова об анонимных письмах и настойчивость, с какой она утверждала, что не верит написанному в них; как убеждена она была, что расследование смерти миссис Магинти служило ему лишь прикрытием истинной цели его приезда в Бродхинни.

— Мне кажется, анонимки получала не только полиция.

— Они тоже?

— Думаю, да. Когда я там появился, миссис Ренделл решила, что я охочусь за доктором, а смерть миссис Магинти для меня только ширма. Он тоже так думал... Теперь мне все ясно! Это доктор Ренделл пытался столкнуть меня под поезд!

— Как считаете, со второй женой он тоже попытается покончить?

— Полагаю, ей не стоит страховать свою жизнь в его пользу, — сухо ответил Пуаро. — Но если он верит, что за ним приглядывают, то это, вероятно, заставит его быть благоразумнее.

— Ну, а мы, со своей стороны, постараемся. Последим за ним, да так, чтобы он в этом не сомневался.

Пуаро поднял рюмку с коньяком.

— За миссис Оливер.

— Что это вам вдруг пришло в голову?

— Я вспомнил женскую интуицию.

Они помолчали немного, и Спенс тихо сказал:

— Суд над Апуардом на следующей неделе. Знаете, Пуаро, я все еще не уверен...

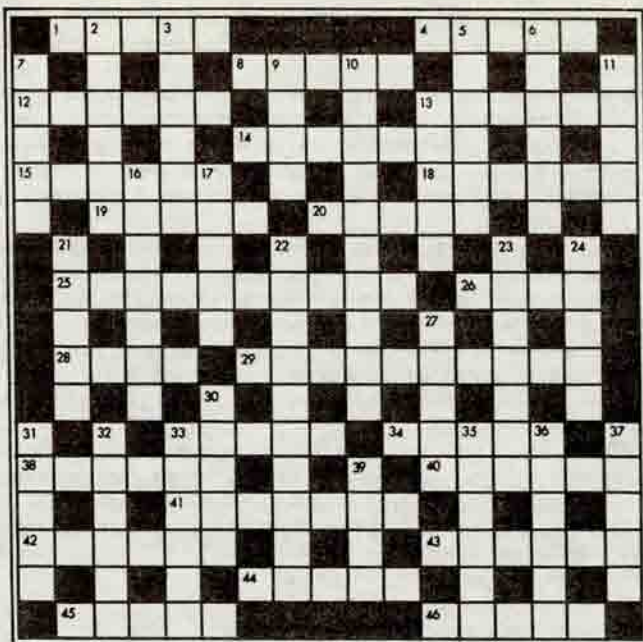
Пуаро с ужасом прервал его:

— Mon Dieu! Уж не сомневаетесь ли вы в виновности Робина? Скажите еще, что хотите начать все сначала.

Спенс успокоительно улыбнулся.

— Нет, клянусь Всевышним. Он — убийца, дерзкий и заносчивый.

**Перевод с английского
СЕРГЕЯ РАЮШКИНА.**

1. Барабанная ... — служака в русской армии, бездушный и суровый с подчиненными. 4. Религиозная секта, к которой принадлежала Кумранская община. 8. Страсть Н. Некрасова. 12. Представитель ордена, одна из максим которого гласит: «Мягко по образу действия, твердо по существу действия». 13. Испанский архитектор XVI века, создавший стиль десорнаментадо. 14. Третий день Масленицы. 15. Мораль басни «Лягушка и Вол» И. Крылова: «... такой на свете не один: и диво ли, когда жить хочет мещанин как именитый гражданин, а сошка мелкая — как знатный дворянин». 18. «Ах, эти мелочи! Как чесоточный ..., вливаются они в организм человека и точат и жгут его» (М. Салтыков-Щедрин. «Мелочи жизни»). 19. Одно из названий кавказского сафьянового башмака. 20. Остров, где землетрясение погубило одно из семи чудес света. 25. Ученый, изучающий старость и ищущий способы продлить жизнь. 26. Узелковое письмо инков. 28. Опора Саддама Хусейна на памятниках, стоящих по всему Ираку. 29. Взрывчатое вещество на основе опилок, торфа, угля. 33. Самое многочисленное копытное животное в Татрах. 34. «Единственный критик, чье суждение имеет ценность» (М. Твен). 38. Представитель высшего сословия Древнего Рима. 40. Человек в арабских странах, готовый пожертвовать собой ради идеи. 41. У язычников — капище, у христиан — 42. В русском свадебном обряде жених — князь, невеста — княгиня.

ста — княгиня, гость — 43. Писатель, занимающий второе место в мире по числу музыкальных произведений, написанных на его тексты и сюжеты. 44. Галерея, терраса на колоннах или столбах в среднеазиатских жилищах и мечетях. 45. «Солнечное вещество». 46. Пастушья собака, национальная гордость Франции.

По вертикали:

2. «А уж ловок-то, ловок-то был, как бес» (лермонтовский персонаж). 3. Дворецкий, основавший в 1648 году в Андреевском монастыре Москвы Братство — первую духовную школу. С нее началась отечественная гуманитарная наука. 5. Птица, чьи перья на шляпках — дамы к моменту написания Блоком «Незнакомки» — лет десять уже не носили. 6. Автор приключенческой повести «Третий глаз Шивы» (имя). 7. «Танцующий актер», возобновивший балет М. Фокина «Видение розы». 9. Гражданский календарь мая. 10. Наука о питании. 11. Угольная пыль, чернящая лица шахтеров в забое. 13. Каждое из заморских животных в зоопарке. 16. Австрийский писатель, вместе с Гоголем и К. Прутковым наиболее любимый Д. Хармсом. 17. Ткань, из которой была одежда молодого парня «с густыми черными бровями» в рассказе А. Чехова «Счастье». 21. Город в Японии, центр национального парка Йодо. 22. Князь, вдохновивший М. Цветаеву на создание поэтического цикла «Ученик». 23. Библейский основатель Вавилона, страстный и неутомимый зверолов. 24. Татарское племя, кочевавшее по местам, где zaloжили город Томск. 27. Диковинное животное, встреченное однажды садовником Фабра на дороге из Тулона. Это в сопровождении охраны и пяти дойных коров вели в Парижский зоопарк подарок египетского паши. 30. Микроэлемент. Из-за его повышенного содержания в почве пастбища лысеют овцы. 31. Настоящая фамилия русской писательницы Александры Толковой, работавшей в лазарете гарибальдийцев. 32. Адыгейцы — «Нарты», азербайджанцы — «Кер-оглы», ... — «Давид Сасунский». 33. Курятина, орехи и острые приправы (грузинское блюдо). 35. Французский художник, которого ко времени его первого причастия Шарль Гуно включил в хор при храме святого Роха. 36. Один из создателей письменности. Перевел на литовский язык «Катехизис» — первую книгу, изданную на этом языке. 37. Богиня, от прозвища которой Монета — Советчица — названы металлические деньги. 39. Принадлежащий Франции остров в Коралловом море.

281

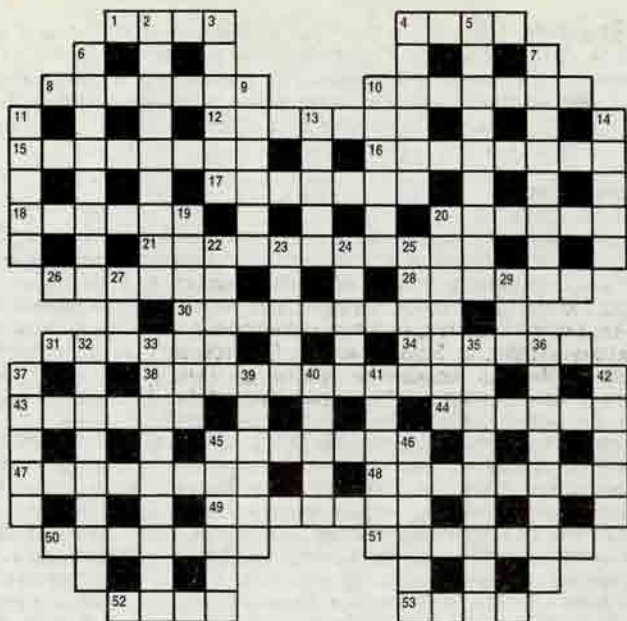
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

1. Пика. 5. Мерв. 8. ...Юрьев... 9. Бакунина. 10. Погреб. 12. Гость. 13. Форзац. 15. Железо. 16. ...деревня... 20. Чка. 22. Зависть. 23. ...энтузиаст... 25. Стрелочко. 27. Шамозит. 28. Ион. 32. Манекен. 36. Стукач. 37. Террор. 38. Каток. 40. Дорада. 41. Нюрнберг. 42. Хинди. 43. Оанн. 44. Этюд.

По вертикали:

1. Пекари. 2. Конрад. 3. ...праотец... 4. Лейтенант. 6. Еловец. 7. Верветка. 8. Юнг. 9. Буфа. 11. Бром. 14. Центнер. 17. Лапти... 18. Силен. 19. «Мусагет». 20. Чирок. 21. Аспид. 24. Аквamarin. 26. Ромуардо. 29. ...Секонда... 30. Усад. 31. Шарден. 33. Нернст. 34. ...Яркенд... 35. Друг. 39. Кюи.

КРОССВОРД
Составил
А. СОРОКА,
Полтава

По горизонтали:

1. Морской узел в виде шара. 4. День с народов Сибири на Руси. 8. Основная ученая специальность Н. Вавилова. 10. «Хромой» стих древнегреческой поэзии. 12. Древний город на территории Ирака. Геродот считал его самым красивым в мире. 15. Знаменитый советский футбольный тренер. 16. Ряд монархов, сменяющих друг друга по наследству. 17. Любимая деревенская работа С. Есенина. 18. Кустарник, чья ветка традиционно украшает женскую прическу в Индии. 20. Южноамериканская саванна. 21. Японский кустарник, словно созданный для живых изгородей. 26. Базовое слово, игра. 28. Часть поединка в бейсболе. 30. Деталь душа в ванной комнате. 31. Летит орлица по синему небу, крылья распластала, солнышко застлала (загадка). 34. Мнение, суждение о качестве, характере. 38. Самый маленький моллюск. 43. Туристский район с озером Селигер. 44. Город на юге Ганы. 45. Специальность машиностроителя. 47. Житель столичного города на Куре. 48. Мот. 49. Род искусства, примененный в украшении зданий в Бухаре и Самарканде. 50. Киргизский поэт, переведший на родной язык поэму А. Твардовского «Василий Теркин». 51. Одно из русских названий черта. 52. «...коварного пророка вещали гибель и обман, и обратились силы рока на суевверных мусульман» (А. Полежаев. «Чир-Юрт»). 53. Отличительный признак голоса, пения Владимира Высоцкого.

По вертикали:

2. Женщина в амазонке. 3. Категория, определяющая эффективность откорма животных. 4. Литовский пролетарский поэт. 5. Советский физик-ядерщик. 6. Одежда Хаджи-Мурата в повести Л. Толстого. 7. Ангелина — трактористка, Бусыгин — кузнец, ... — обувщик, Стаханов — шахтер. 9. ... де Вака — испанский конкистадор, первым пересекший Северную Америку с востока на запад. 10. Тигренок, талисман Олимпиады 1988 года. 11. Стоящее на Сене судно, на котором живет киноактер Пьер Ришар. 13. Имя футболиста Нетто. 14. Ленточка-закладка в книге. 19. Русский полководец, автор изречения: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет». 20. Китайский город на Великом канале. 22. Укрытие Леоноры и Манрико, осажденное графом ди Луна, в опере Верди «Трубадур». 23. Неизменный атрибут ковбоя. 24. Автор «Интернационала». 25. Представитель большой группы народов, живущих в странах Восточной Африки. 27. Торжественный вечер с танцами. 29. Электрически заряженная частица в растворе. 32. Настольная игра, в которую хорошо играл В. Маяковский. 33. Близкий родственник нарцисса. 35. Курорт в Ставропольском крае. 36. Кондитерское изделие. 37. Увлечение В. Белинского. 39. Советский композитор и фольклорист. 40. Мешок, из которого лошадь ест овес. 41. Часть внутреннего уха. 42. Большая грузовая лодка у эскимосов. 45. Возлюбленная Зевса, изображенная на картинах Тинторетто. 46. Немецкий живописец и график, друживший с Мартином Лютером.

ОТВЕТЫ

ЧА
КРОССВО
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 7

По горизонтали:

1. Суматра. 7. Сбелиск. 12. Смола. 1. Лабиринт. 15. «Уложение». 16. Почта. 18. Каир. 19. Фагот. 20. Чрево... 21. Скат. 23. Лемех. 26. Золото. 27. Кипарис. 28. Дуриан. 32. Гемма. 33. Черевички. 36. «Манас». 38. Акант. 39. Ультрамарин. 40. Ершов. 42. Унция. 43. Пастернак. 44. Стопа. 50. «Ателье». 51. Комаров. 54. Гример. 56. Банан. 58. Ядро. 59. Марал. 60. Кефир. 61. Изюм. 63. Телец. 65. Иероглиф. 66. Парфенон. 67. «Вилка». 68. Захаров. 69. ...бальзам.

По вертикали:

2. Умбриэль. 3. Агра. 4. Ронсар. 5. Имхотеп. 6. Глетчер. 8. Булава. 9. Лыжи. 10. Санскрит. 11. Глюкоза. 13. Рейтинг. 16. Голис. 17. Архипелаг. 22. Отвес. 24. Матенадаран. 25. Бурка. 29. Смальта. 30. Финифть. 31. Каира. 32. Галоп. 34. Икона. 35. Энный. 37. Стереобат. 41. Вальс. 42. «Упырь». 45. Шаляпин. 46. Петрарка. 47. Гонец. 48. Амазонка. 49. Грумант. 52. Малевич. 53. Ракетка. 55. Казино. 57. Цикада... 62. Игла. 64. Юфть.

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

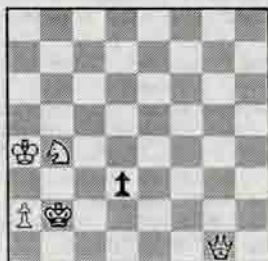
Продолжаем публикацию итогов международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр журнала «Смена» за 1992 год.

В конкурсе трехходовок приняло участие 164 задачи 79 авторов (опубликовано 44). Из конкурса исключаются задачи №№ 15, 22—25, 34, 46, 60 из-за предшественников, №33 — из-за побочного решения. Данное присуждение — предварительное. Замечание следует присылать в течение двух месяцев со дня публикации итогов, после чего они вступают в силу.

I—II призы (на равных)

42. Ан. КУЗНЕЦОВ

г. Реутов Московской обл.

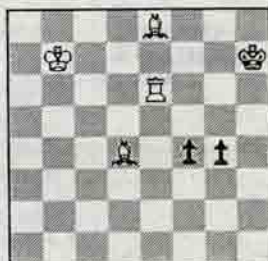
1. Фe3? d2 2. Фb3 Кра1 3. Кc2х,
1...Крb1 2. Фd2 Кра1 3. Фc1х; но
1...Крc3!
1. Крb5! Крc3 2. Фf2 d2 3. Фf6х, 1...d2
2. Фd1 Крc3 3. Фа1х.

Перемена игры с правильными матами и хорошими выступлениями в обеих фазах!

I—II призы (на равных)

97. Н. ЗИНОВЬЕВ

г. Усть-Каменогорск

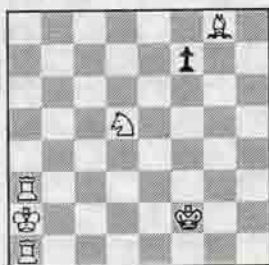
1. Ле1!~2. Лh1 Крg8 3. Лh8х,
1...Крg8 2. Сg6 Крf8 3. Ле8х.
1...Крh6 2. Лh1 Крg5 3. Лh5х.

Хорошее выступление ведет к игре, заканчивающейся тремя правильными эхо-матами. Миражи еще двух таких же матов мелькают в ложных следах 1. Сh5? и 1. Cf7?

III приз

98. В. КОЖАКИН и О. САКС

г. Магадан

1. Kf4? f6 2. Cc4(d5) f5 3. Lf1(f3)х.
1. Kf6! Kpe2 Ke4 2. f5 3. Cc4х, 1...Kpg2
2. Kg4 f5 3. Cd5х.

Ложный след со скорейшей расчисткой диагонали a2—g8 для стоящего в задаче слона g8 опровергается патовой защитой: конь на f4 блокирует пешку, продвинутую на f5. Тогда белые блокируют ее «в зародыше»! Кажется, свой же слон совсем вне игры. Но именно этот парадоксальный путь ведет к цели! Отличная «сюжетная» композиция!

1-й почетный отзыв — задаче № 14 **Д. Комарова** и **С. Шедея** (Харьков). Параллельное движение двух белых ладей через всю доску (одна из них жертвуется для свободного продвижения другой!) производит приятное впечатление.

2-й почетный отзыв — задаче № 5 **С. Захарова** (Санкт-Петербург). Белая пешка g7 преграждает путь своему ферзю. Она самоустраняется путем превращения в коня с последующей его тихой жертвой.

3-й почетный отзыв — задаче № 56 **В. Иванова** и **Н. Шишкина** (Карелия). Первым ходом к трем свободным полям черному королю добавляется еще два! В двух главных вариантах вторые и третьи ходы решения чередуются. (Задача была ошибочно напечатана с б. Kрс3 вместо с2.)

4-й почетный отзыв — задаче № 8 **В. Антипова** (г. Боровичи). Комплекс трех правильных матов с геометриче-

ской переменной одного из них в ложных следах.

5-й почетный отзыв — задаче № 71 **В. Антипова** (г. Боровичи). Перемена игры на шахи белому королю.

1-й похвальный отзыв — задаче № 6 **В. Марковция** (Украина).

2-й похвальный отзыв — задаче № 16 **В. Кожакина** (Магадан).

3-й похвальный отзыв — задаче № 55 **Д. Гижко** (г. Чернигов).

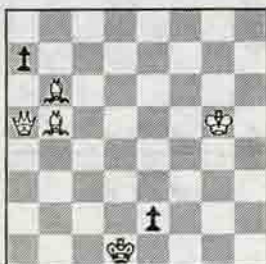
4-й похвальный отзыв — задаче № 58 **Л. Грольмана** (г. Казань).

5-й похвальный отзыв — задаче № 7 **С. Демидюка** (Брест) и **В. Кожакина** (Магадан).

Специальный приз

59. М. МАРАНДЮК

Черновицкая обл.

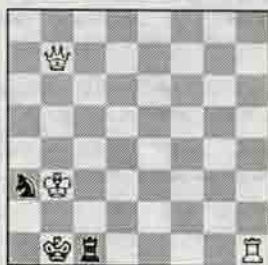
1. Фа2! (2. Ce3) e1Ф 2. Ca4, 1...e1K
2. Ce2, 1...ab 2. Фb2 e1Ф 3. Ca4х,
2...e1K 3. Ce2х.

Оригинальная авторская идея: раздвоенный «хвост» третьего, «объединяющего» варианта — точная копия начала двух первых.

Специальный почетный отзыв — задаче № 57 **Ан. Кузнецова** (г. Реутов). Миниатюрное оформление известной задачи С. Лойда «Погоня любви». Неприятна дуаль в угрозе — 2.Фg1(h1).

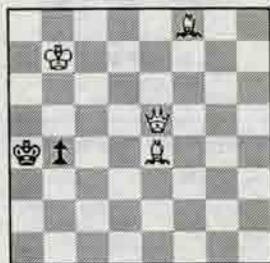
Специальные похвальные отзывы (на равных) — задачам № 4 **А. Зарха** (Рига) и № 72 **В. Самило** (Харьков).

52. Б. БЫЛЕВСКИЙ
Ульяновск

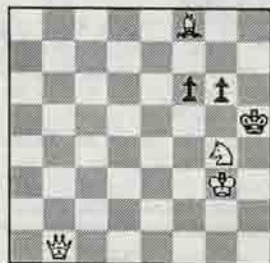
Мат в 2 хода

53. В. МАТЗУШ
г. Старая Русса

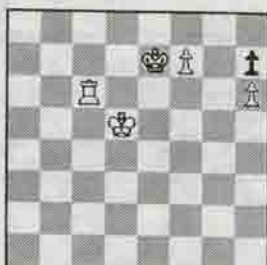
Мат в 2 хода

54. М. МАРАНДЮК
Черновицкая обл.

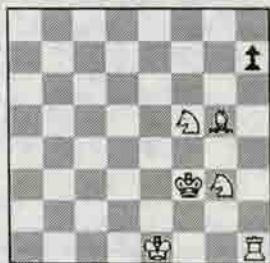
Мат в 2 хода

55. В. МЕЛЬНИЧЕНКО
г. Котовск Одесской обл.

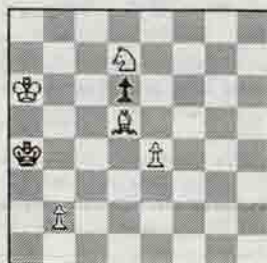
Мат в 3 хода

56. А. МУЗЫКА
Винница

Мат в 3 хода

57. В. ИВАНОВ
Карелия

Мат в 7 ходов

«СМЕНА»-94

В первом полугодии мы предполагаем опубликовать: новую повесть Николая Леонова «Наемный убийца» с полюбившимся читателям главным героем — полковником МУРа Львом Туровым, фантастический роман Коллина Уилсона «Космические вампиры», детектив Эрла Стенли Гарднера «Секрет падчерицы», мистические бестселлеры Джеффри Конвица «Страж II» и Роберта Кука «Сфинкс» и другие произведения.

р. СП-I

АБОНЕМЕНТ на 70820
журнал (индекс издания)

«СМЕНА»

Количество комплектов

I

на 1994 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА

70820
на журнал (индекс издания)

ПВ

место

ли-тер

на журнал

«СМЕНА»

Стои-мость

подписки пере-адресовки

руб.
руб.

коп.
коп.

Количество комплек-тов

I

на 1994 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

«СМЕНА»-94

Это 990 рублей за один номер, 2970 — за три, полугодовая подписка — 5940 рублей (цены указаны без стоимости доставки). Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи, но если вы хотите получить журнал с января, постарайтесь оформить ее до 10 октября.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

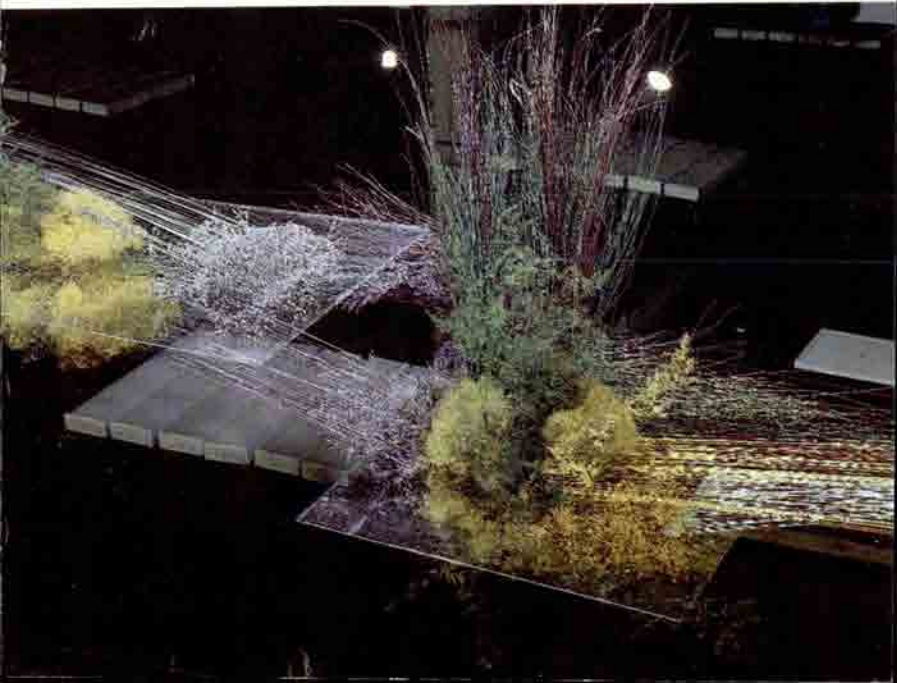
При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи.

Работы художников **ТАТЬЯНЫ БАХАРЕВОЙ** и **ЛИДИИ ДОРМАШЕВОЙ**. (Читайте стр. 157.)

ИНДЕКС 70820

ЛЕВ ЛЕЩЕНКО

Музыкальная антенна представляет: